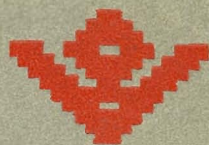


СЛАВЯНСКИЙ  
И БАЛКАНСКИЙ  
ФОЛЬКЛОР



ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

*Институт славяноведения и балканистики*

СЛАВЯНСКИЙ  
И БАЛКАНСКИЙ  
ФОЛЬКЛОР

---



---

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА 1971

**Редакционная коллегия:**

**Л. Н. ВИНОГРАДОВА, Ю. И. СМИРНОВ,  
И. М. ШЕПТУНОВ (ответственный редактор)**

**СЛАВЯНСКИЙ И БАЛКАНСКИЙ ФОЛЬКЛОР**

*Утверждено к печати*

*Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР*

Редактор *А. Е. Сидоренко* Редактор издательства *Г. В. Шелудько*  
Художественный редактор *Н. Н. Власик* Художник *И. И. Каледин*  
Технический редактор *Т. И. Анурова*

Сдано в набор 7/VIII 1971 г. Подписано к печати 17/XI 1971 г. Формат 60×90<sup>1/8</sup>  
Бумага № 2. Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 2900 экз.  
Т-17285. Тип. зак. 2801. Цена 1 р. 11 коп.  
Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21  
2-я типография Издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

7-2-2

134-71(II)

Издавая свой первый сборник, специально посвященный славянскому и балканскому фольклору, Институт славяноведения и балканистики АН СССР ставит перед собой задачу разработки ряда актуальных фольклористических вопросов. Центральное место среди них занимает проблема общего и специфического в пределах славянского или балканского фольклорного ареала. Строго последовательное изучение фольклора славянских и балканских народов, связанных родством или длительным совместным проживанием, сходством пройденных этапов исторического развития и единством народных культур, принимается нами в качестве исходного методологического принципа.

Общее и специфическое в фольклоре, очевидно, может быть показано только как устойчивость и изменчивость соответствующих объектов исследования. Именно эволюционная соотносимость фольклорных произведений славянских и балканских народов позволяет раскрыть их историю, истоки, этапы общности, степень самостоятельной разработки этих произведений каждым народом.

Объектами исследования авторы сборника избрали эпические и обрядовые песни, волшебные сказки и пословицы, сосредоточив внимание на дискуссионных или малоизученных аспектах.

Е. П. Наумов выявляет связи южнославянских эпосов с историей народов, отмечая определенные в этом плане упущения со стороны фольклористов.

В статье С. Н. Азбелева предпринята попытка установить генетические и типологические переключки славянских эпических песен по поводу двух великих битв XIV в.— на Куликовском и Косовом полях.

Б. Н. Путилов показывает значение второго сюжетного плана славянских эпических песен, который до сих пор практически не изучался.

Эволюционной соотносимости сходных описаний (типических мест) в славянских эпических песнях посвящена статья Ю. И. Смирнова.

Любопытные музыкальные параллели между болгарскими и южнорусскими обрядовыми песнями открывает С. Н. Кондратьева. Хотелось бы добавить, что и среди севернорусского населения (Новгородская и Вологодская области) бытуют произведения, напевы которых, по-видимому, эволюционно соотносятся с материалом С. Н. Кондратьевой. Мы имеем в виду так называемые «лесные» частушки с музыкальным ауканьем. Их поют, перекликаясь таким образом между собою, женщины только в лесу, при сборе грибов и ягод. Бытование «лесных» частушек обнаружено лишь летом 1970 г. Музыкальные иллюстрации приводились московским музыковедом А. А. Баниным в декабре 1970 г. на Всесоюзной конференции «Современное состояние народного творчества» (Новгород).

В статье Л. Н. Виноградовой рассматриваются композиционные особенности славянских колядок, выявляются общие типы композиции и последовательность их создания.

Во второй статье Ю. И. Смирнова на примере перекличек восточнороманских и славянских эпических песен ставится вопрос о значении славянского фольклора для исследования балканской эпической общности. Отметим также, что обнаружение славянского фольклорного субстрата в творчестве балканских народов очень важно и для восстановления истории собственно славянского фольклора, для определения и хронологизации древних пластов славянской эпики. А это в свою очередь, быть может, помогло бы решить некоторые загадки славянского этногенеза, например, проблему антов и их духовного наследия. Естественно, что эти вопросы надлежит разрабатывать лишь с предельно возможным учетом фольклорного материала, а не на основе незначительного числа произведений.

Систематизация материала до сих пор остается самым уязвимым местом фольклористики. Помещенный в сборнике указатель белорусских волшебных сказок, сделанный Л. Г. Барагом, приближает нас на один шаг к созданию общеславянского сказочного указателя. Ценность указателя Л. Г. Барага состоит в том, что в нем систематизация белорусских сказок выполнена на двойном сопоставительном фоне: на сказочном фоне ближайшего к белорусам этнического окружения и на широком индоевропейском сказочном фоне.

В сообщении А. М. Жигулева рассматриваются русские, болгарские и польские пословицы, описывается их тематическое сходство и подчеркивается тождество примененных в них поэтических приемов.

Редколлегия выражает надежду, что затронутый в сборнике круг вопросов и тем привлечет внимание фольклористов и представителей смежных наук и будет способствовать дальнейшему изучению богатого фольклорного наследия славянских и балканских народов.

## ЮЖНОСЛАВЯНСКИЙ ЭПОС И ПРОБЛЕМЫ СЕРБСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Е. П. Наумов

Проблемы историчности южнославянской эпической поэзии, соотношения и связи эпоса с историческим прошлым балканских славян, выяснение исторической основы содержания эпических песен и достоверности отображения реальных событий и лиц в эпической традиции народа, осмысление их и трансформация в народной поэзии, влияние этой эпической картины прошлого на другие области народного творчества, на процесс формирования национальной идеологии южных славян<sup>1</sup> — все эти вопросы неоднократно освещались или затрагивались в той или иной мере многими учеными (историками, литературоведами, фольклористами) разных стран, обращавшимися к материалам южнославянского фольклора, прежде всего — к сербскому и болгарскому эпосу. Среди почти необозримой литературы по данному кругу проблем можно найти и специальные исследования, посвященные отдельным песням или же целым циклам (например косовскому циклу, песням о Кралевице Марке)<sup>2</sup>, и работы, рассматривающие

<sup>1</sup> См., например: С. А. Никитин. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале). Сб. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968, стр. 75—76; М. Динић. О Трешном родо-слово. Београд, 1931; и др.

<sup>2</sup> См., например: С. Новаковић. Српске народне песме о боју на Косову. «Годишњица Н. Чупића», кн. II. Београд, 1878, стр. 97—177; И. Руварац. Цар-Немање благо. (Приложак испитивању српских народних песама). «Зборник Илариона Руварца», св. I. Београд, 1934, стр. 524—529; М. Г. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. (Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа), т. 1—4. Варшава, 1893—1896; Гавриловић. Историјска сећања у неким народним песама о Краљевићу Марку. «Глас Српске краљевске Академије», LVIII (37). Београд, 1900, стр. 115—141; Јов. Н. Томић. Мотиви у предању о смрти краља Вукашина. «Статьи по славяноведению», вып. I. СПб., 1904, стр. 170—183; он же. Историја у народним епским песама о Марку Краљевићу, I. Песме о Муси Кесефији и њему Брђанину. Београд, 1909; В. Ђоровић. Милош Војиновић. «Зборник у част Богдана Поповића». Београд, 1929, стр. 110—115; С. Матић. Порекло косовских песама кратког стиха. «Зборник Матице Српске за књижевност и језик». Нови Сад, кн. I, 1954, стр. 7—

доступный для объяснения материал исторических песен и в связи с этим — историческую достоверность сохранившихся эпических комплексов<sup>3</sup>. В этих работах, не всегда равноценных и нередко повторяющих друг друга в истолковании исторических прототипов эпических образов, различные сюжеты песен и их циклов уже сопоставлены со свидетельствами исторических первоисточников (среди подобных сюжетов особое место занимает так называемая Косовская легенда, рисующая битву сербов с турками-османами на Косовом поле в 1389 г.). Авторами этих трудов проведена идентификация многих песенных героев с реально существовавшими личностями периода сербского средневековья, высказано немало ценных соображений и гипотез относительно историзма эпоса в целом. Немалые заслуги в исследовании всей этой проблематики принадлежат видным представителям так называемой критической школы сербской буржуазной историографии (Ст. Новаковичу, Ил. Руварцу, Йов. Томичу). Эту работу продолжают современные югославские историки, которые обращаются к фольклорным материалам<sup>4</sup>. Недавно появились издания средневековых источников, отразивших сюжеты песен той поры<sup>5</sup>. Не ослабевает интерес историков и фольклористов СССР к эпической тематике (прежде всего к русским былинам). Новые работы отечественных исследователей вызвали интересную дискуссию<sup>6</sup>.

25; *Тр. Букић*. Први извори и развој косовске етике у стварању епопеје о Косову. «Трећи конгрес фолклориста Југославије». Цетиње, 1958, стр. 101—105; *Б. Крстић*. Постанак и развој народних песама о Косовском боју. «Трећи конгрес фолклориста Југославије», стр. 83—99; *Н. И. Корнеева*. Образ Крали-Марко в болгарских народных песнях. «Литература славянских народов», вып. 7. М., 1962, стр. 144—177; и др.

<sup>3</sup> См., например: *Н. Гальковский*. Сербский народный эпос. Сумы, 1897; *П. Попович*. Обзор истории сербской литературы. СПб., 1912; *Н. И. Кравцов*. Сербские юнацкие песни. «Сербский эпос». М.—Л., 1933; *он же*. Сербский эпос и история. «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 90—107; *он же*. Идеиное содержание сербского эпоса. «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. XIII, 1951, стр. 303—360; *он же*. Сербский эпос, т. I—II. М., 1960; *В. Бурић*. Српскохрватска народна епика. Сарајево, 1955; *он же*. Антологија народних епских песама, т. I. Нови Сад—Београд, 1958; *М. Браун*. Историческая действительность в южнославянской народной эпической поэзии.—«Известия АН СССР», серия литературы и языка, т. XVII, вып. 6, 1958, стр. 527—533; *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Эпос сербского народа. М., 1963 [ср. ред. Н. И. Кравцова: «Вестник МГУ» (филология), 1966, № 2, стр. 73—79]; *он же*. Косовская легенда. «Известия АН СССР», серия литературы и языка, т. XXIII, вып. 3, 1964, стр. 213—228; и др.

<sup>4</sup> *М. Динић*. Реља Охмучевић. (Историја и предање). «Зборник радова Византолошког института», кн. IX. Београд, 1966, стр. 95—117; и др.

<sup>5</sup> См., например: *Константин Михайлович из Островице*. Јаничарове успомене или Турска хроника. Београд, 1959, стр. XXXI—XXXII, XXXIX—XLI; «Бранковићев летопис». Београд, 1960; и др.

<sup>6</sup> См., например: *Б. А. Рыбаков*. Древняя Русь. (Сказания. Былины. Летописи.) М., 1963; *В. Б. Вилинбахов*, *Н. Б. Энгелатов*. Где была «Индия» рус-

Вместе с тем состояние и изученность проблем истории балканского фольклора, в настоящее время, на наш взгляд, все же нельзя признать вполне удовлетворительными. Существует немало разногласий в оценке историзма эпоса (как русского, так и южнославянского). Одни авторы практически отрицают присутствие в этом жанре народного творчества реальных исторических сведений, ссылаясь на мифологические мотивы эпоса, анахронизмы, ведущие происхождение из отдаленных времен первобытно-общинного строя<sup>7</sup>. Другие исследователи признают эпос в известной мере отражением исторической действительности.

Югославский историк В. Чорович, не раз обращавшийся к проблемам сербского фольклора, на основании анализа образа Милоша Воиновича (из хорошо известной песни «Женитьба царя Степана») и его исторического прототипа — сербского феодала XIV в., писал, что «применительно к Воиновичам и их позиции в народной песне есть достаточно реального». И далее, говоря о проблеме историзма эпоса в целом, В. Чорович утверждал: «Мы находим, что этих исторических элементов, считая в том числе все наше наследие прошлого — и политическое, и культурное, и литературное, — имеется гораздо больше, чем это считалось до сих пор»<sup>8</sup>.

Продолжая свою мысль, он отмечал, что многие мотивы и образы эпоса, «которые охотно истолковывали лишь мифическими элементами, имеют часто конкретно-исторические исходные точки. Найти их и установить — не всегда легко и надежно; больше, чем в других случаях, тут нужны и большая начитанность, и много разных, нередко и весьма сложных методов работы. Мы охотно признаем, что исключительно исторический метод недостаточен для решения [этих проблем.— Е. Н.], но работать без него — значит лишиться тех драгоценных сведений, которые могут указать эпоху или среду, о которых говорят песни, или когда они возникли. Вина в немалой мере лежит и на самих истори-

ских былин? Сб. «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965, стр. 99—108; В. Я. Пропп. Об историзме русского фольклора и методах его изучения. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», вып. 339, серия филологических наук, вып. 72. Русская литература, 1968, стр. 5—25; Р. С. Липец. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. О дискуссии по поводу книги Б. А. Рыбакова и его полемики с В. Я. Проппом и Б. Н. Путиловым см. также сб. «Источниковедение. (Теоретические и методические проблемы)». М., 1969, стр. 440—441 (в статье А. А. Зимина «Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси»), ср. там же, стр. 43, прим. 142 (в статье С. О. Шмидта «Современные проблемы источниковедения»).

<sup>7</sup> См., например: И. Н. Голенищев-Кутузов. Эпос сербского народа, стр. 237—242 [ср. критику Н. И. Кравцова: «Вестник МГУ» (филология), 1966, № 2, стр. 79, а также названные в прим. 6 работы].

<sup>8</sup> В. Чоровић. Милош Воинович, стр. 114. Ср. также: Д. Костић. Песма о верном слуги. (Прилог проучавању народног епског песништва нашега.) «Глас Српске краљевске академије», CLXVIII (86), 1935, стр. 137—199.



ках, и не на ком другом, как на самом Руварце,— потому что они, не использовав до конца все свои средства, прибежали к другим комбинациям. Задача исторической науки в этих исследованиях вполне ясна: она должна создать основу для дальнейших изысканий специалистов из других областей, разъяснив материалы [исторических источников.— *Е. Н.*] и, насколько это возможно, установив факты»<sup>9</sup>. Со многими из положений В. Чоровича, как нам кажется, нельзя не согласиться. Следует отметить, что вообще проблемы сербского эпоса (особенно в последнее время) слишком мало привлекали внимание историков, изучающих политические и социально-экономические проблемы сербского средневековья и вопросы истории культуры и общественной мысли той поры.

В связи с существованием серьезных разногласий в оценке историчности сербского эпоса в целом имеются немаловажные пробелы и недостатки в конкретных исследованиях этого круга вопросов. Прежде всего фактически почти полностью прекратилась дальнейшая работа по выделению и анализу реальных исторических сведений и имен в эпических песнях (работа, основанная на изучении не только известных ранее, но и лишь недавно открытых исторических свидетельств и памятников)<sup>10</sup>. Закономерным следствием этого является и нередкое повторение в работах последних лет ряда ошибочных положений (например, утверждения о существовании некоторых мнимых «анахронизмов» и т. д., о чем мы подробнее скажем ниже). Во-вторых, до сих пор не произведено надлежащего уточнения имеющихся в литературе идентификаций эпических героев и их фольклорных оценок на основе детально рассмотренных исторических фактов (в особенности тех исторических деятелей, которые послужили прототипами эпических образов, например короля Марка и др.). Не проверены на материале первоисточников анахронизмы (действительные и мнимые), которые обнаружены многими исследователями в эпических песнях.

Наконец в настоящее время в данной области исследований балканского фольклора нет и попыток воссоздания и осмысления (хотя бы в порядке гипотезы) в целом процесса отображения средневековой истории южных славян в эпосе. В известной мере

<sup>9</sup> В. Чоровић. Милош Војиновић, стр. 114—115.

<sup>10</sup> См., например: Р. Ковијанић и И. Стјепчевић. Културни живот старогa Котора (XIV—XVIII вијек), кн. I. Цетиње, 1957, стр. 141—151 (об эпическом кузнеце Новаке и его возможном прототипе — мастере-мечнике Новаке, жившем в Которе во второй половине XIV в.); К. Балабанов. Новооткриени портрети на кралот Марко и кралот Волкашин во Марковиот манастир. «Културно наследство», III. «Културно-историско наследство во СР Македонија», IX. Скопје, 1967, № 3, стр. 47—66; М. Ивановић. Новооткриени натпис Краљевића Марка у Призрену. (Шта сведоче древни дани?) «Политика», 14.IV 1968, стр. 18; и др.

такие цели ставили многие ученые XIX и XX вв., а в наше время, например, Б. А. Рыбаков в работе над русскими былинами. По нашему мнению, такой хронологически последовательный параллельный анализ эпических текстов (посвященных той или иной эпохе или заслуживающих внимания событиям) и соответствующих исторических первоисточников обещает немало и для исследователей балканского народного поэтического творчества, и для историков. Такое направление работы (даже при изучении отдельных песен или их комплексов) позволит выделить исторически более достоверные песни. Их мы можем с соответствующими оговорками назвать «первоначальными» или более близкими к описываемым событиям лицам. Это откроет возможность не только для исследования и использования эпоса как исторического источника (разумеется, не перворазрядного и не всегда надежного), но и для более глубокого анализа процессов генезиса эпической поэзии, в частности, вопроса о времени появления известных нам эпических циклов, отображающих события XIV—XV и последующих веков. Такое изучение позволит судить о путях эволюции эпических песен и их роли в отборе народной поэтической мыслью определенных образцов и тем самым о создании с помощью фольклора исторических представлений, исторической идеологии широких народных масс южнославянских стран в XVIII—XIX вв.

Вполне понятно, что в данном случае совершенно необходимо всестороннее сопоставление эпических текстов с материалами нарративных памятников XIV—XVIII вв. (похвальных слов, житий, летописей, родословов) и с историко-художественными произведениями (первыми гербовниками и т. п.). Это в свою очередь, как нам представляется, дало бы известные основания и для гораздо более обстоятельного рассмотрения вопроса о судьбе так называемых исторически достоверных песен, более или менее точно отображавших исторические события и созданных, быть может, вскоре после них. Такое сравнительно-историческое изучение этого жанра позволило бы более уверенно судить о возможности сохранения (до XVIII—XIX вв.) некоторых вариантов и мотивов довольно архаичной эпической традиции, которые избежали резких трансформаций и изменений после своего возникновения и не смешались с более поздними и исторически гораздо менее достоверными эпическими комплексами и темами. В числе таких поздних легенд можно назвать и Косовскую легенду, и пользовавшиеся необычайной популярностью до конца XIX в. сказания о мнимой измене Вука Бранковича, о злодейском убийстве царя-мученика Уроша узурпатором Вукашином и др.

В данной статье мы коснемся лишь некоторых вопросов этой чрезвычайно многогранной и широкой проблематики, ограничиваясь прежде всего сюжетами одного из наиболее важных периодов истории сербского средневековья — эпохи распада Серб-

ского царства времен Стефана Душана, создания на его территории множества новых феодальных государств и уделов, очень скоро оказывающихся в силу этой раздробленности под ударом османских завоевателей. Этот исторический рубеж — вторая половина XIV в. — является, как отмечали многие исследователи сербского фольклора, и весьма значительным в развитии сербского эпоса, поскольку именно в эту пору, видимо, начали возникать первые песни, предвещавшие своей тематикой известные нам циклы (косовский, песен о Марке и Вукашине) и постепенно вытеснявшие старые поэтические сказания и память о прежней династии Неманичей<sup>11</sup>. Песни о Неманичах малочисленны и не достоверны. Дошедшие до нас произведения этого цикла, без сомнения, довольно позднего (вероятно церковного) происхождения. Косовский же цикл, возникший в известной нам форме, видимо, также в XVIII в.<sup>12</sup>, достаточно хорошо изучен. Все это заставляет нас обратиться к песенным текстам, отображающим времена наследника Душана — царя Уроша V и других современных ему феодальных правителей (Вукашина, Марка, Балшичей, Вука Бранковича и др.), нуждавшихся, очевидно, для обоснования своей власти в славословиях и блестящих генеалогиях, отражавшихся затем в известной мере и в эпосе народа<sup>13</sup>.

Вполне естественно, что, обращаясь к эпическим текстам, посвященным событиям сербской истории второй половины XIV в., мы должны проследить основные тенденции политической истории тех земель, которые входили в Сербское царство времен Душана.

Как известно, уже вскоре после смерти Душана (20 декабря 1355 г.), в 1356 г. вспыхивает ожесточенная междоусобная борьба различных группировок господствующего класса (сербских, греческих, албанских феодалов, нобилей Сербского приморья), которая привела к распаду этого военно-административного объединения разных областей. Они отличались друг от друга этническим составом, экономическими связями и политическими интересами, уровнем социально-экономического развития. Южные области Сербского царства тяготели к Византии или к восстановлению своей самостоятельности (Эпир, Фессалия, Южная Македония), но не к сплочению с собственно сербскими землями, где с ростом феодального землевладения также усиливаются сепаратистские устремления (в особенности в Зете и Северо-Западной Сербии).

<sup>11</sup> Ср., например: *П. Попович*. Указ. соч., стр. 67; *Н. И. Кравцов*. Сербские юнацкие песни, стр. 38; *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Эпос сербского народа, стр. 254.

<sup>12</sup> См., например: *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Эпос сербского народа, стр. 238.

<sup>13</sup> Ср., *С. Мижукович*. Летопис попа Дуклянина. Титоград, 1967, стр. 107—108 (см. также нашу рецензию на это издание: «Советское славяноведение», 1969, № 4, стр. 107).

Распад Сербского царства, протекавший в обстановке феодальных войн и вторжений войск соседних государств (Венгрии, Византии), в зависимости от перипетий ожесточенной борьбы центральной власти и центробежных сил, то замедлялся на некоторое время, то вновь ускорялся. Этот процесс привел к коренным изменениям в политическом строе Сербии, Северной и Центральной Македонии, Зеты, где во второй половине XIV в. появляется целый ряд крупных и мелких феодальных государств и уделов, эфемерных и более прочных княжеств.

Восстановление точной последовательности этого процесса развала Душанова царства, выяснение позиций отдельных прослоек феодальной верхушки, политики новых князей и правительств, к сожалению, встречает большие трудности, обусловленные суммарным изложением событий этого времени в сербских и византийских нарративных источниках. Сведения сербских летописей и родословов об этой поре фактически ограничиваются лишь описанием судьбы Уроша V и Лазаря, а ценные исторические сочинения современников-византийцев (Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина) завершают свой связный рассказ событиями 1357—1358 гг. К тому же данные Н. Григоры и И. Кантакузина, как и Эпирской хроники (отчасти и «Истории» Лаоника Халкокондила), освещают главным образом положение в южной (греческой) части державы Стефана Душана.

По-видимому, центробежные силы внутри Сербского царства все более нарастали еще в последние годы правления Душана (т. е. в 1350—1355 гг.), а весной 1356 г. вылились в форму ожесточенных столкновений и феодальной анархии... Григора так охарактеризовал положение в Сербском царстве в этот период: «В начале весны [1356 г.—*Е. Н.*] уже был мертв государь трибаллов, краль Сербии [Душан.—*Е. Н.*], и поэтому государственные дела там доставляли молодому наследнику державы [т. е. Урошу.—*Е. Н.*] волнения и опасности — не только от наместников страны его и городов, но и потому, что Никифор, сын графа Кефаллинии, спешно отправился к акарнянам и этолянам», а затем, продолжает Н. Григора, подчинив себе Эпир, занял также Фессалию<sup>14</sup>.

Несомненно, что захват Эпира и Фессалии Никифором Дукой (наследником эпирских деспотов и зятем Иоанна Кантакузина) в начале 1356 г. усилил феодальный сепаратизм в Сербском царстве, подрывав авторитет правительства царя Уроша, оживил византийские симпатии в Южной Македонии и сделал возможным выступление Симеона (сводного брата Душана), претендовав-

<sup>14</sup> «Nicephori Gregorae Historia Byzantina», vol. III. Bonnae, 1855, стр. 556—557 (ср.: *Г. Дестунис*. Историческое сказание инок Комнина и инок Прокла о разных деспотах эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине, деспоте. СПб., 1858, стр. 6, 9).

шего также на царский престол. Это еще более усугубило обстановку полной феодальной анархии в остальных областях Сербской державы, единство которой уже в первой половине 1356 г. стало фиктивным, а правящая верхушка раскололась на две главные партии — сторонников Уроша V (сына Душана) и приверженцев Симеона, провозгласившего себя царем в г. Кастория (Юго-Западная Македония).

К периоду наибольших успехов Симеона в борьбе против Уроша (1356 г.) относится известный отрывок из «Истории» Иоанна Кантакузина: «Около этого времени и краль, повелитель трибаллов [т. е. Душан.— *Е. Н.*] умер, и у трибаллов разгорелись немалые распри. Симон же, брат краля, тогда правитель Акарнании, выдвинул притязания на всю державу трибаллов, как более к нему относящуюся, и имел в этом деле многих пособников из числа знати трибаллов. И Урош, сын краля, воевал против дяди из-за отеческой державы»<sup>15</sup>. Эта борьба двух членов династии Неманичей за царский престол была поводом для обособления многих феодалов, стремившихся к самостоятельности, и на деле означала, как показывает Иоанн Кантакузин, раздробление Сербского царства (уже лишившегося Эпира и Фессалии) на множество самостоятельных и полусамостоятельных владений. Как писал И. Кантакузин, «Елена, мать его [Уроша.— *Е. Н.*], равным образом не подчиняясь ни сыну, ни Симеону, брату мужа, подчинила себе многие города и, окружив себя немалой военной силой, правила сама по себе, не воюя ни с тем [Урошем], ни с другим [Симеоном] и не объединяясь в войне». Более того, далее мы читаем в «Истории» И. Кантакузина, что самые могущественные вельможи, подчинив земли менее сильных феодалов, уже участвовали в этой войне Уроша с Симеоном лишь как «союзники и друзья», а не подвластные им вассалы<sup>16</sup>.

Весьма любопытно, что некоторые феодалы даже не спешили избрать своего сюзерена из двух царей-соперников, «но сохраняли свои силы в видах грядущего [исхода борьбы — *Е. Н.*], чтобы примкнуть к тому, что одержит верх. Итак, распавшись на тысячу частей, они [сербы] продолжали свои распри»<sup>17</sup>. Все же успехи Симеона (Синиши) оказались недолговечными, и уже в начале 1357 г. перевес в борьбе претендентов принадлежал царю Урошу и возглавляемой им группировке знати. Урош V и его правительство (во главе с царицей Еленой и кесарем Воихной) добились сплочения большей части феодалов, сохранили в своих руках Сербию, Зету и почти всю Македонию, ограничив сферу влияния Симеона и его сторонников только Албанией и Юго-Западной Македонией.

<sup>15</sup> «Joannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV», vol. III. Bonnae, 1832, стр. 314.

<sup>16</sup> Там же, стр. 314—315.

<sup>17</sup> Там же, стр. 315.

Одержав эту победу, с начала 1357 г. правительство Уроша начинает настойчиво проводить политику консолидации царства и укрепления центральной власти. Оно старалось обеспечить себе поддержку приморских городов Зеты (прежде всего Котора) и Дубровника признанием прежних привилегий<sup>18</sup>, а верность своих приверженцев в рядах феодального класса щедрой раздачей земель (имений сторонников Симеона, непокорных вельмож, царских владений и т. п.)<sup>19</sup>. Стремясь опереться на самых верных феодалов, Урош V производит перераспределение земель и держаний («держав»), сменяет наместников, предпринимает серьезные попытки возродить великодержавную политику своего отца, восстановить прежние размеры Сербского царства (на юг, в ненадежные греческие области посылаются все новые отряды сербских войск, ведутся переговоры о союзе с Никифором Дукой и т. д.). Он пытается в какой-то мере обуздать феодальную анархию и противопоставить кулачному праву знати нормы подтвержденного им Законника Душана<sup>20</sup>.

Говоря об этих попытках известной государственной стабилизации, мы должны остановиться и на вопросе о социальной базе, на которую могли опираться царь Урош и его правительство, проводя эту политику консолидации Сербского царства. Несомненно, что церковь (православная и католическая), владения которой страдали во время ожесточенных междоусобиц, была заинтересована в существовании единой сильной государственной власти. К этому стремились мелкие и средние феодалы, испытывавшие, как писал И. Кантакузин, гнет и притеснения могущественных вельмож, этих новых полусамостоятельных правителей.

Разумеется, такая политика Уроша отвечала также интересам верхушки городского населения (в том числе и купцов из Дубровника), торговле которой, да нередко и самой безопасности, угрожали и препятствовали феодальные войны и анархия. Однако политика правительства Уроша лишь временно могла приостановить распад Сербского государства, и поражение Уроша, опиравшегося на одних феодалов в противовес другим, искавшего поддержки в городах, соперничавших друг с другом (например Котор враждовал с Дубровником), было неотвратимо. В сербских летописях есть меткое наблюдение, что царь Урош, отвергавший советы «старых» и опиравшийся на «молодых», в конце концов был ими («молодыми») лишен власти, как некогда Ровоам, сын иудейского царя Соломона<sup>21</sup>.

<sup>18</sup> С. Новаковић. Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912, стр. 175—176, 187.

<sup>19</sup> Там же, стр. 310—314.

<sup>20</sup> А. В. Соловьев. Законодавство Стефана Душана царя Срба и Грка. Скопье, 1928, стр. 223.

<sup>21</sup> Љ. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927, стр. 82—85, 286.

Вероятно, последними успешными мероприятиями правительства Уроша были завоевания сербским воеводой Хлапеном г. Веррии (Южная Македония)<sup>22</sup> и разгром византийского императора Матвея Кантакузина, двинувшегося в Юго-Восточную Македонию (1357 г.)<sup>23</sup> Вслед за тем начинается новый этап усиления феодальной раздробленности на территории славянских областей Сербского царства. Уже в грамоте от 29 сентября 1360 г. царь Урош впервые упоминает выделившиеся из «земли моего царства», фактически самостоятельные, но формально остающиеся еще под властью царя новые княжества — Зету (в руках феодального рода Балшичей) и «державу князя Воислава» (Северо-Западная Сербия и смежные районы)<sup>24</sup>.

Однако эти два новых княжества вовсе не были единственными государственными образованиями, возникшими в северо-западной части бывшей державы времен Душана. Балшичам, завладевшим к 1360 г. всей Зетой (вытеснившим, видимо, другого феодала, некоего Жарка) и удержавшим там власть, все же не удалось подчинить Котор, важнейший из приморских городов Сербского царства. Котор стал совершенно самостоятельным, лишь до 1371 г. сохраняя видимость политических связей с номинальным царством Неманичей, а затем окончательно отделился от Сербии, перейдя под сюзеренитет Венгрии (1371 г.) и позднее Боснии (1385 г.).

Северо-западные земли, граничившие с Боснией, уже в 1358—1359 гг. обособляются в политическом отношении. Здесь, в Подринье и Захумье появился в качестве правителя «великий челник» царя Уроша — некий Дмитрий (умер 6 марта 1359 г.)<sup>25</sup>. Вероятно, после смерти этого владельца его земли (Подринье и др.) занял князь Воислав Воинович, которому в середине 1359 г. принадлежали смежные с владениями Дубровника области (Захумье, Требинье). Политическая самостоятельность Северо-Западной Сербии и прилегающих районов Сербского приморья сохранялась и после смерти князя Воислава (1363 г.). Владения его вдовы присоединил жупан Никола Алтоманович<sup>26</sup>, племян-

<sup>22</sup> Г. Дестунис. Указ. соч., стр. 8 (видимо, г. Веррия был занят в начале 1357 г.— ср: С. Новаковић. Законски споменици српских држава..., стр. 313 — в грамоте 1357 г. о пожаловании доходов от близлежащего г. Китроса).

<sup>23</sup> «Nicephori Gregorae...», vol. III, стр. 564; «Joannis Cantacuzeni...», vol. III, стр. 322—332.

<sup>24</sup> С. Новаковић. Законски споменици српских држава..., стр. 182.

<sup>25</sup> Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, кн. I. Београд, 1902, стр. 41 (ср.: УЗИС, т. XXVI, 1963, стр. 42).

<sup>26</sup> М. Динић. О Николи Алтомановићу. Београд, 1932. В другой названной выше работе («Реља Охмучевић», стр. 115—117) М. Динић коснулся весьма любопытного вопроса о присутствии образа Николы Алтомановича в сербском эпосе, притом — в наиболее древних (и наименее сохранившихся) песнях, и о влиянии сербских преданий той эпохи на сочинения средневековых историографов — Л. Халкокондила и М. Орбини.

ник Воислава, объединивший под своей властью обширную территорию от Дубровника до Рудника (Северная Сербия). Только в 1373 г. княжество Николы Алтомановича было уничтожено, а земли его разделены между князьями Лазарем, Балшичами и Боснией.

Основные области Сербии, в противоположность крупным княжествам Балшичей (в Зете) или Дмитрия, Воислава и Николы Алтомановича (в Сербском приморье и Северо-Западной Сербии), вплоть до середины 70-х годов XIV в., по-видимому, принадлежали многочисленным мелким и крупным феодалам.

Среди них выделялись видные приближенные царя Уроша — князь Лазарь (в 1370 г. ненадолго отнявший г. Рудник у Николы Алтомановича), челник Муса (Мльса) и Радич Бранкович. В Северной Сербии, вероятно, было немало фактически независимых феодалов. Двух из них — Николу Зоича и Новака Белоцрковича — упоминает в житии деспота Стефана Лазаревича Константин Философ. Позднее, в 90-х годах XIV в., Никола и Новак стремились освободиться от власти Стефана Лазаревича. Покорение Николы Зоича и Новака Белоцрковича (быть может, являвшихся вассалами Николы Алтомановича) князем Лазарем, о чем говорит Константин Философ, скорее всего следует отнести к середине 70-х годов XIV в.

Почти четверть века придунайская область Браничево принадлежала феодальному роду Растислаличей<sup>27</sup>; лишь в конце 70-х годов XIV в. Радич Бранкович был устранен князем Лазарем, присоединившим Браничево к своим владениям<sup>28</sup>. Как показывает один дубровницкий документ (вероятно, от начала 1361 г.), в этих районах Сербии уже в тот период Растислаличи действовали как полновластные правители, сдавая таможи в аренду дубровчанам (любопытно, что документ говорит именно о «таможнях Растислаличей»).

К сожалению, единственным свидетельством существования в Сербии (в районе г. Крушевац) еще одной феодальной «державы» некоего Срацимира является надгробная надпись в с. Яковле, сообщающая, что здесь «в дни царя Уроша, а в державе Срацимира» умер Георгий-Коста<sup>29</sup>. Этот полунезависимый феодал Срацимир, видимо, впоследствии также был устранен или покорен князем Лазарем.

Другим столь же неудачливым мелким правителем времен распада Сербского царства был челник Ивое, который согласно II житию Стефана Дечанского (вероятно, 1356—1359 гг.) захватил Дечанский монастырь (в Юго-Западной Сербии) и, быть

<sup>27</sup> М. Динић. Растислалићи. «Зборник радова Византолошког института», књ. 2. Београд, 1953, стр. 139—144.

<sup>28</sup> Љ. Стојановић. Стари српски родослови..., стр. 287.

<sup>29</sup> Љ. Стојановић. Стари српски записи..., кн. 1, стр. 45.



может, некоторые другие районы Южной и Западной Сербии<sup>30</sup>. Возможно, что в Сербии имел собственное княжество и жупан Риг, о котором нам известно лишь по его монете<sup>31</sup>.

В Центральной Сербии, по р. Ибар, были расположены владения еще одного полунезависимого владельца — челника Мусы (Мльсы), одного из приближенных царя Уроша. Ядром владений Мусы, вероятно, была Брвеницкая жупа (округ), дарованная ему Урошем в 1363 г. Эта «держава» Мусы и его сыновей Стефана и Лазаря Мусичей сохраняла свое обособленное положение вплоть до конца XIV в.

В нашем распоряжении имеется слишком мало данных сербских исторических источников, чтобы решить, какие территории еще удерживал в своей власти в период развала Сербского царства сам царь Урош (1356—1371 гг.). Несомненно, что в ходе распада державы Душана царский домен сокращался очень быстро, и в конце концов в 60-х годах XIV в. в самой Сербии Урош владел лишь частью южносербской равнины (с г. Приштиной, с. Штимле, возможно с районом городов Ново-Брдо и Печ — резиденцией сербского патриарха, и г. Призреном). Позднее, после смерти Уроша (1371 г.) этот царский домен в Южной Сербии, вероятно, был разделен между Вуком Бранковичем, получившим большую его часть<sup>32</sup>, князьями Лазарем и Балшичами.

Феодальная раздробленность, по-видимому, уже в 60-х годах XIV в. царила и в Северной и Центральной Македонии, где фактически самостоятельными правителями стали деспот Иоанн Оливер, начавший чеканить собственную монету, севастократор Деян (впоследствии носивший титул «деспота») и другие сановники Душана. Очень рано обособился в самостоятельное феодальное государство район г. Охрида, где правили севастократор Бранко Младенович, кесарь Гргур (около 1361 г.), кесарь Новак (около 1369 г.), жупан Андрей Гропа (около 1378—1379 гг.)<sup>33</sup>.

На множество мелких княжеств и уделов распалась и Южная Македония: область г. Драма была владением кесаря Воихны, г. Веррия принадлежал Хлапену, г. Водена и область Морихово — Фоме Прелюбовичу (до его перехода в Янину в 1367 г., а затем, видимо, этот удел был присоединен Хлапеном), города

<sup>30</sup> См. подробнее в наших статьях: «Кем написано второе житие Стефана Деchanского?» (в сб. «Славянский архив». М., 1963) и «Из истории русско-сербских средневековых связей» (УЗИС, т. XXVI, 1963).

<sup>31</sup> Р. Марић. Студије из српске нумизматике. Београд, 1956, стр. 107.

<sup>32</sup> Ср.: М. Динић. Област Бранковића. «Прилози за књижевност, језик историју и фолклор». Београд, 1960, № 1—2, стр. 5—6.

<sup>33</sup> См., например: И. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 39, 42. О Бранко Младеновиче и Гргуре см. в нашей работе «Феодальный сепаратизм и политика на Душан во 1342—1355 година». — «Историја». Скопје, 1968, № 2, стр. 70—71.

Серры и Мельник стали уделом царицы Елены (Елизаветы), район между городами Серрами и Вардаром был захвачен неким Богданом. Те области и города Северной и Центральной Македонии (Прилеп, Скопье, Радовиш и др.), которые к середине 60-х годов XIV в. еще находились под властью царя Уроша, после провозглашения королем его приближенного Вукашина стали ядром этого нового королевства, вскоре включившего и г. Призрен (эта «узурпация», совершенная, вероятно, по соглашению с Урошем, имела место в конце 1365 г.). Почти одновременно в Серрском княжестве вместо царицы Елены (Елизаветы) стал править брат короля Вукашина — деспот Угleshа (1365—1371 гг.). Среди более мелких македонских князей — вассалов Вукашина были и кесарь Новак (в Охриде), севастократор Влатко (в Северо-Восточной Македонии) и др. Этот «переворот» Вукашина и Угleshи окончательно закрепил победу феодальной раздробленности на территории распавшегося Душанова царства<sup>34</sup>.

Так к концу 60-х — началу 70-х годов XIV в. завершился процесс раздробления Сербского царства, который свидетельствовал о провале политики централизации, обуздания центробежных сил, проводившийся при Уроше V, как и ранее, при Душане. Тот факт, что распад империи Стефана Душана не привел к образованию единого государства всех славянских областей или по крайней мере к единству каждой из них (т. е. Сербии, Северной и Центральной Македонии и Зеты), позволяет нам указать на известное сходство судеб южных славян с историческим развитием средневековой Германии, о которой Ф. Энгельс писал: «...недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии делало невозможным всякое сплочение немцев в единую нацию..., допуская лишь местную и провинциальную централизацию..., поэтому носители этой централизации внутри раздробленности — князья — составляли единственное сословие, на пользу которому должно было пойти всякое изменение существенных общественных и политических отношений»<sup>35</sup>.

Действительно, даже в 80-х и 90-х годах XIV в., когда ряд мелких княжеств и уделов уже исчез с политической карты Сербии, Македонии и Зеты, самые крупные феодальные государства (например княжества Лазаря, Деяновичей, Балшичей) еще не объединили всех земель той или иной части бывшего Сербского царства. Так, например, к началу 80-х годов XIV в. князю Лазарю удалось подчинить большую часть собственно сербских

<sup>34</sup> О приходе к власти Вукашина и Угleshи ср.: Г. Острогорски. Српска област после Душанове смрти. Београд, 1965, стр. 3—18 (см. также нашу рецензию: «Византийский временник», т. XXIX, 1968, стр. 304—307).

<sup>35</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 434.

земель (Рашки), устранив Радича Бранковича, Срацимира и присоединив некоторые владения Николы Алтомановича. Однако Центральная Сербия находилась во власти Мусы, Южная Сербия — в руках Вука Бранковича и Константина Деяновича.

В Северной и Центральной Македонии, за границами княжества Деяновичей (включавшего Северо-Восточную и Юго-Восточную славянскую Македонию и Юго-Восточную Сербию — район Вране) оставались области городов Скопье (под властью Вука Бранковича), Прилепа (владение короля Марка), Охрида (княжество жупана Андрея Гропы). Точно так же и в конце XIV в. сохраняется политическая раздробленность Зеты: зетское княжество Балшичей не включало Котора, а в 1392—1398 гг. также и Будвы с окрестностями (эти земли были сначала владением Црноевичей, а в 1396—1398 гг. — могущественного боснийского вельможи Сандаля Хранича).

Вместе с тем вторая половина XIV в., характеризуется не только распадом единой империи и образованием множества новых феодальных государств, но и — что было закономерным следствием развала единого государства — усилением экспансии соседних феодальных государств (Венгрии, Боснии, Византии, турок-османов, Венеции), которые постепенно захватывают области бывшего Сербского царства. Как мы отмечали выше, уже в 70-х годах XIV в. под власть Боснии перешли Северо-Западная Сербия, часть Сербского приморья (Конавле, Требинье), а позднее — также г. Котор и часть Зеты с г. Будвой.

Уже начиная с 70-х годов XIV в. (и в особенности в конце 80-х и начале 90-х годов) сербские княжества в южной, византийской половине державы Душана (в Македонии, Эпире, Фессалии, Албании) одно за другим исчезают под натиском греческих и албанских феодалов, а затем турецких завоевателей. Так, после гибели короля Вукашина и деспота Углеши в бою с турками на р. Марице (1371 г.) в состав Византийской империи вновь вошли владения Углеши (район г. Серры и Струмицы), которые в 1383 г. были присоединены султаном Мурадом I.

Для периода экспансии Византии в 70-х годах XIV в. был, по-видимому, характерен ряд столкновений с местными славянскими феодалами (вероятно, Деяновичами, королем Марком), но затем намечается сближение византийского императора с македонскими владетелями, которые, как и византийский «василевс», уже стали данниками и вассалами османского султана. Согласно поздней редакции (XVI в.) «Хроники» Сфрандзи, король Марко, «властвовавший еще в части Болгарии», даже помогал Андронику Палеологу в его попытках отнять трон у его отца Иоанна V (1373 г.)<sup>36</sup>. Известно, что Мануил II Палеолог был женат на дочери Константина Деяновича Елене, что несомненно

<sup>36</sup> *Georgius Phrantzes*, ed. Bonnæ, 1838, стр. 54.

свидетельствует о тесном сотрудничестве и возможно, о союзе византийского императора и македонского князя, стремившихся удерживать свои позиции под натиском османских сюзеренов (Мурата I и Баязида I).

К концу XIV в. турецкие завоевания полностью изменили политическую карту Сербии и Северной и Центральной Македонии. После гибели своих вассалов Марка и Константина Деяновича (1395 г.) султан Баязид I уничтожил их княжества, объединив таким образом под своей властью значительную часть славянской Македонии (г. Скопье был занят турками еще к 1392 г.). Возможно, что другие княжества македонских владетелей (в том числе район г. Охрида, область Полог) в конце XIV в. еще сохраняли самостоятельность, но, по-видимому, уже под эгидой султана.

После Косовской битвы (1389 г.) стали турецкими данниками и правившие в сербских землях наследники князя Лазаря — княгиня Евгения (Милица), Стефан и Вук Лазаревичи. После того как турки отобрали у Вука Бранковича его владения в Южной Сербии, большую часть этих земель получили преемники Лазаря, которые тем самым в период с 1395—1396 до начала 1402 г.<sup>37</sup> сосредоточили в пределах своего княжества почти все области Сербии (Рашки), за исключением, быть может, небольших уделов Бранковичей и Мусичей и земель, захваченных Боснией и турками. Но это объединение Сербии Лазаревичами оказалось весьма кратковременным: в начале 1402 г. Южная Сербия (область владения Вука Бранковича) была возвращена его наследникам и оставалась в особом положении вплоть до покорения османами Сербии в середине XV в.

В 90-е годы XIV в. в Зете происходила ожесточенная борьба феодального рода Црноевичей (Джурашевичей) против Балшичей, после гибели Радича Црноевича часть Зеты была захвачена боснийским вельможей Сандалем Храничем. В 1392 г. в эту область вторглись турки, а в 1396 г. Нижняя Зета (с г. Скутари и Дриваст) перешла к Венецианской республике. На южных окраинах бывшего царства Душана к этому времени уже почти не осталось княжеств сербских владетелей, если не считать удела Богдана (в Юго-Восточной Македонии), существовавшего до 1410—1413 гг., и Валонского государства Мркши Жарковича в Южной Албании (до 1417 г.). Таким образом, к началу XV в. круг самостоятельных славянских феодальных государств на территории Сербии, Северной и Центральной Македонии и Зеты сузился (продолжали существовать лишь княжества Лазаревичей, Балшичей и, видимо, мелкие уделы в Сербии и Западной Македонии), а немалая часть этих славянских земель, ранее входив-

<sup>37</sup> М. Динић. Област Бранковића, стр. 15—18.

ших в состав Сербского царства, оказалась во власти иноземных захватчиков — турок и венецианцев.

Все это несомненно было закономерным результатом распада единого государства и разгула феодального сепаратизма в этих районах Балканского полуострова во второй половине XIV в. В это время здесь совершались также немаловажные изменения в экономике и социальной структуре и происходили некоторые локальные выступления крестьян и горожан против власти феодалов<sup>38</sup>.

В исторической литературе (в частности в ряде работ югославского историка В. Чубриловича) высказывалось мнение, что именно в этот период, после распада Сербского царства наступил кризис феодального общества, выражавшийся в усилении роли свободного крестьянства горных районов (особенно в Зете), в наступлении скотоводов на феодальные имения в равнинах, в возникновении особых патриархальных организаций — «племен» и «братств», более того — в начавшемся росте некоего, не феодального, «племенного» общества<sup>39</sup>. Нужно отметить, однако, что эта точка зрения о появлении свободных племен и возникновении их на базе общин скотоводов — влахов и албанцев вызвала критику со стороны ряда исследователей, отмечавших неубедительность и недостаточность аргументации тезиса о власском происхождении зетских (впоследствии черногорских) племен, тезиса об антагонизме племен и сербской феодальной государственности<sup>40</sup>.

К сожалению, недостаток в известных нам исторических источниках точных данных о времени и путях формирования «племен» и «братств» не позволяет в настоящее время окончательно решить вопрос о сущности и хронологии социальных сдвигов в горных районах Зеты после развала империи Душана. Нам представляется возможным, однако, допустить, что в этот период феодальной раздробленности и анархии свободные крестьяне в некоторых горных районах Зеты, Македонии и Сербии действительно становятся фактически независимыми от феодальной власти наследников державы Душана, однако это не означало, разумеется, что там в силу этого возникало особое, «племенное», не феодальное общество.

<sup>38</sup> Подробнее см. в наших статьях: «К оценке социально-экономических изменений в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV в.» (сб. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966) и «Народное восстание в г. Которе и Которской области (1380 г.)» («Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XXX. М., 1966; далее: УЗИС).

<sup>39</sup> См., например: В. Чубрилович. Терминологија племенског друштва у Црној Гори. Београд, 1959, стр. 6, 38; он же. Постанак племена Куча. «Зборник филозофског факултета», кн. VII-1. Београд, 1963, стр. 317—318.

<sup>40</sup> Ср.: С. Вукосављевић. Организација динарских племена. Београд, 1957, стр. 39.

Даже такая сжатая характеристика этой эпохи больших перемен на территории бывшей Душановой державы указывает нам на то, что появление множества новых феодальных властителей, крупных и мелких государств, многочисленных новых политических центров во второй половине XIV в. могло в изобилии вызвать к жизни локальные поэтические традиции, отражавшие (притом по-разному) события данной области, историю того или иного «своего», местного властителя. Естественно, что в этих условиях старые песни могли получить новую историческую привязку, происходила трансформация или контаминация прежних поэтических образов, возникали новые эпические песни и т. д.

Весьма показательно, что эпические песни, посвященные этой эпохе сербского средневековья, гораздо богаче именами различных феодальных государей, князей, воевод, доблестных рыцарей и вельмож, равно как и другими историческими реалиями, нежели песни, повествующие о предшествовавшем периоде сербской истории — временах Душана и ранних Неманичей. Идентификация многих этих персонажей песен, рассказывающих об эпохе распада Сербского царства, не составляет большого труда и давно уже произведена в литературе (таковы царь Урош и короли Вукашин и Марко, деспот Углеша, князь Лазарь, Константин Деянович и др.)<sup>41</sup>. Уже упоминание в эпических текстах этих действительно существовавших исторических деятелей говорит в пользу достоверности изображения этой эпохи народными певцами. Но, утверждая это, мы должны учитывать распространенные в литературе выводы о том, что «песни полны анахронизмов»<sup>42</sup>, разрушающих историческую последовательность и хронологию. Присутствие в песнях также и недостоверных, вымышленных исторических лиц и сложных по происхождению образов говорит об определенном несоответствии эпоса реальной исторической действительности и усиливает недоверие исследователей фольклора к исторической основе отдельных циклов или песен<sup>43</sup>.

Между тем анализ исторических источников убеждает нас в том, что названные выше заключения (об анахроничности и т. п.)

<sup>41</sup> К их числу можно прибавить и названные уже выше образы Милоша Воиновича и кузнеца Новака, реальные прототипы которых также указаны в работах В. Чоровича и Р. Ковиянич (см. выше, прим. 2 и 10). К сожалению, в имеющихся антологиях сербского эпоса все еще встречаются утверждения о невозможности исторической идентификации этих лиц (см., например: *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Эпос сербского народа, стр. 243, ср. стр. 319 — о Милоше Воиновиче — и там же, стр. 324 — о кузнеце Новаке; ср.: *Н. И. Кравцов*. Сербский эпос, т. I, стр. 350 — об образе кузнеца-мечника Новака).

<sup>42</sup> *Н. И. Кравцов*. Сербские юнацкие песни, стр. 118 (ср.: *Н. И. Корнеева*. Указ. соч., стр. 151—152 и др.).

<sup>43</sup> Ср.: *Н. И. Кравцов*. Сербские юнацкие песни, стр. 43; *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Эпос сербского народа, стр. 248.

нередко слишком поверхностны, поспешны и несостоятельны. Так, например, присутствие имени болгарского царя Шишмана в песнях о Кралевице Марке обычно считается явным анахронизмом (при этом ссылаются на имя царя Михаила Шишмана, правившего в 1323—1330 гг.)<sup>44</sup>, хотя уже Н. И. Кравцов допускал возможность, на наш взгляд, вполне реальную, что песни подразумевали другого болгарского правителя, современника Марка — царя Ивана Шишмана (1371—1393 гг.)<sup>45</sup>.

Точно так же обстоит дело и с некоторыми другими «ошибками» средневековых сказителей. В частности, широко распространенная ссылка на появление вместе с Марком Рели Крылатого (или Рели из Пазара)<sup>46</sup> вряд ли оправдана, поскольку идентификация последнего с известным воеводой Душана, протосевастом и кесарем Хрелей (умер 27 декабря 1342 г.), создавшим собственное княжество в Восточной Македонии (со столицей в Струмице)<sup>47</sup>, нам представляется весьма ненадежной. В данной связи, по нашему мнению, стоит указать и на то, что песенная локализация Рели (Хрели) выступающего лишь с эпитетами «Бошнянин», «из Пазара» (иногда «Рела из Будима») — заставляет нас искать родину и владения этого героя народного эпоса в пределах средневековой Рашки (т. е. близ современного г. Нови-Пазар) или же, как полагает М. Динич, в соседних пределах нынешней Герцеговины<sup>48</sup>.

Тот факт, что в старой Рашке найден саркофаг некоего «Стефана Хрели»<sup>49</sup>, равно как и обычная точность песенных локализаций (как известно, Кралевиц Марко сохраняет своей столицей Прилеп даже в самых деформированных с точки зрения соответствия истории песнях), — все это позволяет, по нашему мнению, предположить, что прототип эпического Рели в действительности не имел, кроме имени, ничего общего со своим македонским тезкой. Он был представителем последующей эпохи — времен распада Сербского царства — и, возможно, действительно современником Марка. В пользу такого предположения можно привести и то обстоятельство, что в песнях о короле Марке фигурируют преимущественно его современники или деятели более

<sup>44</sup> См., например: *Н. И. Кравцов*. Сербские юнацкие песни, стр. 118; *он же*. Сербский эпос и история, стр. 99; *Н. И. Корнеева*. Указ. соч., стр. 152.

<sup>45</sup> *Н. И. Кравцов*. Сербские юнацкие песни, стр. 598 (прим. 169).

<sup>46</sup> Там же, стр. 118; *он же*. Сербский эпос и история, стр. 99; *Н. И. Корнеева*. Указ. соч., стр. 152; *Н. И. Кравцов*. Сербский эпос, т. 1, стр. 349; *М. Динич*. Релья Охмучевић, стр. 109—115.

<sup>47</sup> *М. Динич*. Релья Охмучевић, стр. 96—108; а также в нашей статье «Феудальный сепаратизм...», стр. 63—66.

<sup>48</sup> *М. Динич*. Релья Охмучевић, стр. 113.

<sup>49</sup> Там же, стр. 109. Любопытно, что в одной песне о короле Марке («Сестра Леки-капитана») прямо указывается, что усадьба Рели находилась «над Рашкой холодной», близ Нови-Пазара (см. «Сербский эпос», 1933, стр. 341—342).

позднего времени (например, могучий Джемю Брджанин, т. е., по мнению Йов. Томича, Еген-паша), и наконец любопытное свидетельство устной традиции (еще первой половины XV в.) о гибели некоего «отличного война Хрели» вместе с Углешей и Вукашином в битве с турками на р. Марице (1371 г.)<sup>50</sup>.

Иными словами, мы не считаем возможным согласиться с мнением М. Динича, приписывающего народным певцам отождествление этих двух феодалов и локализацию эпического Хрели (Охмучевича) в Костуре. Эта «костурская» версия на деле являлась изобретением тщеславного испанского адмирала XVI в. Педро де Йвелья-Охмучевич (родом из с. Слано в окрестностях Дубровника), украсившего свою фактическую дворянскую генеалогию именем Хрели Охмучевича и вымысленным пожалованием Костура (в 1349 г.) Хрели царем Душаном<sup>51</sup>. Более того, само упоминание города Костура (точнее штурма его отрядами короля Марка и его друзей — Рели и др.)<sup>52</sup> в некоторых песнях по нашему мнению, скорее говорит не о фантастической «костурской» версии и анахроничном появлении кесаря Хрели, а опять-таки о реальных событиях правления короля Марка, связанных с его борьбой против «Мины из Костура» (подробнее об этом мы скажем ниже). Заметим, что в этих военных действиях короля Марка вполне мог участвовать и его современник Хреля.

По нашему мнению, не противоречит историческим источникам конца XIV в. и образ «Леки-капитана», правителя г. Призрена, в литературе обычно отождествляемого с албанским воеводой Лекой Дукагином (XV или даже конца XVI в.), который в песне «перенесен в XIV век»<sup>53</sup>. Дело в том, в албанском средневековом феодальном роде Дукагиноз (Дукаджингов) имя Лека было очень популярно, и в 1387 г. упоминается, между прочим, современник Марка и, возможно, его противник в борьбе за Призрен — князь Лека (умер не позднее 1392 г.), который со своим братом Павлом сумел выкроить собственное княжество в Северной Албании (с выходом к морю в г. Леш)<sup>54</sup>.

Столь же противоречит утверждениям и о других «анахронизмах» и «недостовверных» образах обращение к материалам под-

<sup>50</sup> Там же, стр. 113—114.

<sup>51</sup> А. В. Соловьев. Постапан илирске хералдике и породица Охмуевичи. «Гласник Скопског научног друштва», т. XII. Скопье, 1933, стр. 82—89; М. Динич. Реља Охмучевич, стр. 109—112. Заметим, кстати, что названное пожалование Костура Хреле (1349 г.) не может быть отнесено к числу эпических анахронизмов, поскольку оно встречается в фальсифицированной грамоте П. Охмучевича (см.: Н. И. Кравцов. Сербские юнацкие песни, стр. 118).

<sup>52</sup> М. Динич. Реља Охмучевич, стр. 114—115.

<sup>53</sup> См., например: «Сербский эпос», 1933, стр. 596, прим. 138; Н. И. Кравцов. Сербский эпос, т. I, стр. 352; Н. И. Корнеева. Указ. соч., стр. 152.

<sup>54</sup> См., например, И. Бажич. О дукагинима. «Зборник философског факултета», кн. VIII-1. Београд, 1964, стр. 388.



листных свидетельств второй половины XIV в. и последующей эпохи. Вряд ли стоит так критически, например, оценивать и упоминания в песнях о королевиче Марке огнестрельного оружия, как и «господства турок» в Царьграде<sup>55</sup>. Как известно, именно во второй половине XIV в. (начиная с 50—60-х годов) огнестрельное оружие получает распространение в Балканских государствах<sup>56</sup>, а это обуславливало упоминание такого мощного оружия и народными певцами. В свою очередь указания эпоса о турецкой власти в Царьграде (в песне «Марко и Алил-ага», где говорится о прибытии в Царьград короля Марка и Константина Деяновича) можно объяснить, как нам кажется, не позднейшей вставкой слов о «турецком господстве», а скорее — ссылкой на завоевание турками (в 1387 и 1394 гг.) Салоник, этого крупнейшего (после Константинополя) византийского города, «второй столицы», т. е. в переносном смысле и «второго Царьграда». Впрочем, здесь можно увидеть и поэтическое отражение столь важного и нового для той поры сюжета и повода для осады Константинополя, каким было требование султана Баязида I (1394 г.) о праве турецкого судьи (кади) в Константинополе судить тяжбы мусульман с христианами<sup>57</sup>, а слова о «турецкой власти» — истолковать как свидетельство мощи Баязида I и крайнего ослабления Византии в конце XIV в., во время семилетней осады Константинополя Баязидом I.

Иными словами, в данном случае скептическое отношение к описаниям исторических событий в эпических текстах не оказывается оправданным. К тому же число таких примеров можно еще умножить. В частности, известны произведения, упоминающие короля Вукашина в сюжетах, связанных с районом североалбанского города Скадара (Скугера, Шкодера), — песни «Женитьба короля Вукашина» и «Построение Скадара». К сожалению, они послужили поводом для весьма категорических заявлений, будто «события, здесь описанные, не соответствуют исторической действительности»<sup>58</sup>, что Скадар «во владения Вукашина никогда не входил»<sup>59</sup>, наконец, даже песенная локализация Скадара в

<sup>55</sup> Ср.: *Н. И. Кравцов*. Сербские юнацкие песни, стр. 118 (ср. стр. 599, прим. 197); *Н. И. Корнеева*. Указ. соч., стр. 152.

<sup>56</sup> См., например, *М. Динић*. Прилози за историју ватреног оружја у Дубровнику и суседним земљама. «Глас Српске краљевске академије», CLXI (83), 1934.

<sup>57</sup> См., например: «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 168. Показательно, что против судебных прав турецкого кади в Солуни выступала и Венецианская республика, захватившая этот город в 1423 г. (см.: *М. Спремић*. Харач Солуна у XV веку. «Зборник радова Византолошког института», кн. 10, 1967, стр. 188—189).

<sup>58</sup> *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Эпос сербского народа, стр. 322.

<sup>59</sup> *Н. И. Кравцов*. Сербский эпос, т. I, стр. 339 (так же и в кн.: *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Эпос сербского народа, стр. 322).

«ровном Приморье» рассматривается как «очевидная ошибка певца: Скадар — не приморский, но приозерный город»<sup>60</sup>. Более того, недостоверность эпического сюжета «Женитьбы Вукашина» подчеркивается и отождествлением героя песни Момчила («сидевшего» в Герцеговине, в Пирлиторе), противника Вукашина<sup>61</sup>, с известным предводителем родопских гайдуков Момчилом, севастократом и деспотом, создавшим свое княжество в Южной Фракии (со столицей в г. Перитеорий) и погибшим в 1345 г.<sup>62</sup>

Рассмотрим эти утверждения в отдельности, начиная с местоположения и политической принадлежности Скадара. Весьма примечательно, что как раз в средневековых исторических источниках (XIV в.) этот город, действительно находящийся на известном удалении от Адриатического моря, неизменно включался в состав старинной Дукли (позднее Зеты), которая в сербском государстве Неманичей и у иноземных авторов, вполне естественно, считалась и именовалась «Приморской провинцией», «Приморьем»<sup>63</sup>. Так же необоснован и упрек насчет принадлежности Скадара во времена Вукашина. Заметим прежде всего, что народный певец вовсе не говорит, будто Скадар был владением короля Вукашина (согласно песне Вукашин лишь находился в тот момент «в белом Скадре на Бояне»). Далее — данная выше краткая характеристика этапов развала Сербского царства наглядно свидетельствует, что в 50—70-х годах XIV в. политическая карта этих районов Балканского полуострова менялась чрезвычайно быстро и часто, в особенности, разумеется, часто переходили из рук в руки такие важные центры, как Призрен, Скопле, Рудник и, видимо, Скадар. Наконец, отсутствие в сохранившихся памятниках сведений о судьбе Скадара в период распада Душановой державы, по нашему мнению, ни в коей мере не позволяет столь категорически утверждать, что этот город никогда не входил в состав владений короля Вукашина. Заметим, кстати, что сохранившиеся источники второй половины XVI в. позволяют нам нередко лишь весьма приблизительно восстанавливать границы княжеств наследников Душана, и в осо-

<sup>60</sup> Н. И. Кравцов. Сербский эпос, т. I, стр. 339.

<sup>61</sup> Там же, стр. 339; ср.: Н. И. Корнеева. Указ. соч., стр. 151—152.

<sup>62</sup> См., например: Г. Острогорски. Историја Византије. Београд, 1955, стр. 482—483. В антологии Н. И. Кравцова («Сербский эпос», т. I, стр. 339) приведена неверная дата гибели Момчила Родопского (1361 г.), восходящая к сербским летописям (Ж. Стојановић. Стари српски родослови..., стр. 207).

<sup>63</sup> См., например: Г. Шкриванић. Именик географских назива средњовековне Зете, Титоград, 1959, стр. 22; O. Górká. Anonymi Descriptio Europae Orientalis. Cracoviae, 1916, стр. 30—32; S. Ljubić. Listine o odnošajih između Južnoga Slavenstva i Mletačke republike, t. IV. Zagreb, 1874, стр. 48; и др.

бенности труден вопрос о пределах владений, находившихся во власти короля Вукашина<sup>64</sup>.

Однако, оставляя в стороне вопрос о властителях Скадара в ту пору, нам хотелось бы высказать предположение, что в данном песенном сюжете сохранились определенные отзвуки известного нам из дубровницких документов похода короля Вукашина, его сына — королевича Марка и зетского князя Георгия Балшича против Николы Алтомановича (в июне 1371 г.)<sup>65</sup>. Тогда-то правительством Дубровника было получено сообщение, что «Юра [Георгий Балшич. — *Е. Н.*] вместе с господином королем Вукашином и с Марком, его сыном, и с их войском находились под Скадаром» и что они намереваются нанести удар жупану Николе «или в направлении Оногошта [нынешний Никшич], или же там, где его они смогут найти». План этого похода предусматривал и комбинированное наступление с концентрическим одновременным ударом отрядов Вукашина от Скадара на Оногшт и войск Балшичей — от прибрежных пределов Конавле, Драчевицы и нынешней Герцеговины, видимо, опять-таки к району Никшича и Дурмитора<sup>66</sup>. Сразу же бросается в глаза явное совпадение эпического рассказа и реальных фактов — начиная от присутствия Вукашина в Скадаре (в 1371 г.) и кончая театром военных действий союзников против Николы Алтомановича: согласно песне резиденция Момчила находилась в Пирлиторе, а эта гора с развалинами «замка Момчила» расположена северо-западнее Дурмитора.

Хотя об этом походе Вукашина и Георгия («Юра») Балшича<sup>67</sup> нам ничего более не известно (что послужило основанием К. Иречку и другим историкам для заключений о скором прекращении уже начатых военных действий<sup>68</sup>), все же нам пред-

<sup>64</sup> Ср.: *Г. Острогорски*. Српска област после Душанове смрти, стр. 14, 140. Впрочем утверждение Г. А. Острогорского, будто власть Вукашина распространилась по всей территории владений Уроша, представляется крайне сомнительным. Если уже в 1368—1369 гг. Балшичи открыто отказывались повиноваться Урошу, то не менее самостоятельными (по отношению к Вукашину) могли оказаться и прочие диадохи вроде князя Лазаря, Николы Алтомановича, Вука Бранковича.

<sup>65</sup> *К. Иречек*. Српски цар Урош, краљ Вукашин и Дубровчани. «Зборник Константина Иречека», т. I. Београд, 1959, стр. 374—375; *Ј. Тадић*. Писма и упутства Дубровачке републике, кн. I. Београд, 1935, стр. 232; *М. Динић*. О Николи Алтомановићу, стр. 19—20. К истории этого похода относятся и примечание Н. И. Кравцова, что в Скадар в 1371 г. «пришел Вукашин с сыном Марком» («Сербский эпос», 1933, стр. 589).

<sup>66</sup> См. названные в сноске 65 работы, а также: *К. Иречек*. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 251.

<sup>67</sup> Любопытно отметить, что эпитет «жура» (маленький, тшедушный), применяемый в этой песне к Вукашину, похож на позднейшее осмысление и переделку имени «Юра» (Жура или Журе) в позднейшей народной поэтической традиции.

<sup>68</sup> *К. Иречек*. Српски цар Урош..., стр. 375; *М. Динић*. О Николи Алтомановићу, стр. 20; *Г. Острогорски*. Српска област после Душанове смрти, стр. 142.

ставляется, что в тот момент возможны были какие-то стычки с подданными Николы или тайные попытки Вукашина привлечь их на свою сторону. В таком случае прообразом эпического героя Момчила (из этой и других сербских песен) мог быть одноименный феодал, местный воевода Никола Алтоманович, неверно отождествляемый в литературе с Момчилом Родопским.

В данной связи интересны соображения, высказанные М. Диничем. В частности, он указывает на появление в песнях имени Момчила Влашича (или Момчила Дено, в другом варианте — Стояна Влашича) — персонажа, которого исследователь связывает с сюжетом песни «Женитьба короля Вукашина». По всей видимости, пирлиторский воевода Момчило стал героем древнейшего эпоса вместе со своим сюзереном Николой Алтомановичем, о котором сохранилась память в некоторых преданиях<sup>69</sup>. Разумеется, данную песню было бы неверно считать непосредственным отражением событий 60—70-х годов XIV в., поскольку в ней мы можем найти и обычные для эпоса мотивы и образы (неверной жены и т. д.), как и довольно точно датируемые (не ранее середины и конца XV в.) названия — «Герцеговины» и черногорского племени «злых Васоевичей»<sup>70</sup>. В песне очень удачна характеристика обильного Приморья (в районе Скадра), противопоставляемого скудной и суровой природе окрестностей Дурмитора и бассейна р. Тары.

Все изложенное выше показывает, что нужно с особым вниманием относиться к материалам устного народного творчества, сохраняющим иногда отголоски древнейших локальных сказаний и преданий, которые в данном случае, как и другие песни о Мрнявчевичах, видимо, также герцеговинского происхождения<sup>71</sup>. Некоторые свидетельства эпоса, несмотря на понятное недоверие исследователей XIX—XX вв. к их достоверности, при надлежащей проверке оказываются поразительно точными<sup>72</sup>.

<sup>69</sup> М. Динић. Рельа Охмучевић, стр. 116—117.

<sup>70</sup> См., например: К. Јуречек. Историја Срба, т. II, стр. 45—46; С. Бирковић. Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964, стр. 379 (примеч. 2 к разд. 7). Ср.: В. Недич. Епске народне песме у зборнику Аврама Милетића. «Зборник Матице Српске за књижевност и језик», кн. XII-1. Нови Сад, 1964, стр. 62, 68 и сл.

<sup>71</sup> Ср.: Р. Ковијанић и И. Стјепчевић. Културни живот старог Котора..., кн. 1, стр. 145—146.

<sup>72</sup> В данной связи укажем, например, на любопытное обозначение денежного курса в Сербии второй трети XV в. в широкоизвестной песне «Старина Новак и князь Богосав». По словам гайдука Старины Новака, жена сербского деспота Георгия Бранковича (1427—1456 гг.) — Ирина «подать наложила: золота три литра [точнее — литры. — Е. Н.] с каждой хаты — это будет... по три сотни золотых дукатов» (перевод Н. Гальковского, см. «Сербский эпос», 1933, стр. 528). Между тем, согласно грамоте (1457 г.) Стефана, сына деспота Георгия, в это время в Дубровнике стоимость одной литры золота была равна 84 дукатам: «продавана

Рассмотрим к примеру, вопрос об исторической достоверности таких эпических персонажей, как Гойко Мрнявчевич, Жарко, Лютица-Богдан и Юг-Богдан.

Во многих работах, в частности, по проблемам фольклора, стало общим местом указание на «неисторичность» фигуры третьего из братьев Мрнявчевичей — воеводы Гойка. Он, согласно мнению П. Поповича, «не известен истории»<sup>73</sup>. По словам Н. И. Кравцова, «Гойко — легендарная личность. Братьев Мрнявчевичей было двое: Вукашин и Углеша», причем имя Гойка исследователь тогда возводил к упоминаемому в песне строителю Скадара Гойко<sup>74</sup>. Позднее Н. И. Кравцов утверждал, что «Гойко — личность, прототип которой установить трудно; здесь [в песне «Построение Скадара». — *Е. Н.*] произвольно назван братом Мрнявчевичей»<sup>75</sup>... Точно так же рассуждал И. Н. Голенищев-Кутузов, заявлявший, что «Гойко — личность эпическая», ибо «истории известны лишь братья Вукашин и Углеша»<sup>76</sup>, а о «третьем брате, упомянутом в эпосе, воеводе Гойко, исторические документы молчат»<sup>77</sup>.

В действительности анализ исторических источников позволяет, на наш взгляд, не согласиться с приведенными выше, столь категоричными заключениями. Так, в двух грамотах царя Стефана Душана, изданных в 1355 г. (грамота Хиландарскому монастырю о баштинной церкви феодала Влатка в Псаче и вторая — о задужбине севастократора Деяна, Архилевицком монастыре<sup>78</sup>), в качестве одного из самых влиятельных вельмож выступает царский логофет (или даже «великий логофет») — канцлер Гойко<sup>79</sup>. В этих памятниках последнего года царствования Душана, равно как и в грамотах Уроша V, ничего не сказано о родственных связях Гойка и его судьбе после развала Сербского

литра [т. е. «злата». — *Е. Н.*] по осамь десеть и четири дукате». (*Јб. Стојановић*. Старе српске повеље и писма, кн. I, д. 2. Београд, 1934, стр. 158). Учитывая обычные колебания цен в ту эпоху, мы можем считать цену одной литры (в 100 дукатов) довольно точной.

<sup>73</sup> П. Попович. Указ. соч., стр. 72 (точно так же и в кн.: В. Бурић. Српскохрватска народна епика, стр. 28).

<sup>74</sup> «Сербский эпос», 1933, стр. 588.

<sup>75</sup> «Сербский эпос», т. I, 1960, стр. 340.

<sup>76</sup> И. Н. Голенищев-Кутузов. Эпос сербского народа, стр. 324.

<sup>77</sup> Там же, стр. 220.

<sup>78</sup> О датировке I Архилевицкой грамоты см.: А. В. Соловьев. Два прилога проучавању Душанове државе. «Гласник Скопског научног друштва», кн. II, 1927, стр. 31 (ср. в нашей статье «К вопросу о датировке некоторых сербских грамот второй половины XIV в.» — Сб. «Славянский архив», М., 1962, стр. 3—5).

<sup>79</sup> С. Новаковић. Законски споменици српских држава..., стр. 436, 740. О роли его тогда говорит и то, что он назван в составе своеобразной директории — «правительства» Душана (в письмах папской курии, составленных еще в конце 1354 г.; см. например: К. Лиречек. Историја Срба, т. I, стр. 234), и что, быть может, он сохранил свое влияние и в начале правления Уроша.

царства. Однако это нас несколько не может удивить, так как выше мы уже упоминали о малочисленности и фрагментарности свидетельств той поры. К тому же тогда указания родства (т. е. «фамилии») даже самых видных феодалов были еще чрезвычайно редкими, они встречаются все чаще лишь с 60—70-х годов XIV в., притом и тогда не у всех владетельных семей.

Все это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что нет оснований отрицать существование у эпического Гойка исторически реального прототипа, который (т. е. логофет Душана — Гойко) действительно мог быть в каком-то родстве с братьями Мрнявчевичами — Вукашином и Углешей, а тем самым и оспаривать принадлежность Гойка к феодальной (герцеговинской?) фамилии Мрнявчевичей. Заметим кстати, что само это фамильное имя Мрнявчевичей, как и сведения о происхождении трех братьев от некоего Марнявы (или Мрняна), появляется в нарративных памятниках лишь во второй половине или конце XVI в. — в «Царстве славян» Мавро Орбини (издано в 1601 г.)<sup>80</sup> и в сербских родословах и летописях, — в вариантах и списках, возникших во второй половине XVI — конце XVII в. и даже во второй половине XVIII в.<sup>81</sup> Примечательно, что в памятниках более ранних говорится только о двух братьях — Вукашине и Углеше (или безымянных), — но без наименования их Мрнявчевичами<sup>82</sup>.

Правда, исключением из этого правила мог бы послужить так называемый Карловацкий родослов (он содержит легенду об убийстве царя Уроша Вукашином, Углешей и Гойком), если принять датировку и атрибуцию Дж. Сп. Радоичича<sup>83</sup>. Дж. Сп. Радоичич считает этот родослов произведением начала XV в., а его автором — некоего жителя Белграда, быть может, самого деспота Стефана Лазаревича<sup>84</sup>. Однако аргументация Дж. Сп. Радоичича, сводящаяся лишь к ссылке на одну фразу об Архангельском монастыре близ Призрена, остается крайне неубедительной, и поэтому нам представляется все же более

<sup>80</sup> См., например: *К. Лиречек*. Историја Срба, т. I, стр. 243 (в прим. 30 К. Лиречек возводит эти сведения М. Орбини к герцеговинским преданиям); *Н. Радојичић*. Српска историја Мавра Орбинија. Београд, 1950, стр. 30—32 (здесь как и для источника М. Орбини указаны дубровницкая традиция и генеалогии албанских князей Мусаки и сербских — Косач).

<sup>81</sup> *Љ. Стојановић*. Стари српски родослови..., стр. 54, 206, 208.

<sup>82</sup> Там же, стр. 84—85 и др.; ср.: *Константин Михаиловић из Островице*. Јаничарове успомене..., стр. 17—18.

<sup>83</sup> *Љ. Стојановић*. Стари српски родослови..., стр. 36 (ср. в нашей статье «Кем написано второе житие Стефана Дечанского?» — Сб. «Славянский архив». М., 1963, стр. 62).

<sup>84</sup> *Б. Сп. Радојичић*. Доба постанка и развој старих српских родослова. «Историски гласник», 1948, № 2, стр. 29; *он же*. Књижевна збивања и стварања код Срба у средњем веку и у турско доба. Нови Сад, 1967, стр. 168—169.

правильной датировка родослова XVI в.<sup>85</sup> Разумеется, еще требуется дальнейшее ее уточнение, но само отсутствие «фамилии» Мрнявчевичей говорит, пожалуй, в пользу предложенной И. Руварцем датировки родослова 1501—1520 гг.

На этом основании мы можем, вероятно, представить взаимосвязь с эпической традицией локальных преданий, происходящих, видимо, из определенных районов Герцеговины и Черногории (заметны племенные симпатии и антипатии их авторов; напомним хотя бы слова песни «Женитьба короля Вукашина» о «Васоевичах злобных»). Сюжеты преданий отразились в некоторых родословах, летописях и в сочинении Мавра Орбини. Быть может, эти местные предания о локальных героях и родоначальниках и послужили основой для появления третьего брата, Гойка, в песнях о Мрнявчевичах, а затем и в трудах неизвестных сербских летописцев и книжников. Примечательно, что сохранились сказания о переселении воеводы Гойка, брата Вукашина, из Скадара в долину р. Циевны<sup>86</sup>. Можно предположить, что это постепенное расширение сферы «деятельности» Гойка Мрнявчевича происходило уже в XV—XVI вв.

Не менее любопытен вопрос о возможности существования какого-то исторического прототипа у эпического воеводы Жарко, фигурирующего в песнях наряду с Кралевичем Марко. По мнению Н. И. Кравцова, сидевший якобы в г. Серры (Серес) «Жарко-воевода истории не известен»<sup>87</sup>. Между тем анализ даже сохранившихся исторических источников показывает, что не следует отвергать столь категорическое свидетельство средневековых певцов. В самом деле, среди известных истории имен времен распада Сербского царства мы находим довольно влиятельного феодала («барона») Жарко, приближенного царя Уроша (упоминается в 1356—1357 гг.)<sup>88</sup>, а в известном списке наследников державы Душана и Уроша — другого (?) Жарко, который в исторической литературе обычно отождествляется с вельможей Душана, севастократором Деяном<sup>89</sup>. В этой связи

<sup>85</sup> И. Руварац. О кнезу Лазару. Нови Сад, 1887, стр. 238: *Љ. Стојановић*. Стари српски родослови..., стр. IX. Несомненно, вопрос о датировке и атрибуции так называемого Карловацкого родослова заслуживает весьма обстоятельного исследования, однако мы хотели бы все же указать на неправомерность отнесения названной фразы об Архангельском монастыре ко временам сербской деспотовины. Вероятно, гораздо более правильно истолкование ее за счет притеснений времен турецкого владычества, даже и после восстановления печской патриархии.

<sup>86</sup> См., например: *Р. Ковијанић и И. Стјепчевић*. Културни живот старог Котора..., кн. I, стр. 146.

<sup>87</sup> «Сербский эпос», т. I, стр. 353.

<sup>88</sup> *К. Јиречек*. Историја Срба, т. I, стр. 243; «Зборник Константина Јиречека», т. I, стр. 351.

<sup>89</sup> См., например: *И. Руварац*. О кнезу Лазару, стр. 76, 84—85, 93, 106—107; *М. Рајчић*. Севастократор Дејан. «Историски гласник». Београд, 1953, № 3—4, стр. 17—19.

следует, возможно, вновь рассмотреть проблему этой идентификации Деяна с названным выше Жарко, который, по словам Л. Халкокондила, «достиг высшего почета» у «царя Степана» (т. е. Уроша.— *Е. Н.*)<sup>90</sup> и получил от него в управление земли в Македонии (в бассейне р. Вардара)<sup>91</sup>. При этом необходимо будет все же использовать и свидетельства об эпическом герое Жарко Мерешиче<sup>92</sup> и реально существовавшем при дворе сербского властителя Иоанна Углеши (дяди Кралевича Марка) воеводе Жутко (1366 г.),<sup>93</sup> имя которого затем в эпической традиции могло быть изменено.

Точно так же возможно и сопоставление известий Лаоника Халкокондила об одном из «диадохов» Сербского царства — Богдане с упоминаемым эпической традицией могущественным Лютицей-Богданом, не уступившим по своей силе даже Кралевичу Марко. К сожалению, и в этом случае в имеющейся литературе существует разногласие: ссылки на действительного современника князя Лазаря (т. е. Богдана, правившего в Южной Македонии)<sup>94</sup> без достаточных оснований сопровождаются замечаниями об одноименном предводителе ускоков (XVII—XVIII вв.), вследствие чего Лютица-Богдан из «исторической личности, стал уже «личностью эпической»<sup>95</sup>.

Нам представляется несостоятельным и такое расплывчатое толкование этого образа и даже практическое отрицание некоторыми исследователями эпоса реального исторического прототипа Лютицы-Богдана, т. е. южномакедонского князя Богдана. Однако при этом мы должны признать, что неточные представления в известной мере обусловлены и отсутствием надлежащих источниковедческих поисков (и прежде всего — анализа любопытнейших сообщений Л. Халкокондила, которые к тому же в последнее время становятся объектом поверхностных гиперкритических заключений). Так, например, византист Г. А. Острогорский объявляет известия Л. Халкокондила о Богдане и его княжестве «поздними и путаными», с чем связан его вывод, что «о Богдане и его области в действительности ничего точно не известно»<sup>96</sup>. Нетрудно заметить, впрочем, что такие суждения Г. А. Острогорского вызваны стремлением придать больше веса братьям Вукашину и Углеше, преувеличить значение Сербского

<sup>90</sup> Ср. в нашей работе «Феудализм сепаратизма...», стр. 70—71.

<sup>91</sup> «Laonici Chalcocandylae Atheniensis Historiarum...», Вонпае, 1843, стр. 28.

<sup>92</sup> Ср.: *М. Динић*. Релья Охмучевић, стр. 117.

<sup>93</sup> См., например: *Г. Острогорски*. Српска област после Душанове смрти, стр. 102.

<sup>94</sup> Там же, стр. 20—21; *И. Руварац*. О кнезу Лазару, стр. 97.

<sup>95</sup> «Сербский эпос», 1933, стр. 596 (прим. 134); «Сербский эпос», т. I, стр. 348—349; *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Эпос сербского народа, стр. 326.

<sup>96</sup> *Г. Острогорски*. Српска област после Душанове смрти, стр. 21.



государства Углеши<sup>97</sup>, а не вытекают из детального рассмотрения рассказа неплохо осведомленного афинянина. Таким образом, и при рассмотрении данного эпического образа и его исторических прототипов также необходимы тщательные исследования и проверка имеющихся свидетельств и мнений. Заметим, кстати, что сопоставление Лютицы-Богдана с вождем ускоков вовсе не обязательно потому, что «Приморье», названное в песне «Кралевиц Марко и Лютица-Богдан», может обозначать равным образом и районы Южной Македонии, прилегающие к Эгейскому морю, т. е. те пределы, где могли соприкаться владения короля Марка и Богдана.

Впрочем, все сказанное выше о Жарке и Богдане (как вероятном прообразе песенного Лютицы-Богдана), по нашему мнению, может относиться и к вопросу об исторической основе эпического героя — могущественного Юг-Богдана, отца девяти Юговичей и самой Милицы, жены князя Лазаря. В действительности при знакомстве с имеющимися работами, мы обнаруживаем смутные представления об историческом прототипе этого образа Косовского цикла, который то объявляется личностью «эпической», то как будто связывается с одноименным персонажем Троишской летописи, пропозанной песенными сюжетами (таким образом, на деле ссылка восходит к тому же эпосу), и даже с названным выше южномакедонским властителем Богданом<sup>98</sup>. Отвергая, естественно, обе последние ссылки, мы должны указать, что это несколько не означает отсутствия у образа Юг-Богдана каких-то элементов реальной действительности.

В самом деле, уже обращение к сербским грамотам второй половины XIV в. дает нам имена двух феодалов (возможно, что в обоих случаях подразумевается одно лицо): приближенного князя Лазаря — Югда (в Раваницкой грамоте 1376—1377 гг.) и вассала его вдовы и сына — некоего Юги (в грамоте Русскому монастырю 1395 г.)<sup>99</sup>. Более того, среди воевод деспота Стефана Лазаревича (в 1423 г.) мы находим вольможу по имени Воин Юга<sup>100</sup>. При рассмотрении этого вопроса, без сомнения, будут полезны и свидетельства турецкого историка Мехмеда Нешри (начало XVI в.), который, возможно под влиянием сербской песенной традиции — Косовской легенды, называет военачальников Лазаря — Югу и Дмитрия Юговича<sup>101</sup>.

<sup>97</sup> Г. Острогорски. Српска област после Душанове смрти, стр. 14, 20—24 (ср. в нашей рецензии: «Византийский временник», т. XXIX, 1968, стр. 305—307). В данной связи нельзя не выразить удивления по поводу аргументации автора, считающего, что если неверно одно известие Л. Халкокондила, то неточно и другое! (стр. 21).

<sup>98</sup> «Сербский эпос», 1933, стр. 589, прим. 46; «Сербский эпос», кн. I, стр. 343; И. Н. Голенцев-Кутузов. Эпос сербского народа, стр. 329, 336.

<sup>99</sup> С. Новаковић. Законски споменници српских држава... стр. 769, 519.

<sup>100</sup> К. Лиречек. Историја Срба, т. II, стр. 360.

<sup>101</sup> А. Олеснишки. Турски извори о Косовском боју. «Гласник Скопског научног друштва», кн. XIV, 1935, стр. 80—82.

Таким образом, в этих исторических источниках мы можем предположить существование каких-то отголосков преданий о феодальных родах (притом довольно-таки древних, восходящих, возможно, к концу XIV—XV в.), затем причудливо смешанных с более поздними сказаниями. Между прочим, появление Юг-Богдана в Трношском родослове (XVIII в.), по нашему мнению, следовало бы связать с любопытным указанием песни (также, поздней, судя по списку называемых там монастырей)<sup>102</sup> «Ми-лош у латинян», о том, что Трноша была монастырем — задужбиной братьев Юговичей<sup>103</sup>. Следовательно, по представлениям народных певцов, эта феодальная семья переместилась из Поморавья (район Лесковца, где будто бы находился двор Юг-Богдана) в Северо-Западную Сербию. В исторической же действительности Сербии конца XIV—XV в., как нам известно, такие передвижения (под ударами турок-османов) местного населения, — а вместе с тем и феодальных властителей — были весьма частыми. Это существенно отражалось на формировании этнического состава и социально-экономическом развитии Сербии накануне падения ее средневековой государственности.

Итак, даже такое краткое рассмотрение некоторых «анахронизмов», и якобы исключительно «эпических» образов сербского фольклора показывает необходимость дальнейших специальных и всесторонних историко-фольклорных разысканий. Такое исследование требует изучения всех сохранившихся исторических источников, включая и самые поздние и недостоверные вроде Трношской летописи. Даже приведенные примеры показывают, что нет оснований отрицать наличие в так называемых «исторических» эпических текстах известной реальности, а у эпических героев — некоторых исторических прототипов. Последние в процессе развития эпической традиции на протяжении долгих веков претерпевали, разумеется, немало изменений (таковы и контаминация разных образов, и их новая локализация и т. д.). Это в свою очередь позволяет считать достаточно перспективным конкретный анализ отдельных частных проблем историчности эпоса на материале определенных песенных циклов и их персонажей, сопоставляемом со свидетельствами письменных исторических источников. Вполне понятно, что такой параллельный анализ строго ограниченных тематически эпических и исторических сведений помог бы более четко и глубоко представить отражение в сознании народа и его певцов катаклизмов времен

<sup>102</sup> Показательно, что в данном перечне отсутствуют две богатейшие задужбины династии Неманичей — Архангельский (у Призрена) и Святостефанский (в с. Баньской) монастыри, строения которых были окончательно уничтожены турками в начале XVII в.

<sup>103</sup> И. Н. Голенищев-Кутузов. Эпос сербского народа, стр. 134. Ср. список церквей и монастырей в песне «Построение Раваницы» (см., например: S. Nazečić. Epske narodne pjesme. Sarajevo, 1954, стр. 167—169).

крушения Сербского царства и османской экспансии. Такой путь исследования позволил бы пополнить данные первоисточников за счет более или менее исторически достоверных народных преданий и сказаний.



Одним из самых интересных, пожалуй, и важных вопросов южнославянского фольклора представляется вопрос об историчности образа Кралевица Марка и тем самым о возможности сохранения в дошедших до нас песнях некоторых исторически достоверных (даже при известной эпической обработке) образов и сюжетов. Такой подход применим особенно к тем эпическим текстам, где этот герой выступает совместно с лицами, историческая идентификация которых возможна, и притом реально именно отождествление их с действительными современниками прилепского короля Марка. Необходимость такой постановки вопроса тем более очевидна, что несмотря на наличие обильной литературы, на живой интерес многих ученых к этому, самому любимому герою южнославянского эпоса<sup>104</sup> и общее признание историзма сербского эпоса, в настоящее время именно образ песенного Марка считается рядом ученых фактически полностью неисторическим, вобравшим в себя различные мифические и фантастические мотивы<sup>105</sup>. Так выглядит этот герой даже в глазах исследователей, признающих исторические основы эпической традиции. Отрицается возможность хотя бы некоторой исторической достоверности, реальности каких-то (пусть единичных) текстов песен из огромного множества посвященного Кралевицу Марку. Утверждают даже, в противовес мнению П. Поповича и А. Вайяна, будто «ничего не подтверждает существования [т. е. и существования некогда, прежде.—Е. Н.] песен, исторически точно изображавших Марко»<sup>106</sup>. По нашему мнению, такой отрыв образа эпического Марка от его «исторического прототипа», наметившийся несмотря на отдельные заявле-

<sup>104</sup> См., например, названные выше работы (прим. 2 и 3), а также В. И. Ламанский. Сербия и южнославянские провинции Австрии. Из записок о славянских землях. СПб., 1864, стр. 55—57; С. А. Никитин. Переписка М. С. Дринова с русскими учеными. «Исследования в чест на Марин С. Дринов». София, 1960, стр. 214—215; Н. С. Державин. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.—Л., 1944, стр. 28—39; он же. Кралевиц Марко и Илья Муромец.—«Советская этнография», т. VI—VII, 1947.

<sup>105</sup> См., например: П. Попович. Указ. соч., стр. 82; Н. И. Кравцов. Сербские юнацкие песни, стр. 109; он же. Идейное содержание сербского эпоса, стр. 335—340; «Сербский эпос», т. I, стр. 347; И. Н. Голеншицев-Кутузов. Эпос сербского народа, стр. 247—249; Н. И. Корнеева. Указ. соч., стр. 150—151; и др.

<sup>106</sup> Н. И. Кравцов. Идейное содержание сербского эпоса, стр. 335 (ср.: П. Попович. Указ. соч., стр. 79; Н. И. Кравцов. Сербские юнацкие песни, стр. 116—117 — о близости к историческим событиям песен, изображающих Марка). Ср. также: S. Nazežić. Указ. соч., стр. 6.

ния о создании данного образа на базе «реального исторического лица»<sup>107</sup>, собственно и обусловил бесплодность споров о причинах популярности эпического Марка.

Заметим, между прочим, что было бы неверно, говоря о причинах популярности эпического Марка, допускать механическое смешение разных эпох народной песенной традиции, т. е. трактовки дошедшего до нас эпического материала (преимущественно позднего происхождения — XVIII—XIX вв.) и представлений более ранних народных поэтических сказаний, известных нам, к сожалению, мало. В свою очередь отсутствие достаточно полных сведений о развитии эпоса в XV—XVI вв. не позволяет согласиться с априорными утверждениями о невозможности существования даже в тот период более или менее исторически достоверных песен и сказаний о Кралевице Марке. По всей видимости, именно такие эпические сказания обусловили в первые столетия турецкого владычества поистине необычайную привлекательность образа Марка, имя которого связывалось со многими героическими событиями, персонажами и памятниками.

Показателем рассказа Вацлава Вратислава, приехавшего в 1591 г. в Константинополь вместе с имперским посольством. Со слов местных жителей (славян и турок) он не только назвал теснину близ Пловдива местопребыванием «последнего деспота или князя болгарского Марека Карловича» (т. е. Марко Кралеви́ча), но и известный подвиг Милоша Обилича изобразил мезью («одного хорвата») «за смерть своего сербского государя Марка Деспота»<sup>108</sup>.

Если рассказ Вратислава наглядно демонстрирует нам популярность образа Марко во второй половине XVI в. на территории Румелии — европейских провинций Турецкой империи, то датируемое достаточно точно началом 30-х годов XV в. свидетельство болгарского книжника Константина Философа, автора жития сербского деспота Стефана Лазаревича, не менее важно. Оно подтверждает, что личность короля Марка уже тогда связывалась со многими преданиями и сказаниями, которые не только рисовали его в весьма благоприятном свете (как поборника христианского дела, почти мученика, павшего в жестокой борьбе христиан и мусульман и чуть ли не сравнявшегося по своему значению с князем Лазарем), но и, видимо, служили основанием для зарождения особого культа Марка, для его beatизации<sup>109</sup>.

<sup>107</sup> См., например: *Н. И. Кравцов*. Идейное содержание сербского эпоса, стр. 335.

<sup>108</sup> *В. Вратислав*. Приключение чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжкой неволе у турок с австрийским посольством 1591 г. СПб., 1877, стр. 40, 66. Таким образом в последнем случае Марко отождествлен с князем Лазарем!

<sup>109</sup> Ср.: *Л. Павлович*. Култови лица код Срба и Македонаца. Смедерево, 1965, стр. 241—242.

Константин Философ в главе о Ровинской битве пишет, что в ней участвовали король Марко, Константин Деянович и сам Стефан Лазаревич, «ибо все эти были [вместе] с исмаилитами, притом по неволе, по нужде,— как рассказывают [глаголють] о блаженном Марке, что он сказал Константину [Деяновичу.— *Е. Н.*]: «я говорю и молю господа, чтобы быть мне помощником христианам, а мне же первому пасть мертвым на этой рати»<sup>110</sup>. В этом рассказе мы можем отметить еще следующие любопытные обстоятельства: прежде всего — появление такого культа за пределами бывших владений короля Марка и его отца, притом в княжестве наследников Лазаря, вовсе не связанных (насколько известно) с Марком и его семьей родственными узами. Заметна также церковная окраска народных сказаний и, возможно, эпических песен, послуживших основой для сюжета рассмотренного нами отрывка из сочинений Константина Философа.

Нетрудно заметить, что такая широкая популярность образа короля Марка уже в первые века турецкого нашествия и господства (к тому же, повторяем, вне границ владений его самого и его родственников) побуждает вновь тщательно проанализировать все дошедшие до нас сведения исторических первоисточников о Марке. В этой связи мы коснемся очень распространенных в литературе утверждений о «малозначительности» и «исторической ничтожности» Марка как одного из наследников державы Душана, реального исторического лица второй половины XIV в.

В самом деле такая оценка стала уже общим местом во многих работах по истории южнославянского эпоса. Так, например, еще П. Попович утверждал, что Кралевич Марко «как историческая личность» не имеет «большого значения»<sup>111</sup>. Эта же точка зрения о «исторически незначительном лице» Марке была повторена Н. И. Кравцовым,<sup>112</sup> который позднее снова указывал, что «мелкий и незначительный государь Марко не оставил сколько-нибудь заметного следа в истории»<sup>113</sup>. Аналогичного мнения о данном деятеле, «не представляющем собою, по-видимому, ничего выдающегося и не оставившем после себя в истории южного славянства никакого в этом смысле следа»,<sup>114</sup> придерживался и Н. С. Державин. Такую же характеристику Марка как «вассала турецкого султана, не слишком удачливого в военных и политических делах македонского князька, сына непопуляр-

<sup>110</sup> В. Јагић. Константин Философ и његов живот Стефана Лазаревича деспота српског. «Гласник Српског ученог друштва», кн. XLII, Београд, 1875, стр. 269—270 (ср.: Л. Мирковић. Старе српске биографије XV и XVII века. Београд, 1936, стр. 67—68).

<sup>111</sup> П. Попович. Указ. соч., стр. 78.

<sup>112</sup> Н. И. Кравцов. Сербские юнацкие песни, стр. 82.

<sup>113</sup> «Сербский эпос», т. I, стр. 347.

<sup>114</sup> Н. С. Державин. Племенные и культурные связи..., стр. 28.

ного короля Вукашина» дает и И. Н. Голенищев-Кутузов<sup>115</sup>. Подобное мнение разделяет и югославский ученый В. Джурич<sup>116</sup>. Буржуазный югославский историк Вл. Чорович писал, что «как историческая личность, согласно известным источникам, Кралевич Марко, впрочем, не заслуживал бы такого культа», — т. е. ореола самого популярного героя всей народной песенной традиции южнославянских народов<sup>117</sup>.

Уместно, по нашему мнению, сказать в данной связи, что подобная стереотипная оценка Марка как «незначительной» исторической фигуры вызывает в литературе и нередкие (на наш взгляд, малоаргументированные) попытки объяснить популярность Марка и любовь народных певцов к этому герою ссылками на одноименных (еще менее известных и, видимо, вовсе не популярных в южнославянской среде) эфемерных исторических деятелей вроде венецианца Марко Барбадиго, правителя северо-албанского г. Кроя (1393—1394 гг.), или упоминаемого на рубеже XVI и XVII в. кондотьера Марка Витязя<sup>118</sup>. Нельзя не отметить неубедительности этих столь распространенных оценок, которые, как нам представляется, совершенно не учитывают ни специфики сохранившихся источников и сведений о Марке<sup>119</sup>, ни крайней малочисленности и односторонности этих свидетельств, объясняющихся и самой обстановкой бурных лет после распада Сербского царства и гибелью многих памятников.

Как известно, не сохранилось ни одного жития или похвального слова, посвященного Марку, ни какой бы то ни было летописи или родослова, составленного при дворе его или родственников ему князей (в отличие от сохранившихся материалов и свидетельств о жизни таких диадохов Душана, как царь Урош, князь Лазарь, Вук Бранкович, даже Фома Прелюбович и братья Деяновичи<sup>120</sup>). Наконец, не осталось даже ни одного документа, изданного королем Марко, или какой-нибудь его

<sup>115</sup> И. Н. Голенищев-Кутузов. Эпос сербского народа, стр. 247.

<sup>116</sup> В. Джурич. Српскохрватска народна епика, стр. 56.

<sup>117</sup> S. Stanojević. Narodna enciklopedija Srpsko-hrvatsko-slovenačka, knj. II, 6/г, стр. 478.

<sup>118</sup> Ср.: Л. Павлович. Указ. соч., стр. 240; S. Ljubić. Указ. соч., т. IV, стр. 314, 328, 331.

<sup>119</sup> Попытка создания полного «корпуса» этих материалов была предпринята еще П. С. Срежковичем [см.: П. С. Срежкович. Преглед историјских извора о кнезу Лазару и Марку Краљевићу.— «Споменик Српске краљевске академије», вып. XXXVI (32) 1900], однако позднее были изданы более полные публикации (особенно ценны — новые, названные выше, в прим. 10).

<sup>120</sup> По нашему мнению, рассказ Л. Халкокондила о наследниках Душановой державы (в особенности о Деяновичах — Драгаше и Константине) позволяет предположить, что в его «Истории» были использованы какие-то отрывки или остатки от фамильной хроники Деяновичей, попавшие затем в византийскую среду. Разумеется, данный вопрос требует еще особого рассмотрения.

обширной ктиторской записи в монастыре<sup>121</sup>. Поэтому доступный нам материал в основном состоит из записей подданных (или бывших подданных) Марка и его родственников и немногочисленных нумизматических и иконографических данных<sup>122</sup>.

Не менее любопытно и то обстоятельство, что фактически даже основа этих очень скудных сведений исторических источников, т. е. база действительно научного исторического исследования деятельности Марка возникла лишь около ста лет назад, в 50-х и 60-х годах XIX в., с открытием первых монет Марка и ценнейшей надписи в монастырьке Зерзе (близ Прилепа), составленной вскоре после ликвидации удела Марка султаном Баязидом<sup>123</sup>. В самом деле, публикация этих материалов (Я. Шафариком и С. Верковичем) пролиvalа, как указывал В. И. Ламанский, «новый свет на один из запутаннейших периодов сербской истории, именно от смерти Стефана Душана (1356) до Косовской битвы (1389)», неоспоримо свидетельствовала о существовании независимого княжества Марка. Только после этой публикации стала возможной при описании роли Марка в период распада Сербского царства опора на действительно надежные сведения, а не на полуполюгендарные повествования эпических песен и Тронушской летописи<sup>124</sup>.

В. И. Ламанский, опираясь именно на данные источники, уже тогда сделал немаловажное заключение относительно причин популярности образа Марка в эпических песнях. То обстоятельство, что Кралевич Марко — любимейший герой эпоса, писал В. И. Ламанский, «доказывает, что раздробление Сербии по смерти Вукашина опиралось не на личных только интригах и несогласиях сербских великашей, а напротив, на племенных антипатиях, или, употребляя выражение г. Костомарова, на федеративных стремлениях самого сербского г. народа. В самом деле, в раздорах серб-

<sup>121</sup> Лишь в последнее время была открыта краткая (но важная по своему содержанию) запись времен «молодого короля» Марка (1371 г.) из разрушенной Введенской церкви в Призрене (см. выше, прим. 10). Надпись в Марковом монастыре, к сожалению, в настоящее время уже не существует; текст ее, приведенный П. С. Сречковичем, весьма сомнителен (см.: *И. Иванов. Български старини...*, стр. 118—119). Обнаруженная недавно К. Балабановым там же запись (на свитке у портрета Марка) о постройке монастыря сохранилась неполностью (К. Балабанов. Указ. соч., стр. 52).

<sup>122</sup> Ом.: *Љ. Стојановић. Стари српски записи...*; *И. Иванов. Български старини...*; и др. (ср. ф. Сп. Радочић. Савременици Краљевића Марка и њихови записи. «Зборник Матице Српске за књижевност и језик», кн. VI—VII, 1959, стр. 36—41). Известная запись о короле Марке (из с. Калугерец в Поречи) вновь издана в кн.: *М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, стр. 294 (ср. стр. 302—записи кефалии Грубадина).*

<sup>123</sup> *Я. Шафарик. Натпис на цркви у манастиру Преображења, названом данас Зерзе, код Прилепа. «Гласник Друштва српске словесности», књ. VI. Београд, 1854, стр. 186.*

<sup>124</sup> *В. И. Ламанский. Сербия и южнославянские провинции Австрии, стр. 55—56.*

ских князей, о которых говорит Трношский летописец, виден какой-то антагонизм между юго-западной и северо-восточной ветвью сербов»<sup>125</sup>. И далее В. И. Ламанский продолжал: «Вообще история сербского народа указывает на значительное преобладание в нем духа областного партикуляризма над общим духом внутреннего единства»<sup>126</sup>.

По нашему мнению, эти положения о разгуле центробежных тенденций, росте локальных, сепаратистских устремлений (разумеется, не народа, а прежде всего феодальных династов и местной знати) после распада Сербского царства и о влиянии этой общеполитической обстановки на симпатии и антипатии народных сказителей (в данном случае к Кралевичу Марку) нельзя не признать весьма любопытными. Они в немалой степени действительно объясняют все те очень неясные перипетии культа образа Марка в южнославянской среде на протяжении XIV—XVIII вв., те непонятные нам (ввиду неполноты или отсутствия источников) затухания и новые вспышки симпатий к этому герою эпоса и популярности имени Марка в разных уголках Балканского полуострова<sup>127</sup>. Несомненно, что умолчание, притом вполне сознательное, о короле Марке в источниках XIV в. (да и в более поздних) нередко было вызвано конкретной его политикой, его взаимоотношениями с соседними владетелями, с церковной иерархией (между прочим, с афонскими монастырями). Так, например, отсутствие сведений о Марке в иноязычных (венецианских и дубровницких) документах той поры имеет своей прямой причиной расположение его владений во внутренних районах Македонии, вдали от приморских городов и торговых путей. Однако, вряд ли следует считать случайным то важное обстоятельство, что во всех афонских монастырях (в особенности — в Хиландарском монастыре, главной задушбине сербских и македонских правителей) не осталось ни единого документа, ни одной жалованной грамоты Марка (естественно, мы не исключаем возможности потери таких актов)<sup>128</sup>, ни даже какого-то упоминания о прежних дарениях Марка афонским монахам (в позднейших грамотах и перечнях, вроде того, как это делалось, например, в афонском монастыре Кутлумуш). В политике короля Марка, очевидно, (как, впрочем, и царя Уроша, короля Вакушина и других династов)<sup>129</sup>, были сильные секуляризационные тенденции, выражавшиеся в ограничении земельных богатств церкви и ее привилегий, в чрезвычайно рез-

<sup>125</sup> Там же, стр. 56—57.

<sup>126</sup> Там же, стр. 57.

<sup>127</sup> См., например: *Л. Павловић*. Указ. соч., стр. 241.

<sup>128</sup> Ср. в нашей статье «К вопросу о датировке некоторых сербских грамот...», стр. 8.

<sup>129</sup> Подробнее см. в наших работах («Секуляризация в феодальном развитии балканских стран в XIV—XV вв.», М., 1966; «Феудальный иммунитет по распаѓањето на српско царство». «Историја», 1969, № 2, стр. 43—54).



ком сокращении новых пожалований в пользу монастырей (прежде всего — афонских). Вполне возможно, что ввиду этого и не могло быть на Афоне доказательств мнимой симпатии Марка, вследствие чего уже позднее хиландарским монахам и пришлось (из-за появления культа Марка) выдумывать предания о его могиле в их монастыре <sup>130</sup>.

По нашему мнению, было бы неправильным не считаться и с другим фактом — умолчанием о Кралевице Марке в «Истории» Лаоника Халкокондила. Пытливый и осведомленный афинянин, собиравший самые разнообразные сведения о победном шествии турок-осман на Балканах и о крушении Византии и других христианских государств, знал о многих диадохах и эпигонах Душанова царства (он называет, например, Вукашина, Угleshу, Богдана, Жарка, «Пладикю» — Бранка Младеновича, Лазаря, Вука Бранковича, «Прелюба» — т. е. Фому Прелюбовича, братьев Деяновичей — Иоанна Драгаша и Константина), однако ни единым словом не обмолвился о сыне и преемнике «Краля» т. е. (Вукашина) — Кралевице Марке <sup>131</sup>. При этом такую непонятную неосведомленность Л. Халкокондила, по нашему мнению, нельзя отнести на счет географической удаленности (наподобие того, как это обстоит с Балшичами, также не попавшими в его список диадохов) и недоступности данных районов Балканского полуострова. Напротив, достаточно подробный рассказ историка о соседях Марка, Деяновичах и их родственнике Богдане и блестящая характеристика Иоанна Драгаша <sup>132</sup> позволяют предполагать, что главной причиной «незнания» и замалчивания Марка одного из могущественных правителей Македонии, были феодальные распри и вражда Деяновичей с Марком, которые, как мы попытаемся показать ниже, нашли отражение и в эпических песнях.

Заметим, кстати, что это отсутствие упоминания Марка у Л. Халкокондила имело последствием и необоснованное исключение в историографии (вплоть до 60—70 годов XIX в.) короля Марка из числа новых феодальных династов, появившихся после распада Сербского царства <sup>133</sup>. Впрочем, такая неосведомленность Л. Халкокондила не столь уж удивительна, если вспомнить о том, что даже в ктиторской записи Андреяша, брата Кралевица Марка, в монастыре св. Андрея на р. Треске (1389 г.) упомянуты лишь сам Андреяш, Вукашин и Елизавета (жена Вукашина), но

<sup>130</sup> Ср.: Л. Павловiћ. Указ. соч., стр. 240; Н. И. Кравцов. Сербские юнацкие песни, стр. 78—81.

<sup>131</sup> См. Loanici Chalcosandylae... Указ. изд., стр. 28—81.

<sup>132</sup> Там же, стр. 81 (Драгаш «после смерти Жарка был лучшим из мужей по уму и военному опыту, не уступая никому в то время...»).

<sup>133</sup> См., например: А. Мајков. Историја српскога народа (превео Ђ. Даничић), 2-е изд. Биоград, 1876, стр. 76—86 (Марко упомянут лишь во фразе о Ровинской битве), ср.: С. Новаковић. Срби и Турци XIV и XV века. Београд, 1893, стр. 188—189.

вовсе не назван брат и сюзерен Андреяша — славный и державный Марко<sup>134</sup>.

Названные нами источники позволяют достаточно четко представить основное в деятельности короля Марко и его значение среди многочисленных наследников державы Стефана Душана. Не подтверждается точка зрения о «незначительности» этого деятеля, столь широко распространяющаяся в литературе под влиянием «Истории сербов» К. Иречка<sup>135</sup>. В самом деле, Марко, один из сверстников Уроша, в период его правления принадлежал несомненно к числу наиболее влиятельных придворных, видимо, относясь к тем «молодым» вельможам, чьи советы столь охотно принимал (по словам летописи) сам Урош<sup>136</sup>. Как известно, уже в 1361 г. Марко был послом царя в Дубровнике, а позднее, после провозглашения в 1365 г. его отца Вукашина королем (т. е. наследником Уроша и всего Сербского царства) его роль еще более возрастает. Не вызывает сомнения у нас то, что именно в это время (1365—1371 гг.) Марко приобретает такую известность, что и в сербский эпос он вошел с эпитетом «Кралевич». 1371 год — это, пожалуй, вершина всей политической карьеры Марко: как показывают исторические источники, тогда он участвует в походах наравне со своим отцом, а отражением этого становится его новый титул — титул «молодого короля», т. е. официального преемника Вукашина и тем самым даже Уроша<sup>137</sup>.

Это последнее свидетельство (лишь недавно открытой надписи 1371 г. в призренской Введенской церкви) дает нам возможность теперь совсем иначе представить и воспроизвести взаимоотношения сербских диадохов после гибели короля Вукашина в марицкой битве и последовавшей вскоре за тем смерти Уроша V (1371 г.), нежели это делалось ранее по другим доступным науке источникам. Оказывается, что 1371 г., год апогея деятельности Марка, означал и резкий поворот в его судьбе, крах его блестящих планов. Марко, законный наследник династии Неманичей (правда, титул «млади краль» он получил скорее всего от своего отца, а не от царя Уроша и с ведома собора царства), был «обделен» и «ограблен», лишен многих своих «законных» владений различными соперниками (вроде Деяновичей)<sup>138</sup>.

Однако было бы, по нашему мнению, неверно считать Марка в период его прилепского королевства (1371—1395 гг.) «малозна-

<sup>134</sup> Љ. Стојановић. Стари српски записи..., кн. IV, 1923, стр. 17; И. Иванов. Български старини..., стр. 129.

<sup>135</sup> К. Иречек. Историја Срба, т. I, стр. 314.

<sup>136</sup> «Зборник Константина Иречека», т. I, 1959, стр. 360—361 (ср.: И. Руварац. О кнезу Лазару, стр. 121—122).

<sup>137</sup> М. Ивановић. Указ. соч. (см. выше, прим. 10).

<sup>138</sup> Проблемы, связанные с происхождением Деяновичей и появлением их в качестве самостоятельных князей, все еще остаются в значительной мере нерешенными и неразработанными.

чительным» правителем лишь в силу сокращения оставшихся в его власти земель, как это делал, например, К. Иречек. Действительно, владения Марка в тот момент были, по всей видимости, не столь велики, как держава Лазаря или Деяновичей (хотя, например, вполне возможно, что некоторое время Марку могли принадлежать помимо Прилепа и области Пореч также и Охрид, Дебар, даже Скопле и Призрен). Но все это нисколько не лишало Марка тогда громкой славы и, на наш взгляд, уже довольно широкой известности и популярности среди тех мелких и средних (отчасти даже крупных) феодалов, которые оказались ущемленными в результате перекройки политической карты бывшего Сербского царства (в 1371 г., после смерти Уроша и Вукашина). Именно теперь, с открытием названной выше призренской надписи, нам становятся более понятными и загадочные прежде слова зетских князей Балшичей, предусматривавших в договоре с Дубровником (от 30 ноября 1373 г.) возможность: «если кто будет царь господин сербам и властелям и земле сербской...»<sup>139</sup>. Ведь наиболее вероятным (в силу своей «легитимности» претендентом на царский трон и власть «во всех сербах» был Кралевич Марко, «млади краль», уже окруженный ореолом преемника Неманичей и короля-мученика (героя борьбы с турками) Вукашина, олицетворявший, вероятно, надежды тех, кто во время разгула феодальной анархии и произвола новых правителей вспоминал с тоской о прежних временах единого Сербского царства. Королевич закономерно являлся поборником феодальной «законности» и «справедливости», нормы которой он защищал с оружием в руках, борясь против своих соседей-соперников.

Таким именно грозным воителем, внушающим страх и уважение, предстанет перед нами король Марко на портрете из Маркова монастыря: скипетр-крест Марко сменил на обнаженный меч (в противоположность своему отцу и «христоролюбивым» Урошу, Стефану Лазаревичу, Георгию Бранковичу)<sup>140</sup>. Такой именно воинственный король без сомнения импонировал многочисленным сербским дружинникам и кондотьерам, на что указывал уже С. Новакович<sup>141</sup>. Таким появляется он и в сербских эпических песнях, в частности, в песне «Урош и Мрнявчевичи», блестящий анализ которой дан выдающимся сербским революционером-демократом Светозаром Марковичем.

Весьма показательно, что С. Маркович при этом обращает внимание именно на данную черту образа Кралевича Марка, который, по его словам, представлял собой «идеал сербской справедливости в XIV в.» В действительности же, пишет С. Маркович, на примере этой песни наглядно видно, что это — феодаль-

<sup>139</sup> С. Новаковић. Законски споменици српских држава..., стр. 192.

<sup>140</sup> К. Балабанов. Указ. соч., стр. 52, 54—57.

<sup>141</sup> С. Новаковић. Срби и Турци..., стр. 189, прим. 1.

ные «идеалы справедливости сербского дворянина и царского вассала XIV в.», что даже «лучшие люди того времени, такие, как королевич Марко, были защитниками династии, а не народа»<sup>142</sup>.

Не менее ярко проявляется эта сторона эпической характеристики Марка в известной песне «Кралевиц Марко в бег-Костадин». Она любопытна, по нашему мнению, не столько конкретными «мотивами социальных противоречий», на которые указывал Н. И. Кравцов,<sup>143</sup> сколько тем, что здесь достаточно четки отголоски феодальных распрей и династических счетов наследников Душанова царства. Они восходят, по нашему предположению, еще к феодальным инвективам и претензиям приближенных и сторонников короля Марка к его восточным соседям, Деяновичам, в частности к могущественному правителю Константину, тестю византийского императора Мануила II Палеолога.

Мы уже упоминали выше, что с точки зрения «прав» Марка Деяновичи (Иоанн Драгаш и его брат Константин) были «беззаконными», наглыми захватчиками, осмелившимися «отложиться» от легитимного государя и присоединить земли ряда его прежних вельмож (например, деспота Оливера) и даже некоторые владения самого короля Вукашина (прежде всего — расположенную восточнее Прилепа область Морихово). С захватом Морихова и Тиквеша Деяновичами Марку пришлось испытать влияние непосредственного соседства владений самого Константина на правобережье Вардара, составлявших при жизни его брата и сюзерена Иоанна Драгаша особый удел<sup>144</sup> (вплоть до 1377 или 1378 г., когда, видимо, умер храбрый и удачливый старший Деянович).

В чем же состоит конкретное содержание песни «Кралевиц Марко и бег-Костадин»? Как известно, Марко обвиняет Константина в трех «нечовештвах» — несправедливых и бесчеловечных поступках. Он упрекает младшего Деяновича за оскорбительное и двоядушное обращение с некими «двумя сиротинками», которых Константин выгнал, а потом их (одетых по-господски королем Марком, накормленных и обласканных) встретил с почетом, приняв их за детей княжеских. Константин, говорится в песне, незаслуженно предпочитает «новых господарей», которых он ста-

<sup>142</sup> С. Маркович. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 178—179. Ср.: В. Бурић. Народне песме о Краљевићу Марку. Београд, 1951, стр. 20—21. Джурић истолковывает здесь позицию Марка как стремление к защите единства Сербской державы, т. е. как единственно верную и прогрессивную точку зрения в то время).

<sup>143</sup> Н. И. Кравцов. Идейное содержание сербского эпоса, стр. 320.

<sup>144</sup> С. Воваковић. Законски споменици српски држава... стр. 513—514 (о датировке ее см. в нашей работе «К вопросу о датировке некоторых сербских грамот...», стр. 16—19); ср.: Р. Грујић. Руска властелинства по Србији у XIV и XV веку. «Историски часопис», кн. V. Београд, 1955, стр. 62.

вит выше «старых господарей», потерявших свою казну, свое богатство. Наконец, Константин обвинен и в том, что нет за его трапезой ни отца, ни матери, хоть они и живы.

Рассмотрим подробнее все эти обвинения Константина Марком, позволяющие, как нам кажется, восстановить действительную историческую основу данной песни, которая, несмотря на следы позднейшей обработки и осмысления народными певцами (например, за счет этого следует отнести появление слов о празднике Константина — «славе»), все же сохранила вполне реальные отзвуки вражды двух феодальных родов — Мрнявчевичей и Деяновичей. Ее содержание даже, пожалуй, дает некоторые основания для довольно точной датировки той «первоначальной» песни, которая была посвящена этим сюжетам.

В самом деле, как мы уже указали выше, частая смена феодальных династов и перемены на политической арене этих районов Балканского полуострова имели обычным последствием деградацию многих князей и вельмож, терявших иногда не только казну, но и жизнь. Применительно же к данным областям бывшего Душанова царства это противопоставление «новых» и «старых» господ имело и дополнительный оттенок, весьма невыгодный для Деяновичей и, естественно, удачный для Марка в те годы (1377—1379), когда трон Деяновичей стал шататься...

Вероятно, именно в это время вследствие загадочной смерти Иоанна Драгаша и свержения союзников Деяновичей — Мануила II и Иоанна V (в результате переворота Андроника IV) положение Деяновичей стало настолько непрочным и неустойчивым, что потребовались новые обильные пожалования афонским монастырям (прежде всего — Хиландарскому) и светскому феодальному сословию. Тогда же стало необходимым для упрочения и «освящения» потускневшего авторитета братьев Деяновичей появление их матери — царицы Евдокии в качестве соправительницы<sup>145</sup>.

Вполне понятно, что в такой обстановке для власти Деяновичей могли быть чрезвычайно опасными претензии «сирот» — наследников одного из влиятельнейших вельмож Душана, деспота Оливера, имевшего владения в районе Штипа и Леснова. Эти претензии сыновей Оливера, быть может, опирались тогда на поддержку Марка, для которого, разумеется, было выгодно ослабление Деяновичей. Поэтому он мог противопоставить Константину князя-«изгоя» Оливеровича (деспотовича Дамиана, находившегося в начале 1379 г. при дворе зетского князя — в качестве приближенного вдовы Георгия Балшича — Феодоры и его брата Балши II<sup>146</sup>, — либо какого-то из братьев Дамиана Оливеровича —

<sup>145</sup> Ср. в нашей статье «К вопросу о датировке некоторых сербских грамот...», стр. 17.

<sup>146</sup> Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма, кн. I, д. I. Београд, 1929, стр. 108.

Дабижива, Крайка, Русина, Оливера) <sup>147</sup>. Именно ввиду наличия наследников Оливера была сделана и следующая мотивировка в дарственной грамоте Константина Деяновича Хиландарю (от 15 августа 1381 г.) о передаче этой афонской обители Лесновского монастыря, построенного в 40-х годах XIV в. Иоанном Оливером. Как гласит грамота, Лесновская церковь «и с прежней поры была хиландарская, и опять-таки со временем была отделена, и как и деспотица Оливера деспота при смерти сказала и с сыновьями своими Крайком и Русиним, чтобы опять эта церковь принадлежала Хиландарю». В соответствии с этим «благодарный господин» Константин, посоветовавшись (что весьма примечательно) с «госпожою и матерью моею царицей кира-Евдокией», передать Хиландарю Лесново, так как и «прежде дал Оливер деспот церковь вышеписанную Хиландарю» <sup>148</sup>.

Такая ссылка на волю вдовы деспота Оливера и его сыновей Русина и Крайка, как нам представляется, служит новым доказательством того, что в рассматриваемой песне Марко вовсе не излагает прописные истины морали, а на самом деле данный песенный сюжет обладал конкретным содержанием, направленным против соседа Кралевича Марка — Константина Деяновича. Более того, можно предположить на основании этой грамоты 1381 г., что к тому времени спор Константина с наследниками Оливера уже в основном завершился (в пользу Деяновича), позиции Константина в целом упрочились, и он уже счел возможным распорядиться задушной Оливера, не считаясь с оставшимися в живых Оливеровичами. Такое предположение становится весьма правдоподобным, если учесть, что после данной грамоты (и вообще после 1381 г.) прекращаются столь щедрые пожалования Деяновичей афонским монастырям, что уже в этом хрисуле царицата Евдокия выступает не в качестве главной правительницы или соправительницы своих сыновей, а лишь как лицо, могущее дать полезный совет (тогда как прежде, в 1377—1379 гг. грамоты издавались от ее имени — на первом месте — и ее детей) <sup>149</sup>. Сыграв предназначенную ей роль, Евдокия исчезает с политической арены, оставив своему сыну Константину стабилизированное (но, возможно, несколько уменьшившееся за счет вероятной уступки королю Марку владений на правом берегу Вардара) княжество.

И хотя вражда Кралевича Марка и Деяновичей тогда не-

<sup>147</sup> Ср., например: *Б. Ферјанчић*. Деспоти у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1960, стр. 161, прим. 23.

<sup>148</sup> *С. Новаковић*. Законски споменици српских држава..., стр. 454.

<sup>149</sup> На этом основании, видимо, можно уточнить и дату II Архилевицкой грамоты, которая скорее могла быть издана в 1378—1379 гг., нежели в 1381 г. (ср. в нашей статье «Вторая Архилевицкая грамота как исторический источник». Сб. «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 86—87).

сколько утихла и ослабела (быть может, в результате какого-то соглашения Константина и Марка), песня, сложенная в связи с этой нашумевшей несомненно в те времена ссорой из-за наследства, продолжала существовать... Несмотря на то что конкретные намеки и упреки этой песни (или даже, видимо, группы песен одного содержания) с течением времени теряли свою направленность, понятную лишь современникам Марка, все же данный сюжет сохранялся в силу весьма привлекательных моральных принципов и того ореола, который приобретал эпический Марко Краlevич как защитник справедливости. Любопытно, что в дошедшем до нас варианте песни ее композиция не совсем верна с точки зрения господствовавшей тогда морали (на первом месте упреки за неучтивость к сиротам и лишь на третьем месте — обвинение в непочтительности к родителям, притом сформулированное очень кратко, что, возможно, является следствием переделки или обрыва первоначальных вариантов рассмотренной песни).

Таким образом, указанные выше исторические свидетельства позволяют нам причислить песню «Марко Краlevич и бег-Костадин» к числу тех эпических текстов, которые, как, например, песни об отношениях Марка с его женой, «являются отражением реального в жизни героя»<sup>150</sup>. К этой группе песенных сюжетов, рассказывающих о женах Марка и включающих, между прочим, мотив неверной жены, примыкают и известные эпические описания борьбы Марка с правителем города Костура Миной, похитителем жены Марка (соперниками Марка здесь выступают также Беле и Гино Арнаутче)<sup>151</sup>. Рассмотрим подробнее этот эпический сюжет, представляющий, по нашему мнению, большой интерес в силу чрезвычайной его устойчивости и бытования (вплоть до нового времени) даже в мусульманской среде некоторых районов Югославии<sup>152</sup>. Возможны сопоставления и истолкования этого сюжета и на материале исторических первоисточников конца XIV в.

Напомним, что в имеющейся литературе уже неоднократно отмечалась «близость историческим событиям в песне «Марко и Мина из Костура»<sup>153</sup>, однако, констатируя это, обычно приходили к весьма поспешным и поверхностным заключениям насчет исторической основы этого сюжета. Ссылаются обычно на хроники М. Орбини и Музаки, рассказывающие о борьбе из-за г. Костур между королем Марком и Балшей II или албанским

<sup>150</sup> См., например: *Й. Иванов*. Българските народни песни. София, 1959, стр. 264.

<sup>151</sup> Там же, стр. 265.

<sup>152</sup> См.: *A. B. Lord*. The singer of Tales. Cambridge, Mass. 1960, стр. 73, 113—117, 236—241 (о песнях «Марко и Мина од Коштуна», получающих новую локализацию — в Герцеговине, близ Столца, вместо Костура).

<sup>153</sup> *Н. И. Кравцов*. Сербские юнацкие песни, стр. 116.

князем Андреем Музаки<sup>154</sup>, и датируют эти события весьма различно (1372, 1380—1381<sup>155</sup> и даже 1350—1352 гг.). Такие соображения нередко к тому же дополняются стереотипным выводом, будто «Мина из Костура в истории неизвестен»<sup>156</sup>, что в свою очередь дает возможность для фактически полного отрицания исторической базы данной песни, якобы переполненной анахронизмами и ошибками<sup>157</sup>.

Анализ этой песни, сохранившейся в целом ряде разновременных вариантов, позволяет, как нам кажется, прийти к другой точке зрения — относительно исторической достоверности данного сюжета и прототипа появляющегося здесь персонажа — Мины из Костура. Несомненно, что во многом причиной разногласия и противоречивости приведенных выше оценок песни, следует признать то обстоятельство, что среди ученых не было единогласия в выводах при поисках прообраза Мины, который, в частности, поэтому и объявлялся фигурой «неисторической». Между тем сам песенный текст (различия вариантов в данном случае несущественны) дает недвусмысленный ответ на вопрос, кто был костурский владетель Мина (в приморских вариантах песен — иногда Миня, Михна, в позднейших, использованных А. Лордом, — Нина). Не вызывает сомнений, что Мина — турок (так, кстати, считал и Н. И. Кравцов)<sup>158</sup>, турецкий феодал, наместник пограничных турецких владений в Македонии и Албании (с резиденцией в Костуре).

В частности, в пользу такого утверждения говорит и тот факт, что согласно песне сам всемогущий султан (т. е. Баязид I Илдырым — «Молния») воздерживается от наказания Мины, разграбившего владения его верного вассала Марка. Он фактически отказывает в помощи против обидчика Марка, согласившись дать Марку лишь 300 янычар (в другом варианте — Халил-агу с 30 янычарами), а взамен военной поддержки обещает ему щедрые пожалования и богатые дворы. Если вспомнить обстоятельства турецкой экспансии на Балканах в XIV—XV вв., когда османы пользовались любыми распрями и междоусобицами местной знати, охотно поддерживая своих вассалов и союзников, то нельзя не признать такое поведение султана непонятным в любом слу-

<sup>154</sup> См., например: *A. Soerensen. Beitrag zur Geschichte der Entwicklung der serbischen Heldendichtung. «Archiv für slavische Philologie»*, Bd. XV, Hft. 2, Berlin 1892, стр. 218; *М. Г. Халанский. Указ. соч.*, т. 3, 1895, стр. 590, 617; *А. Гаврилович. Указ. соч.*, стр. 122—128; *Н. И. Кравцов. Сербские юнацкие песни*, стр. 599; «Сербский эпос», т. I, стр. 351 (ср.: *К. Лурчек. Историја Срба*, т. I, стр. 315).

<sup>155</sup> В действительности здесь опечатка, нужно: 1380—1382 гг. (см. «Сербский эпос», т. I, стр. 351).

<sup>156</sup> *Н. И. Кравцов. Сербские юнацкие песни*, стр. 599; «Сербский эпос», т. I, стр. 351; *И. Н. Голенищев-Кутузов. Эпос сербского народа*, стр. 326.

<sup>157</sup> *И. Н. Голенищев-Кутузов. Эпос сербского народа*, стр. 326.

<sup>158</sup> *Н. И. Кравцов. Идеиное содержание сербского эпоса*, стр. 313.



чае, кроме названного выше (что Мина — могущественный турецкий паша, а вовсе не какой-то мелкий князек из числа албанских династов — Музаки или Гропа, либо Балша II Балшича). Заметим также, что в одном приморском варианте данной песни, несмотря на уже заметные позднейшие искажения (например, абсурдное наименование Мины Костуранина «воеводой мадьярским», а его земли — «мадьярской землицей»), сохранилось упоминание Мины как «турчина юнака»<sup>159</sup>.

Данному выводу несколько не противоречат и другие реалии песни, которые вовсе нельзя считать неправдоподобными. Так, в частности, можно, на наш взгляд, доверять названию имени турецкого султана (в тексте, опубликованном В. С. Караджичем) — Паязет, т. е. Баязид. Из исторических источников известно, что «Марко начал участвовать в военных походах османов лишь в правление Баязида [Баязида I, воцарившегося в 1389 г. — Е. Н.], пока, наконец, не нашел смерть в одной битве в Валахии»<sup>160</sup> во время очередного похода Баязида против христианских балканских владетелей. Иными словами, вполне допустимо предположение, что Марко, точно так же, как и Мануил II Палеолог, был вынужден принимать участие в походах Баязида в Малой Азии сразу же после Косовской битвы, когда султан начал покорять и устранять различных турецких властителей и мелких феодалов, а одновременно подчинять последние византийские города в Азии<sup>161</sup>.

Иными словами, такие воспоминания и предания об азиатском походе (или походах) короля Марка в период 1390—1392 гг. могли отразиться в рассказе этой песни о том, как Марку пришлось «воевать в краю арапском лютом» (т. е. где-то в Малой Азии, возможно, на границах арабско-египетского государства мамлюков, включавшего тогда Сирию и юго-восточную часть Малой Азии)<sup>162</sup>. Между прочим, вряд ли можно признать верными заявления, будто «исторический Марко не поддерживал дипломатических или дружественных отношений с венгерским двором» (как говорит об этом названная песня), а «Сибинянин Янко (Хуньяди Янош) не был современником Кралевица Марка»<sup>163</sup>. В историографии уже давно распространена точка зрения о том, что Янош Хуньяди (Гуниад или Янко из Хунедоары) родился примерно в 1387 г.<sup>164</sup>, следовательно, был одним из младших со-

<sup>159</sup> См., например: *М. Пантйй*. Народне песме у записима XV—XVIII века. Београд, 1964, стр. 147 (ср. также стр. 145).

<sup>160</sup> *К. Лиречек*. Историја Срба, т. I, стр. 315.

<sup>161</sup> См., например: *Г. Острогорски*. Историја Византије. Београд, 1959, стр. 508; *Ducas*. *Historia turco-bizantină* (1341—1462), ed. V. Grecu. București, 1958, стр. 39—41, 75—77; «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. VI. М., 1939, стр. 181—182.

<sup>162</sup> Ср.: *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Эпос сербского народа, стр. 326.

<sup>163</sup> Там же.

<sup>164</sup> См., например: «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. VI, стр. 195.

временников короля Марка. Появление Хуньяди в этой песне является скорее всего более поздним дополнением, интерполяцией, относящейся, видимо к середине или второй половине XV в., ко времени наибольшей популярности Хуньяди как застрельщика борьбы против турок.

Не более убедительным оказывается и вывод об отсутствии будто бы у Марка связей с Венгрией. Этот вывод мы не можем поддержать не только потому, что данные исторических источников по этому вопросу скудны, но и вследствие существования определенных сведений, говорящих в пользу таких связей. Вряд ли, например, можно считать случайным, что после смерти Марка его братья (Андреш и Димитрий) оказались именно в Венгрии, где стали приближенными и чиновниками короля Сигизмунда (в конце XIV и начале XV в.)<sup>165</sup>, а не скрылись, скажем; в Сербию, Боснию, не отправились в Албанию, Далмацию, на Афон, в Константинополь или, наконец, не остались в турецких владениях на Балканах как обычные вассалы султана. Подобное случалось тогда со «многими господами» (христианскими вельможами), утратившими свое положение под натиском всесильного Баязида I<sup>166</sup>.

Этим, однако, не исчерпываются косвенные свидетельства, которые можно истолковать в пользу вероятных (в особенности — для периода 70-х и 80-х годов XIV в., до признания Марком вассальной зависимости от османов) связей его с Венгрией. Укажем, в частности, на давно опубликованную надгробную надпись из Охрида, гласящую, что в 1379 г. умер некий Остоя Раякович, «погуслом Угарчик [т. е. сын венгра.— *Е. Н.*] и родственник короля Марка, зять жупана Гропы» (тогдашнего правителя Охрида)<sup>167</sup>. По нашему мнению, сам факт появления тогда в Охриде Остои Раяковича, добившегося даже почетного родства с Марком и Гропой, можно расценить как показатель неких (быть может, опосредствованных через венгерских вассалов — Боснию и Дубровник) дружественных взаимоотношений Марка с Венгрией. Подобное утверждение кажется нам правильным независимо от того, считать ли прозвание «Угарчик» обычным прозвищем, входящим, видимо, к его прежней родине<sup>168</sup>, или же фамильным именем, указывающим на его происхождение от герцеговинского племени Угарчичей (в окрестностях Невесинья в конце XIV в.)<sup>169</sup>. Как известно, в тот период такие связи с Венгрией стремились завязать и другие южнославянские правители, например, князь

<sup>165</sup> *К. Лиречек. Историја Срба, т. I, стр. 315.*

<sup>166</sup> *Ср.: С. Новаковић. Законски споменици српски државы..., стр. 524.*

<sup>167</sup> *См., например: И. Иванов. Български старини..., стр. 39.*

<sup>168</sup> *V. Putanec. Postanak riječi poguslo (Ohrid, 1379). «Slovo», t. 15—16. Zagreb, 1965, стр. 204—206.*

<sup>169</sup> *К. Лиречек. Историја Срба, т. II, стр. 147 (как известно, имя Остоя вообще зафиксировано преимущественно в Боснии, а также в Зете).*

Лазарь, болгарские цари, возможно, и Вук Бранкович, что в свою очередь вызывало репрессии султана.

Какие-то венгерские связи Марка проскальзывают в стихотворной хронике Иерака (конца XVI в.), черпавшего свои материалы, быть может, и из неких греко-славянских преданий XV—XVI вв. Так, Иерак повествует нам, что византийский император с помощью турецкого отряда, присланного Мурадом I, одержал большие победы в Болгарии и Сербии, разгромив, между прочим, и «сыновей пеонов [т. е. венгров.— *Е. Н.*]... и Марка Крамбовика (так!), самого главного из вельмож и вождей Пеонов»<sup>170</sup>.

Разумеется, мы не должны полностью доверять данному известию Иерака, подразумевающему несомненно Кралевича Марка, поскольку в нем могли отразиться поздние и во многом легендарные представления византийской и послевизантийской греческой среды о постоянных совместных действиях сербов и венгров против турок<sup>171</sup>. Однако эта традиция в свою очередь позволяет нам усомниться в правоте утверждений о фантастичности и антиисторичности венгерских связей короля Марка. Вообще авторам песни «Марко и Мина из Костура», безвестным народным певцам и сказителям, вовсе нельзя отказать в немалой осведомленности, проявившейся также и в любопытной детали — упоминании женитьбы венгерского короля, хронологически весьма близкой предполагаемому походу Марка в Азию (как известно, Сигизмунд Люксембургский женился в 1386 г. на Марии Венгерской и вслед за тем был сам провозглашен королем Венгрии). Примечательно и то, что об этой свадьбе короля Венгрии, в венчании которого участвовал Марко, говорится не только в варианте песни, изданном Вуком Караджичем, но и в другом, бокельском тексте первой половины XVIII в.<sup>172</sup>

В наличии прочной исторической основы у данной песни нас, наконец, убеждает и свидетельство одного венецианского документа (от 14 ноября 1392 г.) о могущественном турецком наместнике Албании и Южной Македонии, некоем Мунухе, который, как мы предполагаем, и явился прообразом эпического Мины из Костура. В этой инструкции правительство Венеции предписывало, в частности, чтобы местные чиновники албанских владений республики (район г. Дуррес) постарались добиться установления более или менее сносных и мирных отношений с соседними турецкими пограничными военачальниками, напоминая им при этом о мире, заключенном между Баязидом I и Венецией. В осо-

<sup>170</sup> См., например: *В. В. Качановский*. История Сербии с половины XIV до конца XV в., т. I. Киев, 1899, стр. 309.

<sup>171</sup> Ср.: *Н. Радојичић*. Грчки извори за Косовску битку. «Гласник Скопског научног друштва», кн. VII—VIII, 1930, стр. 170—171.

<sup>172</sup> *М. Пантйй*. Указ. соч., стр. 143.

бенности следовало добиваться от окрестных турецких владельцев обеспечения безопасности для купцов и их товаров, беспрепятственного следования по торговым путям, от чего, кстати, «их господин и они сами могут получить большие доходы». «Если же,— гласила инструкция,— соседние турки не имеют свободы [действий] в этом смысле, тогда поэтому следовало бы послать к Мунуху или к другому могущественному турку», чтобы достичь желаемого<sup>173</sup>...

Как видно из этого документа, Мунух без сомнения был влиятельным турецким наместником одного из близлежащих опорных пунктов османов в Румелии (по всей видимости — Кастории), т. е. Костура, захваченного турками, вероятно, в 1385 г.<sup>174</sup> В пользу этого говорит и особое внимание Венеции к торговым путям, скорее всего, по нашему мнению, к восстановлению прежнего значения старинной магистрали (римская «Виа Эгнация»), связывавшей Дуррес (Дураццо) с Салониками. В то же время сама мимолетность пребывания Мунуха на исторической арене, несмотря на все его могущество, как-то наталкивает на мысль о возможности считать его прототипом эпического Мины. Действительно, имя Мунух (разумеется, вероятны некоторые искажения имени в силу иноязычного, нетурецкого источника и неточности прочтения и передачи его писцом) не встречается более в венецианских актах, нет его и в византийских памятниках, обследованных Д. Моравчиком<sup>175</sup>. Наконец, названный документ как будто дает основание судить о каких-то захватах турками земель Марка, прилегавших с севера к упомянутой торговой магистрали. В инструкции предусмотрена возможность обращения лишь к Мунуху или другому турецкому феодалу, и поэтому в ней нет упоминания короля Марка, возможного в данном случае для венецианского акта. А все это опять-таки согласуется со сведениями рассматриваемой песни о каком-то самовольном набеге Мины на владения Марка.

Таким образом, приведенные здесь материалы исторических источников как современных королю Марку, так и более поздних, достаточно убедительно свидетельствуют, по нашему мнению, о наличии реальной исторической базы в некоторых эпических песнях, воспевающих Кралевича Марка (в частности в песнях «Кралевич Марко и бег-Костадин» и «Марко и Мина из Костура»). В свою очередь это, видимо, можно расценивать как показатель необычайной устойчивости таких, исторически достоверных песен, возникавших, судя по их содержанию,

<sup>173</sup> S. Ljubić. Указ. соч., т. IV, стр. 300.

<sup>174</sup> С. Новаковић. Срби и Турци..., стр. 244; Љ. Лане. Одбрани текстови за историјата на македонскиот народ. Скопје, 1959, стр. 141 (ср. «Повесть о Скандербеге». М.—Л., 1957, стр. 62, где А. Будой дана неверная датировка захвата турками Костура 1379 г.).

<sup>175</sup> G. Moravczik. Byzantinoturcica, Bd. II. Berlin, 1958.

еще при жизни Марка или (как, например, песня «Марко и Мина из Костура»), быть может, вскоре после его гибели на Ровинах (1395 г.).

\*

Как было показано выше, рассмотрение вопроса об историзме южнославянского эпоса, проблемы исторической достоверности дошедших до нас эпических текстов вовсе нельзя признать завершенным и уже дающим окончательные и бесспорные решения. Специфика сохранившихся исторических первоисточников и их малочисленность побуждают нас гораздо более пристально отнестись к тем (порой неясным и искаженным) известиям о прошлом южнославянских народов, которые донес до нас эпос, и одновременно допустить существование гораздо более конкретной и реальной исторической основы в некоторых известных нам песнях, чем это считалось ранее.

# МОТИВЫ УБИЕНИЯ ВРАЖЕСКОГО ЦАРЯ В БЫЛИНАХ И В КОСОВСКИХ ПЕСНЯХ

---

*С. Н. Азбелев*

## 1

Цикл былин, посвященных борьбе против татарского нашествия, может рассматриваться не только как ряд сюжетов, но и как ряд составляющих данные сюжеты мотивов. Многие из них не закрепились за какой-нибудь одной из этих былин, а встречаются в вариантах нескольких (иногда даже всех) произведений данного цикла. Значительная часть мотивов происходит от предшествовавшего появлению этих былин эпического наследия; возникновение других обусловлено исторической действительностью XIII—XVI вв. Эти мотивы, идущие от реальных фактов борьбы с татарами, попали в былины из откликавшихся на такие факты рассказов, преданий, героических сказаний и легенд. По-видимому, ядро каждой из былин об отражении татарского нашествия составила достаточно древняя и устойчивая сюжетная основа, которая постепенно обогащалась новыми мотивами, перешедшими в эпос из особенно популярных в тогдашнем живом репертуаре прозаических произведений, отражавших злободневную историческую реальность. Переход таких мотивов в эпос неизбежно сопровождался большей или меньшей их трансформацией, приведением в соответствие с нормами былинной поэтики.

Этот постоянный процесс актуализации былин на патриотическую тематику протекал особенно энергично, очевидно, в те отрезки времени, когда устная традиция интенсивно перерабатывала впечатления от наиболее сильно потрясших народное сознание исторических событий: сражение при Калке, нашествие Батыея, бой на Воже, Куликовская битва, нашествие Тохтамыша и т. п. Именно с такого рода событиями, по-видимому, и связан в конечном счете переход некоторых эпических сюжетов «в новое качество», появление новых былин о борьбе с татарами, возникавших как результат переработки былин более древних и тематически близких, но по-иному конкретизировавших данную схему эпического стереотипа.

Хотя далеко не все мотивы былин о борьбе с татарами идут от конкретных событий именно той эпохи, почти все мотивы могут быть с нею достаточно определенно соотнесены: если мы попыта-

емся мысленно перевести тот или иной мотив из области эпической условности и гипербол в область исторической конкретности, то даже мотивы, возникшие гораздо раньше татарского нашествия, легко сопоставимы с реальными фактами борьбы против татар. И нашествие полчищ врага, и осада ими русского города, и требование дани, и успешный бой русской дружины с численно превосходящим вражеским войском, и поединок двух воинов на глазах противостоящих армий, — все это происходило в реальной исторической действительности. Даже если обратиться к мотивам менее масштабным — таким, как присылка врагами ультимативного послания, отказ находящегося во вражеском стане русского посла выполнить унизительный для него ритуал, требование татарского военачальника отдать ему жену или дочь русского князя и т. п., то и они, как правило, соотносимы с реальной историей русско-татарских отношений XIII—XV вв.

На этом фоне весьма загадочной выглядит группа мотивов далеко не второстепенных, попавших почти во все сюжеты данного цикла и тем не менее никак не связанных — по крайней мере на первый взгляд — с исторической реальностью. В многочисленных вариантах былили «Камское побоище», «Михаил Данилович», «Илья и Калин», «Ермак и Калин», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Суровец-Суздавец» русский богатырь убивает царя, предводительствовавшего вражеским войском. Этот громкий эпизод исключителен именно тем, что он не может быть поставлен ни в какие исторические соответствия с реальными фактами русско-татарских отношений и не имеет аналогий в русской истории вообще. Во время некоторых из нашествий татар на Русь их войском действительно предводительствовал какой-нибудь из ордынских ханов. Но исторические источники не знают случая, когда он был бы русскими убит. Ближе других к былинам реалии, связанные с Куликовской битвой: Мамай после своего бегства от русских с Куликова поля стал собирать новую армию, но потерпел поражение от своего соперника Тохтамыша, бежал от него, бросив войско, в Крым, где был предательски убит генуэзцами. Однако обстоятельства эти слишком далеки от былинных мотивов. В былинах татарского хана всегда убивает русский богатырь, являющийся главным персонажем данной былины. Он обычно один (или с несколькими товарищами) оказывается в центре вражеского лагеря, проникает даже в шатер вражеского царя, а убив его, начинает сокрушать татарское войско.

Отсутствие чего-либо похожего на такой эпизод в засвидетельствованных письменными источниками реальных фактах русской истории и отсутствие подобных мотивов в архаичных былинах, которые могут быть возведены к временам дописьменным, побуждает искать источник заимствования. Такие поиски принимал в свое время В. Ф. Миллер.

Мотив убиения Ильей Муромцем вражеского царя В. Ф. Мил-

лер первоначально возводил к отразившемуся в поэме Фирдоуси иранскому эпосу, проводя параллель между переданным в «Шах-наме» сказанием о бое Ростема с Колуном и русской былинной Илья и Калин»<sup>1</sup>. Однако позднее В. М. Миллер отказался от прежнего выведения имени былинного царя Калина от имени тюркского богатыря Колуна и предложил иную этимологию имени «Калин». При этом В. Ф. Миллер указал, что он вообще «не повторил бы приведенной схемы [аналогий между иранским сюжетом и русским.— С. А.], так как она не была выведена из изучения и сравнения всех наличных вариантов былины»<sup>2</sup>. Вопрос о происхождении интересующего нас эпизода остался открытым. Наличные же варианты, на которые опирался В. Ф. Миллер, исчислялись всего 23 записями (из которых только 18 относились к былине «Илья и Калин»).

В настоящее время опубликовано уже около 200 записей былин данного круга, что позволяет снова обратиться к столь загадочному эпизоду русского эпоса. Искать источник заимствования в привлекавшемся В. Ф. Миллером отрывке «Шах-наме» действительно нет достаточных оснований прежде всего потому, что Ростем здесь убивает не царя и даже не предводителя вражеской армии, а всего лишь командира высланного в засаду или в дозор небольшого отряда (и убивает в ходе боевой стычки с этим отрядом, а не во вражеском лагере)<sup>3</sup>.

Гораздо естественнее предположить, что источником заимствования в данном случае послужила традиция южнославянская. Именно убийство вражеского царя является кульминационным пунктом косовского цикла юнацких песен у сербов, хорватов, болгар и македонцев. Именно здесь данный мотив является основным и основан на уникальном историческом факте: 15 июня 1389 г., в день знаменитой битвы сербов с турками на Косовом поле, сербский витязь Милош Кобилич, пробравшись в центр турецкого войска, нанес смертельную рану султану Мураду I.

Если сделанное предположение верно, то перед нами существенный факт влияния южнославянского эпоса на русские былины, поскольку речь идет не о частном или второстепенном мотиве. Эпизод убийства татарского царя занимает достаточно важное место в цикле былин об отражении татарского нашествия (хотя и менее значительное, чем эпизод убийства турецкого султана Милошем в косовском цикле юнацких песен). Проверка этого предположения, естественно, должна опираться на результаты сравнения всех доступных изучению вариантов — как соответствующих былин, так и песен о Косовской битве. Далее все

<sup>1</sup> См.: В. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 76—77.

<sup>2</sup> В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. М., 1910, стр. 60.

<sup>3</sup> См.: Фирдоуси. Шах-наме, т. I. Изд. подготовили Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Стариков. М., 1957, стр. 327—334.



эти варианты будут привлечены<sup>4</sup>. Но прежде чем обратиться к ним, необходимо напомнить контуры исторической действительности.

2

80-е годы XIV в. были переломным моментом как в истории Руси, так и в истории южных славян. В 1380 г. на Куликовом поле русские войска наголову разбивают армию золотоордынского хана Мамаю. Куликовская битва положила начало полному освобождению русских земель от татарской зависимости и сильно возвысила внутренний и международный авторитет великого князя Московского.

В 1389 г. на Косовом поле турецкая армия наносит решительное поражение Сербии, которая перед тем находилась в зените своего могущества. Косовская битва положила начало окончательному завоеванию турками Балкан, установлению на долгие века кровавого оттоманского владычества.

Если решающие события 80-х годов XIV в. были для Руси и для балканских славян по своим результатам противоположны, то в конкретных проявлениях события эти имели много сходного. Куликовская битва, хотя она и окончилась почти полным уничтожением превосходившего русских по численности войска татар и бегством самого Мамаю, была для Руси победой, купленной крайне дорогой ценой: на поле боя осталось более двух третей русского войска. Эта битва на века осталась в народной памяти как страшное «Мамаево побоище». Через два года после нее новая армия татар появилась под стенами Москвы, из которой едва успел выехать для сбора войска сам великий князь. Путем обмана татарам удалось взять Москву. Хотя враги и покинули ее, Руси пришлось еще сто лет быть в зависимости от Орды<sup>5</sup>. Косовская битва, хотя она и окончилась поражением сербов и гибелью князя Лазаря — последнего властителя независимой Сербии,—

<sup>4</sup> Библиография публикаций перечисленных выше былин приводилась в работах: «Былины Севера», т. II. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., 1951, стр. 707, 753; В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958, стр. 584; «Былины Пудожского края». Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941, стр. 498. Библиография косовских песен — в работах: Б. Крстић. Постановок и развој народних песама о Косовском боју. В кн.: «Трети конгрес фолклориста Југославије, држан од 1—9. IX 1956 г. у Црној гори». Цетиње, 1958, стр. 92—93; А. Димитрова, М. Янакиев. Предания за исторически лица в българските народни умотворения. В кн.: «Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София», кн. VIII и IX за 1941—1943 гг. София, 1948, стр. 465. Привлечены и публикации, появившиеся позже названных работ.

<sup>5</sup> См., например: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960, стр. 284—291; Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 596—647.

явилась тяжелым ударом и для турок. Был убит сам султан Мурад I. Его старший сын Баязид, опасавшийся за свою власть (по его приказу во время этого боя был убит второй сын Мурада I), не смог использовать в сколько-нибудь полной мере результаты победы (характерно, что на западе Европы первое время распространялись даже вести, будто в этой битве славяне-христиане победили турок). Сербия стала вассалом Турции, но не подверглась опустошению и сохраняла еще остатки своей независимости до 1459 г.<sup>6</sup>

В глазах русских и южнославянских современников и там, и здесь произошло небывалое по кровопролитию столкновение православных христиан с мусульманскими поработителями; в обоих сражениях славяне показали образцы мужества и стойкости, но их потери были огромны, их государи вынуждены были уступить мусульманским владыкам.

Естественно, что наибольшее внимание современников этих событий — как на Руси, так и на Балканах — привлекли особенно запомнившиеся подвиги их участников. На Руси это Захарий Тютчев, отважно державшийся перед Мамаем и заведший в ловушку татарский отряд, Пересвет, начавший Куликовскую битву поединком с татарским богатырем, брат его Ослябя, бросившийся в гущу врагов после гибели Пересвета и «улицами» избивавший татар, суконник Адам, застреливший с городской стены Москвы одного из видных татарских военачальников. Сказания об этих и подобных им фактах оказались особенно устойчивы, отразились и в средневековой литературе, и в героическом эпосе. Аналогично обстояло дело и в южнославянских землях. Но, естественно, что среди деяний героев Косовской битвы несравнимый с другими подвиг Милоша занял особое место и приобрел особую известность не только в песенном эпосе, но и в преданиях<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> См., например: *F. Rački. Boj na Kosovu. Uzroci i posljedice. «Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti», knj. XCVII. Zagreb, 1889; Г. Шкрипаний. Косовска битка (15 јуна 1389). Цетиње, 1956.*

<sup>7</sup> Еще в середине XIX в. А. Ф. Гильфердинг, путешествуя по Балканам, обратил внимание на то, что память о подвиге Милоша, как и о других деяниях участников битвы 1389 г., сохранялась и в виде преданий. Он познакомился «с рассказами самих косовских жителей, которые хотя и не поют [...] песен о Милоше и Лазаре, однако живо представляют себе их подвиги и их кончину в том же точно виде, как народный эпос; стало быть, — заключает А. Ф. Гильфердинг, — и эпос, и местные рассказы имеют основанием одно общее предание, установившееся в сербском народе» (*А. Ф. Гильфердинг. Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии. Собрание сочинений А. Ф. Гильфердинга, т. III. СПб., 1873, стр. 183*). Тождество основного содержания песен и преданий о Косовской битве подтверждается и новейшими записями таких преданий, основным мотивам которых находят соответствия в косовских песнях. См. недавнюю публикацию двух преданий в статье: *Е. Огнянова. Косовска битка отразена в неколку књени фолклорни творби. В кн.: «Исследования в чест на М. Арнаулов. Юбилеен сборник». София, 1970. Эта статья, а также работа А. Димитровой и М. Янакиева и песенный вариант *Мартинов*, 48 любезно указаны мне Ю. И. Смирновым.*

Несомненно, что уже в конце XIV — начале XV в. о подвиге Милоша было достаточно широко (хотя и недостаточно точно) известно и в странах Европы, гораздо менее, чем Московская Русь, связанных с Сербией. Слухи о нем отразили, например, письмо флорентийцев королю Боснии, датированное 20 октября 1389 г., путевые записки кастильца де Клавихо, составлявшиеся в 1403—1406 гг.<sup>9</sup>, турецкое сочинение Ахмеди, написанное в 1402—1410 гг.<sup>10</sup>, болгарская летопись, датируемая 1413—1420 гг.<sup>11</sup>

Что же касается самой Руси, то, вероятно, самое раннее известие о сражении на Косовом поле привезли в Москву в 1390 г. лица, сопровождавшие в Константинополь русского митрополита Пимена. Один из них — иеродиакон Игнатий — оставил описание этого путешествия, где коротко пересказаны и вести, услышанные в июне 1389 г. о только что происшедшей Косовской битве: «Бяше бо преже нас турскии царь Амурат пошел ратию на сербьскаго царя Лазаря и слышано бысть, яко на суиме обою убиша. Преже Амурата царя убил лестию верный слуга Лазарев, именем Милош, и в той час турки поставиша царем Баозита, сына Амурата царя. И паки турки превозмогоша и яша сербьскаго царя Лазаря руками, и князеи его, и воевод его, и бояр его, и слуг, и все воинство его овех избиша, овех же руками яша. Повеле ж Баозит царь турскии сербьскаго царя Лазаря мечем посеци»<sup>12</sup>.

<sup>8</sup> См.: В. В. Макушев. Прилози к српској историји XIV. и XV. века. «Гласник српског ученог друштва», књ. XXXII. Београд, 1871, стр. 173—175. Флорентийцы поздравляют с успехом на Косовом поле короля Твртко, в частности, в связи с тем, что султан Мурад убит, по слухам, одним из двенадцати вельмож, прорубившихся до его шатра сквозь турецкое войско.

<sup>9</sup> См.: Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями под ред. И. И. Срезневского. «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. XXVIII, № 1. СПб., 1881, стр. 147—148. Христианина, который убил султана Мурада, Клавихо именуется графом Лазаро.

<sup>10</sup> См., например: М. Braun. «Kosovo». Die Schlacht auf dem Amselfelde in geschichtlicher und epischer Überlieferung. Leipzig, 1937, стр. 51—52. Ахмеди говорит, что один неверный, скрывавшийся среди трупов, внезапно поскокил к султану и поразил его кинжалом.

<sup>11</sup> J. Bogdan. Ein Beitrag zur bulgarischen und serbischen Geschichtschreibung. Archiv für slavische Philologie, Bd. XIII. Berlin, 1891, стр. 529. Летописец кратко сообщает, что Мурада убил Милош.

<sup>12</sup> «Русский временник, сиречь летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета», ч. 1. М., 1790, стр. 248. Словосочетание «на суиме» неверно поняли еще издатели «Русского временника», напечатавшие второе слово с прописной буквы. Слово это вызывало затем недоумение некоторых исследователей и побуждало даже предпринимать безуспешные поиски соответствующего топонима на Косовом поле (см., например: D. Subotić. Yugoslav popular ballads. Their origin and development. Cambridge, 1932, стр. 74; М. Braun. «Kosovo»..., стр. 38). Между тем это не собственное имя: «суим» означало «схватка». См.: И. И. Срезневский.

Югославские исследователи согласились с выводом Дж. С. Радойчича, что в приведенном отрывке самому Игнатию принадлежит только первая фраза, а все остальное — позднее добавление<sup>13</sup>. Тем не менее очевидно, что если lapидарное известие о Косовской битве попало даже в записки Игнатия, цели которых никак не были связаны с описанием сербо-турецких отношений то следует полагать, что самый факт произвел достаточно большое впечатление на русских. Несомненно, гораздо подробнее узнавали о нем от сербов и болгар, переезжавших на Русь в конце XIV — первой половине XV в., после Косовской битвы и установления турецкого владычества в Сербии и Болгарии.

### 3

Хотя жанровые различия былин и юнацких песен довольно значительны, между ними существует немало общего в описании отражения вражеского нашествия. Это было наглядно продемонстрировано уже более ста лет назад О. Ф. Миллером, который рассмотрел почти все основные мотивы, сходные в известных ему тогда немногих вариантах косовских песен и былин о борьбе с татарами<sup>14</sup>. Позднейшие публикации дали не очень много для пополнения перечня. Напомним общие мотивы с учетом этих публикаций (отвлекаясь пока от эпизодов, непосредственно относящихся к убиению вражеского царя).

Вражеский царь появляется с огромным войском и присылает вызывающее письмо с ультимативными требованиями.

Получивший письмо князь обескуражен (он даже проливает слезы).

Предложению спастись бегством противостоит решимость героя вступить в борьбу.

Воины собираются на призыв князя.

Герой отправляется высмотреть силы врагов.

Воины выезжают в поле, разбивают лагерь и пируют там накануне боя.

Сражаясь один в окружении врагов, герой призывает своих соратников.

Герой схвачен врагами из-за того, что конь его попал в устроенную ими ловушку.

Приведенный к предводителю вражеского войска герой держит себя с достоинством.

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1903, стлб. 614.

<sup>13</sup> См., например: *М. Динић*. Два савременика о боју на Косову. «Глас Српске краљевске академије», т. CLXXXII. Београд, 1940, стр. 138; *Г. Шкриванић*. Косовска битка..., стр. 9.

<sup>14</sup> См.: *О. Миллер*. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 717—720. Ср. также: *Б. Пугилов*. Юнацкие песни косовского цикла и русский эпос. «Русская литература», 1966, № 2, стр. 133—135.

Мотивы эти, довольно обычные для русских былин об отражении нашествия татар, встречаются как в самых ранних по времени записи вариантах косовских песен (Богишић I, Милетић 64, Караџић 49)<sup>15</sup>, так и в позднейших. Перечень подобных мотивов мог бы быть продолжен, но, думается, в этом нет необходимости. Вполне можно допустить, что все это случаи так называемого типологического сходства. Любой из перечисленных мотивов может быть выведен из исторического опыта почти каждого народа в средние века (какие-то из них могут восходить и к эпосу времен древнейшей славянской общности). Поэтому не возникает пока необходимости объяснять такие сходжения заимствованием<sup>16</sup>.

В. М. Жирмунский в работе, посвященной сравнительно-историческому изучению эпоса славянских народов, писал, что «эпос собственно героический, в соответствии со своим местным национальным и историческим содержанием, нелегко поддается международным литературным влияниям со стороны»<sup>17</sup>, но что «наличие типологических сходжений между литературами разных народов, обусловленных сходством их общественного и культурного развития, не снимает, разумеется, вопроса о возможности культурных и литературных взаимодействий между ними: напротив, именно сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий» (из контекста явствует, что автор имеет в виду прежде всего устный героический эпос)<sup>18</sup>. В рассматриваемом нами случае налицо как раз сходство общественной ситуации, отразившееся в типологических сходжениях песен о Косовской битве и былин об отражении нашествия татар. Культурные же и собственно литературные взаимодействия Руси и южнославянских стран в рассматриваемый период довольно основательно изучены. Это эпоха так называемого второго южнославянского влияния на русскую письменность, литературу и на русскую культуру вообще.

Современный исследователь В. Мошин по этому поводу пишет: «Обычно появление второго южнославянского влияния в русской письменности связывается с южнославянской эмиграцией в Восточную Европу в эпоху завоевания Балкан турками. В известной мере это мнение справедливо, поскольку быстрое

<sup>15</sup> См. список принятых сокращений в конце статьи.

<sup>16</sup> Совершенно справедливо пишет Ю. И. Смирнов, что «неточным нужно признать мнение о всецело русской самобытности», например, быliny «Илья и Калин-царь», необходимо учитывать условность самого понятия «типологические соответствия» — этого «неопределенного, ставшего ныне весьма модным наименования, покрывающего собой слишком многие и разные закономерности эпического творчества» (Ю. И. Смирнов, *Славянская эпическая общность*. «Советское славяноведение», 1967, № 6, стр. 37).

<sup>17</sup> В. Жирмунский. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. Л., 1962, стр. 194.

<sup>18</sup> Там же, стр. 150.

завоевание сербских и болгарских земель после Косовской битвы 1389 г. заставило многих южных славян уйти с родины на север. В первой половине XV в. в России появляются наиболее выдающиеся представители нового литературного движения: Григорий Цамблак в 1409 г. в Москве и Пахомий Логофет в 1438 г. в Новгороде»<sup>19</sup>. Новгород и Москва — два важнейших центра культурной жизни Руси того времени, привлекавшие выходцев с Балкан и ранее, до 80-х годов XIV в.

Именно в Новгородской земле, расположенной вдали от тех мест, где разыгрывались драматические события борьбы против татаро-монгольских нашествий, естественнее всего могло сформироваться условноисторическое отражение этих событий в былинном эпосе — с сохранением унаследованных от более древних былин имен Владимира и его богатырей, названия Киева и т. п. Условное в такой степени, в какой оно вряд ли оказалось бы жизненно, например, в землях московских или рязанских. «Поскольку речь идет о передаче отдельных фактов, — замечал М. Браун об эпосе южнославянском, — историческая точность в значительной степени зависит от их отдаленности во времени и в пространстве». Когда она достаточно значительна, «рапсод может [...] навязать слушателям картину событий, созданную его собственным творческим воображением на основе общеизвестной поэтической традиции»<sup>20</sup>. Русские былины о борьбе с татарами, откликнувшиеся на события последней четверти XIV в., созданы на основе предшествовавшей эпической традиции, воздействие которой достаточно сильно эти исходные факты деформировало. В условиях столь существенной эпической деформации исторической основы естественно и усвоение особенно впечатлявшего «иностранным» эпизода, ставшего известным в идейно сходном контексте описания борьбы против турецкого нашествия на Балканы<sup>21</sup>.

#### 4

Сравнение текстов удобнее начать с былины «Камское побоище» по двум причинам: 1) эта былина представляет собой, по-видимому, наиболее раннее отражение в эпосе событий 1380—1382 гг.

<sup>19</sup> В. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 103; ср. также стр. 99, 101 и др.

<sup>20</sup> М. Браун. Историческая действительность в южнославянской народной эпической поэзии. «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. XVII, вып. 6. М., 1958, стр. 528—529.

<sup>21</sup> «Не может быть сомнения, — пишет М. Браун, — что песенная традиция охотно перенимает всякого рода сюжеты, мотивы и стилистические детали из всевозможных доступных ей источников; связь с эпическим, а вероятно, и с книжным творчеством других народов совершенно очевидна» (М. Браун. Историческая действительность..., стр. 532).

и появилась в ближайшие после них десятилетия<sup>22</sup>; 2) именно в ней наиболее обычен интересующий нас эпизод — его содержат 13 вариантов этой былины из 22, т. е. почти 60% всех записей (в других былинах процент таких записей колеблется от 17 до 36).

Появившаяся, очевидно, как переделка более древней былины, представлявшей собой отзвук битвы на реке Калке, эта былина известна главным образом в записях, произведенных на Мезени, Кулое и Зимнем берегу (Золотица). Немногочисленные варианты из других мест все представляют собой контаминированные и обычно полузабытые тексты<sup>23</sup>. Они свидетельствуют о некогда более широком ареале распространения былины, но не дают надежного материала для выводов о древнейшем составе данного сюжета. Для такого рода выводов из золотицких вариантов рискованно использовать и тексты, записанные от М. С. Крюковой, вследствие ее исключительного пристрастия к импровизированным переработкам<sup>24</sup>. За вычетом этого остаются тринадцать полноценных записей мезенско-кулойско-золотицкой традиции. При этом наиболее сохранными в целом выглядят как раз варианты с Мезени, в отношении которой А. М. Астахова передает отзыв М. С. Крюковой, что именно там «сохраняется подлинная эпическая старина»<sup>25</sup>. Эти семь мезенских записей, четыре золотицкие и две кулойские содержат эпизод убийства татарского царя Ильей Муромцем<sup>26</sup>. Согласно выводу А. М. Астаховой, «единоличный подвиг Ильи Муромца, убивающего предводителя вражеских полчищ», относится к древнейшим компонентам местных северных творческих композиций «на старые сюжеты времен татарщины»<sup>27</sup>.

<sup>22</sup> Здесь и далее (без специальных ссылок) используются выводы моей статьи «Былины об отражении татарского нашествия» в кн. «Из истории русской народной поэзии» («Русский фольклор», т. XII. Л., 1971).

<sup>23</sup> Это следующие записи: *Киреевский*, IV, 108 — контаминация с былинной «Алеша и Добрыня», основной сюжет фрагментарен; *Ончуков*, 26 — основной сюжет скомкан за счет пространной инородной вставки; *Астахова*, 86 — полузабытый краткий текст, вторая половина пересказана прозой; «Печ. и Зимн. бер.», 96 — сокращение почти вдвое исходного текста, слышанного от Г. Л. Крюкова; Гуревич, 436 — сохранилось только окончание сюжета «Камское побоище» в составе сводной былины; две записи от М. Д. Кривополеновой (*Григорьев*, 111 и *Озаровская*, 27) содержат контаминацию с былинной «Илья и Калин».

<sup>24</sup> От нее — две записи: Бородина — Липец, 34 и «Печ. и Зимн. бер.», с. 141. Отбрасываем также текст: *Марков*, 104, где собиратель ограничился записью одного только эпизода сбора богатырей.

<sup>25</sup> А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 360.

<sup>26</sup> Тихонравов — Миллер, 8; *Марков*, 81, 94; *Григорьев*, 276, 303, 394, 402, 415. *Астахова*, 12, 33, 44; «Печ. и Зимн. бер.», 141, 143.

<sup>27</sup> А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 135.

Рассмотрим сначала этот эпизод по лучшей сохранности варианта былины<sup>28</sup>.

Собравшиеся для боя с войском Мамай русские богатыри поручают Илье решить, кого послать

Посмотреть войско изрядное,—  
Со которой стороны начинать нам будет?

Илья, отклонив по разным причинам Самсона, Дуная, Добрыню и Василия, решает ехать сам. Однако из дальнейшего видно, что настоящая цель поездки Ильи во вражеский стан другая. Илья наказывает богатырям быть готовыми вступить в бой, как только они услышат, что он уже поражает татар внутри вражеского лагеря:

На трети сутки соряжайтесь  
И к ратному делу поезжайте,  
Как зазвонит палица боевая,  
И зачивкает моя сабля острая,  
И затрублю я во турий рог,  
И во середку в силу не ездите,  
А рубите силу со краю на край  
И не оставляйте силы ни старого, ни малого,  
И никого не оставляйте Мамаю на семя.

Сам же Илья едет отнюдь не считать врагов:

И поехал стар во рать силу великую,  
И пробивался старый до бела шатра до Мамаева,  
Соскакивал тут старый со добра коня  
И заходил старый во шатер белополотняный.

Мамай, увидев в своем шатре «человека странного», задает вопрос о цели его прихода. Далее между Ильей и Мамаем происходит диалог, заимствованный из былины «Илья и Идолище»; рассерженный ответом Ильи, Мамай бросает в него нож, Илья увертывается.

И ухватил старый вострый нож в белы руки,  
И обратил старый острый нож,  
И заколол старый Мамайя, и срубил ему буйну голову;  
И разбил палачей много множество,  
И добрался до своего добра коня.  
Скоро старый на коня вскочил,  
И затрубил старый во турий рог [...]  
И засвистела у его палица боевая,  
И зачивкала его сабелька острая.

<sup>28</sup> Тихонравов — Миллер, 8. Вариант записан А. М. Никольским в г. Мезени, по-видимому, в 1873 г. (впервые упомянут на заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 19.III 1874 г.).



Услышав это, богатыри вступают в бой и уничтожают все татарское войско.

По мнению А. М. Астаховой, заимствование в этом сюжете из былины «Илья и Идолище» относится к сравнительно поздним привнесениям<sup>29</sup>. Вместе с тем факт, что оно содержится во всех наиболее подробных вариантах этой былины, в том числе и на Кулое, на Зимнем берегу<sup>30</sup>, свидетельствует, что заимствование было исконным для мезенско-кулойско-золотицкой редакции. Даже в тех вариантах, которые самого диалога не содержат, следы этого включения остались: в двух вариантах вражеский царь первым наносит удар, от которого Илья увертывается (Григорьев, 402, 415); в трех случаях само имя вражеского царя — Идолище<sup>31</sup>.

Для включения эпизода из более древней былины, отразившей самые тяжкие времена татарского ига, должна была существовать достаточная причина. Устойчивость этого включения доказывает, что оно не было случайным, определялось каким-то важным для сюжета моментом, а не только стремлением исполнителей к более эффектной трактовке расправы Ильи над вражеским царем.

В былине «Илья и Идолище» антагонистом героя является не вражеский царь, а гораздо менее значительная, зато более ненавистная фигура, в которой исследователи давно уже справедливо усматривают татарского баскака, приобретшего «эпические» черты в результате переработки еще более ранней былины «Алеша и Тугарин». В конце XIV в. само баскачество было достаточно далеким прошлым, но жизненность образа насильника Идолища сохранялась, разумеется, вплоть до окончательного уничтожения татарского ига и татарской угрозы вообще. Использование в новой былине давно устоявшегося и популярного эпизода расправы богатыря с татаринном было, очевидно, вызвано, во-первых, отсутствием в предшествовавшем эпическом наследии более подходящего для данной ситуации и вместе с тем достаточно разработанного клише; во-вторых: в самой былине «Илья и Идолище» весь эффект эпизода основан на том, что Идолище не знает, кто перед ним: Илья приходит в одежде калики, скрывая до последнего момента не только свою обычную наружность, но и свои истинные намерения.

В древнейшем виде былины «Камское побоище» сокрытие Ильей своих истинных намерений, несомненно, присутствовало. Следы этого по-разному отразились в вариантах даже независи-

<sup>29</sup> А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 135.

<sup>30</sup> Ср. также: Марков, 81, 94; Григорьев, 276, 303; «Печ. и Зимн. бер.», 141.

<sup>31</sup> Астахова, 12; «Печ. и Зимн. бер.», 141, 143 (все эти три варианта, очевидно, являются результатом осознаваемого, но уже почти не воспроизводимого исполнителями факта близости эпизода к более распространенной былине).

мо от самого заимствованного эпизода: в приведенном случае Илья едет якобы посмотреть вражескую силу; в другом варианте татары почему-то дают ему свободный путь («Печ. и Зимн. бер.», 143); есть даже такая запись:

Как заехал в серединушку силушки Кудреванковой  
И одной рукой подал Кудреванку скорый ерлык,  
Де как другой рукой он успел Кудреванку снять и голову.

(Астахова, 44)

Все это указывает на то, что в архетипе былины, несомненно, присутствовал мотив какой-то военной хитрости, какого-то обмана, примененного героем, чтобы проехать через татарский стан и проникнуть в шатер вражеского царя. Истинное же намерение героя убить царя иногда прямо сообщается им соратникам:

Да и сам говорил да таково слово  
Уш своим-ле братьям да он товарищам:  
«Я поеду старой да серединою,  
А доеду царя-та каг до Калена,  
Я срублю у его да буйну голову».

(Григорьев, 394)

Как и в других вариантах, богатыри должны вступать в бой уже после того, как Илья, убив татарского царя, начнет биться с вражеским войском. Очевидно, что поездка Ильи в татарский лагерь должна предшествовать началу общего боя — это тоже устойчивый для вариантов мотив.

Все это с достаточной определенностью ведет к аналогичным мотивам косовских песен, к тем из них, которые отразили наиболее древние стадии развития косовской традиции — первичную обработку исходного исторического факта. Приведем соответствующие места косовских песен.

Милош заранее сообщает соратникам о своем намерении утром в день боя пробраться в шатер и убить султана Мурада:

Него теби обећавам прид свом овом прид господом  
Прије нег' сутра сунце буде на источној овој страни,  
Хоћу ти се ја наћи под царевим под шатором,  
И хоћу га ханџаром удрити у срце живо,  
И још ћу га одвеће десном ногом притиснути!

Своим слугам Милош говорит, что едет осматривать турецкое войско:

Поф'те, слуге, оседла'те ви јуначке коње добре,  
Ере ћемо ми поћи турску војску уходити!

Рано утром, еще до восхода солнца, Милош приезжает к султанскому шатру, его вводят в шатер. Происходит диалог между

## Милошем и султаном:

Кад је дош'о Милошу прид цара прид честитого,  
Поће њему овако св'јетли царе говорити:  
«Што си дош'о, Милошу војску моју уходити?»  
Али Милош Обиловић св'јетлу цару одговара:  
«Ја сам ти се одвр'о од војске Лазара кнеза,  
И дош'о сам у помоћ теби цару честитому».  
Опета је Милошу свјетли царе говорио:  
«Оваки су закони, Милошу у земљи мојом,  
Ко год к мени доходи да ми се л'јепо поклони,  
Пак да моје пољуби кољено од десне ноге».

В этом диалоге существенны два момента: 1) Милош скрывает свои намерения, объявляя себя перебежчиком; 2) султан своим ответом стремится унижить Милоша. Общий смысл этого диалога, как видим, во многом тот же, что и введенного в былинину «Камское побоище» диалога Ильи с Идолищем. Милош делает вид, что готов на унижение:

Поће ти се Милошу св'јетлу цару да поклони,  
И пригну се да му љуби кољено од десне ноге.

И в этот момент юнак наносит султану смертельную рану:

Златан ханџар повадио и њим га је ударио,  
И још се је повратио и ногом га притиснуо.

Милош вскакивает на коня и начинает избивать турок:

Ма кад виђе Милошу врле турке око себе,  
С сабљом се је у руци прима њима изврнуо  
Много бѣше турака с сабљом својом погубно.

Приведенная схема интересующих нас мотивов не является особенностью только цитированной выше старейшей записи (Богошић, 1), относящейся к середине XVIII в. Такая схема обычна для косовских песен, дающих более или менее развернутое описание подвига Милоша. Это не только сербские песни (Петрановић, 26; «Босанска вила», I, 42), но и хорватские («Matica hrvatska», 58, 59, с. 573), болгарские (Качановский, 177, Боянов; Ватев, 113), македонские (Веркович, 195; Ружицић), боснийские (Раггу, 204) и даже собственно албанские (Елезовић, *Hasluk*)<sup>32</sup>. В тех же относительно немногих песнях, где подробно

<sup>32</sup> Сюда же относится по-видимому, и албанский вариант *Ђарђевић*, 188, фрагментарно переданный собирателем. Из опубликованных записей косовских песен, исполненных на славянском языке, я не имел возможности просмотреть только один фрагмент мусульманской песни и одну из двух записей от боснийца Салиха Углиянина (другую запись той же песни от того же исполнителя см.: Раггу, 204).

го описания нет, а об убийстве султана Милошем говорится очень кратко или содержится только намек, отдельные мотивы обычной схемы все равно присутствуют. Таковы, например, данное заранее обещание Милоша убить вражеского царя (Караџић, 49—3 и 49—4; «Босанска вила», IV, 218), связь подвига Милоша с осмотром вражеской силы (Милетић, 64; Караџић, 49—3, 49—4), раннее прибытие его на Косово поле («Босанска вила», XXVIII, 63), избивание Милошем многих турок (Караџић, 44—2)<sup>33</sup>.

Обычная схема описания подвига Милоша имеет в вариантах лишь отдельные отклонения от текста Богишича. Так, иногда Милош с двумя или тремя юнаками силой прорубается сквозь турецкое войско к султанскому шатру (см., например: Веркович, 195). Однако и в этих случаях, если описание подробное, сообщается, что Милош приблизился к царю с притворным изъявлением покорности (Качановский, 177; Боянов). Спутники — побратимы Милоша — в других текстах тоже выдают себя за перебежчиков (Петрановић, 26; *Елезовић*), или сами турки пропускают всех их, думая, что они едут с мирными предложениями («Босанска вила», I, 42; «Matica Hrvatska», 58). В одном случае Милош едет с письмом, паши подозревают его, но султан велит его пропустить (Раггу, 204). Убивает царя Милош всегда один, — или ударив кинжалом в сердце, или «распоров» от пояса до горла<sup>34</sup>.

Разумеется, на основании одних только записей XVIII—XIX вв. затруднительно делать точные выводы о присутствии всех этих мотивов на ранней стадии развития косовской традиции — в XV в., когда создавались русские былины, откликнувшиеся на Куликовскую битву. Но существует ряд письменных свидетельств того времени, которые позволяют судить о составе если не самих песен, то, во всяком случае, устных преданий о Косовской битве. Эти свидетельства давно собраны, опубликованы и систематизированы<sup>35</sup>. Новейшие исследователи полагают, что уже в древних песнях о Косове сообщалось, как минимум, что Милош утром в день боя прибыл к султану Мураду, выдавая себя за перебежчика, Мурад протянул ему ногу для поцелуя и Милош в этот момент нанес ему смертельную рану<sup>36</sup>.

<sup>33</sup> В единичных случаях говорится кратко только об убийстве султана и гибели самого Милоша (Драганов, 5) либо повествуется об избивании Милошем турецкого войска — при отсутствии мотива убийства султана (Качановский, 176). Не рассматриваем те немногие из косовских песен, где Милош только упоминается (Богишић, 2; Караџић, 50) или совсем не назван (Милетић, 66; Караџић, 45, 46, 47, 48; *Мартинов*, 48).

<sup>34</sup> В некоторых вариантах Милош разрывает султана пополам (Боянов; «Matica Hrvatska», 58; *Ружичић*) или срубает голову (Веркович, 195).

<sup>35</sup> Последняя подробная сводка их в кн.: *M. Braun*. «Kosovo»... стр. 8—60. После выхода этой книги было обнаружено еще несколько таких свидетельств, не вносящих, однако, чего-либо принципиально нового.

<sup>36</sup> См., например: *Б. Крстић*. *Постанок и развој...*, стр. 96.

Несомненно, что сведения об исходном историческом факте попадали на Русь не только в устной традиции, но и в письменных текстах. Древнейшим из них является приведенная выше краткая запись диакона Игнатия. Наиболее подробный из известных на Руси в XV—XVI вв. письменных текстов об этих событиях содержит «Житие деспота Стефана Лазаревича», написанное Константином Костенчским в начале 30-х годов XV в. и вскоре попавшее на Русь. Существуют русские его списки, датируемые серединой XV в.<sup>37</sup> Они представляют краткую редакцию Жития, которая явилась сокращением полной редакции. Последняя, хотя и представлена списком только первой половины XVI в., появилась на Руси до середины XV в., так как текстологически краткая русская редакция восходит к русскому же изводу полной редакции, а не к сербскому<sup>38</sup>.

Приводим описание Косовской битвы по тексту полной редакции Жития: «И сражению бывшу на месте нарицаемем Косове. Бысть сице. Мужем ратным срастующимся пред скипетры. Бе же некто, благороден зело своему господину, его же облгаху, зависти ради, и неверна мняху. Тъи же яко да покажет веру, вкупе же и мужество. Обрете подобно время, устремися к самому великому начальнику, яко о[т]безает. Ему же яко путь сътвор[и]ше. Егда же близ бысть и абне опльчается и възни мечь в того самого гордаго<sup>39</sup> и страшнаго самодръжца. Ту же и сам от них падает. И впръвие убо удолевают суши о Лазаре и восприемлют победу. Но не уже время избавления бе. Того ради и сын того царя возмогает паки в тои брани и удолеват. Богу тако попустившу, яко да и велики сеи мучения венцем увязется, и иже с ним, что убо по сих блаженныи конец постизает усечением главным. Прежде его вы въжеделени друзи предваряюще его<sup>40</sup> много умилненным молением о иже<sup>41</sup> прежде его конец прияти, яко да егову кончину не узрят. Бысть же сия брань в лето 6897, месяца июня 15»<sup>42</sup>.

<sup>37</sup> См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 25.

<sup>38</sup> См.: С. П. Розанов. Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и Русский Хронограф. «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. XI, кн. 2. СПб., 1906, стр. 62—68.

<sup>39</sup> В рукописи испорчено: гдоръдаго.

<sup>40</sup> В рукописи испорчено: предваряющаго.

<sup>41</sup> В рукописи испорчено: е иже.

<sup>42</sup> Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щефрина (Ленинград), отдел рукописей, Кирилло-Белозерское собр., № 31/1270, лл. 154—154 об. Сходный текст и в краткой редакции. См.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 103—104. Из русского извода первой полной редакции «Жития Стефана Лазаревича» рассказ о Косовской битве попал в Русский Хронограф, а оттуда — в Никоновскую летопись, «где текст Хронографа слегка сокращен и слит с хождением Пимена в Царьград, описанным диаконом Игнатием» (А. Попов. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869,

Как видим, содержание представляющей для нас интерес части этого текста далеко не покрывает собой того, что в записях косовских песен оказывается аналогично русским былинам. Следовательно, отпадает возможное предположение о книжном источнике заимствования в былинах.

Использование косовских мотивов былиной «Камское побоище» и другими былинами этого цикла облегчалось существованием тематически близких мотивов в том русском материале, который, несомненно, также оказал воздействие на эти былины. В героических сказаниях о Куликовской битве присутствовал мотив поединка Пересвета с Челебеем (этим поединком началось сражение на Куликовом поле); соответственно, эпизод убийства Ильей вражеского царя в былинах нередко изображается как поединок. В этих сказаниях присутствовал рассказ о том, как юноша Захарий Тютчев, посланный с дарами в ставку Мамаю, мужественно держался перед татарским царем, отказался изменить своему князю, а затем, притворно согласившись перейти на службу к Мамаю, завлек в ловушку отряд татар. Ассоциации с этим эпизодом, очевидно, способствовали и использованию косовских мотивов, и введению эпизода из быliny «Илья и Идолище», где Илья, как Захарий Тютчев, вызывает ярость татарского царя и одерживает над ним моральную победу.

Указанные обстоятельства позволяют думать, что на былинку «Камское побоище» повлияли не сформировавшиеся уже песни о Косовской битве, а занесенное переселенцами с Балкан первоначальное предание о самом подвиге Милоша. В пользу этого говорит и факт, что в былине отразился только один комплекс мотивов косовской традиции, наиболее тесно связанный с самим историческим фактом убийства Мурада I. Остальное содержание косовских песен, в том числе такие важные компоненты сюжета, как несправедливое публичное обвинение Милоша князем Лазарем в измене накануне битвы и измена Вука Бранковича, не оставили в былине никаких следов. Между тем компоненты эти присутствовали в довольно развитом виде уже на той стадии эволюции косовской традиции, которую зафиксировали тексты конца XV—XVI в (Л. Цриевич, Б. Курипешич, М. Орбин).

Принесенное с Балкан предание о недавнем геройском убийстве неверного царя бытовало, очевидно, у русских в одном ряду

-стр. 50; см. также: С. П. Розанов. Житие сербского деспота..., стр. 96). Почти столь же кратки сведения о подвиге Милоша в появившейся триста лет спустя на русском языке переделке сочинения Мавро Орбина: «Попутру же егда приспе другой день, на разсветании поехал Милош на коне до табору турецкого, будто посланник, и бысть введен в шатер к Амурату. Егда же к нему приблизился, приклонив главу поцеловати его руку, вынял един мечик, схороненной в пазухе, и ткнул в чрево Амуратово, и дал ему тем ударением смерть. Но сам Милош во исхождении из шатра и в побеге своем бысть ранен и убит». См.: «Книга Историография початия имене славы и расширения народа славянского <...> Собрана <...> через господина Мавроурбина <...> СПб., 1722, стр. 251.

со сказаниями об эпизодах недавней Куликовской битвы и связанных с нею фактах борьбы против татар. На географической периферии этой борьбы слухи о том, что Мамай был убит, естественно, должны были способствовать объединению мотивов сказаний о Куликовской битве с мотивами предания о подвиге Милоша. Былина «Камское побоище» в отличие от всех других былин этого цикла повествует сначала о победе, а затем о поражении русских богатырей (что вызвано, очевидно объединением отзвуков Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша). Это также способствовало усвоению ранней косовской версии, согласно которой сербы после убийства султана стали одерживать верх и только на последующем этапе были разбиты.

5

Если в былине «Камское побоище» заимствованные из косовской традиции мотивы присутствовали, очевидно, с самого ее появления, то иначе, по-видимому, обстояло дело с другими былинами об отражении татар, так как относительное число вариантов, содержащих мотив убийства татарского царя, в них сравнительно невелико. Более важным показателем может служить тот факт, что сама близость к косовским песням оказывается здесь менее тесной, а эпизод убийства вражеского царя часто не имеет достаточной сюжетной обусловленности.

Былина «Илья и Калин», испытывавшая на себе воздействие былины «Камское побоище», как правило, однако, мотива убийства царя не содержит<sup>43</sup>. Здесь более ограничен отвечающий исторической реальности мотив бегства татарского хана, который иногда даже зарекается никогда не воевать против Руси. В тех же вариантах, где вражеский царь оказывается убит, мотив убийства присутствует в довольно разнообразной оформлении<sup>44</sup>. Одна группа вариантов усвоила его, по-видимому, от древнейшей редакции былины «Камское побоище», может быть, не содержащей еще включения из былины «Илья и Идолище». Наиболее любопытным представителем этой группы является вариант *Леонтьев*, 6, где Добрыня (а не Илья) везет Калину ярлык, татары его не хотят пропускать, но он пробивается к царскому шатру. Войдя в шатер — якобы для мирных переговоров, — Добрыня срубает голову царю. Затем едет назад, избивая татар, и встречает остальных богатырей, которые довершают истребление врагов. Здесь очевидна контаминация мотивов, идущих от косовской тради-

<sup>43</sup> *Киреевский*, IV, 38; *Рыбников*, 205; *Гильфердинг*, 57, 75, 296, 304; *Гуляев*, 2, 3; *Тихонравов* — *Миллер*, 11, 12; *Марков*, 3; *Григорьев*, 267; *Ончуков*, 2; *Миллер*, 5; *Всеволодский-Гернгросс*, 1; *Астахова*, 123, 132; *Гуревич*, 435; *Линевский*, 3, За; *Базанов*, 3; «*Печ. и Зимн. бер.*», 1, 11, 15, 20, 21, 97.

<sup>44</sup> *Кирша Данилов*, 25; *Рыбников*, 141; *Гильфердинг*, 170, 257, 320; *Марков*, 2; *Астахова*, 157; *Бородина* — *Липец*, 2, 3; *Леонтьев*, 6; «*Мезень*», 216, 221.

ций, с мотивами сказания о подвиге Захария Тютчева. Вообще приезд богатыря именно в шатер татарского царя, после чего происходит его убийство (иногда в ходе поединка), мотив здесь достаточно устойчивый (*Гильфердинг*, 170, 257; Бородина — Липец, 3; «Мезень», 216). Как правило, убийство хана происходит после каких-либо переговоров с ним Ильи. В другой группе вариантов Илья оказывается приведен к царю после падения в устроенные врагом подкопы. Но здесь лишь в отдельных вариантах Илья убивает царя (*Рыбников*, 141; *Гильфердинг*, 320).

Мотив падения Ильи в татарские подкопы, возможно, восходит, к былине о Михаиле Даниловиче (послужившей, как полагал В. И. Чичеров, источником былины «Илья и Калин») <sup>45</sup>. Здесь этот мотив почти обязателен, и в тех вариантах, где убийство царя происходит, оно совершается богатырем после того, как его связанным привели к царю <sup>46</sup>. Можно думать, что это результат обратного воздействия более популярной былины «Илья и Калин», так как в большинстве вариантов былины о Михаиле Даниловиче эпизода убийства царя нет <sup>47</sup>. Воздействием той же былины «Илья и Калин» объясняются, очевидно, и два случая присутствия этого мотива в генетически близкой к обоим рассмотренным выше былине «Ермак и Калин» (*Гильфердинг*, 69; Парилова — Соймонов, 20); во втором из них видно смешение с былиной «Илья и Идолище»: Калин оказывается за столом Владимира, где и происходит его убийство Ермаком. Подавляющее же большинство вариантов этого мотива не содержит вовсе <sup>48</sup>. Только в одном случае содержит его былина «Суровец-Суздалец» (*Кириша Данилов*, 26), причем стилистическое оформление его указывает здесь, скорее всего, на прямое воздействие помещенного в этом же сборнике варианта былины «Илья и Калин» <sup>49</sup>.

Несколько особый случай представляет былина «Василий Игнатьевич и Батыга». Обычным для нее мотивом является стрельба Василия в татарский стан. При этом он убивает кого-нибудь из ближайшего окружения татарского царя, что, как это давно отмечено, восходит, по всей вероятности, к исторически засвидетельствованному эпизоду обороны Москвы от войска Тох-

<sup>45</sup> См.: В. И. Чичеров. Об этапах развития русского героического эпоса. «Историко-литературный сборник». Под редакцией С. П. Бычкова, Ф. М. Головенченко, С. М. Петрова. М., 1947, стр. 33—35.

<sup>46</sup> *Киреевский*, III, 41; *Марков*, 76; *Григорьев*, 289, 343, 385; *Ончуков*, 96; *Миллер*, 43, 44.

<sup>47</sup> *Киреевский*, III, 39; *Рыбников*, 104; *Гильфердинг*, 192; Тихонравов — Миллер, IV; *Марков*, 12; Соколовы, 6; *Григорьев*, 231, 259, 293; *Ончуков*, 72; *Миллер*, 45, 46; Бородина — Липец, 36, 37.

<sup>48</sup> *Киреевский*, I, 58; *Рыбников*, 7, 39, 74, 120; *Гильфердинг*, 92, 105, 121, 138; Тихонравов — Миллер, 10; Соколов — Чичеров, 5, 38, 62, 106, 131, 143; Астахова, 100; Парилова — Соймонов, 32.

<sup>49</sup> Во всех остальных вариантах убийство царя отсутствует. См.: *Киреевский*, III, 107, 110; XXVII; Тихонравов — Миллер, 65; Парилова — Соймонов, 59.



тамыша. Убиения же самого царя в подавляющем большинстве вариантов нет<sup>50</sup>. Но в ряде текстов Василий, направляя стрелу в царский шатер или в поле, заговаривает ее именно на царя, и он оказывается ею поражен<sup>51</sup>. В нескольких сильно разрушенных вариантах стрельяния в шатер нет, а Василий убивает царя в бою<sup>52</sup>. В этой былине заимствованный из южнославянского источника мотив как бы завершает свою эволюцию в сторону полного исчезновения: никаких сопутствующих мотивов уже нет и, может быть, именно царский шатер явился здесь связующим звеном, побудившим использовать ассоциации с другими былинами, повествующими, как в шатре богатырь убивает не приближенных царя, а его самого. Совсем не содержит этого мотива ни в одном из своих вариантов входящая в тот же цикл былина о Сухане. Но спорадически мотив встречается в некоторых былинах, хотя и связанных с борьбой против татар, но не посвященных отражению татарского нашествия. Так, он есть в печорской версии быliny «Добрыня и Василий Казимирович»<sup>53</sup>.

Очевидно, что по мере удаления от событий конца XIV в. творческие стимулы к усвоению эпизода, основанного на реальном подвиге Милоша, ослабевали. После свержения татарского ига более актуальной становилась тема унижения некогда грозного и надменного врага, а не физической с ним расправы. Но для эпического творчества XV в. эпизода убийства предводителя татарского нашествия как бы не доставало в том реальном историческом материале, который отразили былины, посвященные борьбе с этим нашествием. Использование косовского эпизода помогло придать этим былинам наибольшую в тогдашней исторической обстановке художественную убедительность.

Есть основания думать, что воздействие косовской традиции на русские былины данного цикла не было однократным. Это естественно, так как культурное общение Московской Руси с балканскими славянами после порабощения их турками не прекратилось, и пересказы различных версий отдельных косовских эпизодов существовали, вероятно, на Руси как отголоски дальнейшего развития косовского эпоса на Балканах. Трудно допустить, что одной только случайностью объясняются такие, например, частные соответствия отдельных вариантов: Илья, как и Милош, иногда для сокрытия своей цели использует передачу вражескому царю письма; как и Милош, русский богатырь иногда не прибегает к обману, а силой прорубается к царскому шатру; как и

<sup>50</sup> *Киреевский*, II, 93; *Рыбников*, 161, 174, 194, 201; *Гильфердинг*, 18, 41, 60, 181, 231, 258; *Гуляев*, 17; *Тихонравов* — *Миллер*, 38; *Марков*, 13, 77; *Григорьев*, 105, 219, 222, 250, 265, 363; *Ончуков*, 4; *Миллер*, 47; *Соколов* — *Чичеров*, 14, 83, 94; *Астахова*, 64, 68, 81, 89; *Линевский*, 9; «*Мезень*», 235, 236.

<sup>51</sup> *Гильфердинг*, 66; *Григорьев*, 214, 237, 314, 319, 324, 337, 369; *Ончуков*, 18.

<sup>52</sup> *Рыбников*, 81; *Гильфердинг*, 116; *Тихонравов* — *Миллер*, 40; *Астахова*, 181.

<sup>53</sup> *Ончуков*, 65; *Леонтьев*, 8; «*Печ. и Зимн. бер.*», 69.

Милош, Илья иногда едет к вражескому царю не один, а берет с собой спутников. Взаимодействие былин и косовских песен нуждается в дальнейшем изучении. Пока же ограничимся ответом на поставленный в начале статьи вопрос: конкретное сопоставление вариантов убеждает в том, что эпизод убийства вражеского царя в русских былинах об отражении татарского нашествия обязан своим происхождением южнославянской устной традиции о подвиге на Косовом поле.

#### ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В ОБОЗНАЧЕНИЯХ ВАРИАНТОВ

- Астахова — «Былины Севера». Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, т. I. М.—Л., 1938; т. II, 1951.
- Базанов — «Былины П. И. Рябилина-Андреева». Подготовка текстов к печати, статья и примечания В. Базанова. Петрозаводск, 1940.
- Богишић — «Народне пјесме из старијих највише приморских записа». Сабрао и на свијет издао В. Богишић, књ. I. «Гласник Српског ученог друштва», од. II, књ. 10. Београд, 1878.
- Бородина — Липец — «Былины М. С. Крюковой». Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Вводная статья Р. Липец. М., 1939.
- «Босанска вила», I; IV; XXVIII — «Босанска вила», год. I. Сарајево, 1886; год. IV, 1889; год. XXVIII, 1913.
- Боянов — «Песни из политическия живот от Разлошко». Записал С. Ив. Боянов. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. III. София, 1890.
- Ватев — «Народни песни от Софийско и от близките краища — Брезнишко, Трънско, Кюстендилско, Радомирско, Берковско и др.». Записал Ст. Ватев. Под редакцията на М. Арnaudов. «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. XLIII. София, 1942.
- Веркович — П. А. Лавров. Сборник Верковича, I. Народные песни македонских болгар. «Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XCV, № 5. Пг., 1920.
- Всеволодский-Гернгросс — «Былины Ивана Герасимовича Рябилина-Андреева». Подготовка текстов и примечания А. М. Астаховой. Статьи А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса, [записи — его же]. Петрозаводск, 1948.
- Гильфердинг — «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года», изд. 4-е, т. I. М.—Л., 1949; т. II, 1950; т. III, 1951.
- Григорьев — «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I. М., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III. СПб., 1910.
- Гуляев — «Былины и песни Южной Сибири». Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952.
- Гуревич — «Фольклор Восточной Сибири». Сборник составил А. Гуревич. Иркутск, 1938.
- Драганов — «Македонско-славянский сборник с приложением словаря», вып. I. Составил П. Драганов. «Записки имп. Русского географического общества по Отделению этнографии», т. XXII, вып. 1. СПб., 1894.
- Ђорђевић — Т. Р. Ђорђевић. Из арбанашког народног предања. «Прилози проучавању народне поезије», књ. I, св. 1—2. Београд, 1934.
- Елезовић — Гл. Елезовић. Једна арнаутска варијанта о боју на Косову. «Архив за арбанаску старину, језик и етнологију», књ. I, св. 1—2. Београд, 1923.
- Караџић — «Српске народне пјесме». Скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић, књ. II у којој су пјесме јуначке најстарије. Београд, 1958.
- Качановский — «Памятники болгарского народного творчества», вып. I. Сборник западноболгарских песен. Собрал В. Качановский. «Сборник Отде-

- ления русского языка и словесности Имп. Академии наук», т. XXX, № 1. СПб., 1882.
- Киреевский* I; II; III; IV — «Песни, собранные П. В. Киреевским». Изданы Обществом любителей российской словесности, вып. 1. М., 1860; вып. 2, 3, 1861; вып. 4, 1862.
- Кирша Данилов* — «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958.
- Леонтьев* — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, редакция и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- Линевский* — «Сказитель Ф. А. Конашков». Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Петрозаводск, 1948.
- Марков* — «Беломорские былины, записанные А. Марковым». М., 1901.
- Мартинов* — Александр П. Мартинов. Народнописни материали от Граово. Под ред. на Ст. Романски. «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. XLIX. София, 1958.
- «Мезень» — «Песенный фольклор Мезени». Издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.
- Милетић* — В. Недућ. Епске народне песме у зборнику Аврама Милетића. «Зборник Матице српске за књижевност и језик», књ. XII, св. 1. Суботица, 1964.
- Миллер* — «Былины новой и недавней записи из разных местностей России». Под редакцией В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. М. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.
- Озаровская* — О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Пг., 1916.
- Ончуков* — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Парилова* — Соймонов — «Былины Пудожского края». Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.
- Петрановић* — «Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине». Епске пјесме стариег времена. Скупио Б. Петрановић. Београд, 1867.
- «Печ. и Зимн. бер.» — «Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи)». Издание подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.—Л., 1961.
- Ружичић* — Г. Ружичић. Народна епика у Велесу. «Прилози проучавању народне поезије, књ. 1, св. 1—2. Београд, 1934.
- Рыбников* — «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Изд. 2-е, т. I. М., 1909; т. II, 1910.
- Соколов* — Чичеров — «Онежские былины». Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948.
- Соколовы* — «Сказки и песни Белозерского края». Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.
- Тихонравов* — Миллер — «Русские былины старой и новой записи». Под редакцией Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- Hasluk* — M. Hasluk. An albanian ballad on the assassination in 1389 of sultan Murad I on Kosova plain. «Occident and Orient. Being studies in semitic philology and literature, jewish history and philosophy and folklore in the widest sense. In honour of M. Gaster's 80-th burthday». London, 1936.
- «Matica Hrvatska» — «Hrvatske narodne pjesme». Skupila i izdala Matica Hrvatska, od. I. Junačke pjesme, knj. I. Uredili I. Broz i S. Bosnac. Zagreb, 1896.
- Parry* — «Serbo-croatian heroic songs». Collected by M. Parry. Edited and translated by A. V. Lord, vol. I, Novi Pasar: english translations. Cambridge — Belgrade, 1954.

После сокращенного обозначения издания указывается порядковый номер текста; при наличии двух нумераций — по томам или разделам и сквозной — использована сквозная; при отсутствии сплошной нумерации текстов указан номер выпуска, если издание имеет несколько, и номер страницы, на которой начинается текст. Отсутствие цифры означает, что данная публикация содержит один текст.

# СЮЖЕТНАЯ ЗАМКНУТОСТЬ И ВТОРОЙ СЮЖЕТНЫЙ ПЛАН В СЛАВЯНСКОМ ЭПОСЕ

*Б. Н. Путилов*

## 1

Одна из устойчивых и принципиальных особенностей сюжетообразования в русском и южнославянском героическом эпосе заключается в том, что каждая отдельная песня (былина, юнацкая, гайдуцкая песня) предстает сюжетно вполне самостоятельной и внутренне завершенной. Ее содержание исчерпывается границами данного сюжета; повествовательно она не связана с другими песнями; она не является сюжетным продолжением какой-либо другой песни и равным образом сама не требует продолжения. Сюжетика, композиционная структура и стилистика эпической песни как бы ориентированы на эту независимость и законченность.

Даже песни, близкие по тематике или с одним героем, прямо не соотносятся между собой и не обнаруживают каких-либо повествовательных связей типа сюжетной последовательности, зависимости, преемственности и т. п. Например, былины о татарском нашествии представляют в повествовательном отношении внутренне независимые сюжеты, в которых дается как бы параллельная разработка одной темы. Перед нами — различные вариации повествования об одном эпическом событии. В былинном цикле об Илье Муромце или в песенном цикле о Кралевице Марке мы можем выделить лишь те сюжеты, которые открывают и завершают их эпические биографии: былины «Исцеление Ильи», «Первая поездка Ильи» и «Гибель богатырей», песни о получении Марком силы, о его смерти. Основная же масса сюжетов, входящих в эти циклы, не может быть упорядочена по принципу повествовательной последовательности или какой-либо зависимости. Поэтому, в частности, говорить о биографии эпического героя мы можем лишь весьма условно: «биография» эта складывается, как правило, из начальных эпизодов, — рождения, возмужания и получения силы, а затем — из подвигов, которые не составляют какого-либо ряда и существуют каждый сам по себе.

Песни об одном герое, разумеется, обладают определенной степенью и определенным характером единства. Связь повествования и героя в эпосе редко бывает случайной, обычно она осно-

ываается на органическом соответствии. Специфика сюжета (то есть в конечном счете воспеваемого подвига) и облик героя в эпосе взаимосвязаны. Как реально возникает эта связь, как происходит, что в эпическом творчестве встречи героя и традиционной сюжетной темы всегда закономерны и в художественном смысле безошибочны,— это пока остается загадкой.

Загадочным является и то обстоятельство, что некоторые эпические темы обнаруживают взаимную близость и посвящены одному герою. В этом смысле показателен цикл былин о Добрыне. В него входят, в частности, сюжеты о змееборстве, о женитьбе, о борьбе с волшебницей, о возвращении богатыря на свадьбу своей жены. Что подбор этот не случаен, что в нем есть своя логика, подтверждается сравнительными данными. Сходный круг сюжетов связан с именем Одиссея. В Гомеровской поэме, представляющей иной тип эпического сюжетосложения, подвиги и приключения Одиссея составляют последовательный и развивающийся во времени ряд событий. В былинном же цикле этого ряда нет. Впрочем, можно говорить — как об определенной тенденции — о начальных приметах складывания такого ряда. Многие варианты былины «Добрыня и Змей» трактуются как рассказ о первом подвиге богатыря и содержат эпизоды роста и возмужания героя. Былина о женитьбе Добрыни и былина о его возвращении связаны повествовательно.

Некоторые тенденции к созданию последовательного цикла обнаруживаются и в южнославянской эпике о Кралевице Марке. Но господствует, конечно, неупорядоченность сюжетов, и это объясняется коллективностью народного творчества. Существует, например, множество песен о женитьбе Марка, но согласовать их содержание никак не удастся. Многочисленные подвиги Марка, соответствующие его устойчивой эпической характеристике, не увязываются, оставаясь каждый замкнутым в пределах одного повествования. Временные отрезки, в пределах которых совершаются подвиги одного героя, никак нельзя отнести к одному биографическому времени, а часто и сопоставить.

Тенденции к преодолению сюжетной замкнутости в славянском фольклоре, по-видимому, появляются относительно поздно. Выражение этих тенденций можно усмотреть в создании сюжетных контаминаций, которые особенно характерны для северного былинного творчества. Сводные былины об Илье Муромце, о Добрыне Никитиче и другие можно рассматривать как попытки певцов задним числом установить прямые повествовательные связи между текстами отдельных былин, поставить их во взаимную последовательную зависимость, придать упорядоченность и известную завершенность эпическим биографиям, обнаружить скрытую (а то и просто мнимую) связь и преемственность между отдельными эпическими повествованиями.

Контаминации частично могут быть оправданы тем, что они

отражают объективные, заложенные в самом эпосе тенденции. Вместе с тем они носят, как правило, искусственный и несколько механический характер, поскольку объективные тенденции были в рассматриваемое время слишком слабы и не получили в естественном процессе эпического творчества достаточного развития, а также в связи с тем, что вся поэтика эпоса основывается на принципах самостоятельности и завершенности отдельных песен. Поэтому контаминация — явление весьма противоречивое, сложное, и не случайно певцы, дорожащие художественной цельностью и полнотой содержания уже сложившихся песен, воздерживались от контаминаций.

Сюжетная замкнутость, столь типичная для фантастико-исторического и героико-исторического эпоса, начинает преодолеваться как жанровый принцип в эпосе собственно историческом. В этом смысле чрезвычайно показательны косовские песни. Действие в них (если говорить о цикле в целом) развивается в рамках одного времени, и каждая песня соотносится с другими песнями сюжетно-хронологически. Соотношение это проявляется в отражении реального хода событий, определяющего композицию всего цикла. Косовские песни составляют последовательный повествовательный ряд, хотя, конечно, последовательность эта отнюдь не летописного порядка.

Появление Косовского цикла связано с качественными сдвигами в эпическом историзме. Возникновение цикла как повествовательного ряда есть определенное завоевание эпического творчества<sup>1</sup>. При всем том повествовательная цельность косовских песен имеет свои пределы: не все песни цикла связаны между собой строгим чередованием событий, и прямые переходы между ними отсутствуют. Поэтому попытки ученых искусственно реконструировать «Лазарицу» как сводную поэму, основываясь непосредственно на подлинных записях, не привели к успеху.

В русском фольклоре типологическую аналогичную косовским песням дают старшие исторические песни: гипотетически восстанавливаемый Рязанский цикл (о нашествии Батыя) и цикл песен XVI в. об Иване Грозном.

Эпические песни классического типа, как правило, сохраняют сюжетную замкнутость. Эти особенности очень характерно проявляются в таких категориях, как повествовательное время и композиционные принципы. В каждой песне повествование начинается всякий раз как бы заново, а вместе с этим начинается и новый отсчет повествовательного времени. События, явившиеся содержанием других песен, не учитываются, не принимаются во внимание и не упоминаются. Точно так же не учитывается время, прошедшее до начала повествования и за пределами его. Что

<sup>1</sup> См. об этом подробнее: Б. Н. Путилов. Юнацкие песни Косовского цикла и русский эпос. «Русская литература», 1966, № 2.

Предшествовало тем событиям, которые составляют содержание данной песни, остается, как правило, неизвестным. Песня не включает каких-либо сюжетных переключек с другими песнями, не содержит реминисценций из них и сама не служит источником каких-либо сюжетных переносов и воспоминаний. В принципе эпическая песня «непроницаема» для других эпических сюжетов. В эпосе идет обмен общими местами, типовыми эпизодами, формулами, но обмен этот не осознается как повествовательная связь и не является таковой.

Однако живой процесс эпического творчества многообразен и сложен. Открывая в этом творчестве какую-либо закономерность структурного порядка, мы всегда должны быть готовы к тому, чтобы увидеть и противостоящие тенденции, структурные «нарушения» и сдвиги. Художественная система в целом и в отдельных ее слагаемых несет в себе противоположные заряды, включает в себе цепь оппозиций. Хотя древнейшая эпическая песня как художественная система в принципе замкнута и «непроницаема», в ней нередко можно обнаружить что-то, что (в прямом выражении или намеками) нарушает замкнутость и указывает на наличие повествовательных связей за пределами данной системы.

В отдельных случаях песенные сюжеты строятся с учетом существования некоей *предыстории*, в которой заложены предпосылки для развития данных событий. Бывает, что предыстория очень важна для понимания смысла происходящего. Однако, очень редко предыстория становится частью прямого повествования и входит в песню на правах самостоятельного ее сюжетного раздела. Как правило, она выступает в виде *второго сюжетного плана*, который обнаруживает себя в намеках, следах, в разрозненных мотивах и как целое восстанавливается лишь путем специального анализа. Между тем, роль его велика, поскольку прямое повествование в песне так или иначе с ним связано, им обусловлено и им ведо́мо. Второй сюжетный план бросает свет из прошлого на события, описываемые в песне, проясняет характер отношений между персонажами, ведет нас к истокам основной коллизии.

Следует различать второй сюжетный план как повествовательную предысторию, как события, происшедшие до начала прямого повествования, и *эпический подтекст* как мотивировку, объясняющую тот или другой поступок персонажа, обуславливающую его поведение в определенных ситуациях. Эпический подтекст материализуется не столько в повествовательных элементах, сколько в типовых фольклорных представлениях, за которыми в эпосе стоит система понятий современника о мире и о человеке.

Теперь, после этих предварительных замечаний, обратимся к некоторым сюжетам русской и южнославянской эпики.

Второй сюжетный план весьма ощутим в былинах о Дунае. В нескольких точках сюжета (как правило, определенных) в вариантах появляются мотивы, возвращающие нас к ранней биографии Дуная, к событиям и отношениям, которые составляют предысторию этого сюжета. Дунай, оказывается, некогда служил у литовского короля и хорошо знал его дочерей. Поэтому, когда Владимир просит собравшихся на пиру найти ему невесту, присутствующий здесь Добрыня сообщает князю, что он слышал от Дуная о литовских королевнах. Затем и сам Дунай говорит о своей прежней службе. Позднее, когда Дунай в качестве свата является к литовскому королю, тот напоминает ему о годах службы:

«Уж ты что ко мне прибыл ли по-старому,  
Ишша прибыл ты ко мне во служейнице,  
Да по-старому служить, все по-прежнему?»<sup>2</sup>

О том же может напомнить ему и Апраксия. Наконец, мотив воспоминания о прежнем знакомстве, связанном с годами службы, появляется в эпизоде поединка Дуная и Настасьи. Кроме того, в нескольких вариантах этот же мотив встречается в эпизоде, когда Настасья вызывает Дуная состязаться в стрельбе:

«Уж ты жил ведь у батюшки-родителя,  
Уж мы ездили во далече в чисто полё,  
Становили мы колечико серебрено,  
Ишше я ли тебе ведь метней была»<sup>3</sup>.

Характерно, что все случаи обращения к прошлому заключены в формы прямой речи. Предыстория сюжета воспроизводится в диалогах, в репликах, в вопросах персонажей. Это обусловлено, конечно, тем, что прямое повествование в эпосе не может возвращаться назад, оно движется только вперед. Прошлое открывается постольку, поскольку о нем вспоминают герои, причем каждое такое воспоминание ситуативно оправданно, оно непосредственно включено в сюжетное движение.

Характерно, что выделенные нами мотивы никогда не встречаются в вариантах в полном наборе. Обычно в пределах одного текста мы находим от одного до трех упоминаний о службе Дуная. Как правило, двойное упоминание есть в тех вариантах, где Добрыня (или другой богатырь) рассказывает князю о пребывании Дуная в Литве, а затем сам Дунай подтверждает этот рассказ. К этому может добавляться еще упоминание о службе в эпизоде встречи богатыря с литовским королем. Всего количест-

<sup>2</sup> «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым», т. II. Кулой. Прага, 1939, № 245.

<sup>3</sup> Там же, № 284.



во этих упоминаний такое: о службе Дуная упоминается в эпизоде встречи с королем — 29 раз, в рассказе самого Дуная — 24 раза, в рассказе Добрыни (или его дублера) — 22 раза, в эпизоде поединка Дуная с Настасьей — 11 раз, в эпизоде встречи Дуная с Апраксией — 4 раза, в других эпизодах — 5 раз.

Для нас важно заметить, что упоминание о службе Дуная в начале былины не вызывает повторения такого же упоминания в других эпизодах сюжета. В ряде вариантов былины обнаруживается противоречие между экспозицией и ходом событий: о Дунае говорят (или он сам о себе говорит) как о бывшем слуге литовского короля, но в дальнейшем об этом не упоминается; Дунай приезжает в Литву как чужой, его никто не узнает, его встреча с Настасьей оказывается первой и т. д.

С другой стороны, мотив прежней службы может всплыть совершенно неожиданно в эпизоде встречи Дуная с королем.

Еще важнее, что наличие или отсутствие мотива службы никак не отражается на самом развитии сюжета и на его перипетиях. Мотив этот вносит, конечно, дополнительные аспекты, поновому окрашивает отношения между героями, несколько осложняет повествование, — но не больше того. Он не определяет течения событий. И это наглядно подтверждается вариантами, в которых никаких возвращений к эпической биографии Дуная нет. Завязка ограничивается тем, что Дунай — без всяких ссылок на свою прежнюю службу — просто сообщает Владимиру, что он знает для него подходящую невесту. «Знание» здесь, как и вообще в эпосе, не требует специальных мотивировок, откуда и каким образом оно приходит к герою. Поэтому начальные эпизоды, в которых вспоминается прежняя служба Дуная, не кажутся обязательными.

С точки зрения логики развития сюжета эти эпизоды, как и вообще мотив прежней службы богатыря, имеют значение на первый взгляд, прежде всего для мотивировки событий во второй части былины — где происходят встреча, поединок между Дунаем и Настасьей, завершающиеся быстрым договором о браке. Однако сопоставление соответствующих корреляций известных вариантов и анализ названных мотивов в свете эпической традиции позволяют думать, что и в данном случае мотив прежней службы не столь ограничен.

В ряде вариантов былины встречается такая трактовка: Настасья, поверженная в ходе поединка, напоминает Дунаю об их прежнем знакомстве<sup>4</sup>. Более того, в нескольких вариантах про-

<sup>4</sup> «Былины Севера», том первый. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., 1938, № 34; «Былины Пудожского края». Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941, №№ 7, 44; «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года», изд. 4-е, т. II. М.—Л., 1950, № 94.

скальзывают намеки или прямые указания на былые близкие отношения между ними<sup>5</sup>. Можно было бы поэтому всю эту былинную историю рассматривать как историю встречи суженых, которые некогда были близки, а затем судьба развела их. Именно так трактуют сюжет те певцы, которые включают в текст былины реминисценции из баллады «Молодец и Королева» либо почти целиком всю балладу<sup>6</sup>. Тем самым второй сюжетный план превращается в составную часть прямого повествования, полностью проясняется и теряет при этом характерные структурные свои черты. Одновременно с этим ослабевает или утрачивается архаический подтекст, лежащий в основе мотива встречи Дуная и Настасьи. Согласно вариантам, указанным выше, встреча эта обусловлена прежним знакомством и даже прежней близостью героев. Согласно же другим вариантам, отражающим архаическую традицию, Дунай и Настасья — суженые, встреча их предуказана, они предназначены друг другу; при этом существует условие, согласно которому Настасья может стать женой лишь того, кто победит ее в единоборстве. Сохранилось совсем немного вариантов, в которых есть этот последний мотив; к тому же он подчас переосмыслен<sup>7</sup>.

Есть много вариантов, в которых Дунай и Настасья не знают друг друга. Тем не менее, богатырь, увидев, что он победил женщину, незамедлительно предлагает ей стать его женой. Перед нами, конечно, след мотива суженой<sup>8</sup>. Вообще в текстах по-разному, но устойчиво варьируется мотив *первой* встречи героев, которые дотоле не знали друг друга.

Вторая часть былины, повествующая о роковой встрече Дуная с Настасьей, исполнена глубоких противоречий, неясностей, загадочности. В вариантах обнаруживаются различные тенденции к логическим трактовкам встречи, но такие трактовки ока-

<sup>5</sup> «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым», т. III. СПб., 1910, № 377; А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, № 10.

<sup>6</sup> «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 3. М., 1861, стр. 58—69; «Былины новой и недавней записи из разных местностей России». Под редакцией В. Ф. Миллера. М., 1908, № 62; «Онежские былины». Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. И. Чичерова. М., 1948, № 119; «Былины Севера», том второй. Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., 1951, № 164.

<sup>7</sup> «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958, стр. 75; А. В. Марков. Беломорские былины, № 10; «Архангельские былины и исторические песни...», т. II, № 217; «Былины Севера», том второй, № 158; «Былины Пудожского края», № 7; «Онежские былины», 1948, № 79.

<sup>8</sup> См., например: «Былины Севера», том первый, №№ 34, 45, 46; «Былины Севера», том второй, № 110; «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом...», т. II, №№ 94, 102 и др.

зываются подходящими лишь для отдельных частей повествования и в целом ситуации не проясняют, а нередко вносят дополнительные осложнения и несогласованности. Например, в ряде вариантов Настасья встречается с Дунаем, когда она устремляется в погоню, чтобы отбить сестру. В других вариантах эпическая инерция придает образу Настасьи черты татарского нахвальщика.

Все эти модификации происходят из того, что былина о Дунае, будучи генетически связана с типовой эпической темой о суженой-богатырке, формировалась и развивалась в соответствии с общими закономерностями, характерными для русского героико-исторического эпоса, в частности — для эпоса на темы сватовства. Мотив прежнего знакомства и любовной близости, связывавших Дуная и Настасью, представляет собой одну из тенденций к переосмыслению традиционной коллизии и к переводу архаической эпической ситуации в романтический план.

Очень характерно, что второй сюжетный план получал свою материализацию не только в границах былины, но и за ее пределами. Это редкий в русском эпосе случай, когда сюжетная замкнутость оказалась преодоленной, когда возник небольшой эпический цикл, отдельные слагаемые которого взаимно соотносены последовательностью описываемых событий и единством биографии эпического героя. В этом своеобразном цикле рядом с былинной «Дунай» стоят былина-баллада «Дунай и Королевна» и былина «Добрыня и Дунай». Здесь нет возможности рассматривать подробно характер сюжетных связей между тремя произведениями. Замечу лишь, что каждое из них вполне самостоятельно, что согласованность между ними весьма относительна, что определенных временных связей они не дают и что трактовки службы Дуная в основной былине и в былине-балладе, как и его отношений с королем, совершенно различны. Другими словами, хотя принцип сюжетной замкнутости в данном случае сильно нарушен, однако же структурного объединения песен не произошло и произойти не могло.

Вопрос о возникновении «Дуная и Королевны» и «Добрыни и Дуная» и об их отношении к основной былине не раз обсуждался в нашей научной литературе<sup>9</sup>. Вторичный их характер вряд ли может быть оспорен. Однако ясно и то, что в известных нам вариантах «Дуная» уже отражено влияние этих жившихся производными от основной былины сюжетов. В то же время было бы неосторожно *все* элементы второго сюжет-

<sup>9</sup> См. например: «Былины Севера», том первый, стр. 568—569; А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 153—154; В. Я. Пропп. Русский героический эпос, изд. 2-е, исправленное. М., 1958, стр. 141—146; Д. М. Балашов. Из истории русской баллады («Молодец и королевна», «Худая жена — жена верная»). «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI. М.—Л., 1961,

ного плана былины возводить к «Дунаю и Королевне» и «Добрыне и Дунаю». Я полагаю, что два исходных мотива — службы у литовского короля и близости с Настасьей — появились независимо от вторичных сюжетов, в результате развития эпического замысла «Дуная» и некоторой серии сюжетных пересмыслений. Другими словами, второй сюжетный план в «Дунае» возникает не как след утрачиваемой архаической традиции, а в процессе ее «отрицания» и трансформации, на путях становления героико-исторической былины. Я думаю, что именно благодаря этому могли возникнуть «побочные» песни, подорвавшие сюжетную замкнутость былины о Дунае. Они не возникли бы на обломках архаической сюжетики. Укрепление второго сюжетного плана, распространение его на разные части былинного сюжета вели к постепенному ослаблению эпического подтекста.

Можно сказать, что история былины о Дунае отражает сложную борьбу между вторым сюжетным планом и подтекстом. Первый придает былине логическую ясность, усиливает ее исторические аспекты. Второй сохраняет характерные для сюжета многомерность, глубину замысла, драматическую недосказанность. В версиях и вариантах былины получают свое проявление результаты этой борьбы. Взаимодействие сюжетного плана и подтекста дает себя знать нередко в пределах одного текста. Совмещение этих художественных приемов приводит к тому, что нарушаются логические связи сюжета, появляются противоречия в повествовании. Например, в одном варианте Дунай и Настасья при встрече тотчас узнают друг друга. Тем не менее мотив единоборства сохраняется. После того как Дунай побеждает Настасью, она соглашается стать его женой<sup>10</sup>. Весьма выразительно сила подтекста ощущается в тех вариантах, где говорится о службе Дуная у литовского короля, но совершенно отсутствуют следы мотива знакомства Дуная с Настасьей и, напротив, хорошо выявлен мотив поединка как условия брака<sup>11</sup>.

### 3

Тенденция к превращению второго сюжетного плана в прямое повествование в былине «Дунай», видимо, не получила особенного развития. Отчасти это можно объяснить неустойчивостью самого второго плана, его сюжетной необязательностью в данном случае.

Русскому эпосу известны сюжеты, где предыстория составляет обязательный элемент и где, следовательно, вопрос об

<sup>10</sup> «Архангельские былины и исторические песни...», т. II, № 217.

<sup>11</sup> См., например: «Древние российские стихотворения...», стр. 67—79; «Былины Севера», том второй, № 158.

отношении второго сюжетного плана к прямому повествованию оказывается совершенно неизбежным. Может быть, наиболее показательны в этом смысле былины «Илья Муромец и сын» и «Королевичи из Крякова».

В массе вариантов былины «Илья Муромец и сын» отчетливо выделяются три основных структурных типа. Различаются эти типы внешне — по наличию или отсутствию некоторых важных сюжетных частей, внутренне — по соотношению второго сюжетного плана и прямого повествования, т. е. предыстории сюжета и сюжета как такового. Сразу же замечу, что число вариантов, в которых предыстория воссоздается с помощью второго сюжетного плана, решительно преобладает, а самый тип, представленный этими вариантами, характеризуется художественной завершенностью, разработанностью составных сюжетных элементов, композиционной слаженностью.

События начинаются в поле, на заставе (наиболее характерное начало), в Киеве: богатыри должны выступить против грозного и неизвестного никому нахвальщика; сюжет строится таким образом, что с чужеземцем в решающий бой вступает Илья Муромец. Победив противника, богатырь узнает в нем своего сына.

Именно в этом эпизоде развитие сюжета обнаруживает скрытый до сих пор второй план. Отношения Ильи Муромца и нахвальщика неожиданно обретают новую окраску, они представляются в свете прошлого. Сын (обычное его имя в былинах — Сокольник, Подсокольник) сообщает имя матери и признается в том, что не знает отца:

«От того же я моря да моря синёго,  
От того же от камешка от латыря,  
Я от той же от девки от Златыгорки»<sup>12</sup>.

«Да не знаю я себе рóдного батюшка.  
Да одна у мяя есть родная матушка,  
Да старая девка Сиверьянична»<sup>13</sup>.

Особый интерес для понимания второго сюжетного плана представляют варианты, в которых мать Сокольника изображена как богатырка, с чертами фантастическими и архаическими.

<sup>12</sup> «Архангельские былины и исторические песни...», т. III, № 336. Ср. еще: там же, №№ 308, 320, 346, 368; «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 4. М., 1862, стр. 17; «Былины Севера», том первый, №№ 2, 79; «Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи)». Ответственный редактор А. М. Астахова. М.—Л., 1961, № 67.

<sup>13</sup> «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», т. III, № 219. Ср.: там же, №№ 226, 233; «Онежские былины», 1948, № 247.

«От того я моричка холодного  
И от той я горки от чистой,  
И от той поляницы приудалой,  
А отца своего я не сведаю»<sup>14</sup>.

«От того же от камешка от Латыря,  
Да от той же я девченки да Златыгорки,  
Она зла поленица да преудалая,  
Да сама она была еще одноокая»<sup>15</sup>.

Илья Муромец реагирует на слова Сокольника по-разному. Часто признание им сына не сопровождается никакими комментариями или обращением к прошлому. Загадка остается нераскрытой, и действие стремительно движется к развязке. Однако наряду с этим есть ряд случаев, когда Илья Муромец сообщает сыну об обстоятельствах своей встречи с его матерью. Иногда эти обстоятельства — чисто бытового характера и отражают позднейшие осмысления былины певцами<sup>16</sup>. Вместе с тем рассказ Ильи Муромца может полностью соответствовать сообщению Сокольника о матери-богатырке:

«Да съезжались с твоей да мы ведь матерью,  
Да на том же мы ведь на чистом поли,  
Да и сила на силу прилучилосе.  
Да не ранились мы, да не кровавились,  
Сотворили мы с ей любовь телесную,  
Да телесную любовь, да мы сердечную,  
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили»<sup>17</sup>.

Этому рассказу в других вариантах может соответствовать признание самой матери:

«Когда ездил я во чисто полё поляковать,  
Съезжались мы с им на поединочку,  
Он меня побил, да тут и грех творил,  
Оттого ты, дитя мое, зарбжено»<sup>18</sup>.

Так открывается перед нами архаическая коллизия, не раз повторенная в вариациях в славянской эпике: богатырь и бога-

<sup>14</sup> «Песенный фольклор Мезени». Издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967, № 214. Ср. также: «Былины Печоры и Зимнего берега...», № 73; «Былины Севера», том первый, №№ 57, 70, 87.

<sup>15</sup> «Печорские былины». Записал Н. Ончуков. СПб., 1904, № 1. Ср. также: «Былины Печоры и Зимнего берега...», № 53.

<sup>16</sup> См., например: «Былины Печоры и Зимнего берега...», №№ 22, 43, 51; «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом...», т. II, № 77.

<sup>17</sup> «Печорские былины», № 1. Ср. также: там же, № 6; «Былины Севера», том первый, № 79; «Былины Печоры и Зимнего берега...», № 67; А. В. Марков, Беломорские былины, № 94.

<sup>18</sup> «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом...», т. III, № 226. Ср.: там же, № 233.

тырка, прежде чем стать мужем и женой, меряются силой. Победивший богатырь получает все права на женщину.

Коллизия эта в русском эпосе связана с биографиями Добрыни и Дуная. Теперь она связывается с Ильей Муромцем, но в рассматриваемом нами сюжетном типе проходит в виде второго плана.

Характерным для ряда вариантов является также мотив узавания сына по кресту или перстню<sup>19</sup>.

Предыстория отношений Ильи Муромца и матери Сокольника может возникать в вариантах былин в одном из заключительных эпизодов — когда мать подтверждает отцовство Ильи и рассказывает иногда, при каких обстоятельствах произошла их встреча.

Восстанавливаемый таким образом второй сюжетный план, проясняя внешние связи между тремя персонажами, не раскрывает, однако, основной коллизии (бой отца с сыном) по существу. Коллизия эта ведома подтекстом, характер которого в общем раскрыт новейшими исследованиями<sup>20</sup>. Согласно этому подтексту, Сокольник вырастает без отца, испытывая на себе все унижения «заугольника», и, достигнув известного возраста, отправляется на поиски отца, чтобы отомстить ему. В основе подтекста лежит мотив ненависти сына к отцу.

С точки зрения особенностей подтекста былины рассматриваемого типа можно разделить на две группы: в одних вариантах Сокольник *знает*, что ему надо встретиться в поединке с Ильей Муромцем, т. е. знает, что Илья — его отец: в других — лишь после признания Ильи ему открывается правда. Впрочем, деление это нередко провести очень трудно, так как обе версии могут либо пересекаться, соседствовать, либо представлять в расплывчатом виде.

Для нас важно заметить, что предыстория, связанная с Сокольником, тоже отражена в мотивах второго сюжетного плана. Сокольник, например, рассказывает Илье Муромцу:

«А меня ведь называют заугольшем,  
Заугольнием да подугольшем,  
А не могу я славушки той слышати,—  
А не видал отца я рóдного,  
А какой не знаю отец-то был»<sup>21</sup>.

В вариантах встречается еще один мотив: сам Сокольник признается либо мать ему напоминает, что она предупреж-

<sup>19</sup> См., например: А. В. Марков. Беломорские былины, № 4; «Архангельские былины и исторические песни...», т. III, №№ 320, 336; «Былины Печоры и Зимнего берега...», №№ 74, 93.

<sup>20</sup> См.: В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 261—264; С. А. Авижанская. Бой отца с сыном в русском эпосе. Автореферат диссертации. «Вестник ЛГУ», 1947, № 3.

<sup>21</sup> «Онежские былины», 1948, № 4.

дала его при отъезде не вступать в поединок с Ильей Муромцем<sup>22</sup>.

Несмотря на существование различных мотивов второго сюжетного плана, эпическая коллизия в вариантах рассматриваемого типа окутана загадочностью. Сюжетная недосказанность обусловлена отчасти тем, что мотивы второго плана далеко не всегда выявлены сколько-нибудь четко и вообще не всегда сохраняются, отчасти противоречивостью и неясностью подтекста. В разработке сюжета, как она предстает перед нами в длинном ряду вариантов, очевидна тенденция к его переосмыслению в типичных для «киевского» героического эпоса формах (богатыри на заставе, появление чужеземного нахвальщика, поединок русского богатыря с татарским, необходимость оборонять Киев и т. д.).

При изучении построения повествования данного типа былины возникает вопрос: как образовался второй сюжетный план былины, почему появились соответствующие мотивы?

Обратимся к другим типам сюжета. В ряде вариантов былина начинается с биографии Сокольника: описаны его возмужание, ученье, его горькая судьба «заугольника», его решение ехать в поле. Эта серия мотивов обязательно включает уже известное нам предупреждение матери. Она просит сына при встрече с Ильей Муромцем оказать ему почтение, не биться с ним и т. д. Предупреждение может сопровождаться признанием, что Илья — его отец<sup>23</sup>.

Характерно, что такое начало не влечет никаких принципиальных сдвигов в дальнейшем движении сюжета, может быть, лишь мотив поисков Сокольниковым именно Ильи Муромца выявлен в вариантах этого типа более четко, равно как острее подчеркнута непримиримая ненависть молодого богатыря к своему противнику — отцу. Для нас важно, что уже знакомые нам по вариантам первого типа мотивы второго сюжетного плана здесь повторяются. Вообще все повествование в знакомых нам рамках течет без каких-либо видимых изменений. Еще более существенно, что в сюжете возникает трудно объяснимое противоречие между началом и концом: Сокольник уже в начале узнает, что он — сын Ильи Муромца, но наказывает мать лишь в конце, после встречи с отцом. Логике сюжета больше отвечает то, что Сокольник расправляется с матерью после того

<sup>22</sup> «Былины Севера», том первый, № 11; «Архангельские былины и исторические песни...», т. III, № 308; «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. I., стр. 55.

<sup>23</sup> Варианты этого типа см.: А. Марков. Беломорские былины, № 70; «Архангельские былины и исторические песни...», т. I. М., 1909, № 2; т. II. Прага, 1939, №№ 288, 299; т. III. М., 1910, №№ 346, 364, 392, 396, 417; «Былины Печоры и Зимнего берега...», № 10, 67.



как ему открывается истина. Поэтому первый тип сюжета можно рассматривать по отношению ко второму как исходный.

Что касается третьего типа, то он ведет нас еще дальше, к самым истокам предьстории. В былинах этого типа повествуется о том, как встретились Илья Муромец и женщина, принесшая ему сына. Сразу же замечу, что таких текстов относительно немного. К тому же, из одиннадцати известных нам вариантов пять находятся в составе контаминаций; три представляют собой прозаическое изложение (два из них сохраняют прозаическую форму только в начальных эпизодах). Уже одно это заставляет исследователя насторожиться. Более же внимательный анализ показывает, что в большинстве случаев мы имеем дело явно со вторичной разработкой. Не вызывают в этом смысле сомнений композиции, сочиненные М. С. Крюковой<sup>24</sup> и Н. В. Кигачевым<sup>25</sup>. Для нас принципиальный интерес представляет сообщение Н. В. Кигачева. Он составил былинку, потому что он слышал от соседа сказку о женитьбе Ильи и «передумал ее в былинку»<sup>26</sup>. Однако, можно полагать, что материалом для него в отношении образа невесты-богатырши послужили мотивы второго сюжетного плана.

И в других случаях, очевидно, мы имеем дело с сознательными попытками певцов раскрыть второй план, так или иначе прояснить историю появления у Ильи Муромца сына. В нескольких случаях эти попытки осуществляются в духе чисто бытовых представлений: Илья Муромец, бродя по свету, случайно вступает в связь с «девкой»<sup>27</sup>; он служит тридцать лет на заставе и приезжает в гости к вдове на хутор<sup>28</sup>. Однако чаще говорится о встрече богатыря с поленицей удалой<sup>29</sup>, о поединке с нею<sup>30</sup>. Другими словами, предьстория, как правило, соответствует основной версии, знакомой нам по второму сюжетному плану.

Характерно, что наличие или отсутствие эпизодов, рассказывающих о встрече богатыря с женщиной, в сущности никак не влияет на развитие сюжета в его основной части (то есть в границах былин первого типа), на мотивы второго сюжетного плана.

<sup>24</sup> «Былины М. С. Крюковой». Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Вводная статья Р. Липец. М., 1939, № 12.

<sup>25</sup> «Былины Пудожского края», № 50.

<sup>26</sup> Там же, стр. 495.

<sup>27</sup> «Архангельские былины и исторические песни...», т. I, № 8.

<sup>28</sup> «Песенный фольклор Мезени», № 215.

<sup>29</sup> «Былины Севера», том первый, № 40; «Архангельские былины и исторические песни...», т. III, № 368.

<sup>30</sup> «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, т. II. М., 1910, № 165; «Русские былины старой и новой записи». Под редакцией Н. С. Тихонова и В. Ф. Миллера. М., 1894, № 31; Архангельские былины и исторические песни...», т. I, № 129.

Сюжет неизменно (за исключением вариантов, отражающих случаи его забвения, путаницы, позднейших попыток переосмысления, которые никак не обусловлены существованием или отсутствием предыстории в прямом повествовании) проходит через известные нам этапы и завершается двумя смертями: матери, которую убивает сын, и Сокольника, которого вынужден убить Илья.

Можно сказать поэтому, что начальные эпизоды, отсутствующие в текстах первого типа, появились как *дополнительные*, пристроились к основному сюжету, сложились в результате обнаружившейся у певцов потребности к замене второго сюжетного плана прямым повествованием. Характерно, что мотивы второго сюжетного плана, появляющиеся в соответствующих точках сюжета (в границах былин первого типа), находят прямые параллели в этих дополнительных эпизодах. Однако же лишь в единичных случаях можно допустить, что они и пришли из этих эпизодов. Например, это допустимо для мотива предупреждения, о котором вспоминает сам Сокольник или его мать. Что касается основных мотивов (узнавание сына, воспоминание о встрече с богатыркой), то они не могут быть возведены генетически к соответствующим эпизодам второго и третьего типов. Они «искони» присутствуют в сюжете, организуют самый замысел, наличествуют в самой сюжетной теме.

Следует заметить, что эпическая сюжетная традиция живет не только в конкретных текстах, но также и в эпическом сознании певцов; она, материализуясь в основной своей части в реальных текстах, в каких-то своих элементах сохраняет «скрытый» смысл. Сюжетная традиция знает не только открытые, видимые, но и латентные формы. До тех пор, пока эти последние крепки, пока они имеют прочные корни в эпическом сознании,— до тех пор эпическое творчество является по-настоящему живым и естественным. С нарушением, с распадом этих форм приходят кризисные явления, и эпическое творчество приобретает иной характер, что мы и видим на примере былины «Илья Муромец и сын».

К латентным формам эпической традиции относятся в первую очередь эпический подтекст и внесюжетные связи со вторым планом. Когда подтекст размывается, ослабевают и эти связи, в былине появляются бытовые, житейские мотивировки, появляется прямолинейность, теряется глубина; с другой стороны, отдельные традиционные части сюжета мельчатся, искажаются, теряются, былина оказывается недопетой, незавершенной, и в ней появляются пропуски, путаница и т. д.

Былину «Илья Муромец и сын» — былину с очень тонким и сложным подтекстом и со вторым сюжетным планом, играющим важнейшую конструктивную роль,— не отличает единство

сюжета. Эволюция структуры былины неравномерна, и в этой неравномерности, в частности, получает свое выражение сложный процесс эпического творчества, не просто затрагивающий содержание, композицию, структурные особенности повествования былин, но и отражающий развитие эпического сознания.

#### 4

Второй сюжетный план как структурное качество безусловно связан с некоторыми общими, принципиальными особенностями структуры эпических славянских песен, в частности, такими, как *непрерывность* эпического действия и следование событий за *одним героем*. Творцы эпического сюжета избегают долгих хронологических пауз, которые нечем заполнить, равно как и перевода повествования с одного героя на другого. В сюжете «Бой отца с сыном» предыстория отделена от основной части значительной временной дистанцией. В тех случаях, когда второй план трансформируется в прямое повествование, мы наглядно видим, как трудно певцам без искусственных натяжек, не механически связать начальные эпизоды с основной частью. Трудность состоит также в том, чтобы естественно распределить повествование о каждом из двух героев — Сокольнике и Илье.

Второй сюжетный план в значительной мере снимает эти трудности и придает эпическим песням структурную цельность.

Вместе с тем второй сюжетный план вносит в эпическую песню мотивы недосказанности, загадочности, усиливает драматическую напряженность. Так эпическая песня приобретает характерные особенности баллады.

В этом смысле очень показательны былины и южнославянские песни, юнацкие и гайдуцкие, о встречах братьев или брата и сестры.

Былина «Королевици из Крякова» развивается до определенного момента как будто по канонам «киевской» сюжеттики: кряковский богатырь, ведомый предсказаниями и предупреждениями, выступает против чужеземного нахвальщика, борется с ним, побеждает его и, перед тем как нанести последний удар, хочет узнать, кто он. Из рассказа поверженного нахвальщика следует, что он — родной брат богатыря, увезенный когда-то татарами, выросший на чужбине и теперь приехавший на Русь искать своих родителей.

Перед нами — типичный мотив второго сюжетного плана. Однако мотив этот не просто по-новому освещает ситуацию, но как бы взрывает весь сюжет и круто поворачивает его течение. Второй план вносит в, казалось бы, ясный сюжет трудно разрешимые противоречия. В самом деле, из второго плана видно, что приезжий богатырь ищет потерянных родителей, он вернул-

ся «на матушку святую Русь». Согласно же всему предшествовавшему повествованию, он — чужеземный враг, который ищет поединщика, грозит разорить Киев и казнить Владимира. Молодой богатырь из Крякова выступает как защитник Руси, а в итоге борьбы обретает брата<sup>31</sup>.

Правда, есть варианты, в которых «киевская тема» развивается не столь последовательно, в одном из них поединок трактуется как обязательный «ритуал» при встрече незнакомых богатырей друг с другом<sup>32</sup>. Однако в общем тенденция, наиболее определенно и резко представленная рябининской семейной традицией<sup>33</sup>, типична для данного сюжета.

Сам по себе второй сюжетный план еще не все объясняет в сюжете, хотя он вносит в него предысторию и освещает характер отношений между героями. Развитие сюжета во многом определяется подтекстом, который связан со вторым планом. Согласно подтексту, молодой богатырь должен встретить своего брата, которого он не знает, и победить его. Победа приведет к узнаванию и к тому, что все разрешится благополучно. Мать, которая знает о неизбежности встречи, но не знает, чем она закончится, стремится ей воспрепятствовать. С другой стороны, вешие силы (черный ворон, лебедушки) этой встрече способствуют. Эти архаические основы сюжета получают, однако, существенное дополнение, выражающееся в том, что потерянный брат на известном отрезке повествования выступает как враг. Это приводит к сдвигам в эпическом подтексте, а самое главное — связь подтекста с повествованием начинает ослабевать.

Противоречия в сюжете имеют органический характер, они неустранимы, и второй сюжетный план придает им структурную четкость. Он словно бы разрывает сюжет на две части: в первой — былина развивается в соответствии с типичными канонами героико-исторической эпики, во второй — она трансформируется в балладу, правда, с благополучной развязкой.

Конструктивная функция второго сюжетного плана в «Королевичах из Крякова» очевидна. Важно отметить, что предыстория, которая в нем раскрывается, принадлежит «другому времени»: когда происходили описываемые в нем события, героя еще не было; второй сюжетный план связывает воедино прошлое (другое время) с настоящим. Он, однако, вовсе не касается того, чем реально были заполнены годы, отделяющие прошлое от сегодняшнего дня. По логике сюжета, тот брат, который живет дома, не знает о существовании старшего, уведенного в

<sup>31</sup> «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом...», т. II, № 87.

<sup>32</sup> «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом...», т. II, № 136.

<sup>33</sup> См. также, например: «Былины новой и недавней записи...», № 70; «Онежские былины», 1948, № 99 и др.

плен. Элементарная, на первый взгляд повествовательная структура, но какие сложные коллизии заключает она.

В южнославянском эпосе можно найти множество юнацких, гайдуцких песен и баллад о встрече братьев, в которых почти обязательно присутствует второй сюжетный план. Однако, в отличие от рассмотренной былины, он структурно приближен к началу повествования и как бы включается в завязку. Предыстория открывается герою достаточно рано (с точки зрения сюжетного развития), и это открытие определяет затем все его поступки. Мотив «незнания» сохраняется, но совсем в другом значении: смысл происходящего неведом теперь лишь тому, кого ищет герой, сам же он действует, руководствуясь ясной целью.

Второй сюжетный план предстает в песнях в форме рассказа матери: она сообщает сыну, что у него был брат, и рассказывает об обстоятельствах его исчезновения. Для этого рассказа типичны мотивы, воссоздающие атмосферу и характерные коллизии народного быта времен турецких набегов (разорение сел или городов, увод полона, бегство в гайдуцкие отряды и т. п.), здесь могут попадаться живые подробности, придающие такому рассказу самостоятельное художественное значение<sup>34</sup>.

Включение второго сюжетного плана в повествование в большинстве песен мотивируется условно: сын укоряет мать за то, что он у нее один, и тогда она рассказывает ему о брате либо о брате и сестре. Почему мать молчала раньше, это не объясняется. Открытие семейной тайны происходит как бы случайно, за случайной мотивировкой стоит, конечно же, эпический подтекст: герою предназначено найти брата и приступить к этому своему подвигу он может лишь по достижении определенного возраста.

Второй сюжетный план в рассматриваемых песнях обращен не только к прошлому, но и к настоящему. Он не только проясняет предысторию, но и раскрывает существующую коллизию. Мать, рассказывая о событиях некогда случившихся, одновременно сообщает, где находится и что делает ее сын. Ее рассказ как бы дает направление дальнейшим событиям, проясняя ситуацию. Выясняется, что ее сын либо прижился среди

<sup>34</sup> См., например: «Hrvatske narodne pjesme». Skupila i izdala Matica hrvatska. Zagreb, t. I, 1896, N 46; t. II, 1897, №№ 31, 71, стр. 389—390; «Српске народне pjesme старије и новије времена». Скупио В. Красић, книга прва. Панчево, 1880, № 8; Антон П. Стоилов. Показалец на печатаните през XIX век български народни песни, т. I (1815—1860). София, 1916, №№ 416, 463; «Памятники болгарского народного творчества», вып. 1. «Сборник западноболгарских песен с словарем». Собрал В. Качановский. СПб., 1882, №№ 138, 140, 141; «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. 12, стр. 52—53; кн. 13, стр. 87—88; кн. 43, № 7; кн. 47, стр. 39—40.

турок, стал хозяином или слугой в турецкой корчме<sup>35</sup>, либо действует во главе гайдуцкого отряда<sup>36</sup>.

Эта часть рассказа матери порождает сюжетную неувязку: ведь сюжетика песен основывается на том, что брат героя исчез, о нем ничего не известно и герой должен его найти. Противоречие вызвано сдвигами в сюжетном замысле. Новая повествовательная структура предполагает, что о параллельных событиях, происходивших за пределами дома, должно быть известно; единственным средством введения в сюжет информации об этих событиях может быть второй сюжетный план, который в данном случае представлен в форме рассказа матери. Так сюжетное правдоподобие приносится в жертву конструктивным задачам повествования. Впрочем, это вполне согласуется с тем, что «знание» или «незнание» в эпосе не требует мотивировки.

Песни, нами рассмотренные, показывают, что второй сюжетный план может обнаруживать тенденцию к значительному и принципиальному расширению смысловых и функциональных границ. Содержание его может существенно разрастаться, не только захватывая предысторию, но и проясняя коллизии, которые только еще должны разрешиться. Второй план позволяет увидеть судьбы персонажей, в силу структурных качеств эпоса остающихся «за кадром», ведет нас в сферы жизни, которые существуют параллельно с «основной» сферой. Второй план отчасти предсказывает характер событий, которым суждено развернуться. В этом последнем пункте он определенным образом взаимодействует с подтекстом, согласно которому встрече братьев угрожает трагический исход.

Такая усложненность второго сюжетного плана, надо полагать, есть результат известной эволюции эпоса и его структуры. Не случайно большинство примеров, показывающих эту усложненность, взято нами из песен, в которых сильны мотивы и эстетические приметы гайдуцкого эпоса и которые могут быть отнесены в ряде случаев к гайдуцким балладам.

Южнославянской эпике известны песни о встрече братьев, структура которых принципиально близка к былинке «Королевици из Крякова». Сюжетика этих песен строится на мотивах нечаянной и не предвиденной для обоих братьев встречи. Второй

<sup>35</sup> «Памятники болгарского народного творчества», №№ 132, 133, 138, 140, 141; «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. 16—17, № 179; кн. 43, № 6, 7; кн. 44, № 13; *Антон П. Стоилов*. Показалец на печатаните през XIX век..., т. I, № 416; «Hrvatske narodne pjesme», t. II, N 31; «Српске народне пјесме старијег и новијег времена», № 8.

<sup>36</sup> «Български народни песни собрани од братя Миладиновци». Загреб, 1861, № 152; *Антон П. Стоилов*. Показалец на печатаните през XIX век..., т. I, № 463; т. II, № 991; «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. 12, стр. 52—53; кн. 47, стр. 39—40; «Hrvatske narodne pjesme», t. I, NN 48—49; t. II, N. 71; «Narodne epske pjesme». Priredio Olinko Delorko. Zagreb, 1964, № 38.

план иногда сокращается до предела: неожиданное узнавание не влечет восстановления предыстории; все внимание сосредоточено на том, что такое узнавание предупреждает трагический исход<sup>37</sup>.

\*

В рамках статьи невозможно, разумеется, обозреть все случаи применения в русских и южнославянских эпических песнях второго сюжетного плана. Он вполне отчетливо, например, проявляется во многих южнославянских песнях о поисках Марком сестры и о встречах юнака с сестрой (или посестримой) пленницей, в некоторых вариантах былины о Михаиле Козарине — то есть в тех эпических сюжетах, где завязка событий и основные события отделены временной дистанцией.

Еще предстоит работа по полному учету и систематизации всех таких случаев применения второго сюжетного плана — в виде прямых и явных дополнений сюжета и в виде различных следов. В итоге этой работы второй сюжетный план представит в разнообразии его форм, соотношений с прямым повествованием, функций и, может быть, во внутренней эволюции.

Однако и сделанные пока наблюдения позволяют заключить, что второй сюжетный план составляет органический и существенный элемент эпической структуры. Наличие его связано с такими постоянными структурными особенностями эпического сюжетосложения в былинах и южнославянских песнях, как однолинейность (сюжет может двигаться только вперед) и однособытийность (сюжет замкнут в пределах одного эпизода или цепи связанных строгой последовательностью эпизодов). Второй сюжетный план, не нарушая этих структурных особенностей, подключает к повествованию эпизоды, относящиеся к предыстории сюжета, освещает параллельные события, вообще придает эпическому сюжету необходимую перспективу и глубину содержания.

<sup>37</sup> «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. 43, № 8.

# СХОДНЫЕ ОПИСАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Ю. И. Смирнов

В науке до сих пор сохранилось представление, будто типические места являются самыми древними частями текста эпических песен<sup>1</sup>. Логика тех, кто об этом говорит, такая: если типические места — самые устойчивые части текста, то, следовательно, они и самые древние. Логикой такого рода подменяется анализ материала, многочисленные связи типических мест с другими элементами эпоса попросту игнорируются, устойчивости типических мест придается абсолютное значение, неформальная дифференциация типических мест отсутствует.

Конечно, возможен и подход к типическим местам как к историческим реалиям, однако несомненно не такой, какой продемонстрировал Ф. М. Селиванов<sup>2</sup>. Он взял всего 3 формулы — скакание богатыря через стену городовую, пожалование героя городами с пригородками и пир у князя Владимира — и утверждал нижнюю хронологическую границу возникновения этих формул в Киевской Руси, поскольку более ранние хронологические горизонты ему неизвестны. Неубедительны и его оговорки относительно того, что приведенные реалии имели место и позже киевского периода, так как это утверждение практически снимает его же хронологические приурочения. Так решать вопрос о древности типических мест нельзя.

Следует подчеркнуть, что пока не существует ясности в отношении способов определения типических мест. Очень часто ученые выделяют их лишь как один из видов повторений, которыми так богат эпос<sup>3</sup>. П. Д. Ухов в работах 1956—1958 гг. в

<sup>1</sup> Последней это утверждает Р. С. Липец («Эпос и древняя Русь». М., 1969, стр. 12—13). Характерно, что это неаргументированное утверждение дополняется убеждением в неизменности эпоса (там же, стр. 10—11).

<sup>2</sup> Ф. М. Селиванов. Традиционные формулы русского эпоса (к вопросу о его исторической основе). Автореферат канд. дисс. М., 1964.

<sup>3</sup> Н. Бобчев. Изображеното в българската народна епика. («Сборник за народни умотворения», 1894, кн. 10, отд. 1, стр. 196—220; далее СБНУ); П. Г.



разряд общих мест зачислял любые фрагменты произведений, если они повторялись хотя бы дважды одним певцом. В работе же о традиционных песнях П. Д. Уховым учитывались, как общие места и отрывки, имеющие сюжетное значение (мотив похорон между трех дорог и др.)<sup>4</sup>. Первым, кто попытался произвести некоторую дифференциацию типических мест, был А. В. Позднеев<sup>5</sup>. Он выделил: 1) повторение эпизода или описания в пределах одного текста<sup>6</sup>; 2) повторение описания не менее двух раз в произведениях с разными сюжетами (их А. В. Позднеев назвал «перенесениями»); 3) типические места — повторение одного описания не менее трех раз в различных текстах. Произведя эту дифференциацию, А. В. Позднеев, таким образом, сделал серьезный шаг вперед по сравнению с работами П. Д. Ухова. Однако избранных им критериев оценки — числа и пределов повторения описания, — как представляется, недостаточно для углубленной работы над типическими местами.

Если советская наука по традиции, основанной А. Ф. Гильфердингом, до сих пор проявляла преимущественный интерес к крупным эпическим повторениям типа общих мест, то за рубежом после известной работы американского ученого М. Пэрри о технике сложения гомеровского эпоса (1930 г.) и особенно в последние годы очень многие ученые обращались к изучению более мелких повторений, формул. Под формулой обычно подразумевается повторяющаяся в любом контексте группа слов,

*Богатырев*. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. М., 1958; *С. Матий*. Шаблон у епским песмам народним. В кн. «Наш народни еп и наш стих». Нови Сад, 1964, стр. 181—188 (впервые опубликована в 1921 г.); *Ф. Миклошич*. Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1895; *М. Орешкова*. Изразни формули в българската народна песен. «Известия на Семинара по славянска филология при университета в София», 1911, кн. III за 1908—1910 год, стр. 257—300; *Х. Чайка*. Неколку забелешки за стилот на јужнословенската народна епика. «Македонски фолклор», 1968, № 1, стр. 55—68; *К. Moszyński*. Kultura ludowa słowian. t. 2. «Kultura duchowa», cz. 2, wyd 2-e Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, стр. 667—672.

<sup>4</sup> П. Д. Ухов. Из наблюдений над стилем сборника Кириши Данилова. «Русский фольклор» (далее сокращено: П. Д. Ухов, РФ), 1956, т. I, стр. 97—115; *он же*. Типические места как средство паспортизации былин. РФ, 1957, т. II, стр. 129—154; *он же*. О типических местах в русских народных традиционных песнях. «Вестник МГУ», историко-филологическая серия, 1957, № 1, стр. 94—103; *он же*. Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа. Сб. «Основные проблемы эпоса восточных славян». М., 1958, стр. 158—171.

<sup>5</sup> А. В. Позднеев. Общие места и «перенесения» в былинах. В сб. «Проблемы истории литературы». Под редакцией М. И. Зубкова. М., 1964, стр. 65—86.

<sup>6</sup> Позже П. Г. Богатырев назвал повторения этого рода главным и второстепенным лейтмотивами, отделив их от «как бы бродячих» типических мест (П. Г. Богатырев. Функции лейтмотивов в русской былине. Сб. «Literatura. Komparatystyka. Folklor». Księga poświęconca J. Krzyżanowskiemu. Warszawa, 1968, стр. 693—711).

ограниченная одним стихом или даже полустихом. Продолжатель М. Пэрри, А. Лорд, считает, например, формулами такие отрывки южнославянских песен, как: «Фала богу, Марко добар юнак» (вторая половина стиха может быть: незнайна делийо и др.), «па заседе», «Говорио», даже звательную форму «Кральевићу Марко» и т. д. Какая-либо классификация формул, насколько нам известно, отсутствует. Связующие, переходные звенья между такими формулами и типическими местами еще не выделены. Тем удивительнее, что А. Лорд отождествляет свои формулы с функциями В. Я. Проппа, типическими местами П. Д. Ухова, моделями К. Леви-Строса и с мотивами исследователей англо-саксонского «Беовульфа»<sup>7</sup>. Отсюда можно сделать вывод, что А. Лорду не удалось четко характеризовать выделенную им основную единицу изучения, с помощью которой он определяет фольклоризм гомеровских поэм и ряда средневековых эпосов. Алогичные отождествления А. Лорда, по нашему мнению, компрометируют так называемое формулическое изучение эпоса, ибо исключают исследование формул в связи с другими видами эпических повторений, уравниванием разных типов общих мест подрывают значение избранного метода.

Сопоставление славянских эпосов по набору формул, как это делает А. Лорд, было бы чрезвычайно трудоемким делом, по-видимому, не сулящим успеха, потому что аналогичные наборы можно обнаружить и в неславянском фольклоре. Допуская, что типические места — по крайней мере отчасти — являются теми специфическими образованиями, которые свойственны однопорядковым эпосам или эпосам родственных народов, мы решили выявить, какие же именно типические места можно считать общими для славянских эпосов. В качестве источников избраны, с одной стороны, сборники С. Верковича<sup>8</sup> и братьев Миладиновых<sup>9</sup> и, с другой стороны, сборники Кирши Данилова<sup>10</sup> и П. Н. Рыбникова<sup>11</sup>. Это — первые записи крупных серий песен различной жанровой принадлежности, но сделаны они на крайних полюсах расселения славян (Македония и Болгария, Заонежье и Урал), так что говорить о конкретном

<sup>7</sup> A. Lord. The Singer of Tales. New York, 1968, стр. 68 и 284, 93 и 285, 189 и 295, 198 и 297. А. Лордом приведена обширная литература о формулическом изучении различных эпосов.

<sup>8</sup> С. Веркович. Народни песни на македонски българи. София, 1966 (далее: С. Веркович). Впервые опубликовано в Белграде в 1860 г.

<sup>9</sup> «Български народни песни, собрани од братя Миладиновци, Димитрия и Константина, и издани од Константина». У Загребу, 1861 (далее: Миладиновци).

<sup>10</sup> «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958 (далее: Кирша Данилов).

<sup>11</sup> «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, М., 1909—1910, т. I—III (далее: П. Н. Рыбников).

воздействии эпических традиций этих далеких областей друг на друга нет возможности. Записи П. Н. Рыбникова, С. Верковича и братьев Миладиновых привлекли нас потому, что сделаны они почти одновременно. Сборник же Кирши Данилова, как известно, датируют второй половиной XVIII в., но в данном случае именно он по удельному весу сходных типических мест оказывается сопоставимым с южнославянскими записями.

К числу типических мест мы не стали относить такие части эпических песен (например, похвальба перевернуть землю, мотив трех птиц у тела убитого), которые играют сюжетную роль, как правило, в однотипных произведениях. Такие эпизоды в сопоставимых русских и южнославянских песнях по существу представляют тот род повторов, которые выходят за пределы определенных текстов лишь на этапе отмирания этих произведений.

Мы не стали учитывать и некоторые типические формулы, хотя это и увеличило бы удельный вес общих мест в русском эпосе. Так, нами не учтено описание седлания коня, по словам П. Д. Ухова, неизвестное на русской почве нигде, кроме Севера<sup>12</sup>. У южных славян это описание почти никогда не развертывается, оно само обычно служит моментом действия:

«Го поседла седло шикосано,  
Заузда го узда позлатена,  
Престегна му дванаесет колана».

(Миладиновы, стр. 269)

#### Обычная формула седлания коня у болгар:

«Оседла го сини седла,  
Сини седла копринени,  
Обезди го жълта юзда,  
Жълта юзда позлатена,  
Та пометна лява нога.  
Дор пометна десна нога,  
Кон отиде на срет земи»<sup>13</sup>.

Если в песне упоминаются мать, сестра или жена героя, что бывает часто, то именно им он поручает оседлать своего коня. Южнославянские примеры могут послужить богатным материалом для раскрытия того, как у русских певцов описание седлания коня из момента динамики действия превратилось в способ его замедления.

<sup>12</sup> П. Д. Ухов. РФ, 1957, стр. 131.

<sup>13</sup> В. Стоин. Български народни песни от източна и западна Тракия. София, 1939, стр. 123 (далее: В. Стоин, 1939). В ряде случаев мы сочли полезным приводить контрольные примеры. Особенности диалектного произношения в приводимых примерах сняты.

Аналогично и поэтому не учтено описание истребления вражеского войска:

«Едни турци со сабя исече,  
Други турци со коня изгази,  
Си напра'и кърви до колена».

(Миладиновы, стр. 305)

Для русского эпоса столь краткое описание уничтожения множества врагов не характерно, хотя сопоставимые примеры и имеются. Обычно русский герой, как известно, пробивает в татарском войске целые улицы и переулки. У болгар же излюбленным эпическим приемом истребления множества врагов был другой:

«Си искара остра сабя,  
Се завърти лево, десно,  
'сите ги е посечела,  
Останал турчин войвода».

(Миладиновы, стр. 259)

Мы не стали также принимать во внимание описание поединка, когда герои ломают палицы, мечи (сабли), копыя, сходят с коней и начинают бороться. Это описание как в русском, так и в болгарском эпосе, по нашему мнению, сохранило при некоторой типизированности динамичность, быструю смену действий.

Три сделанных нами исключения — описания как моменты действия — представляют собой, вероятно, очень важный этап образования типических мест. Эти описания уже типизированы: 1) герой только седлает, взнуздывает и затягивает подпруги; 2) герой уничтожает множество врагов только тем, что рубит и топчет их конем; 3) судьба поединка решается только в рукопашной схватке, после того как сломано оружие. Приведенные описания способствуют развитию действия, они — моменты фабулы, без которых эпический рассказ не может обойтись.

Отбирая типические места, мы обращали внимание прежде всего не на кратность их повторения, а на их смысловое сходство в русских и южнославянских текстах. После учета сходных типических мест становятся необходимостью и подсчет повторений, и фиксация их места и роли в каждом контексте. В результате получился следующий набор сходных типических мест.

1. **Небесные светила на теле.** В болгарских песнях женщина рождает ребенка, у него:

«На гръдите му е ясна месечина,  
А на главата му летно есно слънце».

(Миладиновы, стр. 261)

По просьбе героя:

«Чини го господ иленче<sup>14</sup>  
Сос ясно слънце на чело,  
Сос месечина на гърди,  
Сос дребни звезди на снага».

(С. Веркович, стр. 351)

У молодежи одежда:

«Ситни ѝ звезди на поли,  
Ясен ѝ месец на рамо,  
Ясно ѝ слънце на пазва»<sup>15</sup>.

У болгар это типическое место в разных вариантах употребляется применительно к различным персонажам. Немотивированность его употребления достаточно заметна.

У русских это типическое место постоянно встречается во второй части былины «Женитьба князя Владимира». Когда Дунай (Дон) хочет стрелять в Настасью (Непру)-королевичну, она предупреждает его:

«А несу тебе я сына любимого:  
По колен-то ноженьки в серебре,  
По локоть-то рученьки в золоте,  
А по косицам будто звездушки,  
А назади будто светел месяц,  
А спереди будто солнышко».

(П. Н. Рыбников, т. II, стр. 115)<sup>16</sup>

В других былинах такое описание не встретилось. Оно иногда фигурирует в духовном стихе «Муки Егория»:

«Молодой Егорей светло-храбрый,  
По локоть руки в красном золоте,  
По колена ноги в чистом серебре,  
И во лбу солнце, в тылу месяц,  
По косицам звезды перехожие»<sup>17</sup>.

Видоизменение описания можно показать на примере, взятом из белорусской свадебной песни, записанной К. Мошиньским:

«Мати сына выряжала:  
Месяцем его перевязала,

<sup>14</sup> Иленче — олень.

<sup>15</sup> В. Стоин. Народни песни от Тимок до Вита. София, 1928, стр. 106 (далее: В. Стоин, 1928).

<sup>16</sup> См. варианты типического места в пределах той же былины: П. Н. Рыбников, т. I, стр. 77, 78, 286, 390, 391, 442.

<sup>17</sup> «Сочинения П. И. Якушкина». СПб., 1884, стр. 481.

Звездочкой его застегнула.  
Долею его закутала»<sup>18</sup>.

Наконец, это описание очень часто встречается в восточно-славянских сказках: оно является обычным для характеристики необычного ребенка<sup>19</sup>, в нем раскрываются, кроме того, тайные приметы царевны<sup>20</sup>. За исключением последнего случая, немотивированность и, пожалуй, ненужность этого типического места для сюжета тоже очевидна. Вероятно, некогда оно имело (позднее забытый и южными, и восточными славянами) атрибутивный смысл. Отсюда его перенесения на различные персонажи, помимо чудесного ребенка, и его видоизменения.

2. **Железные лапти и посох.** По существу этот мотив трудно назвать типическим местом, во взятых нами сборниках это описание встретилося только один раз:

«Направи Стоян, Стояне,  
Направ' железни цървули,  
Ощи железна туяга,  
Чи тръгнам Стоян да тръси,  
Да тръси лика-прилика».

(*Миладиновы*, стр. 106)

Перед нами формула невозможного: только когда герой износит железные башмаки и сотрет железный посох, он достигнет цели. И вместе с тем мотив этот имеет атрибутивный характер, в нем выражена трудная задача, после выполнения которой герой добьется желаемого. Это очевидно в песне, в которой похищенная женщина просит змея отправить ее в гости к матери. В ответ на просьбу змей обувает жену в железные лапти и говорит:

«Кога се съдерат, либе, железни опинки,  
Тогава ще идеш, либе, при твоята майка»<sup>21</sup>.

В русском эпосе этот мотив отсутствует. Но он известен по сказкам, в которых героиня (герой) отправляется на поиски исчезнувшего супруга (жены)<sup>22</sup>.

3. **Реакция природы на рождение или появление героя.** Это описание великолепно создано русскими певцами.

«А и на небе просветя светел месяц,  
А в Киеве родился могуч богатырь,

<sup>18</sup> К. *Moszyński*. Указ. соч., стр. 661.

<sup>19</sup> См., например, сказки типа «Царь Салтан» (*Н. П. Андреев*. Указатель сказочных сюжетов по системе А. Аарне. Л., 1929 (далее: *Андреев*, № 706).

<sup>20</sup> См. *Н. П. Андреев*, № 850.

<sup>21</sup> *В. Стоин*, 1928, стр. 342.

<sup>22</sup> См., например, сказки типа «Финист, ясный сокол» (*Н. П. Андреев*, № 425).

Как бы молоды Вольх Всеславьевич.  
Подрожала сыра земля,  
Стреслося славно царство Индейское,  
А и синее море сколыбалоса,  
Для-ради рожденья богатырского,  
Молода Вольха Всеславьевича;  
Рыба пошла в морскую глубину;  
Птица полетела высоко в небеса,  
Туры да олени за горы пошли,  
Зайцы, лисицы по чашицам,  
А волки, медведи по ельникам,  
Соболи, куницы, по островам».

(*Кириша Данилов*, стр. 39)

Изменения этого наиболее полного описания можно проследить по другим вариантам былины о Волхе (Вольге)<sup>23</sup>. Певцы применяли это описание и в связи с другими героями:

«Народился Микулушка Селянинович:  
Птицы улетели за сини моря,  
А звери ушли в темны леса,  
А рыбы ушли в глубоки станы».

(*П. Н. Рыбников*, т. II, стр. 78)

Добрыня скачет на коне и:

«От того поезду богатырского  
Звери по лесу разбежались,  
Птицы по горам разлетались».

(Там же, стр. 691)

Изменение начальной части описания видно из следующих примеров:

«Еще громы гремели, еще молоньи сверкали,  
Была земля трясение —  
На небе-че родился светел месяц,  
Еще на Руси родился силен богатырь,  
Славной Сурович Иванович»<sup>24</sup>.

«Когда воссияло солнце красное  
На это небушко на ясное,  
Тогда зарождался молодой Вольга».

(*П. Н. Рыбников*, т. I, стр. 10)

«Когда ж воссияло солнце красное,  
Тогда-то воцарился у нас Грозный царь».

(Там же, стр. 212)

<sup>23</sup> *П. Н. Рыбников*, т. I, стр. 258; т. II, стр. 333, 336.

<sup>24</sup> *Т. А. Шуб*. Былины русских старожиллов низовьев р. Индигирки. РФ, 1956, т. I, стр. 232. (далее: *Т. А. Шуб*, 1956).

Описание знамений природы почти незаметно превращается в сравнение между природным явлением и действием героя:

«Когда воссияло на небе красное солнышко,  
Когда становилась звезда подвосточная,  
Тогда воцарился Грозный царь Иван Васильевич».

(Там же, т. II, стр. 263)

«Померкло наше красное солнышко,  
Потухла звезда подвосточная,  
Воспалился Грозный царь Иван Васильевич  
На свои на царские на семена».

(Там же, стр. 267<sup>26</sup>)

Дюк Степанович восхваляет Илью Муромца:

«Одно у нас на небе солнце красное  
Печет во всю землю святорусскую,  
А один на Руси могуч богатырь,  
Старый казак да Илья Муромец».

(Там же, стр. 541—542<sup>26</sup>)

Но и певцы от себя дают такие же сравнения.

«Не красное солнышко пороспекло,  
Не млад ли светел месяц поросветил:  
А показался во Царе-граде  
Старый казак Илья Муромец».

(П. Н. Рыбников, т. II, стр. 98)

«Не свет-то на улицы рассветается,  
Не зори ли утренни, не зори ли вечорные,  
Не светел ли месяц выкатается,  
Не часты ли звезды рассыпаются,  
Не красное ли солнышко распекло,  
Как едет Добрыня со чиста поля».

(Там же, стр. 378, прил. I)

У южных славян мы обнаружили только один пример, где так же, как и в былине о Волхе, речь идет о рождении ребенка, зачатого женщиной от змея:

«Де се е чуло, видело  
Стред зима гърмеж да гърми,  
Ф стред зима, ф стред големина!  
Дали е на зло, на добро,  
Ели е на скапа година,  
Ели е на мор по люде?»

<sup>25</sup> Сходное описание см. там же, т. I, стр. 115.

<sup>26</sup> Там же, стр. 645.



Нито е на зло, на добро,  
Нито е на скапа година,  
Нито е на мор по люде —  
Рада е змея любила,  
Мъжко е дете родила.  
Левн въртици отвори...»<sup>27</sup>

Дальше певица отказалась петь, объяснив, что когда она произносит слово «змея», змей на нее «налита». И хотя зачин ее песни выглядит отрицательным сравнением, певица точно знает, с кем связан неожиданный гром посреди зимы: «Та той си е флезъл и той е гърмел така. Проклет да е!» В болгарской песне гром вызывает сам змей. В русской былине природные явления связываются уже с сыном змея, рожденного от женщины, а затем, когда древний атрибутивный смысл описания был позабыт, его активно использовали во всех случаях изображения героя или его действия (гнев, скачка, появление в сюжете) с тем, чтобы подчеркнуть исключительность изображаемого. За исключением приведенного случая, все другие известные болгарские описания являются перенесениями:

«Она страна оган горит,  
Ветар веит — не го силит,  
Роса росит — не го гасит.  
Ни ми било силен оган,  
Току била божа майка,  
Сина носит на кърщене».

(*Миладиновы*, стр. 502)

«Що е врева во Поройна църква,  
Али гърмит, аль се земя тресит?  
Ни ми гърмит, ни ми се земя тресит,  
Се венча'ат Милош со не'еста».

(*Миладиновы*, стр. 468<sup>28</sup>)

«Що ли гърми, що ли гътни,  
Дали левен гора гори,  
Дали левен гора гори,  
Или ламя гора ломи?  
Нито левен гора гори,  
Нито ламя гора ломи,  
Но е било божа майка,  
Завила се, забила се  
От игнате до коледа,  
Дорде роди малък бога»<sup>29</sup>.

<sup>27</sup> СбНУ, кн. 48, стр. 38. Запись 1898 г. в Пиринском крае.

<sup>28</sup> См. там же сходные зачины: стр. 299, 310, 474.

<sup>29</sup> В. Стоин, 1939, стр. 23.

«Море, дал се гърми, ел се земня тресет?  
Море, ни се гърми, ни се земня тресе,  
Море, Марко бие либе по постелка»<sup>30</sup>.

Утрата атрибутивного характера описания и в болгарских песнях привела к последующим перенесениям его в различные тексты и к превращению в отрицательное сравнение. Любопытно, что эти описания, в отличие от русских, как правило, сохраняют значение зачина песен.

#### 4. Требование едва родившегося героя:

«А и будет Вольх в полтора часа,  
Вольх говорит, как гром гремит:  
„А и гой еси, сударыня матушка,  
Молода Марфа Всеславьевна,  
А не пеленай во пелену червчатую,  
А не поясай в посья шелковые,  
Пеленай меня, матушка,  
В крепки латы булатные,  
А на буйну голову клади злат шелом,  
По праву руку — палица“».

(*Кирша Данилов*, стр. 39—40)

Болгарский пример выступает антитезой по отношению к русскому:

«Кога дете от майка се роди,  
Ми се роди и в час ми зазборва:  
„А егиди, моя мила майко,  
Пови ме во кумаш пелена,  
Та стегни ме со сърмени повой,  
Оста'и ме три дни и три нокье,  
Оста'и ме малу да поспиа“».

(*Миладиновы*, стр. 80)

Проспав три дня и три ночи, дитя требует отцовского коня и оружие и отправляется на бой с чудовищем. Как известно, герой обязательно спит перед боем со змеем<sup>31</sup>. Поэтому болгарский пример выглядит древнее русского.

Мы не привлекаем здесь контрольные русские и болгарские примеры, поскольку атрибутивный характер требования родившегося богатыря очевиден.

5. Роли добытой жены. Молодец пленил самовилу и привез домой:

«Я излези, мила майко,  
Отти носам не'естица,

<sup>30</sup> В. Стоин. Народни песни от западните покрайнини. София, 1959, стр. 226 (далее: В. Стоин, 1959).

<sup>31</sup> Ср. с подобными примерами из сказок типа «Победитель змея» (Н. П. Андреев, № 300 А).

Не'естица самовилска,  
Тебе, майко, отменица,  
Татко е бела променица,  
Брату перче исчешлано,  
Сестре леса уплетена».

(Миладиновы, стр. 1)

В другой песне к этой формуле добавлено: «Мене мека постелица»<sup>32</sup>. Формула о назначении жены постоянно встречается в многочисленных южнославянских песнях о похищении девушки. Герой хватает девушку, сажает сзади себя на коня:

«Па си я дома отведе.  
"Ете ти, мамо, одмена,  
На тате бела премена,  
На бая вода студена,  
На кака кавга голема“»<sup>33</sup>.

В русском эпосе подобные песни о похищении отсутствуют (за исключением некоторых вариантов былины «Алеша Попович и сестра Сбродовичей»), однако формула эта сохранилась в ряде утративших первоначальный сюжет песен:

«Еще вот тебе, батюшка, вековечная колючница,  
Еще вот тебе, матушка, вековечная платьямойница,  
Уж как мне ли, добру молоду, вековечная молодая жена»<sup>34</sup>.  
«Сострень, сострень, матушка,  
Вот сам сокол едет,  
Соколушку везет,  
Перемену себе:  
В поле работницу,  
В доме куховницу,  
Гостям приветницу,  
Молодому советницу»<sup>35</sup>.

Украинский пример из веснянки:

«Ходім, Євдошечко, зо мною,  
Будеш ти мені жоною,  
А мому батеньку слугою,  
Моїй матоньці другою,  
Близьким сусідам панею»<sup>36</sup>.

<sup>32</sup> Там же, стр. 493.

<sup>33</sup> В. Стоин, 1959, стр. 275.

<sup>34</sup> «Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач». М., 1955, стр. 239, свадебная песня.

<sup>35</sup> «Харьковский сборник», 1895, вып. 9, стр. 408, свадебная песня.

<sup>36</sup> «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским», т. 3. СПб., 1872, стр. 178.

Атрибутивный характер и этой формулы очевиден.

6. **Перескакивание через коней.** В русском эпосе это описание встречается в былине «Молодость Чурилы»:

«Едет Чурило, сам тешится:  
С коня де на конь перескакивает,  
Из седла в седло перемахивает,  
Через третье седло да на четвертое».

(П. Н. Рыбников, т. II, стр. 530)

В пересказе былины оно звучит несколько иначе: «А с Почай-реки едет другая дружина — сто молодцев. Впереди всех скачет молодец краше всех: на копье обопрется, на шестую лошадь перескакивает»<sup>37</sup>. Встречается это описание в прямой речи в былине о Дюке Степановиче, когда говорится о дороге от Киева до Галича:

«А окольней дорогой на шесть месяцев:  
Были бы де кони переменные,  
С коня на конь де перескакивать,  
Из седла в седло переметывать».

(П. Н. Рыбников, т. II, стр. 544)

Другие случаи применения этого мотива нам неизвестны. Их не удалось обнаружить и в избранных болгарских сборниках. Сопоставимой южнославянской параллелью может служить эпизод из песен о сватовстве в чужом царстве<sup>38</sup>. В нем условием предбрачных испытаний жениха ставится задача перепрыгнуть через девять коней, через ворота, через пять телег, нагруженных терновником, и т. п. В известной герцеговинской песне «Женитьба царя Стефана»<sup>39</sup> отец невесты требует, чтобы жених перепрыгнул через трех коней, на которые поставлены три «пламенных меча». Южнославянскому условию придан характер исключительности, поэтому мы считаем описание, с ним связанные, более поздним явлением, чем русское, где видимо, получил прямое отражение древний воинский прием. Любопытно, что в сопоставимой русской былине «Женитьба князя Владимира» это условие испытания не встречается.

### 7. **Отчего лес не зеленый:**

«Ай ти тебе, зелена горо,  
Що си, горо, подгорила,  
Аль те оган изгорило,  
Аль те слана посланила?» —

<sup>37</sup> П. Н. Рыбников, т. II, стр. 463, прим. 1.

<sup>38</sup> Указания на варианты см., например: А. П. Стоилов. Показалец на българските народни песни. София, 1916—1918, т. I—II, № 434.

<sup>39</sup> Ее еще часто называют «Женитьба Душана», соглашаясь с Вуком Караджичем, отождествившим этого эпического царя со Стефаном Душаном.

«Левен Марко, а стопане,  
Не ме оган изгорило,  
Ни ме слана посланила,  
Туку жальба ми паднала:  
Помина'е три синджири,  
Три синджири младоробје,  
Под нодзе ме изгази'е,  
Со сълдзи ме попари'е».

(Миладиновы, стр. 234—235)

Перит-планина спрашивает Стару-планину, отчего она плачет.  
Та отвечает.

«Как да не плачем, как да не жалем:  
Сека година булюк айдуци,  
Тая година девет булюци.  
Згазиха ме ситната трева,  
Разматиха студната вода,  
Истрошиа зелена гора,  
Укървавиа белите камъни».

(С. Веркович, стр. 432)

Даже этих двух примеров достаточно, чтобы, не привлекая контрольные, заметить, что мы снова сталкиваемся с переходом от типизированного описания к отрицательному сравнению. Это описание обычно выступает в виде зачина, и такое его положение, вероятно, ускоряло превращение в отрицательное сравнение, довольно распространенное у южных славян.

В русском эпосе такого описания не находим. Есть лишь сопоставимая параллель. Сухман подъезжает к реке и видит:

«Матушка Непра-река текет не по старому,  
Не по старому, не по прежнему.  
А вода с песком помутилася».

На вопрос Сухмана она сообщает, что по ту сторону:

«Стоит сила татарская, неверная  
(...)  
Мостят они мосты калиновы,  
Днем мостят, а ночью я повырою,  
Из сил матушка Непра-река повыбилась».

(П. Н. Рыбников, т. II, стр. 340—341)

Приведенные примеры из эпоса болгар и русских, как видим, уже стали типизированными картинками, но они еще показывают ход повествования, функциональное значение их еще не утрачено. Признак замедленности действия выражается в том, что действие передается через прямую речь.

Зачины же типа «Отчего роща посохла», «Отчего березничек не весел» и другие известны у восточных славян по довольно поздним текстам. Мы приведем лишь один, пожалуй, самый интересный пример. В украинской песне кукушка спрашивает березу, отчего она не зеленая, та отвечает:

«Ой, як я маю зелена бути,  
Коли підо мною татари стояли,  
Мечами гілле обтинали,  
А ясненькії огні розкладали,  
Керничної води доставали...»<sup>40</sup>

## 8. Нашествие — туча:

«Как от той було стороночки восточной  
Подымалась туча богатая, туча грозная, гражь великая,  
Еще едет-то Чит, похваляется»<sup>41</sup>.

Казанскому царю приснился сон:

«Как от сильного Московского царства  
Кабы сизой орлишша встрепенулся,  
Кабы грозная туча подымалась,  
Что на наше ведь царство наплывала».

(*Кириш Данилов*, стр. 195)

В пределах избранных болгарских сборников сходное описание встретилось всего один раз, причем здесь тучи подразумеваются в буквальном смысле слова:

«Попаднале до три темни мъгли,  
Попаднале во Стамбола града,  
Ми стояле токму три години».

отчего не было ни солнца, ни ветра, ни дождя, и начался мор и голод (*Миладиновы*, стр. 36).

Обычно же подобное описание у болгар встречается в виде очень распространенного зачина «Зададе се тъмен облак», по своей конструкции, как и у русских, являющегося отрицательным сравнением.

Калина просит у бога дождя, и вот:

«Зададе се тъмен облак  
(...)  
Не е било тъмен облак,

<sup>40</sup> «Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego». Z muzyką, instrumentowaną przez K. Lipińskiego. Zebrał Waclaw z Oleska. Lwów, 1883, стр. 443.

<sup>41</sup> Т. А. Шуб, 1956, стр. 224. Ср. там же (стр. 229): «...от той було стороночки восточною подымалася туча грозная — выпадала книга голубельный цвет».

Нъ съ ми били татаре,  
Татаре, черни маджаре,  
Па си Калина грабнали»<sup>42</sup>.

В болгарских песнях с тучами сравниваются самые различные персонажи:

«Задале ми се две мъгли  
От към тос камен кладенец,  
Не се ми биле две мъгли,  
А се ми биле два йорла,  
Два йорла, два мили бракъя»<sup>43</sup>.

«Дигнали се тъмни мъгли,  
Низ убава Влашка земя,  
Не се биле тешке мъгли,  
Ами било Рабро юнак»<sup>44</sup>.

«Зададе се тевен облак,  
Не е било тевен облак,  
Но е било сиво стадо»<sup>45</sup>.

«Припадна ми ситна мъгла,  
Не е било ситна мъгла,  
Ми се биле сете светци,  
Сете светци и ангеле»<sup>46</sup>.

«Зададе се, Стояне ле, темна мъгла голема,  
То не било, Стояне ле, темна мъгла голема,  
Еми било, Стояне ле, тешка свадба голема»<sup>47</sup>.

Происхождение этого описания у болгар мы связываем с чрезвычайно распространенными среди южных славян верованиями о том, что змей (ламя, хала, аждая) или — реже — орел водит облака и в особенности градоносные тучи. Нередко при этом фантастическое чудовище отождествляется с самой тучей, на битву с которой вылетает «свой» змей, оберегающий поля, сады и виноградники каждого данного села. Поэтому сравнение нашествия с черной грозной тучей можно считать вполне мотивированным: нашествие реальных врагов уподобляется чудовищу-туче, приносящей опустошение. Однако при этом атрибутивный характер описания утрачивается: нашествие уже только сравнивается с тучей. Отсюда и возникает возможность употреблять сравнение применительно к любым другим персонажам.

Интересно, что прямой намек на атрибутивный характер формулы сохранился и в русской былине «Добрыня и змей»:

<sup>42</sup> В. Стоин, 1928, стр. 103.

<sup>43</sup> Там же, стр. 57.

<sup>44</sup> Там же, стр. 33.

<sup>45</sup> Там же, стр. 137. Ср. украинское описание: «Почернела черная горонька, вышла из-за нее черная тученька, черна тученька, овец стадушко» (*Я. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878, т. 2, стр. 60*). Перевод наш. — Ю. С.

<sup>46</sup> Там же, стр. 26.

<sup>47</sup> Там же, стр. 186.

«А не темные ли темени затемнели,  
А не черные тут облаци попадали,  
А летит ко Добрынюшки люта змея»<sup>48</sup>.

## 9. **Полоны.** Нашествие хлынуло на родную землю:

«Стари сечеха, млади робеха,  
Млади девойки отбор земаха  
Та ги правеха млади робини,  
И млади момци отбор земаха  
Та ги правеха 'се яничере.  
Дето минуват, селата горят,  
Хората робат, селата горят».

(*Миладиновы*, стр. 124)

«Размирила ся Влашката земя,  
Влашката земя и Богданската,  
Старо губиле, млади робиле,  
Мъжки дечица под кони тъпчат,  
Та поробиле Гинка робинка».

(*Миладиновы*, стр. 194)

Болгарские описания полона известны по песням с различными сюжетами, тогда как русское описание встретилось только в былине «Братья Ливики»:

«Как оттуда они погнали  
Добрых коней стадмы-стадом,  
Добрых молодцев рядмы-рядом,  
А красных девушек, молодых молodushek  
Повели оттуль толпицами».

(*П. Н. Рыбников*, т. II, стр. 256)<sup>49</sup>

Перенос и переосмысление описания имеется в исторической песне. Кострюк посылает царю Ивану Васильевичу грамоту, в которой требует приготовить к его приезду улицы, дворы, питья, яства и вывести на улицы людей:

«И вываживай-налаживай  
Красных девушек толпицами,  
Молodushek станицами  
И удалых добрых молодцев ширинками».

(*П. Н. Рыбников*, т. II, стр. 387 и 389)

Описания полона являются функциональными, ими выражено действие, но оно уже типизировано. Сами исторические условия

<sup>48</sup> «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». М.—Л., 1949, т. I, стр. 540. Сходные примеры см.: стр. 541, 547.

<sup>49</sup> Несколько пространнее об этом см.: «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом...», т. I, стр. 661.



требовали типизации такого описания и они же предопределили крайне редкую применимость его в русском эпосе и чрезвычайно широкую распространенность в эпосе южных славян, в котором мотив «три вереницы (цепи) пленников» постоянен в песнях о вражеских набегах и нашествиях.

**10. Вид этнического противника.** В Солуне появилась:

«Страшна беда хала-халетина,  
Халетина църна Арапина.  
Додна уста на гръде му бие,  
Горна уста в чело го удара,  
Глава има колку два тъпана,  
Очи има колку две паници,  
Уста ими колку мала врата,  
Зъби има четири дикели,  
Нодзе има солунски диреци».

(*Миладиновы*, стр. 270)

Татары в русском эпосе описываются скромнее:

«А мерою тот татарин трех сажень,  
Голова на татарине с пивной котел,  
Который котел сорока ведер,  
Промеж плечами косая сажень».

(*Кирша Данилоз*, стр. 166)<sup>50</sup>

«Престрашные татаровья, преужасные.  
Во плечах у них так велика сажень,  
Межу глазами велика пядень,  
На плечах головушки как пивной котел».

(*П. Н. Рыбников*, т. I, стр. 57)

Один из певцов перенес эту характеристику даже на Добрыню:

«Нос у него что палица,  
Глаза у него — пивны щаны».

(Там же, т. II, стр. 692)

Описание гиперболизированного и страшного вида этнического противника атрибутивно по своему значению, что отмечалось многими исследователями.

**11. Прожорливость этнического противника.** Черный Арап требует от жителей Солуна в день:

«'леб им сакат по две фурни 'леба,  
И им сакат крава яло'ица,  
И им сакат по бочка ракиа,  
И им сакат по две бочки вино».

(*Миладиновы*, стр. 270)<sup>51</sup>

<sup>50</sup> Сходное описание см. там же, стр. 127.

<sup>51</sup> Там же, стр. 271, 242—243, 245.

В пределах взятых болгарских сборников это описание нами встречено лишь в песне «Больной Дойчин». В русском эпосе оно сопровождает образы Тугарина и Идолища<sup>52</sup>. Атрибутивный характер описания здесь тоже очевиден.

12. **Пышет огнем.** У халы, черного Арапа:

«Когда клапат таа пуца уста,  
Дур од уста огин изфърлюва,  
Дур на гора листови облива!»

(*Миладиновы*, стр. 270)

Непроизвольную подборку сербо-хорватских примеров можно прочитать у М. Е. Халанского: огонь изрыгают из рта Змай-Огненный Вук<sup>53</sup>, трехголовый воевода ледянского короля<sup>54</sup>, трехголовый конь слуги Токальского короля<sup>55</sup>, конь Кралевича Марка<sup>56</sup>. Мы не приводим контрольных болгарских примеров, поскольку они аналогичны. Налицо последовательное эволюционное перенесение в сюжете атрибута змея на его преемников и, наконец, только на коня героя.

То же самое наблюдается в учтенных былинах. Правда, русские певцы не уточняют, откуда от змея пышет огонь; это уточнение иногда присутствует только в змееборческих сказках:

«А потом пришел большой змей,  
Он жжет и палит пламенем огненным».

(*Кирша Данилов*, стр. 154)

Змей Горынчища грозит Добрыню «огнем спалить, хоботом ушибить»<sup>57</sup>. Тугарин Змеевич говорит:

«Хошь ли я тебя огнем спалю?  
Хошь ли, Алеша, конем стопчу?  
Али тебя, Алешу, копьем заколю?»

(*Кирша Данилов*, стр. 134<sup>58</sup>)

Описание сменяется угрозой, и в ней начинают преобладать сугубо воинские моменты. Метаморфоза описания обусловлена изменением эволюционной характеристики образа. Тугарин осознается уже не змеем, а великаном на коне:

<sup>52</sup> Мы не приводим русских примеров в силу их широкой известности. См.: *Кирша Данилов*, стр. 131, 132; *П. Н. Рыбников*, т. I, стр. 34—35, 455; т. II, стр. 99, 192, 204, 301, 303.

<sup>53</sup> *М. Е. Халанский*. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса, т. I. Варшава, 1893, стр. 51 (далее: *М. Е. Халанский*).

<sup>54</sup> Там же, т. II, стр. 307.

<sup>55</sup> Там же, т. II, стр. 344.

<sup>56</sup> Там же, т. I, стр. 79; т. II, стр. 284.

<sup>57</sup> *Кирша Данилов*, стр. 237; сходный пример см. на стр. 55.

<sup>58</sup> Ср. там же, стр. 128.

«В вышину ли он Тугарин трех сажень,  
Промеж плечей косая сажень,  
Промежу глаз калена стрела;  
Конь под ним как лютой зверь,  
Из хайлица пламень пышет,  
Из ушей дым столбом стоит»<sup>59</sup>.

(*Кириша Данилов*, стр. 127)

Отсюда перенос атрибута на богатырского коня. Конь Сокольника:

«У коня изо рта пламя пышет,  
Из ушей у коня кудрев дым валит».

(*П. Н. Рыбников*, т. II, стр. 513)

«Под ним конь как лютой зверь,  
Из ноздрей-то искры сыплются,  
Из ушей-то дым столбом стоит».

(*Там же*, т. II, стр. 633)

Таковы же кони Василия Игнатьева<sup>60</sup> и Дюка Степановича<sup>61</sup>. Теперь стала подчеркиваться исключительность персонажа, тогда как для змеев он был обыденным, натуральным, если так можно выразиться, признаком.

### 13. Ни птица пролетит, ни человек пройдет:

«Бог е убил кучка-на ламия,  
Ми паднала на рамни пѣтица,  
Що поминвит — куртулия немаѣ».

(*Миладиновы*, стр. 80 и 81)

«Прочуло ся е люта змия,  
Люта змия осойница  
На царьовите друмове,  
Та воспря на царя хазна,  
Та не може да му мине.  
Цар ся чуди, цар ся мае...»

(*Миладиновы*, стр. 166)

«Посилил се црѣна арапина,  
Посилил се по Бугарска земя,  
Заванал е друми и пѣтица,  
Завардил е камени клисури,  
Та не смее пиле да прелети,  
А то нели човек да промине»<sup>62</sup>.

Муса Кеседжия говорит Кралевичу Марку:

«Не чуваш ли, Марко, не видиш ли, Марко,  
Че не пущам по моето поле  
Птиче да префрѣкни, не челяк да мине»<sup>63</sup>.

На болгарских примерах можно легко проследить, как записание дорог из атрибута змея постепенно становится перенос-

<sup>59</sup> В другом месте этого сборника (стр. 236) лютым зверем назван Змей Горыныча.

<sup>60</sup> *П. Н. Рыбников*, т. II, стр. 413.

<sup>61</sup> Там же, стр. 318, прим. 1.

<sup>62</sup> СбНУ, 1894, кн. 10, отд. III, стр. 84—85.

<sup>63</sup> *М. Е. Халанский*, т. I, стр. 90.

ным и каждый раз мотивированным. Атрибут присваивается преимущенникам змея по сюжету, вообще этническим противникам, разбойникам.

В русском эпосе этот мотив органически связан с образом Соловья-разбойника<sup>64</sup>; поэтому он служит одним из важных аргументов в пользу того, что Соловью-разбойнику, подобно Мусе Кеседжии, тоже предшествовал змей. И вместе с тем само присутствие слова «разбойник», хотя в былине и не говорится, что Соловей грабил людей, облегчает перенос атрибута на другие персонажи. Казаки жалуются:

«Еще от вора от Васьки от Голицына с детьми  
Залегли пути-дороги за сине море,  
А и не стало нам добычи на синем море».

(*Кирша Данилов*, стр. 290)

Запирание дорог становится и неотъемлемым, мотивированным атрибутом богатырской заставы в былине «Илья Муромец и сын»:

«...По славной Московской заставы  
Пехотою никто не прохаживал,  
На добром коне никто не проезживал,  
Серый зверь не прорыскивал,  
Птица черный ворон не пролетывал».

(*П. Н. Рыбников*, т. I, стр. 23)<sup>65</sup>

Аналогичный мотив запирания дорог богатырем имеется и в ряде южнославянских песен. Например, Груя стережет горный перевал:

«А кто летит — живым пролетит,  
А кто идет — под саблю кладет»<sup>66</sup>.

#### 14. Двор этнического противника:

«Как бы двор у Соловья был на семи верстах,  
Как бы около двора железной тын,  
А на всякой тынинке по маковке  
И по той по голове богатырския».

(*Кирша Данилов*, стр. 241)

Перенесение описания на двор русских героев уже не требует упоминания о черепях на тыне. У Чурилы Пленковича:

<sup>64</sup> *Кирша Данилов*, стр. 239; *П. Н. Рыбников*, т. I, стр. 16, 349; т. II, стр. 44, 153, 478, 584.

<sup>65</sup> Сходный пример см. там же, стр. 425.

<sup>66</sup> *В. Качановский*. Памятники болгарского народного творчества. СПб., 1882, стр. 192. Перевод наш.— Ю. С.

«Двор у него на семи вёрстах,  
Около двора железной тын,  
На всякой тынинке по маковке,  
А и есть по земчужинке».

(Там же, стр. 112)

Точно такой же двор и у гостя Терентьища<sup>67</sup>. Судя по сборнику П. Н. Рыбникова, севернорусские певцы тоже не упоминали о решающей детали описания двора — о головах (жемчужинах) на тыне. Поэтому мы не стали здесь учитывать их формулы.

То же описание встречается в некоторых южнославянских песнях. У Дервиш-бега воеводы:

«Сами му се куки познавае,  
Пусти порти му се челико'и,  
На бедени гла'и наредени».

(Миладиновы, стр. 307)

Филип Маджарин похваляется:

«Ја сам сваку главом нажитио,  
Да нијесам кулу на ћуприји,  
А и њу ћу скоро окитити  
Русом главом Краљевића Марка»<sup>68</sup>.

Это атрибутивное описание довольно редко встречается в эпических песнях. Но оно широко распространено в сказках<sup>69</sup>.

15. **Герой подбрасывает и ловит палицу.** Это описание свойственно для былин «Илья Муромец и сын» и характерно в отношении этнического противника:

«Ездит паленица в поле, тешится,  
Шутит она шуточку не малую,—  
Кидает она палицу булатную  
Под эвтую под облаку ходячую,  
Подъезжает-то она на добром коне,  
Подхватит эту палицу одной рукой,  
То как лебединым перышком поигрывает;  
И не велика эта палица булатная,  
Весом-то она да девяноста пуд».

(П. Н. Рыбников, т. I, стр. 26)<sup>70</sup>

Атрибутивный характер описания по существу забыт. О нем напоминает, например, такой отрывок: «Поленица в поле гуляет и палицу свою кверху кидает: как, мол, палица вертится, так я

<sup>67</sup> Кирша Данилов, стр. 17.

<sup>68</sup> М. Е. Халанский, т. II, стр. 291.

<sup>69</sup> Например, в сказках типа Андреев, № 313, 327В, 480G, 507В.

<sup>70</sup> Очень кратко, в трех стихах см. там же, т. II, стр. 513.

буду Илью Муровича вертеть»<sup>71</sup>. Только с учетом похвальбы поленицы можно понять антитезу — действие Ильи Муромца:

«Не стреляет он Збута Бориса-королевича,  
Его только схватил во белы руки  
И бросает выше дерева стоячего [...]  
И назад он летит ко сырой земли,  
Подхватил Илья Муромец Иванович  
На свои он руки богатырские,  
Положил его да на сыру землю».

(*Кириша Данилов*, стр. 246)<sup>72</sup>

Утрата атрибутивного характера облегчила перенесение описания в различные тексты: палицу подбрасывает Идолище<sup>73</sup> и Хотен Блудович<sup>74</sup>, дубы подбрасывает сила короля нечестивого<sup>75</sup>, копьё подбрасывает Чурила<sup>76</sup>.

В сборниках С. Верковича и братьев Миладиновых это описание отсутствует. Оно обычно встречается в песне «Марко и Муса Кеседжия»:

«Аэ его ти Мусе Кесеџије,  
На вранчиџу ноге прекрестио,  
Топузину баца у облаке,  
Дочекује у бијеле руке».

В болгарской песне палицу подбрасывает уже не Муса, а Кралевич Марко<sup>77</sup>. Черный Арап, встречая сватов:

«Голу сабљу у облака баца,  
А голу е у зубе причека»<sup>78</sup>.

Описание стало типическим местом, применяя которое, певцы подчеркивали богатырство и воинское умение героя. Для певцов подбрасывание палицы было приемом, должным наводить ужас на противника. Описание использовалось уже как одно из средств эпического противопоставления: этнический противник всегда преувеличен, этнический герой — преуменьшен, точнее, он рисуется как обычный человек. Поэтому перенесение на этнического героя атрибутов его противника мы считаем более поздним явлением. Такое перенесение обусловлено идеализацией, стремлением наиболее ярко показать исключительность героя и его деяний.

<sup>71</sup> *Н. И. Рождественская*. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941, стр. 119.

<sup>72</sup> Ср. то же в рассказе Збута (стр. 247).

<sup>73</sup> *П. Н. Рыбников*, т. I, стр. 146.

<sup>74</sup> Там же, стр. 97.

<sup>75</sup> Там же, т. II, стр. 7.

<sup>76</sup> Там же, стр. 530.

<sup>77</sup> *М. Е. Халанский*, т. I, стр. 90.

<sup>78</sup> Там же, т. II, стр. 346.

## 16. Герой вгоняет противника в землю:

«И го фати Гино Арнауче,  
Си го фати Марка Кралевиќа,  
До колена в земи го закопа,  
Уш'едношка дури до пояса».

(Миладиновы, стр. 153)

«И Дойчин се предвикнало,  
Боздогана е фарлило,  
В гръди го е погодило,  
В църна земя закопало.  
И там село се градело,  
И се викна Араплия,  
Що ми стоит ден денеска».

(Миладиновы, стр. 246)<sup>79</sup>

В южнославянских песнях герой довольно часто завершает рукопашную схватку тем, что вгоняет своего противника в землю на две, три, даже девять пядей<sup>80</sup>. Этот момент на основе рассмотренных эпических песен объяснить нельзя. Однако он перестает быть загадкой, если для объяснения привлечь сказки типа «Бой на калиновом мосту»<sup>81</sup> и «Три царства»<sup>82</sup>, где змей неизменно в ходе поединка старается вогнать героя в землю, а тот постоянно просит роздыху и, выбираясь из земли, рубит змею головы. Видимо, это действие также считалось присущим только змею, а позже стало приписываться любым героям при описании поединка.

Желтый змееныш кличет себе супротивника, отзывается только святой Илья. Они стали бороться, и змееныш:

«Па побия свет Илия,  
Побия го в бели камък,  
До пояса копринени»,

после чего три года не было дождей, пока святые не догадались разыскать и освободить Илью<sup>83</sup>.

В русском эпосе мы встречаем описания, в которых этот мотив утрачен:

«Согнет он царя корчагою,  
Опустил он о сыру землю».

(Кирша Данилов, стр. 103)

«Согнет его корчагою,  
Воздымал выше буйной головы своей,  
Ударил его о горюч камень,  
Росшиб его в крохи [...]».

(Кирша Данилов, стр. 171)

<sup>79</sup> Арапа загоняет палицей в землю и Кралевиќ Марко, см.: М. Е. Халанский, т. II, стр. 241, сербская песня.

<sup>80</sup> В сб. Миладиновых см. еще примеры на стр. 253, 317.

<sup>81</sup> См.: Н. П. Андреев, № 300В.

<sup>82</sup> См. там же, № 301.

<sup>83</sup> В. Стоин, 1928, стр. 26. Ср. там же вариант, где вместо змея молодой паренек вбивает в землю святого Илью на 9 пядей глубины.

Так расправлялись Иван Гоудинович с царем Афромеем Афромеевичем, Илья Муромец — с Калином. Аналогично победил Потанька Машрюка<sup>84</sup>, Волх — индейского царя<sup>85</sup>, Илья Муромец — Сокольника<sup>86</sup>. Как у русских, несмотря на видоизменения, так и у южных славян описание стало типическим местом, призванным подчеркнуть богатство героя.

**17. Герой выкалывает противнику глаза, отрубает руки и ноги.** Описание этого жестокого способа расправы обычно приводится певцами тогда, когда они хотят показать презрительное отношение героя к врагу: герой как бы считает ниже своего достоинства убивать врага:

«Босоль Арапче не слуша,  
Черни му очи извърте,  
Десна му рѣка отреза,  
Та го на царя запрати,  
Да види царя, да чуе,  
Какви юнаци живеят».

(Миладиновы, стр. 330)

«Та си фати рус войвода,  
Нодзе секла до колена,  
Рѣце секла до лактите,  
Му извърти църни очи,  
Църни очи от главата,  
Го качи на бърза коня,  
Па му даде той стробрен тас,  
Му нарѣча да си шета  
И за бога да си сака».

(Миладиновы, стр. 259)

Варьируется по существу не способ расправы, а та цель, ради которой герой сохраняет врагу жизнь:

«[. . .]

Г'оставиха на бели чешми,  
Кой од там ми помине,  
За бога нему да даде».

(Миладиновы, стр. 168)

**Жених расправляется с невестой:**

«Одреза вой беле руке,  
Извърте вой църни очи:  
"Иди, Гмитро, куде знаеш"»<sup>87</sup>.

Изредка очень близкое описание встречается в русском эпосе. Илья Муромец:

«И брал племянника за ручки за белые,  
И бросал племянника о сыру землю,  
Выкопал у племянника глаза и посадил на добра коня:  
"Повози, добра лошадь, куда знаешь его"»<sup>88</sup>.

<sup>84</sup> *Кирша Данилов*, стр. 37.

<sup>85</sup> Там же, стр. 44.

<sup>86</sup> *П. Н. Рыбников*, т. I, стр. 428.

<sup>87</sup> *В. Стоин*, 1959, стр. 239.

<sup>88</sup> «Живая старина», 1906, вып. 2, отд. II, стр. 84, запись первой половины XIX в.



Наиболее часто этот способ расправы фигурирует в былине «Братья Ливики». Поскольку в ней наказываются за грабительский наезд два брата, постольку и наказание как бы делится между ними поровну:<sup>89</sup>

«Как наехала силушка Романова,  
Большему брату глаза выкопали,  
А меньшему брату ноги выломали  
И посадили меньшего на большего  
[...]

”Ты, безглазый, неси безногого,  
А ты ему дорогу показывай!“»

(П. Н. Рыбников, т. II, стр. 368) <sup>90</sup>

Так же расправляется Илья Муромец с Калином-царем:

«Тут Илья взял — сломал ему белы руки,  
Еще сломал собаке резвы ноги,  
Другому татарину он сильному  
Сломал ему белы руки,  
Выкопал ему ясны очи,  
Привязал собаку за плеча татарину  
[...]

”На-тко, татарин, неси домой,  
А ты, собака, дорогу показывай!“».

(Там же, стр. 113)

Это описание явно перенесено из былины «Братья Ливики», но оно в былинах о нашествиях не закрепилось. В других случаях, когда герой расправляется только с одним противником, вся тяжесть расправы приходится на одного врага<sup>91</sup>. Везде описание по существу выступает моментом действия.

18. **Оженила мать — сыра земля.** Умирающий герой просит товарищей:

«Лю да кажайте на моята майка,  
Бре ди се той угоди  
За малка мома, за църноземка».

(С. Веркович, стр. 427)

Иносказательное сообщение героя о своей смерти в пределах взятых болгарских и русских сборников встретилось только один раз. Мы не приводим контрольных примеров по причине извест-

<sup>89</sup> Ср. соответствующий мотив сказки «Слепой и безногий» (Н. П. Андреев, № 519).

<sup>90</sup> Сходный пример см. там же, т. II, стр. 73, 262, 430. Только в одном случае (там же, т. I, стр. 300) этим королевичам литовским одинаково «по колен им ноги повывломали, очи ясные повывкопали».

<sup>91</sup> Илья расправляется с Идолищем (П. Н. Рыбников, т. I, стр. 355), Михайла — с Кострюком (там же, стр. 482).

ности этого мотива. Он особенно распространен в русских солдатских, ямщицких и казацких песнях, очень активно варьировался и постоянно играл функциональную роль

### 19. Нравы эпохи (страны):

«При царе Давыде Евсеевиче,  
При старце Макарье Захарьевиче  
Было беззаконство великое:  
Старицы по кельям — родильницы,  
Чернецы по дорогам — разбойницы,  
Сын с отцом на суд идет,  
Брат на брата с боем идет,  
Брат сестру за себя емлет».

(Кирша Данилов, стр. 260)

Эта характеристика эпохи вставлена в былинку совершенно немотивированно, между знаменитым зачином «Высота ли, высота поднебесная» и началом самой былины: «Из далеча чиста поля высокоал тут, выбегал Суровец, богатырь Суздалец». Неуместность вставки очевидна. Вероятно, перед нами отрывок из какого-то другого произведения, например, типа болгарских песен о кровосмешении; «Двама се братя делили», «Син баща на съд кара» и т. п. Поздний, христианизированный характер описания отнюдь не означает, что ему не предшествовала долгая история.

В пределах взятых болгарских сборников сходное описание встретилось только в песне «Святой Илья и его сестра, огненная Мария»:

«Бог д'убие земя Паливянска,  
Тамо ся е вера разверила,  
Не почитат ни баща, ни майка,  
Нито брата, нито мила сестра,  
Баща имат връла душманина,  
Майка имат клета робинчица,  
Брата имат като измежяра,  
Сестра зимат за своя си любя».

(Миладиновы, стр. 62)

«Татко имат като лудо дете,  
Стара майка на нодзе изгазиле,  
Сестри имат като измежярки,  
Брата имат като душманина,  
Своя сноха като първа любя,  
Кум кърщеник на судба се терат».

(Миладиновы, стр. 26)

Не выдержав страшных наказаний, ниспосланных на них за такие нравы, люди исправляются:

«Татко имат като свое сърце,  
Майка имат като своя душа,  
Сестри имат като десна ръка,  
Своя брата като десно око,  
Своя снаха като иста сестра,  
Кум кърщеник като бога истога».

(Миладиновы, стр. 28)

Перед нами — моральный кодекс, сводка представлений о нормах быта. В болгарских песнях вообще очень силен дидактизм. Многие песни буквально построены на том, что кто-то выслушивает сообщение об определенной норме, нарушает норму, испытывает последствия нарушения, раскаивается и восклицает:

«Клета му е душа и проклета,  
Който майка си не слуша!»

Конечно, моральный кодекс в виде тезиса или антитезиса изменялся в аграрной среде очень медленно. Он несомненно существовал и до принятия славянами христианства. Однако формула, которой он выражался, была, по-видимому, более сжатой, о чем напоминает следующий отрывок:

«Тие, братко, не знаят  
Ни кой е майка, ни кой е баца,  
Ни кой е брата, ни кой е сестра,  
Ни кой е малко, ни кой е големо».

(С. Веркович, стр. 348)

\*

Ученными 19-ми примерами и приведенными ссылками исчерпывается набор сходных описаний во взятых болгарских и русских сборниках. Просмотр других сборников, вероятно, позволил бы увеличить эту цифру. Сделанные три исключения, не говоря уже о формуле пира, также можно было бы прибавить к нашим примерам, поскольку они очень близки по своему значению. Однако прибавления не меняют по существу выводов, они лишь делают их еще более убедительными.

Итак, описания первоначально выступают как моменты действия или атрибуты определенного героя. Они становятся типизированными, когда их пределы ограничиваются более или менее устойчивым набором элементов. Медленно и незначительно меняясь по содержанию, типизированные описания могут изменяться по форме (прямая речь, отрицательное сравнение) и по своей роли в повествовании. Смена закрепления типизированного описания — от определенного героя или ситуации к эволюционным преемникам, к любым этническим противникам, к любым персонажам или любым эпическим событиям — превращает его в типическое место. Перенос описания может сопровождаться серьезными изменениями в его содержании, переосмыслением. Немотивированный атрибут является более ранним, чем мотивированный. Перенос атрибута с этнического противника на этнического героя или его коня свидетельствует об идеализации последних и служит для подчеркивания их исключительности. Ти-

пические места, как оказалось, являются последним, а не начальным этапом формирования описаний в эпосе<sup>92</sup>. Они — результат длительной эволюции эпоса, изображаемых в нем событий и героев.

Что же касается повторяемости приведенных 19-ти описаний, то для нас она имеет меньшее и иное значение, нежели позиция описания в тексте, его связь с событием или героем. В отличие от П. Д. Ухова и А. В. Позднеева, которые использовали повторение в определенных границах как аргумент за или против отнесения описания в разряд типических мест, мы учитываем повторяемость лишь для того, чтобы выявить удельный вес типизации описания в эпосе и таким образом установить норму многообразия того или иного состава песен. В отношении 19 случаев мы обнаружили 36 повторений в сборниках С. Верковича и братьев Миладиновых, 97 повторений в сборниках Кирши Данилова и П. Н. Рыбникова. Следовательно, средняя частота повторений одного описания у болгар — 2, у русских — 5. Разница внушительная. Можно подсчитать и по-другому, исходя из количества текстов. В болгарских сборниках 1000 текстов, в русских — 300. Следовательно, одно повторение у болгар приходится на 30 текстов, а у русских — на 3. Конечно, не следует придавать абсолютного значения этим цифрам. Создание словаря сходных славянских описаний, выявление средней частоты их повторений или их повторяемости в пределах каждого сборника, а не только первых изданий — все это лишь дело будущего. Приведенные цифры для нас важны как показатель тенденций в соотношении между ранним и поздним, многообразным и типизированным. Число сходных типизированных описаний, даже с учетом сделанных исключений, не сопоставимо с числом схождения в области повествования: не меньше половины текстов болгарских и русских сборников сходны между собой за счет сохранения описаний внутри строго определенных текстов.

<sup>92</sup> Этот наш вывод совпадает с мнением А. В. Позднеева (1964), несмотря на использование иного рода аргументации.

## КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПОЛЬСКИХ КОЛЯДНЫХ ОБРЯДОВЫХ ПЕСЕН

*Л. Н. Виноградова*

По мнению фольклористов, занимающихся славистической проблематикой, в настоящее время существует ряд значительных вопросов, которые не могут успешно разрабатываться на материале фольклора лишь одного из славянских народов. Так, например, две из наиболее актуальных и тесно связанных друг с другом проблем современной фольклористики — проблему славянской фольклорной общности и проблему специфических особенностей фольклора каждого из славянских народов — невозможно решать вне широких сопоставлений. В ряде случаев применение сравнительного метода оказывается единственно возможным способом решить поставленную перед исследователем в этой области задачу. Именно с этим пришлось столкнуться, когда при изучении славянских колядок было обнаружено, что польский колядный обрядовый репертуар фактически исчез и с начала XIX века почти полностью был заменен религиозными колендами, тематически связанными с легендой о рождении Христа. В остальных обрядовых песенных циклах такой замены не произошло: веснянки, гаилки, собутки, жнивные и свадебные песни сохранили следы старой славянской обрядовой системы.

Возник вопрос, в какой форме существовала у поляков прежняя обрядовая колядная песенность и в какой степени она отражала общеславянские обрядовые традиции. Восстановить разрушенный колядный репертуар по малочисленным, отрывочным вариантам — не просто. Именно в этом может помочь привлечение сходного материала ближайших соседей-славян — украинцев и белорусов, сохранивших колядную систему в ее относительной полноте и яркости.

Работу по восстановлению старого обрядового колядного цикла у поляков, продолжавшего общеславянские фольклорные традиции, мы предполагали провести по трем основным направлениям: выяснение сюжетного состава польских коляд (в их сравнении с белорусско-украинским материалом); изучение общей обрядовой колядной символики; сопоставление композиционных колядных типов. После этого картина прежней польской

колядной традиции в известной мере определится довольно четко. В конечном счете результаты работы подобного рода могли бы быть использованы для будущего капитального исследования, которое сможет, наконец, представить всю славянскую календарно-обрядовую систему как единое целое.

Мы же в настоящей статье ставим перед собой одну из частных задач: рассмотреть особенности композиционного построения польских колядок на фоне украинского и белорусского колядных циклов.

Но прежде следует внести ясность в смысл терминологического определения понятия «польская коленда». Дело в том, что когда мы говорим о разрушении польской колядной песенности, то имеем в виду песни календарно-обрядового цикла, исполняемые в канун Нового года (или на Новый год) и известные всем славянам под названием: коляда, коледа, шедривка, виноградьє и др. О песнях этого типа писал в своем «Этимологическом словаре польского языка» А. Брюкнер, что «...еще в XVII веке коленды не содержат ничего, что их связывало бы с празднованием Рождества Христова. Они являются прастарыми, еще язычески-новогодними пожеланиями благополучия в хозяйстве»<sup>1</sup>.

Однако коляд этого типа сохранилось в польской фольклорной традиции всего несколько десятков. С конца XVIII в. они были почти полностью вытеснены песнями принципиально иного типа. В польской рождественской обрядовости при обходе колядующих стали исполняться особые религиозные песни, в основу которых были положены библейские легенды. Первые польские коленды этого типа появились с XV в. и были сначала переводами и переделками латинских и чешских текстов. Позднее среди произведений жанра костельной гимнологии начинают появляться песни, не лишенные национальной специфики, а в середине XVIII в. коленды-кантички переживают эпоху своего высшего расцвета и приобретают уже характер оригинального польского творчества. Часть из них была существенно сближена по форме с фольклорными польскими песнями. В начале XIX в. коленды этого типа получили такое широкое распространение в народе, что вскоре были признаны «одним из наиболее оригинальных и характерных продуктов польской культуры, польской жизни, польского духа...»<sup>2</sup>.

Однако как бы ни были популярны эти коленды, все же истоки их ведут к официальной христианской гимнологии, и в этом смысле они принципиально отличаются от цикла народных обрядовых календарных песен, сохранивших в себе многие общеславянские фольклорные элементы.

<sup>1</sup> А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 245—246.

<sup>2</sup> St. Dobrzycki. Z dziejów literatury polskiej. Kraków, 1907, стр. 53.

Церковные коленды появились, видимо, как противопоставление фольклорным обрядовым песням. Народный обычай колядования был у славян так силен, что церкви, не сумевшей полностью искоренить его, пришлось закрепить эту народную традицию в рамках христианской обрядовости, насаждая свои псалмы и гимны, отражающие мотивы и идеи Библии.

В результате в Польше под колядными понимаются исключительно религиозные песни (определенным образом фольклоризированные в крестьянской среде), бытующие среди верующих людей в польских селах и до настоящего времени. Характерный сборник таких коленд вышел недавно в Варшаве под редакцией Ю. Новака-Длужевского<sup>3</sup>.

Что касается текстов обрядовых колядок общеславянского типа, то они в единичных вариантах сохранились лишь в некоторых старых сборниках — З. Глогера (1892 г.), Ж. Пуали (1838 г.), Ю. Конопки (1840 г.), Я. Щвентки (1893 г.) и в отдельных периодических этнографических изданиях типа — «Wisła», «Lud», «Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne» (далее: МААЕ) и др. Сравнительно небольшой колядный материал содержится и в многотомном издании О. Кольберга. Всего по приблизительным подсчетам сохранилось не более ста польских обрядовых коляд (включая все варианты).

Самый многочисленный цикл коляд (из числа трех национальных песенных групп, избранных нами для сравнительного анализа) представляет украинская фольклорная традиция. Существует много специальных сборников, включающих основную массу украинских текстов. Мы будем пользоваться собраниями Я. Ф. Головацкого, В. Шухевича, Р. Гнатюка и П. П. Чубинского. Наравне с колядками будут привлекаться и тексты украинских щедривок, которые по характеру образной и стилистической системы почти не отличаются от первых.

Относительно белорусского материала следует отметить, что наряду с колядками в нем существует большой цикл волочечных песен, которые исполняются весной на пасху, но тоже ни по сюжетному составу, ни по образной системе принципиально от колядок не отличаются. Поэтому мы используем волочечный материал наравне с колядным. Для нас важно не приурочение песен к зимнему и весеннему периодам (такая строгая закреплённость песенных комплексов давно стала нарушаться), а сопоставление однотипных сюжетных и композиционных особенностей.

Основной материал белорусских обрядовых песен собран в классических сборниках П. В. Шейна, П. А. Бессонова, Е. Р. Романова, Е. Ф. Карского и М. Федеровского.

Итак, в настоящей работе мы попытаемся рассмотреть одну из частных задач сформулированной выше проблемы: нам необ-

<sup>3</sup> «Kolędy polskie», t. 1. Teksty; t. 2. Opracowania. Warszawa, 1966.

ходимо выяснить композиционные особенности польских народных коляд (по сохранившимся вариантам) и, сопоставив их с композиционной структурой колядных песен других славян, проследить общеславянские традиции композиционного оформления календарно-обрядовых песен этого типа.

Но, подойдя непосредственно к композиционному анализу избранных текстов, мы столкнулись с большим разнообразием в понимании термина «композиция». Возникла необходимость установить для себя по возможности однозначный смысл в понимании этой сложной категории. Например, для эпических жанров фольклора было предложено понимание композиции как организации сюжета<sup>4</sup>.

При изучении же композиционных особенностей лирических жанров приходится избирать какие-то новые критерии в подходе к материалу, т. к. в лирике композиция основана не на фабуле, а на единстве движения лирического содержания, «которое предметно реализовано в ритме, упорядоченной смене строк, организованной стройности речи»<sup>5</sup>.

Исследователь композиции лирических стихотворений В. Жирмунский ставил себе целью выяснить те факты языка, в которых прежде всего осуществляется композиционное задание<sup>6</sup>. На этом основании В. Жирмунскому пришлось говорить отдельно о композициях — тематической, фонетической и синтаксической.

Это говорит о том, что понятие композиционной организации охватывает все уровни многосоставного художественного целого. Именно поэтому исследователям приходилось говорить то о композиционной организации сюжета, то о синтаксической организации поэтического текста, то о фонетической организации каждого стиха, то о композиции произведения в целом (об архитектонике).

Какой же принцип организации лирического материала можно выдвинуть в качестве основного? В качестве такого принципа — как мы уже говорили — был назван закон *движения* в развитии лирического содержания. Он основан на том, что произведение слова есть развертывающаяся во времени последовательность высказываний.

«Каждое высказывание — будь то логическая формула, эмфатический выклик, чувственный или моторный образ — неизбеж-

<sup>4</sup> Ю. И. Юдин, детально изучивший композиционное построение героических былин, отметил, что «композиционную основу былины составляет действие героя, его антагониста и других главных персонажей... Композиция былины обнаруживает этапы развивающегося конфликта и их последовательность» (Ю. И. Юдин. Композиция героических былин. «Вестник МГУ», 1966, вып. 3, № 14, стр. 73).

<sup>5</sup> В. В. Кожин. Сюжет, фабула, композиция. «Теория литературы». М., 1964, стр. 433.

<sup>6</sup> В. Жирмунский. Композиция лирических стихотворений. Пг., 1921, стр. 3.



но вступает во взаимодействие с предыдущими и последующими, и *лирический* смысл их совокупности возникает именно из этого взаимодействия»<sup>7</sup>. Этот эффект сцепления, который проявляется в сложной системе подвижных связей внутри произведения, доказывает, что художественное произведение, взятое как целое, не только богаче суммы составляющих его элементов, но качественно отлично от простой суммы этих элементов.

Нам представляется, что принцип движения, развития, развертывания поэтического материала — как основа композиционной структуры бессюжетного произведения — наиболее точно характеризует сущность организации в изложении лирического содержания. Поэтому в настоящей работе мы попытаемся сделать ряд наблюдений над характером движения развертывающейся во времени последовательности высказываний в колыдных песнях, тем более, что часть нашего колыдного материала целиком оправдывает именно такой ракурс композиционного анализа.

Славянские колыдки, как известно, представляют собой разновидность народной календарно-обрядовой лирики. Они обычно исполнялись как новогодние пожелания и, несомненно, продолжали древний обычай заклинания хозяйственного благополучия, направленный на усиление продуктивности тяжелого земледельческого труда. Всякому пожеланию, высказанному в форме колыдки, приписывалась сила положительного воздействия на природу. Действительность применения такого заклинания-пожелания приписывалась магии слова, т. е. вере в способность слова «одним своим появлением производить то, что им означено»<sup>8</sup>. Такие магические тексты, произнесенные в особой обрядовой ситуации, воспринимались как реальное средство для достижения жизненных идеалов.

Часто новогодние пожелания в колыдках высказывались в форме величаний, т. е. воспевания *идеальных* жизненных условий: почетных занятий хозяина, пышной одежды, особенно дорогих предметов домашнего обихода.

Характерной чертой славянских колыд является их «индивидуализация» (посвящение песен конкретным лицам: хозяину, хозяйке, парню, девушке, вдове). Такой дифференцированный тип колыдования известен всем славянам, за исключением русских. Спецификой русской колыдки, по словам В. И. Чичерова, является то, что она имеет обобщенный тип<sup>9</sup>.

Особенно четко выделяются три группы песен: 1) колыдки для хозяина, 2) колыдки для девушек и 3) колыдки для парней.

<sup>7</sup> Г. Шенгели. О лирической композиции. «Проблемы поэтики», М.—Л., 1925, стр. 100.

<sup>8</sup> А. Потебня. Объяснения малорусских и сродных народных песен, т. 2. Колыдки и щедривки. Варшава, 1887, стр. 59.

<sup>9</sup> В. И. Чичеров. Русские колыдки и их типы. «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 111.

Каждая из этих групп характеризуется отличительными особенностями в сфере сюжетных ситуаций, образной системы и стилистических черт. Так, среди коляд первой группы (они называются «господарскими») интересы хозяйственные, производственные преобладают над всеми остальными. Сюжетные ситуации здесь характеризуются обычно четкостью конкретных хозяйственных пожеланий, меньшей тягой к символическим образам, большим стремлением к отражению бытовых хозяйственных забот земледельца. А песни, посвященные молодежи, концентрируют свою тематику в основном в сфере брачных интересов и поэтому поэтические образы коляд этого типа заметно сближаются с образами свадебной или весенней хороводной обрядовой песенности.

Следы такого же членения колядного песенного цикла заметны и в польском материале. Однако коляд общехозяйственного типа здесь буквально единицы. Более многочисленным и живучим оказался у поляков цикл коляд для девушек. Это обстоятельство можно объяснить традицией исполнения на Новый год для хозяев серьезных колядных песен (прежде это были «господарские» колядки, содержащие пожелание хозяйственного благополучия, затем — церковные коленды о рождении Христа), в то время как для их дочерей принято было по-прежнему петь народные колядки, воспевающие счастливый брак, красоту и нарядную одежду девушки.

В рукописных материалах Северина Удзели (среди записей, сделанных в 1903—1904 гг.) сохранилось следующее свидетельство: «поляки исполняют два типа коляд, совершенно отличных один от другого: коляды-кантычки и светские [народные.— Л. В.]. Последние исполняются только там, где есть молодые девушки»<sup>10</sup>.

Особое положение коляд для девушек среди прочего колядного репертуара отмечает и Ян Швентек: «если колядующие иногда обойдут вниманием кого-либо из детей хозяина, то уж никогда не пройдут они мимо девушки, особенно на выданы; было бы для нее страшнейшим наказанием, если бы ее родители запретили певцаем ей „отколядовать“»<sup>11</sup>.

Таким образом, основным ядром сохранившегося цикла польской колядной обрядовости следует считать лишь колядки для девушек. Преобладающая их масса характеризуется большим единообразием в выборе сюжетных ситуаций и особым типом композиционного построения.

Вот типичный образец колядки такого типа:

Z sicha, panny, przystępujcie  
Do tego dworu po kołędzie,  
Bo w tym dworze grzeczna pani,

<sup>10</sup> Цит. по кн.: *P. Caraman. Obrzęd kołędowania u słowian i u rumunów*. Kraków, 1933, стр. 188 (далее: *P. Caraman*).

<sup>11</sup> *J. Świętek. Lud Nadrabski*. Kraków, 1893, стр. 70 (далее: *J. Świętek*).

Po sto złotych *suknia* na niej,  
Po sto złotych, po **czzerwonych**,  
Kolędniczkom obiecanych.

Z cicha, panny, przystępujcie  
Do tego dworu po kolędzie,  
Bo w tym dworze grzeczna pani,  
Po sto złotych *ciżmy* na niej,  
Po sto złotych, po czzerwonych,  
Kolędniczkom obiecanych»<sup>12</sup>.

Весь художественный материал здесь четко распадается на ряд однотипных звеньев, которые легко нанизываются одно за другим на основе внесения какой-либо новой детали перечисления в каждом звене. Перед нами особый тип развития поэтического содержания, он осуществляется путем прерывного, периодически возвращающегося (возобновляющегося) движения.

Сходная композиционная структура присуща некоторым славянским народным сказкам, называемым кумулятивными<sup>13</sup>, таким как «Колобок», «Репка», «Терем мухи» и др. Назовем и мы условно этот тип песенной композиции *кумулятивным*.

Следует отметить, что в кумулятивном типе композиции количество звеньев повторяющейся цепи всегда бывает по крайней мере не меньше трех, потому что *двусоставные* построения обычно производят впечатление взаимосвязанного соотношения частей по принципу сопоставления, сравнения или противопоставления. Кумулятивный же тип характеризуется именно нанизыванием *равноправных* (однотипных по своему синтаксису) звеньев, приносящих с каждым новым повторением какую-нибудь новую деталь (или ряд новых деталей). Поэтому здесь мы имеем дело обычно не с сопоставлением двух элементов, а с перечислением трех-четырех и т. д. объектов песни.

Доминирующей темой польских коляд этого типа является подробное перечисление предметов девичьего наряда или подарков, полученных девушкой от своего милого (от матери, королевы). Описание одежды в них настолько типично, что о колядующих в Польше часто говорят, что они «ubierają dziewczęta» («одевают девушек») вместо «kolędują» («колядуют»). Иногда это прямо отражается в текстах: «Już ty Cie ubrali, okolędowali»<sup>14</sup> («мы уже тебя нарядили, тебе отколядовали»).

Колядки типа «ubierania dziewczyny» получили в польской традиции такое широкое распространение, что в конечном счете

<sup>12</sup> Далее все сначала с заменой отдельных слов: «pończochy», «koszulka», «trzewiki» и т. д. K. Kozłowski. Lud, pieśni, podania, baśnie... Warszawa, 1869, стр. 187—188 (далее: K. Kozłowski).

<sup>13</sup> Кумуляция (лат. simulatio) — скопление, увеличение, нагромождение.

<sup>14</sup> «Lud», t. XI, Lwów, стр. 160.

поглотили все другие колядные циклы, подчиняя их своему главному принципу построения: длительному перечислению предметов наряда. Нередко перечисления эти (вместе с повторяющимися друг за другом строфами) доходят до 15—20, как, например, в следующей колядке:

«Hej pam, hej! Nadobna Marysia pawiki pasala,  
Pawiki pasala, piórecka zbierała,  
A co uzbierała, to matusi dała,  
Matusia ji za to *kosulę* na lato.  
Nadobna Marysia...»<sup>15</sup>

Подобной переработке были подвержены и польские колядки для парней с общеславянским мотивом «Осада города» — теперь уже молодцу, осадившему город, горожане предлагают в качестве выкупа не традиционных три дара (золото — коня — девицу), а кроме того: «*buciki czerwone*», «*pasiczek czerwony*», «*chusteczke*», «*kamizelkę*», «*czapeczke*»... и т. п.<sup>16</sup>

И даже колядки для хозяина («господарские») по этому образцу часто превращаются в бесконечное перечисление видов сельскохозяйственных продуктов, которые хозяину якобы удается получить при помощи самого господина<sup>17</sup>.

Ничего подобного не встречается в других славянских колядных циклах. Можно без колебания сказать, что по типу «*ubiegania dziewczynu*» строится половина всех польских коляд и поэтому кумулятивный тип композиции представлен здесь весьма значительной группой песен. Очевидно, что эта специфическая разновидность коляд для девушек является свидетельством полного упадка и разложения прежней многообразной польской колядной песенной системы.

Коляды типа «*ubiegania*», сущность которых сводится к крайне обедненному в художественном смысле ряду перечислений, почти не известны украинскому и белорусскому фольклору (за исключением редких примеров, явно проникших с польской территории). И на основе одной этой группы коляд невозможно было бы установить общеславянские традиции в польской обрядовой песенности колядного цикла. Группа «*ubiegania*» является

<sup>15</sup> Эмфатическим выкриком «Hej pam, hej!» в польских колядках часто начинается и заканчивается каждая строка песни. Выкрики этого типа, а также рефрены во всех славянских колядках обычно не связаны с содержанием песни. В настоящей статье возможны случаи опускания рефренов в тексте коляд. Далее все сначала с заменой слов: «*zapasie*», «*spódnisie*», «*gorsetek*», «*wizytkę*», «*katankę*», «*spilecki*», «*wieniusek*», «*chusteczkę*», «*odzianie*», «*korale*», «*pierscienie*», «*pońcochy*...» (J. Świętek, стр. 89, N 15).

<sup>16</sup> K. Kozłowski, стр. 188. J. Świętek, стр. 80, N 11; J. Konopka. *Pieśni ludu Krakowskiego*. Warszawa, 1840, стр. 90 (далее: J. Konopka); O. Kolberg. *Dziela wszystkim* Wrocław — Poznań, 1962, t. 5, cz. 1, стр. 232; t. 16, cz. 1, стр. 107 (далее: O. Kolberg).

<sup>17</sup> МААЕ, т. 6, стр. 222; J. Świętek, стр. 72.

наиболее продуктивной, но не единственной в сохранившемся польском колядном репертуаре.

Значительный интерес, например, представляют польские колядки для девушек и парней с широко известным многим славянам мотивом «Лепший милый, як цала родина» (или «Лепший милейкий, як брат ріднейкий»). Они характеризуются тем же композиционным типом (кумулятивным), что и предыдущая группа, однако сам принцип перечисления здесь отличается уже несколько иными чертами.

Сравни, например, следующую колядку для девушек:

«*Paśla Marysia cztery wołoszki*  
W krzewinie, hej w krzewinie,  
przy zieleniusiejkiej dolinie!

Wianejki wiła, wołki zgubiła,  
Przyszła do domu, pocała pukać:

"Idź że, tatulu, wołoszki szukać".

Tatulo poszed, wołków nie znaszed.

*Paśla Marysia cztery wołoszki,*

*Wianejki wiła, wołków zgubiła.*

*Przyszła do domu, pocała pukać:*

"Idź że, mamuła, wołoszków szukać".

*Mamuła poszła, wołków nie znaszła.*

*Paśla Marysia...*

"Idź że, *Jasiejku*, wołoszków szukać".

*Jasiejko poszed, wołojki znaszed*»<sup>18</sup>.

Перед нами композиционная структура, напоминающая построение колядок типа «ubiegania dziewczyny». Однако здесь перечисление участков разыгранного действия имеет уже тенденцию к большому движению, стремлению к его развязке (сравни: отец — мать — брат — сестра и, наконец, — милый). Движение этого типа приводит к своеобразному выделению последнего члена перечисления. Ощущается большая завершенность художественного целого, в то время как в первом типе коляд («ubieganie») ряд перечислений — безразличных к процессу нарастания движения — можно было продолжить до бесконечности.

К сожалению, примеров коляд типа «предпочтение милого» в польском материале очень мало (среди колядного цикла). Обильно представлены они в украинской фольклорной традиции. Здесь существует огромное количество сюжетных ситуаций этого мотива: девушка танцует, ее зовут домой по очереди отец, мать, брат, сестра, но она слушается лишь своего милого; девушка обронила в реку колючку и просит по очереди отца, мать и т. д. его достать, но только милому это удастся сделать. Девушка тонет в реке — ее спасает не отец, не мать и т. д., а лишь милый; моло-

<sup>18</sup> «Wisła». Warszawa, 1887—1916 (далее: «Wisła»), т. 16, стр. 702.

дец осаждают город, он отказывается от всех предлагаемых горожанами даров (золота, коня, одежды) и, лишь получив в качестве выкупа девицу, снимает осаду; раненый молодец отсылает от себя всю родню и принимает лишь заботы милой, и др.

Песни этого типа характеризуются обычно кумулятивной композицией. Интересно, что мотив предпочтения милого (милой) заметно сближает колядки со свадебными и весенними игровыми песнями, где сохраняется тот же композиционный тип.

Среди украинских свадебных песен существует однотипная группа с мотивом «Лепший милий», которая почти дословно совпадает с рассмотренным колядным материалом.

Среди белорусского материала находим образцы кумулятивных песен с этим же мотивом как среди колядок, так и среди волочебных песен. Однако значительно больше распространен этот тип в свадебном и весеннем обрядовых циклах<sup>19</sup>. Такова, например, белорусская весенняя: «девушка заблудилась в лесу и не отзывается на зов отца — матери и т. д., а лишь на зов милого»<sup>20</sup>. Типичная кумулятивная структура обнаруживается и в белорусской купальской песне «Чый то лянок под болотом?»<sup>21</sup> То, что связь колядок кумулятивного типа со свадебным и хороводным циклом песен не случайна, подтверждает и русский материал, где рассматриваемый вид композиции почти не известен в колядках («виноградях»), но часто встречается среди весенних игровых и иногда свадебных песен. Так, широко известен в русских хороводных мотив: «девушка танцует в хороводе и не идет домой на зов отца, матери, а отзывается лишь на зов милого»<sup>22</sup>.

На это обстоятельство указывала и Н. П. Колпакова, детально изучившая русские обрядовые и лирические песни: «Целый ряд сюжетных мотивов, композиционных приемов, черт поэтики, типичных для русской бытовой игровой песни, в украинских и белорусских песнях встречаются среди более древнего слоя — песен обрядовых. Так, например, в украинских девичьих колядках очень часто применяется троекратное повторение сюжетного мотива (один из приемов, наиболее типичных для русской традици-

<sup>19</sup> П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890, т. I, ч. 2, стр. 55, № 82 (далее: П. В. Шейн, 1890); М. Federowski. Lud bialoruski, t. 5. Warszawa, 1958, стр. 341—342, и 644 (далее М. Federowski).

<sup>20</sup> П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887, т. I, ч. 1, стр. 176—177, № 166 (далее: П. В. Шейн, 1887).

<sup>21</sup> П. В. Шейн, 1887, т. I, ч. 1, стр. 235, № 249.

<sup>22</sup> Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. вып. I. М., 1911; вып. II, ч. I. М., 1917; ч. II. М., 1929, № 272 (далее: П. В. Киреевский); П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898, т. I, вып. 1, № 455 и № 1244 (далее: П. В. Шейн, 1898); И. П. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1883, т. I, стр. 308, № 4 (далее: И. П. Сахаров).

онной игровой песни и обычно отсутствующий в русских календарных песнях): девушка теряет перстень, который находит не отец, не мать, а милый...»<sup>23</sup>.

В ряде случаев кумулятивная композиция характеризует и так называемые «господарские» колядки, как, например, в болгарских колядных песнях, где в однотипных по форме строфах перечисляется по очереди приплод всех видов животных в хозяйстве у «господаря»<sup>24</sup>. А. А. Потехня приводит примеры песен идентичных сюжетных ситуаций из моравского, хорватского, сербского (и литовского) фольклора<sup>25</sup>.

Теперь мы вернемся к польскому материалу. Как уже указывалось, колядок общеславянского мотива «Лепший милый» в польском фольклоре сохранилось очень мало. Более широко известен в нем тип «ubierania dziewczyny» (песни с той же композиционной структурой, но иной тематической организации). Однако, как и в обрядовом фольклоре других славян, здесь значительно распространен анализируемый композиционный тип среди свадебных и весенних песен. При этом песни эти ни по своей структуре, ни по тематическим особенностям не отличаются от колядного типа «Лепший милый».

Аналогичный пример встречаем в польской свадебной песне:

«Hej tam w nowej komorze  
Siedzi Maryś z druhnami.  
Przyszędł do niej ojcieńko:  
"Otwórz drzwi, dzieciątko!" —  
"Ja tobie nie otworzę,  
Z żalu rączek nie uniosę"<sup>26</sup>.  
"...Otwórz drzwi, dzieciątko!"  
"Jasieńkowi otworzę,  
I rączki już uniosę"»<sup>27</sup>.

Особенности композиционной организации песен этого типа наводят на мысль сопоставить их с типично свадебными песнями, сохранившими остатки обрядовых действий. Речь идет о песнях, отражающих момент поочередного прощания невесты со своими родителями и со всей родней. В польском свадебном фольклоре кумулятивный тип композиции отвечает всем требованиям в построении этих песен, наполненных однотипными

<sup>23</sup> Н. П. Колпакова. Русская народная бытовая песня. Л., 1962, стр. 60.

<sup>24</sup> «Българско народно творчество», т. 5. Обредни песни. София, 1962, стр. 68, 72—75 и др.

<sup>25</sup> А. А. Потехня. Объяснения малорусских и сродных гародных песен, т. 2. Колядки и щедровки. Варшава, 1887, стр. 528—542.

<sup>26</sup> Все сначала с заменой слов: «mateńka», «brat», «siostrzyczka» и, наконец, — «Jasieńko».

<sup>27</sup> Z. Gloger. Pieśni ludu. Kraków, 1892, стр. 75, N 89 (далее: Z. Gloger).

звеньями традиционных формулировок. Это видно, например, в польской свадебной:

«Przeproś, Marysiu, swoją *mateńkę*  
W czemeś ją przegniewała.  
Jak nie przeprosisz, jak nie przebłagasz,  
Nie będziesz doli miała.  
Przeproś, Marysiu, swojego *ojca...*»<sup>28</sup>

Интересно, что Е. Виндакевичова, анализируя польские свадебные песни, обратила внимание на эту особую композицию, назвав ее «рефреновой строфой с перечислением», а однотипной структуры колядок не отметила. Она пишет: «Эта форма рефреновых песен может рассматриваться как наиболее типичная для свадебного обряда. Разумеется не единственная, но, видимо, именно та, о которой можно с достаточной степенью вероятности говорить, что она была первоосновой для будущей обширной группы свадебных обрядовых песен... Ибо легко себе представить, что эти хоральные песни, при исполнении которых внутри каждой строфы добавлялись лишь одно-два новых слова, чрезвычайно легко поддавались импровизации»<sup>29</sup>.

Мы не случайно уделили внимание сопоставлению колядок со свадебными и весенними обрядовыми песнями. Дело в том, что на фоне славянских колядок, посвященных общехозяйственным темам («господарских»), которые во многом еще сохранили самую сущность обряда колядования, направленного на удовлетворение производственных интересов земледельческого коллектива, цикл кумулятивных песен, посвященных молодежи, содержащий почти исключительно тематику брачных интересов, выглядит явно *вторичным* в составе всего колядного репертуара славян. Видимо, он был перенесен сюда из других обрядовых циклов (свадебного или весенне-игрового). Известно, что строгое закрепление песенных групп за определенными обрядами стало нарушаться очень давно. Можно предположить, что переход этот произошел примерно в период выделения внутри колядного цикла специальных песен, посвященных отдельным лицам (процесс так называемой «индивидуализации» коляд). Группа коляд, которая предназначалась девушкам, могла пополниться частично за счет свадебного или хороводного репертуара.

Во всяком случае тип интересующей нас композиции сохранил в себе определенные черты каких-то игровых или обрядовых действий (сходных со свадебными). Мы имеем в виду характер построения песен по принципу наименьшего интереса к художест-

<sup>28</sup> Далее в том же порядке следуют строфы с заменой слов: «brata», «siostry...» (Z. Gloger, стр. 85, N 149).

<sup>29</sup> H. Windakiewiczowa. Studja nad wierszem i zwrotką poezji polskiej ludowej. Kraków, 1913, стр. 37.



венному наполнению текста при явном предпочтении четкости структурного построения песен, дающей возможность легко и просто «нанизывать» повторяющиеся звенья с подстановкой в них новых имен (или членов семьи) — участников игры-обряда.

Таким образом, истоки кумулятивного типа колядных песен мы усматриваем в каком-то другом обрядовом цикле (скорее всего — свадебном). И тот факт, что польские девичьи колядки типа «ubiegania», составляющие до последнего времени основное ядро всего сохранившегося польского колядного материала, не имеют параллелей в обрядовом фольклоре других славян — и в этом смысле считаются специфически польским явлением, — этот факт еще не говорит о несопоставимости этой своеобразной польской разновидности с общеславянским материалом. Специфика здесь проявляется в плане тематической организации песен (перечисление предметов одежды), а общеславянская тенденция — в плане композиционной организации (кумулятивный тип).

Разрушение общеславянского кумулятивного типа в польских колядках очень наглядно:

а) Славянские игровые и свадебные песни (так же, как и колядки типа «Лепший милый») строятся на основе повторяющегося действия, где в каждом новом ряду выступает новое действующее лицо (как участник действия) — отсюда впечатление *движения*, развития действия от лица к лицу.

б) Особенно заметно это движение в случае с мотивом «предпочтения милого», поскольку процесс перечисления лиц-участников дан здесь не сам по себе, а именно как нарастающая в своей напряженности ступенчатая линия перед особо *акцентированным* завершением (итоном движения) — сравни: «не отец, не мать...» [и т. д.], а только милый.

в) В польском же типе «ubiegania» повторяющееся действие направлено на ряд объектов, *безразлично* расположенных в системе перечислений; впечатление движения уменьшается здесь, во-первых, из-за перечисления неодушевленных *объектов* (предметов наряда), а не действующих лиц — как в предыдущем варианте, а во-вторых, из-за того, что набор перечислений никак не завершен, *не акцентирован* последний предмет ряда; элементом, завершающим песню, может быть любой предмет перечисления, отсутствует мотивированность в расположении материала.

Только среди польских коляд для парней сохранилась отдельная группа вариантов общеславянского мотива «Осада города», в котором длинный ряд перечисления предметов одежды завершается все же главным даром горожан — «красной девицей», после чего молодец снимает осаду. Здесь тип «ubiegania» явно наслои́лся на песню с общеславянским сюжетом, в связи с чем польская коляда утратила традиционную триничность (конь — золото — девица) и разрослась за счет излюбленного приема перечисления предметов одежды. Однако в конце перечисления по-

ставлен главный, акцентированный член и этим самым ряд перечислений естественно замкнут.

Итак, мы описали одну группу (наиболее многочисленную в польском колядном репертуаре) песен, которая отличается совершенно четкой композиционной структурой и в этом смысле очень легко выделяется в особый тип — кумулятивный. После сопоставления этих коляд с однотипным обрядовым материалом украинского, белорусского и частично русского фольклора оказалось возможным выяснить общеславянские традиции в развитии этого композиционного типа.

Гораздо труднее проследить композиционные особенности коляд другой, некумулятивной, структуры. Речь идет о колядках, сходных по своему строению с основной массой фольклорных традиционных крестьянских песен. Внутренний механизм их построения не представляет собой такого ясного и легко формулируемого типа, как в предыдущем случае. Однако свои (колядные или, может быть, вообще обрядовые) специфические композиционные особенности и здесь должны быть.

Возьмем для примера польскую колядку некумулятивного типа:

«Ej nam, ej! Czyja to roliczka, co ugorkiem leży? Ej nam, ej!

Pana gospodarza, co w łóžeczku leży.

A wyjdźże ty do nas, panie gospodarzu,

Co my ci powiemy, to cię ucieszymy.

Na twoim poleczku złoty kulik orze,

Święty Szczepan idzie, Sw. Jan pogoni,

Najświętsza Panienska śniadaneczko niesie.

Panie gospodarzu, a pszeniczka wszędzie,

Weź se pacioreczki, porachuj kopeczki,

Zaprzegaj że woły, zwieźże do stodoły».

(O. Kolberg, t. 26, стр. 68, N 29).

Прежде всего, если композицию первой группы песен удобно было анализировать по принципу изучения характера развертывания поэтического материала (лирического содержания), то в отношении коляд некумулятивных приходится избирать, видимо, иной ракурс анализа. Там, где строение песни характеризуется четкой периодичностью, регулярной прерывностью и однотипностью в организации всех композиционных звеньев, — там уловить закономерности развертывания содержания нетрудно. Теперь же мы имеем дело с плавной линейностью в развитии образов, с непрерывной последовательностью сменяющихся эпизодов, и указать на регулярные законы их структурного сцепления чрезвычайно сложно. А поэтому принципом композиционного анализа колядок обычного типа (некумулятивных) мы изберем не характер развития лирического содержания, а способ поэтического изображения, т. е. выделение в масштабе конкретного лирическо-

го произведения эпизодов повествовательных, описательных, диалогических; фиксацию способов художественных переходов песни от зачина — через описательную (повествовательную) часть — к завершению.

Вообще для решения вопроса о композиционном единстве исключительно важным представляется изучение двух взаимосвязанных композиционных элементов: момента *начала* и момента *завершения*.

От того, каким образом начинается поэтическое изображение в песне, часто зависит весь дальнейший ход ее развития.

Польские колядки второй группы (некумулятивные) характеризуются зачинами двух типов:

1) *подход* к изображению образа и

2) непосредственное *констатирование* образа. Второй тип с точки зрения композиции условно может оцениваться как группа «нулевых» зачинов, так как начальные строки коляд («*Poszedł Jasiońko Lwowa dobywać...*» или «*Nadobna Marysia pawiki pasaża...*») сразу вводят нас в круг тех образов, которые затем разрабатываются в сюжетной ситуации песни. Однако с точки зрения композиционной формы первые строчки выполняют все же роль зачинов, так как в них выражается определенный способ *начинающего* развертываться художественного материала.

Интересно, что колядки с «нулевым» зачином чаще встречаются в репертуаре для девушек и парней, чем среди «господарских» колядок. В частности, с непосредственного констатирования образа начинается большинство колядных песен кумулятивного типа. Есть основания предполагать, что обрядовые песни, утратившие зачин, это результат более поздней переработки. По канонам традиционной обрядовой песни действие не может начинать своего развития, прежде чем не будет сформулировано нечто, что даст толчок к этому развитию.

Анализ зачинов группы «подхода к образу» нам хотелось бы начать с особого вида колядных зачинов — *вопросной* формулы (вопросно-ответной формулы). Такие зачины широко известны во всей славянской обрядовой поэзии: в цикле свадебных, весенних игровых и колядных песен.

Излюбленная форма вопроса в польских колядках — зачин со словами «*czyj — czyja?*»:

«*A czyje, czyje to nowe siedle?*»

*A w tem nowem siedlu komnateczka...*

(*O. Kolberg, t. 18, N 1*)

«*Co się świeci w nowej sieni?*»

*Pana gospodarza kón osiodłany.*

(Там же, \*16, стр. 109, № 9)

Какую композиционную и стилистическую функцию могут исполнять в народной поэзии вопросы? Что значит *задать во-*

прос? Эту интереснейшую проблему недавно затронул Г. Д. Гачев. «Какой плюс к своему содержанию,— пишет он,— обретает сообщение, если оно предварено и опосредовано вопросами? Что изменилось от того, что одно и то же событие... предстало не как сообщение, а расщепленным на вопросы — ответы? А то, что оно перестало быть событием, которое живет само по себе и является людям извне их, как данность, которую им надо лишь узнать и принять... Бытие словно разрубили цепью вопросов на ряд действий — и вот оно уже оказывается вторичным, является как следствие активной анализирующей мысли людского коллектива, человека»<sup>30</sup>.

Таким образом, автор цитируемой работы соотносит сущность вопроса с субъективацией бытия, иначе говоря со спецификой лирического рода поэзии в широком смысле. Картины жизни в лирике даны не сами по себе,— они порождены человеческой мыслью и подключены к цепи рефлексий, размышлений, т. е. они появляются как функция «Я»<sup>31</sup>. Поэтому освоенная человеком (или человеческим коллективом) действительность уже может представляться в виде предположения, вопроса и в этом отношении само событие (или описание) максимально приближено к исполнителю, к участнику конкретной обрядовой или игровой ситуации.

Именно в обрядовых и игровых поэтических формулах вопросно-ответная композиция часто является основой всего построения. Это видно из такой новогодней белорусской игры:

«Што тут? — Земля.

А там? — Небо.

А у небе? — Три каплицы.

А у тех каплицах? — Три паненки.

А што яны там дзелаюць? — Шыринку шыюць.

А кому? — Пану.

А какому?...» и т. д.

(П. В. Шейн, 1887, стр. 113)

В колядной песенности вопросно-ответная формула тоже иногда является стимулом развития всего эпизода насквозь. Вот например, отрывок польской колядки:

«...Wyogali złotą bryłę.

Każ to złoto podziejemy?

Do złotnika zaniesiemy.

Cóż z niego robic' każemy?

Złoty kielich i patynę.

<sup>30</sup> Г. Д. Гачев. Содержательность художественных форм. Эпос, лирика, театр. М., 1968, стр. 46 (далее: Г. Д. Гачев).

<sup>31</sup> Г. Д. Гачев, стр. 185.

Każ ten kielich podziejemy?  
Do kościoła zaniesiemy.  
A każ go tam postawimy?...»

(O. Kolberg, t. 5, cz. 1, стр. 237, N 47).

Но сейчас нас интересует функция вопроса как *зачина*. Несомненно, что это своеобразный прием «подхода к образу». Формула вопроса считается импульсом для дальнейшего развития содержания.

Характерно, что вопросная формула содержится и в зачине одной из старейших (по записи) польских коляд, которая была не так давно обнаружена в случайно найденном сборнике, датированном 1544 г.<sup>32</sup>:

«A czyżje to nowy trzem?

Ja obejdę okółem...»

(A. Romkowski, стр. 23—24).

Широко известны зачины такого типа и в украинских и белорусских колядках. Вот, например, начало украинской колядки:

«Чий же то плужок найранше вийшов?

Іванов плужок найранше вийшов...»<sup>33</sup>

Особенно интересны вопросные зачины, сохранившие как бы некоторый обрядный (игровой) элемент в отношениях между участниками колядования и одаривающими их хозяевами:

«Czy jest sam pan w doma?

Czyli jego nie ma?

Nie ma jego w doma...»

(O. Kolberg, t. 3, стр. 17, N 21).

В польском материале нам известны всего 4—5 случаев таких зачинов. В украинском же и белорусском фольклоре существует большая группа колядок с зачинами этого типа, где в соответствии с обстоятельствами обрядовых процедур колядующие обращаются к хозяину с очень специфическим *вступительным* вопросом: «Ци дома, дома, господареньку?» или «Ой ци спиш, газдо, ой ци ти чуеш?»

Необходимо отметить, что эту группу зачинов приходится признать специфически «колядной», тогда как прочие разновидности зачинных формул — которые будут рассмотрены ниже — характерны вообще для многих обрядовых циклов. Это связано с тем, что прежде колядный материал четко делился на собст-

<sup>32</sup> См.: A. Romkowski. Ludycje wieśne. Zabytek literatury ludowej z poł. XVI w. Wrocław, 1953, стр. 23 (далее: A. Romkowski).

<sup>33</sup> Я. Ф. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878, г. 3, стр. 17, № 21 (далее: Я. Ф. Головацкий).

венно колядки и так называемые вступительные («надворные» или «окожные») колядные песни, содержащие обращение к хозяину с просьбой разрешить колядовать в его доме. В связи с последующим разрушением обряда «вступительные» колядки почти полностью исчезли и лишь в зачинах сохранились специфические формулы бывших «надворных вступительных» песен с характерным вопросом:

«Ой ци спиш, газдо, ой ци ти чуеш?

Ой дай боже!<sup>34</sup>

Хочемо тобі пісню співати...»<sup>35</sup>

Обильнее всего зачины этого типа представлены в украинском материале. Обычно это варианты следующих двух формул:

1. «Ци дома, дома господаренько,  
Господаренько та Василенько?  
Кажуть служеньки, що нема дома...»

(Я. Ф. Головацкий, т. 2, стр. 20, № 28)

2. «Ци спиш, ци не спиш, господареньку?  
Подведи ж себе сву головоньку,  
Зажжи свеченьку в праву рученьку...»

(Я. Ф. Головацкий, т. 2, стр. 22, № 32)

Чаще всего колядки с такими зачинами посвящаются хозяину (относятся к числу «господарских») и лишь изредка по аналогии они переносятся в колядки для хозяек или для молодежи.

Совершенно сходные формы вопросительно-ответных зачинов находим и в белорусском материале:

«Господарочек, як соколочек,  
Чи спиш, чи отдыхаеш?  
Если ты спиш — пан бог с тобой,  
А коли ж не спиш — гукай со мной...»<sup>36</sup>  
«Да ци дома сам пан господар?  
Ой нам казалі, що нема дома...»

(П. В. Шейн, 1887, стр. 58, № 38)

Особенностью вступительных вопросных зачинов белорусских волочебных песен является то, что часто традиционной формуле

<sup>34</sup> Большинство славянских коляд характеризуется кратким рефреном, повторяющимся после каждой строки песни. Более поздние записи фиксируются вовсе без таких рефренов. Мы считали возможным при анализе общей композиционной структуры коляд опускать их стандартные рефрены.

<sup>35</sup> В. Шухевич. Гуцульщина. Львів, 1901—1904, т. 3, стр. 38, № 4 (далее: В. Шухевич).

<sup>36</sup> П. В. Шейн. Белорусские народные песни. СПб., 1874, стр. 94, № 146 (далее: П. В. Шейн, 1874).

«Ци дома?...», «Ци спиш?...» предшествует повествовательное вступление, изображающее поиски хозяйского двора:

«Ишли-пришли волочобники,  
Играючи, спеваючи,  
Доброго пана шукаючи.  
Добры вечар, пане господару!  
Чи спиш, чи ляжиш?...»

(Там же, стр. 140, № 137)

Это частично сближает белорусские волочобные песни с русскими святочными величаниями, где встречаются сходные зачины: «Ходим мы, ищем господинов двор».

От вопросных зачинов отличаются с точки зрения формы так называемые *императивные* обращения, которые в тематическом плане, однако, тесно примыкают к предыдущему типу зачинов, объединяясь в общую группу вступительных формул.

Таков, например, зачин польской колядки:

«Powstaj, powstaj, harendarzu! — Hol, hole!  
Co się dzieje w twoim dworze?...

(J. Świątek, стр. 73, N 8)

«A wyjdziejże do nas, panie gospodarzu,  
Co ty ci powiema, tym cię ucieszywa —  
Во на твої ролі złoty pluzik stoi...»

(J. Świątek, стр. 73, N 1)

— или зачин украинской колядки:

«Ой устань, не спи, господаречку,  
Ой вйди, вйди та в коморочку...»

(В. Шухевич, стр. 43, № 12)

Здесь вопросная формула «Ци спиш, ци не спиш?» потеряна и зачин строится прямо с императивного призыва: «Устань, не спи!...»

Очень часто зачины этого типа связаны тематически с образом птицы, которая будит хозяина и вещает ему изобилие и достаток в его хозяйстве. Колядки с такими зачинами тоже прежде относились к разряду вступительных, «надворных» песен.

Известны, например, однотипные формулы в польской колядке:

«Na sadeczku na wiśniowym  
Kukuleczka zakukała,  
Gospodarza przebudzała:  
"Gospodarzu, wstańcie, wstańcie,  
Do bydlątek zagląдајcie...";

(МААЕ, t. 3, cz. 2, стр. 183)

в украинской колядке:

«А ластівочка прилітає,  
Сподарейка пробуджає;  
"Ой устань, устань сподарейку,  
Побуди свою челядоньку..."»

(Я. Ф. Головацкий, т. 3, стр. 11, № 14)

в белорусской колядке:

«Чи не ластоўка в окно бьетца,  
Чи не гасподаря побуджаец:  
"Устань, устань, пане гасподару,  
Устань, устань ранюсенько  
И умыйся белюсенько..."»<sup>37</sup>

Зачины рассмотренных двух групп (вопросные и императивные вступительные формулы) характерны прежде всего для обрядовой поэзии. Следующую — весьма многочисленную — группу составляют зачины, свойственные и лирической песне. Речь идет о формулах зачинов с *обстоятельств места*.

Сравни следующие польские примеры:

«Na śród dworu jawor stoi,  
Na jaworze złota rżęsa...»  
(Z. Gloger, сmp. 55, N 107)

«Hej, tam na morzu czerwonym  
Rybacy siatki rzucają...»  
(Z. Gloger, сmp. 16, N 27)

«Przede wroty złoty kamień  
Nadobna Marysia stoi na niem...»  
(T. Świątek, сmp. 84, N 16)

польских песен.

Последовательно выдержанная традиция (внутри большой группы славянских песен) начинать изображение лирической ситуации с неперемногого указания на место действия наталкивает на мысль о связи зачинов этого типа с широко известным всем славянам (но значительно разрушенным) приемом — начинать песню со «ступенчатого сужения образа»<sup>38</sup>.

Многоступенчатые зачины, — медленно приближающиеся к центральному образу песни, — в высшей степени присущи величальным песням (в том числе и колядкам). Но в польском материале они встречаются редко. Пример такого «ступенчатого сужения» сохранился в некоторых колядках с мотивом «девушка

<sup>37</sup> П. А. Бессонов. Белорусские песни. М., 1871, стр. 8, № 7 (далее: П. А. Бессонов).

<sup>38</sup> Б. Соколов. Эскурсы в область поэтики русского фольклора. «Художественный фольклор», вып. 1. М., 1926.



одаривает яблоками сначала родных, затем своего милого» (измененный вариант славянского мотива «Лепший милый, як цала родина»):

«Oj na gumieneczku rośnie jabłoneczka — Hej leluja!  
Na tej jabłoneczce — złote gałązeczki,  
Na tych gałązeczkach — złociste listeczki,  
A między listkami — złociste kwiateczki,  
A na tych kwiateczkach — złociste jabłuszka...»

(O. Kolberg, t. 44, cz. 1, стр. 71, N 9)

Изучив прием «ступенчатого сужения образа», Б. Соколов отметил, что «своей художественной функцией он имеет выявление *конечного* образа, стоящего на самой узкой, нижней ступени ряда, с целью фиксации на нем наибольшего внимания»<sup>39</sup>.

Значительный по объему и хорошо сохранившийся материал подобных зачинных формул удержался в украинском, белорусском и русском фольклоре. Здесь количество «ступеней» нередко достигает 8—10.

Приведем пример зачина украинской колядки:

«Ой в ліску, в ліску на жовтім піску,  
Стоїт деревце тонке-високе,  
Тонке-високе, в листу широке,  
В листу широке, вверху кудреве,  
А в тих кудреців сив сокіл сидит,  
Сив сокіл сидит, далеко видіт,  
Далеко видіт — на тихий Дунай,  
На тім Дунаю корабель плаве,  
А в тім кораблю — золотий стільчик,  
На том стільчику — гречная пані...»<sup>40</sup>

Здесь важно не только соположение ряда однотипных объектов, из которых последний оказывается наиболее значимым, но и впечатление движения (приближение к предмету по ступеням, издали вплотную, скажем: сад — лужок — дерево — ветви — птица среди ветвей и т. д.).

Сопоставляя русские величальные обрядовые песни с игровыми, Н. П. Колпакова отметила, что в игровых обычно сразу приступают к изображению конкретного действия и развитию основной темы. В величальных же песнях подходят к основному сюжетному мотиву не прямо, не посредственно, а с вступлениями и предисловиями, как бы задерживаясь на подступах к главной теме. «Прежде, чем сказать о шатре невесты,— говорит Н. П. Колпакова о русских свадебных величаниях,— песня рас-

<sup>39</sup> Б. Соколов. Экскурсы в область поэтики русского фольклора. «Художественный фольклор», вып. 1. М., 1926.

<sup>40</sup> В. Гнатюк. Колядки і щедрівки. Львів, 1914, т. 2, стр. 209, № 276-А (далее: В. Гнатюк).

сказывает, как «далече во чистом поле, далеко в стороне, высоко на горе стояла береза коренистенькая, по корню кривелистенькая, посередке суковатенькая, по вершине кудреватенькая» и что именно под этой березкой и сидела невеста»<sup>41</sup>.

Разложение этого красочного многоступенчатого зачина было, видимо, связано с *сокращением* количества ступеней, которое постепенно уменьшалось (до двух-трех).

Материал украинских и белорусских колядок дает возможность иногда вполне наглядно проследить процесс такого сокращения.

Сравни, например, ряд белорусских колядных зачинов:

волочebный — «У чистом поли овес порос,  
А у тым оусе камінь ляжыць,  
На камени голубь сядзіць,  
Туды й ехау сличны паніч...»

(П. В. Шейн, 1874, стр. 111, № 156)

колядный — «В чисценьком поли грушенька стон,  
Под тэй грушенькой малеване ложе,  
На той же ложні панічок гожий...»

(П. В. Шейн, 1887, стр. 63, № 46)

волочebный — «А ў ляску, ляску на жовтым пяску,  
На жовтым пяску, на долині церкву рубілі...»<sup>42</sup>

колядный — «Вой под лесом да под высоким  
Ой там ходзіць стадо коней...»;

(П. В. Шейн, 1887, стр. 75, № 66)

колядный — «У поле, у поле конікі ходзяць,  
З тых коней да адзін конік...»

(П. В. Шейн, 1887, стр. 102, № 149)

Уменьшение многоступенчатости в зачинах постепенно привело к перерождению приема «сужения», который в конце концов дал новую формулу зачина — начало с обстоятельств места. Так образовалась одна из наиболее популярных групп колядных зачинных формул.

Характерной особенностью зачинов польских коленд является то, что часто перед традиционным указанием на место, где предстоит развиваться действию, появляется как бы приговор участников обряда колядования — «а wiemy ty, wiemy...»:

«А wiemy ty, wiemy winny ogrojec,  
W tym ogrojcu, w tym ogrojcu — winna jabłojec,  
Tam nam jabłón biało kwitnęła...»

(J. Świątek, стр. 82, N 14)

<sup>41</sup> Н. П. Колпакова. Русская народная бытовая песня. Л., 1962, стр. 196.

<sup>42</sup> Е. Р. Романов. Белорусский сборник. Киев, 1885—1912, вып. 1—7, стр. 450, № 2 (далее: Е. Р. Романов).

«A wiem ci ja to, wiem jedną chałupeczkę,  
A w tej chałupeczce jest dwa okieneczka.  
Przy jednym okienku łóżeczko usłane,  
Przy drugim okienku — dziewczyna kochana...»

(Z. Gloger, стр. 15, N 25)

Таким образом, мы отметили четыре основные группы колядных зачинов, характерных для всех трех национальных фольклорных традиций: *вопросительные* зачины, внутри которых различаются формулы общего вопроса («Czyja to roliczka?...») и формулы обрядового вопроса («Czy jest sam pan w domu?...»); к последним примыкают так называемые *императивные* зачины; затем формулы «*ступенчатого сужения*» и наконец, *обстоятельные* зачины с указанием на место действия.

Особое место в польской колядной песенности занимает группа зачинов, непосредственно *констатирующих* образ (по нашей терминологии — «нулевых»). Она отличается отсутствием какого бы то ни было «разбега», «подхода к образу» и с первых же строк сразу формулирует главный объект песенного изображения.

Сравни, например, зачины польских коляд:

«Nasz Jasieńko jedzie,  
Stado koni wiedzie...»

(O. Kolberg, t. 18, cz. 1, стр. 112, N 162)

«Nadobna panienska w okienku siadała,  
W okienku siadała, złotem wysywała,  
(J. Kopopka, стр. 191, N 15)

«Nadobna Marysia pawiki pasala...»  
(J. Świątek, стр. 83, N 15)

Значительный удельный вес «нулевых» зачинов свидетельствует об общей тенденции польского обрядового фольклора к сближению с формой и стилистикой лирической и танцевальной (краковяковой) короткой песни.

В украинском и белорусском материале, кроме констатации конкретного образа, распространены формулы зачинов типа: «А у нашого пана є» [суть] то-то и то-то:

«У нашого пана господарейка  
Є красно в нього у дворі его...»<sup>43</sup>

«Ой у нашої господиненьки  
Стоять убори на три комори...»

(В. Гнатюк, т. I, стр. 223, № 217А)

<sup>43</sup> П. П. Чубинский. Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1871—1872, т. 3, стр. 433, № 171 (далее: П. П. Чубинский).

Мы позволили себе довольно подробно остановиться на формулах зачинов польской колядной песенности (сопоставив их с зачинами украинских и белорусских коляд) в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, в вопросе выяснения композиционных и стилистических особенностей любого жанра (или разновидности жанра) мы придаем особое значение изучению формул вступления и формул заключения. Во-вторых, колядный материал позволяет в достаточной степени определенно рассмотреть лишь *зачинные* формулы (что мы и попытались сделать), выявить же какие-либо закономерности в способах завершения представляет гораздо большие трудности и это связано с конкретными причинами, о которых мы скажем ниже.

Теперь несколько слов следует сказать о характере развития самого колядного *эпизода*. После того, как главный образ сформулирован в зачине, происходит развитие его в определенной сюжетной ситуации. Так же, как в лирических песнях, сюжет в колядках не составляет основы содержания. Он служит лишь для передачи коллективных эмоций, связанных с пожеланием изобилия и добра (часто — в символических образах), и, кроме того, эти эмоции призваны проявляться в картинах *идеально* представленного мира.

Вот пример наиболее распространенной польской «господской» колядки (известно около 10-ти ее вариантов):

«Hej nam, hej!  
A na onej roli złoty plużek stoi...  
...A za owym plużkiem sam Pan Jezus chodzi,  
Najświętsza Panienska śniadanko nosiła,  
Śniadanko nosiła, cseǳcia im życzyła:  
"A dajże tu, Boże, wselakie zboże,  
Miedziane ździebła a złote kłosy,  
A będą tu zeńcarze — sami młodzieńcarze,  
A będzie tu zeńcarek — samych panienek,  
A będzie tu snopia — jako descu kropia,  
A będzie tu kopecek — jak na niebie gwiazdecek"»

(O. Kolberg, t. 5, cz. 1, стр. 236, №46)

Как видим, особенностью содержания колядных песен является то, что чаще всего приходится иметь дело лишь с едва уловимой сюжетной ситуацией, которая в целом лишена черт конфликтности и событийности. Вообще можно отметить, что по сравнению с обрядовым репертуаром южных славян, где заметно преобладание эпического изображения событий, в колядной поэзии западных и восточных славян мы сталкиваемся наоборот — с чисто *описательной* изобразительностью и максимально ослабленной глагольностью (событийностью). Поэтому существует известная условность в разделении композиции польских коляд на описательную и повествовательную разновидности.

Группа колядных песен, характеризующаяся преобладанием повествовательных моментов, представлена ограниченным кругом сюжетных ситуаций. Таковы, например, широко известные и в фольклоре других славян колядные эпизоды:

а) «Девушка собирает павлиньи перья, вьет себе венок: ветер срывает его и уносит в Дунай; девушка просит рыбаков выловить его и обещает в награду одному — золотой перстень, другому — венок, третьему — себя в жены»<sup>44</sup>.

б) «Девушка собирает золотую ряску и просит золотых дел мастера сделать ей украшения»<sup>45</sup>.

в) «Молодец целится в птицу (змею, оленя), но та просит пощадить ее и предлагает свои услуги в предстоящей женитьбе...»<sup>46</sup> и ряд др.

Сюжетной линии колядных эпизодов этого типа свойственно относительно последовательное развитие определенных повествовательных частей. Вот, например, отрывок польской колядки:

«...I uwila pawi wieniec,  
Przyszpiliła do swej główki.  
Skąd się wzięły bujne wiatry,  
I zerwała pawi wieniec.

<sup>44</sup> Польские тексты этого типа: *J. Konopka*, стр. 92; *Z. Gloger*, t. 1, N 19; *O. Kolberg*, t. 5, cz. 1, стр. 233; *М. А. А. Е.*, t. 3, стр. 190—191; «*Lud*», t. XI, стр. 53; *J. Świętek*, стр. 83; *St. Dworakowski*. *Kultura społeczna ludu wiejskiego na Mazowszu nad Narwią*. Białystok, 1964, стр. 90—91 (далее: *St. Dworakowski*).

Украинские: *Я. Ф. Головацкий*, т. 2, стр. 35, № 22; стр. 91, № 30, т. 3, стр. 83, № 30; стр. 94, № 41; стр. 106, № 2; *П. П. Чубинский*, т. 3, стр. 300—305, № 37 (А, В, Г, Д, Е, И, Л, М); стр. 409, № 137; *В. Гнатюк*, т. 2, стр. 167, № 257 (А—К); *В. Шухевич*, т. 4, стр. 127, № 35; стр. 107, № 7; стр. 110, № 11; стр. 120, № 26.

Белорусские: *П. В. Шейн*, 1874, стр. 115, № 163; стр. 116—117, № 164; стр. 113—114, № 160; *П. А. Бессонов*, стр. 18, № 27; *М. Federowski*, т. 5, стр. 664, № 1557; стр. 672—673, № 1571.

<sup>45</sup> Польские: *Z. Pauli*. *Pieśni ludu polskiego w Calicji*. Lwów, 1838, стр. 5; *Z. Gloger*, стр. 55, N 107.

Украинские: *Я. Ф. Головацкий*, т. 2, стр. 88, № 26; стр. 614, № 56; т. 3, стр. 67, № 6; *В. Гнатюк*, т. 2, стр. 163, № 256 (А—К); *П. П. Чубинский*, т. 3, стр. 391, № 117; стр. 394, № 123; стр. 404, № 130; стр. 471, № 40; стр. 474, № 48; *В. Шухевич*, стр. 69, № 1; стр. 109, № 9; стр. 113, № 15; стр. 70, № 2.

Белорусские: *П. В. Шейн*, 1887, стр. 87, № 88; *П. В. Шейн*, 1874, стр. 101—102, № 148; *П. А. Бессонов*, 74, № 116; стр. 14, № 17; стр. 15, № 19; *Е. Р. Романов*, вып. 7, стр. 24, № 4; *М. Federowski*, стр. 662, № 1555; стр. 678, № 1587; стр. 664, № 1557.

<sup>46</sup> Польские: *Z. Gloger*, стр. 16, N 26; *St. Dworakowski*, стр. 93.

Украинские: *Я. Ф. Головацкий*, т. 2, стр. 11, № 60; стр. 68; № 22; т. 3, стр. 39, № 8; стр. 59, № 34; *П. П. Чубинский*, стр. 440, № 4; стр. 419, № 147; стр. 465, № 29А; *В. Гнатюк*, т. 2, стр. 23, № 175; стр. 27, № 176 (А—Б).

Белорусские: *П. В. Шейн*, 1874, стр. 102—103, № 149; стр. 107—108, № 154; *П. А. Бессонов*, стр. 10—11, № 11; стр. 11, № 12; стр. 12, № 13; стр. 12—13, № 14; стр. 72, № 113; *М. Federowski*, стр. 664—665, № 1558; стр. 669, № 1566; стр. 676, № 1581.

Ciekła-biegła kraj Dunaju,  
Napotkała trzech rybaczków...»

(Z. Gloger, t. 1, N 19)

Однако мы не случайно говорили об известной условности в разделении повествовательных и описательных эпизодов. Нередко они так органично сплавляются в колядке, что трудно говорить о решительном преимуществе одного из типов изображения.

Интересна в этом смысле польская колядка:

«...I wyjechał, i wyjechał pod żelazny most,  
Pod tym mostem, pod żelaznym rybka runęła,  
Pod Jasieńkiem, pod nadobnym konia spłoszyła.  
Jak ci się wzion (2 p.) koń siwoń lękać,  
Jak ci się wzieny (2 p.) podkowy brzękać.  
"Nie tak mi żal (2 p.) konia siwonia,  
Jak ci mi żal (2 p.) srebrnych podków,  
A co mi je (2 p.) pan ojciec podkół.  
Na tym koniu, na siwoniu wojsko objeżdżać,  
A nożkami (2 p.) wojsko obiegać,  
A bockami (2 p.) wojsko podpierać,  
A uskami (2 p.) wojsko przesyseć,  
A ockami (2 p.) wojsko przewidzieć,  
A grzywisią (2 p.) wojsko nadkrywać,  
A ogonkiem (2 p.) wojsko obtoczyć...»

(J. Świątek, стр. 82, N 14)

В отличие от сходного украинского примера, здесь смысл сюжетной ситуации несколько нарушен, так как молодец жалеет не так своего лучшего коня, как его серебряные подковы; далее, однако, идет традиционное описание чудесного коня, которое наводит на мысль, что герой оплакивает все же утрату коня, а не его подков.

Несомненно, что на описательном эпизоде здесь сделан основной художественный акцент (частично это связано с функцией завершения, которую в данном случае выполняет описательный эпизод, заканчивающий песню).

Как мы уже отмечали, большая часть колядных эпизодов польского, украинского и белорусского фольклора характеризуется описательной изобразительностью. Песни этого типа (обычно это разновидность коляд-величаний) строятся по принципу изображения красочных картин быта, описания одежды и идеального хозяйственного достатка. В этой особенности сюжетных ситуаций величально-описательного характера проявляется древняя магическая функция обрядовых новогодних песен, которые имели своей задачей не только выразить пожелание хозяину и предсказать изобилие в его хозяйстве, но и самим фактом произнесения обрядовых текстов повлиять на реальное достижение

этого благосостояния (сравни народную веру в магическое воздействие заговоров и заклинаний).

Если в повествовательных колядках развитие содержания было основано на принципе движения сюжетных (событийных) действий, то в описательных величаниях заметна большая статичность, для них характерны задержка на отдельных красочных деталях и полное отсутствие активной смены событий.

Сравни польскую колядку для хозяина:

«Hej kolęda, hej nam, hej!  
Czy jest sam pan w doma,  
Czyli jego nie ma?  
Nie ma jego w domu —  
Pojechał do króla,  
Zasiadł w końcu stoła,  
Suknia na nim sobolowa...»

(O. Kolberg, t. 5, стр. 231, N 34)

Интересные наблюдения относительно русского обрядового цикла величаний сделала Н. П. Колпакова. Она пишет: «Композиционные приемы традиционной величальной песни разнообразием не отличаются. Как правило, песни-величания невелики по объему и носят в основном чисто *описательный* характер. Задача их состоит в том, чтобы дать внешний портрет или характеристики внутренних качеств героя»<sup>47</sup>.

Описание как доминирующий композиционный способ изложения материала особенно распространен в украинских и белорусских колядных песнях. Здесь мы в изобилии находим длинные ряды описаний, которые почти полностью исключают всякое действие и охватывают лишь круг избранных предметов, символизирующих высшую степень воображаемого богатства:

Приведем пример из украинской колядки для хозяйки:

«...Прийшли ж до неї трої гостеньки,  
Принесли єї три подарочки:  
Єдин подарок — хуста шовкова,  
Другий подарок — кований пояс,  
Третій подарок — золотий перстень;  
Хустка шовкова — на білу шію,  
Кований пояс та на лядвоньки,  
Золотий перстень — на білий пальчик».

(Я. Ф. Головацкий, т. 2, стр. 48, № 14)

Наконец, третью группу колядных эпизодов составляют те песни, которые основаны на принципе построения диалогической речи (*вопросно-ответная* структура). Примеров этого типа в польском материале очень немного и обычно это эпизоды, замет-

<sup>47</sup> Н. П. Колпакова. Русская народная бытовая песня. Л., 1962, стр. 96.

но отличающиеся характером своего содержания от традиционной колядной сюжетной системы. В них сохранились элементы игрового фольклора.

Вот отрывок из польской колядки этого типа:

- «...I wysyła dwie chustecki —  
Jedną sobie, drugą tobie.  
— Nadobna Marysiu, gdzież ich będziesz prała?  
— Na syrokim stawie, na dębowej ławie.  
— Nadobna Marysiu, gdzie ich będziesz krajić?  
— Pód cyjimsi plotem jest to kólik złoty.  
— Nadobna Marysiu, gdzie ich będziesz suszyć?  
— Na wysoki górze, na jedwadnym snurze,  
— Nadobna Marysiu, gdzie będziesz wálkować?...»

(«Wisła», t. 2, стр. 117—118)

В украинских колядках эпизоды сходного типа часто употребляются как «общие места» при описании особенностей одежды героя (его рубашки, шубы). Сравни, например, отрывок украинской колядки: «Его кошулька як біль біленька.— Де в'на золе-на? — В нових зольницях.— Де вона прана? — Края Дуная.— Де в'на кручена? — В коні в копитах.— Де в'на сушена? — В тура на розех.— Де в'на точена? — В новом дворе...» и т. д.<sup>48</sup>

Подобным же образом построены эпизоды колядок с широко известным в славянском фольклоре мотивом «Загадывание загадок». Основная часть эпизода здесь оформлена в виде вопросов-ответов. Вот отрывок польской колядки: «...Cóż to rośnie, korzenia nie ma? — Kamienie rośnie, korzenia nie ma.— Cóż to szumi, wiatru nie ma? — Woda szumi, wiatru nie ma.— Cóż to kwitnie, kwiatu nie ma! — Liczko kwitnie, kwiatu nie ma!»<sup>49</sup>. У З. Глогера такая же песня записана как собутковая<sup>50</sup>.

Загадки обычно ограничиваются традиционной троичностью, но в белорусском материале число их нередко достигает 5—7<sup>51</sup>. Вообще сюжет с загадыванием загадок, широко известный в сказочной прозе, бытует и в песнях почти всех славян. Трудно, однако, усмотреть в нем какое бы то ни было специальное обрядовое значение.

Таковы типы колядных эпизодов, выделенные нами по способу поэтического изображения. Описательный тип, как мы уже отмечали, явно преобладает над остальными.

В заключение несколько слов следует сказать о способах *завершения* польских колядных песен. Проблема завершения художественного целого считается одной из существеннейших в тео-

<sup>48</sup> Я. Ф. Головацкий, т. 3, стр. 116, № 3.

<sup>49</sup> P. Caraman, стр. 216.

<sup>50</sup> Z. Gloger, стр. 31, N 53.

<sup>51</sup> M. Federowski, стр. 663, N 1556.



рии жанра, «ибо распадение отдельных искусств на жанры в значительной степени определяется именно типами завершения целого произведения»<sup>52</sup>. Однако практически вопрос этот почти не затрагивался в фольклорных исследованиях<sup>53</sup>. Если в эпических жанрах проблема завершения связана с характером сюжетной развязки (конфликтного разрешения), то в лирических жанрах и особенно в обрядовой поэзии, где сюжетная линия лишь слабо намечена, в качестве такого завершения выступают определенные песенные формулы, особым образом акцентированные. Вообще для лирических жанров вопрос завершения часто связан с проблемой *акцента* в системе песенного целого.

Так, в колядках для молодежи, содержащих преимущественно брачные мотивы, основной образ, передающий эту главную идею — пожелание счастливого брака, — помещен в самом конце песни:

«...Komuż ona dała te złote jabluszka?  
Jednoż ona dała swemu panu ojcu,  
Drugie ona dała swojej pani matce,  
Trzecie ona dała swemu panu bratu,  
Czwarte ona dała swojej pani siostrze,  
Piąte ona dała temu, co kochała,  
Piąte ona dała, komu rozumiała».

(Z. Gloger, стр. 55, N 106)

Можно сравнить с этим отрывком характерный колядный эпизод, где молодец посылает четырех соколов в четыре стороны: первый приносит своему хозяину пару голубей на завтрак, второй приносит пару петухов — на обед, третий — пару зайцев на ужин, а последний приносит красную панну своему хозяину в жены<sup>54</sup>.

Акцентирование конечного элемента обычно достигается в этих случаях тем, что он появляется не сам по себе, а после известного набора других элементов; «одно среди много совсем другое значит, чем одно само по себе»<sup>55</sup>.

Таким образом, здесь мы имеем дело с приемом *перечисления*, причем последний элемент ряда известным образом акцентирован.

Сравни окончания польской колядки:

«...Oj moiż wy rybaczkanie,  
Zarzućcie jedwabny niewód,  
Wyciągnijcie pawie wieniec».

<sup>52</sup> П. Н. Медведев. Формальный метод в литературоведении. Л., 1928, стр. 175, 176.

<sup>53</sup> Необходимо отметить, что вопросу о вступительных и заключительных формулах белорусской фантастической сказки было уделено внимание в докторской диссертации Л. Г. Барага (см.: Л. Г. Барага. Взаимосвязи и национальное своеобразие восточнославянских народных сказок. М., 1968).

<sup>54</sup> «Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej», t. 9. Kraków, стр. 8—9.

<sup>55</sup> Г. Д. Гачев, стр. 48.

- Cóż nam będzie za nagroda,  
Za nagroda od niewoda?
- A pierwszemu — pawi wieniec,
- A drugiemu — złoty pierścień,
- A trzeciemu — sama młoda,  
Sama młoda, jak jagoda».

(Z. Gloger, стр. 12, N 19)

Таким же образом оформляется песенная логика завершения и в кумулятивных песнях цикла «Лепший милый, як цала родина», где основное содержание — предпочтение милого (милой) — прослеживается через этапы однородных перечислений, оканчивающихся последним, главным художественным элементом (образом милого).

Особую группу заключительных формул составляют окончания коляд, основанные на следующем принципе: называется предмет (полученный в качестве дара или при каких-либо чудесных обстоятельствах) и затем указывается его назначение. Так, в старой польской колядке, записанной еще Зорианом Доленгой-Ходаковским, изображена погоня за чудесным туром с золотыми рожками. В заключении песни в вопросно-ответной форме указывается назначение этих чудесных рожек:

- «...Cóż na tych rożkach wieszać będziemy?
- Rysie, sobole, przepyszne stroje,
- Nahajczkę i szabeleczkę».

(Z. Gloger, стр. 7—8, N 2)

Кроме того, существует группа польских коляд, связанная с образом золотого зерна (или золотого пласта земли, вырытого чудесными быками с золотыми рожками), которое относят к золотых дел мастеру и просят отлить золотую чашу; далее следует традиционный вопрос о ее назначении: «Któż ta z niego pijał będzie? — Sam Pan Jezus ze świętymi, Najświętsza Panna z niewiastami»<sup>56</sup>.

В польском материале эту группу составляют всего 6—7 примеров. Но она представляет интерес при сопоставлении с типами завершения колядок ближайших соседей — украинцев и белорусов. Дело в том, что здесь мы находим очень своеобразный — и исключительно широко бытующий — прием завершения, при котором художественный материал оказывается организованным в виде *перечисления* ряда объектов с последующим указанием на *назначение* каждого из них.

В этом отношении характерно окончание белорусской колядки:

<sup>56</sup> Z. Gloger, стр. 55, N 107; Ź. Pauli, стр. 5; J. Konopka, стр. 98; O. Kolberg, t. 5, cz. 1, стр. 237, N 47; он же, t. 16, стр. 109—110, N 9; МААЕ. т. 3, стр. 183.

«...Перад им стаиць да чатыры купки,  
 Поливаненьких наливаненьких:  
 Во одним купку — зеляно вино,  
 У другим купку — солодок мядок,  
 В третьем купку — пшанишное пиво,  
 У чатвертым купку — горкая гарелка.  
 Зеляно вино — ли самого пана,  
 Солодок мядок — ли жаны яго,  
 Пшанишное пиво — ли дзяцей яго,  
 Горкая гарелка — ли челядуньки».

(Е. Р. Романов, вып. 1, стр. 453, № 6)

Условно структуру этого приема можно изобразить следующим образом:

Есть — А;	А — для X
Есть — В;	В — для X'
Есть — С;	С — для X''.

Организованный таким образом художественный материал производит впечатление отдельного описательного звена, характеризующегося большой внутренней спаянностью и законченностью. Поэтому он так удобен в роли традиционного устойчивого завершения в развитии всего эпизода.

Прием такого внутреннего сцепления всех перечисляемых элементов дает возможность строить длинные описательные ряды, на основе которых развивается целостный, внутренне спаянный заключительный эпизод.

Вот, например, окончание украинской колядки:

«..Кобись мя видів рано в неділю,  
 Як стане мати мене вбирати:  
 Ой на ноженьки — жовті чобітки.  
 А на лядвоньки — кований пояс,  
 А на плеченьки — пять чемерочок,  
 А на пальчики — срібне перстенці,  
 На головоньку — перлову тканку.  
 Жовті чобітки — здробна ступають,  
 Кований пояс — лядвоньки ломить,  
 Пять чемерочок — плечи мі стискать,  
 Срібні перстенці — пальчики світять,  
 Перлова ткайка — головку клонить».

(Я. Ф. Головацкий, т. 2, стр. 86, № 23)

Идентичный тип завершения находим и в некоторых болгарских колядках. Сравни, например, окончание колядки: «Първа река — жълто жито, втора река — ройно вино, третя река — прясно мляко. Жълто жито — по орачи, ройно вино — по лозари, прясно мляко — по овчари»<sup>57</sup>.

<sup>57</sup> «Българско народно творчество», т. 5, стр. 81.

Таким образом, эта широко известная в славянских колядках формула завершения нередко содержит в себе три составных элемента:

- а) прием перечисления ряда объектов,
- б) указание на их назначение,
- в) акцентирование последнего элемента перечисления.

В польском материале, как уже указывалось, находим лишь отдельные примеры проявления этих общеславянских тенденций в организации заключительных колядных формул (были названы прием перечисления с акцентированным заключительным членом и окончания с названиями предметов и последующим указанием на их назначение).

Вообще следует признать, что принцип перечисления лежит в основе большинства польских календарно-обрядовых песен и выполняет разные функции (ср. перечисления в зачинах при «сужении образа», перечисления предметов одежды в кумулятивных песнях и т. д.). Простое перечисление ряда объектов иногда служит и для завершения колядки. Таково окончание старой польской колядки, обнаруженной в сборнике 1544 г.:

«...Poślimyż ji do króla,  
Iż wysłuży dwa konia,  
I dwa konia, dwie siedle,  
I dwie siedle, dwie drzewcy,  
I dwie drzewcy, dwie tarczy,  
I dwie tarczy, dwa miecza,  
Dwa miecza, dwie ostrodze,  
Dwie ostrodze, dwa bicza».

(А. Ромбовски, стр. 23—24)

В свое время мы уже отмечали, что многообразные колядные зачины более поддаются систематизации и описанию, нежели заключительные формулы, типы которых выражены неясно. Кроме общепризнанного факта, что начала фольклорных произведений сохраняются значительно лучше, чем завершения, — существует и другая причина, объясняющая разрушенность, нечеткость заключительных колядных формул. Она кроется в особой связи колядок со структурой обряда. Колядование у всех славян происходило строго определенным образом:

а) Приближаясь к дому, колядующие исполняли сначала так называемые «надворные» или «оконные» песни, в которых содержится обращение к хозяину и просьба разрешить колядовать в его доме, — это общие или вступительные колядки, не имеющие специального обрядового сюжета.

б) После того, как разрешение получено, колядующие входят в избу и начинают колядовать, обращаясь с особыми песнями ко всем членам семьи (для русского материала, как мы уже отмечали, такая «индивидуализация» не характерна).

в) В заключение исполнялись короткие веселые песенки, называемые «поколядьо» или «повіншованем» (иногда «подякой»), которые содержали просьбу о награде за колядование или благодарственные формулы за полученные дары.

Разрушение строгой трехступенности в структуре обряда привело к тому, что «надворные» колядки в основной своей массе исчезли и сохранились лишь частично в зачинах в виде краткого традиционного вопроса: «Чи спиш, газдо, ой, ци ти чуэш?...» А заключительные припевки стали исполняться сразу же за колядным эпизодом безо всякого перерыва, непосредственно к нему примыкая (хотя с сюжетным эпизодом колядки они никак не соотносились).

Поэтому иногда достаточно было присоединить стереотипную заключительную формулу даже к неоконченной или разрушенной песне — как колядка приобретала в глазах исполнителей вполне законченный вид.

Интересна в этом смысле польская колядка, где песенный эпизод почти вовсе исчез, сохранив лишь заключительную шутовую часть:

«Stoi w okieneczku w rucianym wianeczku,  
Pięknie ucesana, wstążeczką ubrana.

Hej nam, hej! Mój wianeczku, kwiecie zielony!

Już ci ona stąpa, klucykami brząka,  
Już ci ona dla nas pieniążków szuka.

Jedne — na gorzałkę, nalejemy w pałkę.

A drugie — na piwo, będziemy pić żywo.

Trzecie — na łowechy, dla nasze pociechy».

(O. Kolberg, t. 44, cz. 1, стр. 74—75, N 12)

Таких заключительных приговоров существует множество. Они могут присоединяться к колядкам любого содержания и группируются лишь по своему назначению, как «последения колядок для хозяина», — для хозяйки, для девушки, для парня.

В связи с тем, что эти заключительные «последения» могли заменять забытую концовку самой колядки, формулы песенного завершения не сохранились так, как это было с зачинами. Тем не менее, в ряде случаев можно проследить специфические приемы завершения польской колядной песенности, что мы и попытались сделать в настоящей работе.

Итак, проанализировав всю основную массу сохранившихся текстов обрядовых польских коляд и сопоставив их с материалом соседних восточнославянских народов, мы можем теперь суммировать некоторые наши наблюдения.

1. В польской колядной песенности существует значительная группа специфических песен, посвященная преимущественно девушкам и основанная на особом типе композиции, которую мы

назвали условно типом «ubiegania dziewczyny» (так как все содержание их ограничивается перечислением предметов нарядной одежды). Колядки этого типа настолько преобладают среди сохранившихся немногочисленных обрядовых колядных текстов, что влияние их легко распространяется и на колядные песни другого типа (скажем, на «господарские» колядки). Сходных параллелей в колядном репертуаре других славян не находим. Однако бросается в глаза, что структура *композиции* коляд этого типа широко известна в обрядовом фольклоре большинства славянских народов. После сопоставительного анализа польских коляд с кумулятивными обрядовыми песнями (хороводными, свадебными, колядными, волочечными) украинцев и белорусов подтвердился тезис об общеславянских корнях польской специфической группы колядок типа «ubiegania».

2. Композицию польских колядок некумулятивного типа мы сочли целесообразным рассмотреть, учитывая особенности структуры вступительных и заключительных формул, а также — характера колядного эпизода.

Несмотря на значительно разрушенное состояние и малочисленность польских текстов этого типа, нам удалось — при сопоставлении со сходным материалом соседних славянских народов — восстановить общую славянскую традицию польских колядных песен. Это особенно наглядно прослеживается на материале колядных зачинных формул, которые сохранили традиционные черты обрядовых песенных вступлений.

В заключение следует напомнить, что в настоящей статье мы пытались решить проблему восстановления утраченной поляками некогда богатой колядной обрядовой песенности (которая, как отмечалось, почти полностью была заменена религиозными колендами), используя лишь композиционный анализ исследуемого материала. Для того, чтобы получить более полные и убедительные данные, надо провести такую же работу в плане широкого сюжетного сопоставления избранного материала с учетом особенностей системы обрядовой славянской символики.

## О МУЗЫКАЛЬНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ПЕСНЯХ ЮЖНОЙ РОССИИ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ

*С. Н. Кондратьева*

В 1954 г. экспедиция Московской консерватории в составе руководителя экспедиции Л. А. Бачинского, студента консерватории А. Г. Флярковского и автора этих строк обнаружила в селе Курковичи Стародубского района Брянской области песни своеобразного музыкального склада. Последующими экспедициями, которые в 1950—1960-х годах проводились сотрудниками кабинета народной музыки Московской консерватории К. Г. Свитовой и Н. Петровой, был очерчен район бытования песен этого типа. В него вошел юго-западный край Брянской области, примыкающий к Черниговской области Украинской ССР и включающий в себя Стародубский, Новозыбковский, Климовский и Унечский районы.<sup>1</sup>

Музыкальный фольклор данного района свидетельствует об этнической самобытности местного населения. По данным лингвистов, этот район тоже имеет свои особенности. Так, М. Н. Косич отмечала, что в северной части Черниговской губернии (уезды Суражский, Мглинский, Стародубский, Новозыбковский и часть Городнянского) живут так называемые литвины, которые говорят по-белорусски с некоторыми изменениями против белорусского языка. По другим данным (антропологический тип, одежда) север Черниговской губернии, по мнению М. Н. Косич, «отличался и от Малороссии, и от Великороссии» и представлял собой переход от первой к последней<sup>1</sup>. Е. Ф. Карский считал этот район по говору белорусским с чертами южнорусских говоров<sup>2</sup>, а М. Я. Гринблат отмечает, что его следует включить в территорию, на которой формировалась и развивалась белорусская народность<sup>3</sup>. А. И. Рубец, впервые записавший в этих краях календарные песни, истолковал язык местных песен как украинский<sup>4</sup>, но он, по мнению К. В. Квитки, «сознательно укра-

<sup>1</sup> М. Н. Косич. Литвины — белорусы Черниговской губернии. СПб., 1902, стр. 16.

<sup>2</sup> Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I. Варшава, 1903, стр. 20, 199.

<sup>3</sup> М. Я. Гринблат. Белорусы. Минск, 1968, стр. 143.

<sup>4</sup> А. И. Рубец. 216 народных украинских напевов. М., 1872.

инизировал фонетику говоров» северных уездов Черниговской губернии<sup>5</sup>.

Стародубские песни обнаружили неожиданную близость к многоголосным напевам Юго-Западной Болгарии. Сравним две песни: русскую — «Весна, весняночка» и болгарскую из Гостивара — «Кое цевке»<sup>6</sup>.

### ВЕСНА, ВЕСНЯНОЧКА

Пример №1

Быстро  $\text{♩} = 84$

Одна Все

1. Вес\_на, вес\_ня\_ночка, где тво\_я доч\_ка Уль\_я\_ноч\_(чка)у!

2. У\_ля\_ночка... По\_гна\_ла быч\_ну на ле\_де...(чко). У!

### КОЕ ЦЕВКЕ Е НАЙРАНО

Пример №2

Ко\_е цев\_ке е най\_ра\_но, Ла\_за\_ре,

е Ла\_за\_ре и

Рассматриваемые песни близки прежде всего по жанру и функции. Как русский, так и болгарский напевы принадлежат к

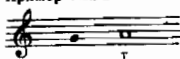
<sup>5</sup> К. В. Квитка. Русальские песни. Рукопись, 1940. Кабинет народной музыки при Московской государственной консерватории, архив К. В. Квитки, № 10/147, стр. 9.

<sup>6</sup> К. Свигова. Народные песни Брянской области. М., 1966, стр. 26. Запись Л. Бачинского, С. Кондратьевой и А. Фляковского в 1954 г. Вторая песня цит. по статье Н. Кауфмана «Die Mehrstimmigkeit in Liedfolklor der Balkanvölker». «Beiträge zur Musikwissenschaft». Berlin. 1967, N 1, N 9. В приведенных нотных примерах имеется некоторая неоднородность редакционных принципов, которая объясняется тем, что примеры взяты из разных источников. Так, в примере № 2 отсутствует обозначение темпа и тактовых размеров (последнее можно осмыслить по существу: свободный речитативный стиль песни не допускает правильной тактировки). Прием глиссандо в пении обозначается неодинаково.



числу песен календарной обрядности (первая — весенняя календарная, вторая — урожайная). Сходство прослеживается и в музыкальном складе песен. Они отличаются особым характером звука — напряженного, звонкого, а также настойчивыми повторами тонов в нижнем голосе, типа бурдона<sup>7</sup>, которые нередко подчеркнуты форшлагами. Следует отметить также одинаковый «гукальный» припев с последующим нисходящим глиссандо. Все эти признаки настолько яркие, что их уже вполне было бы достаточно для удостоверения родства. Но родство прослеживается и дальше. Так, в напевах сходен начальный мелодический оборот: VII натуральная — I ступени

Пример №2 а



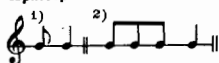
сходен и характерный заключительный ход:

Пример № 2 б



Кроме того, в песнях есть сходство в отношении диапазона<sup>8</sup>, движения и интонационного склада мелодии, а также в ритмике. Своеобразие ритмики состоит прежде всего в синкопических фигурах (пример № 2в. См. также округленные отметки в примерах № 1 и 2).

Пример №2 в



Ритмическая неправильность синкоп еще усиливается тем, что в распеваемых словах безударные слоги приходятся на сильные и относительно сильные доли такта:



<sup>7</sup> Мы употребляем здесь этот термин в значении непрерывно повторяемого звука или выдержанного в нижнем голосе тонического устоя звукоряда, иногда с эпизодическими секундовыми отклонениями.

<sup>8</sup> Квартовый тон звукоряда, имеющийся в рассматриваемой песне «Весна, весняночка» и отсутствующий в болгарской «Кое цвеке», встречается в других многоголосных болгарских песнях данного типа.



гукальным припевом.) У болгар же наблюдаются продолжитель- но выдержанные секунды. Не случайно также у болгар припев- ные возгласы бывают построены на диссонирующем звуке малой септимы, тогда как у русских — на консонирующем октавном тоне. Эти различия внутри сходного имеют важное значение, они связаны со своеобразием исторического развития фольклора двух народов.

Важно, что оригинальные песни рассматриваемого типа, как русские, так и болгарские, представляют неотъемлемые части своих народных культур. В них много признаков, типичных для русского фольклора (в брянских песнях) и болгарского (в юго-запад- но-болгарских). Так, не представляет труда найти среди русских песен прямые аналоги стародубским напевам, для этого можно, например, сравнить приведенную выше «Весну» с напевом обря- довой песни Смоленской области «А мы масленицу дожидаем»<sup>9</sup>.

**А МЫ МАСЛЕНИЦУ ДОЖИДАЕМ**

Пример № 3  
Allegretto scherzando

А мы ма-сле-ни-цу до-жи-да-  
-ем, до-жи да-ем, ду-ше, до-жи-да-ем.

Также и песня «Кое цвеке» по своему ладо-интонационному строю принадлежит к одному из характерных для болгарских песен типу; мелодия ее построена на поступенном спуске от третьей ступени к тоническому устою с опеваниями отдельных тонов<sup>10</sup>.

Следует отметить также, что и стародубские и юго-западно- болгарские песни представляют собой древние пласты в музыкальном фольклоре данных народов. Это проявляется в архаиче- ском многоголосии, в узком диапазоне и «угловатом» рисунке мелодии и особенно ярко в ритмике. В стародубских песнях она неупорядочена, а в многоголосных болгарских — даже аморфна и сильно отличается от большинства болгарских одноголосных песен.

Стародубские и юго-западноболгарские напевы представляют собой наиболее яркий, но не единственный пример родства му- зыкального фольклора русских и болгар. Так, напевы целого

<sup>9</sup> Н. А. Римский-Корсаков. Сто русских народных песен. М.—Л., 1951, стр. 89.

<sup>10</sup> См.: В. Стоин. Народни песни от Сръдна Северна България. София, 1931, №№ 235, 237, 260 и др.; он же. Народни песни от западните покрайнини. София, 1959, №№ 34, 36 и др.; Н. Кауфман и Т. Тодоров. Народни песни от Югозападна България. София, 1967, №№ 4, 12 и др.

ряда южнорусских областей обнаруживают сходство с болгарскими многоголосными песнями. Но если при сравнении песен Стародубья и Гостивара выявляется их близкое родство, характеризующее *комплексом* сходных черт, то в южнорусских песнях имеются уже только отдельные черты сходства с болгарскими. Так, бурдон, «гукальный припев» и особая роль секундового интервала наблюдаются в разных формах в песнях Орловской, Курской и Тульской областей.

Примером бурдонного многоголосия может служить песня из Курской области «Ой, на дворе дождь»<sup>11</sup>.

### ОЙ. НА ДВОРЕ ДОЖДЬ

Пример № 4

$\text{♩} = 92$   
Одна

1. Ой, на дво-ре дождь, дождь не си-лен, не дро-бен.  
Все Ой, ля-ли, ля-ли, де-ля-ли, ля-ли, ля-ли.  
Ой! Ой!

2. Да не си-лен, не дро-бен,  
Ой! не си-тич-ком се-ет.  
Ой, ля-ли, ля-ли, а-ли, ля-ли, ля-ли.  
Ой!

В Курской области нередки песни с бурдоном и с целотонным ладом в объеме увеличенной кварты или увеличенной квинты<sup>12</sup>.

### У ВОРОТ СОСНА ВСКОЛЫХАЛАСЯ

Пример № 5

$\text{♩} = 108$   
Одна

1. (Э) У во-рот со-с'на,  
Все те-п  
У во-рот со-с'на вско-лы-хе-ла-ся.  
Вариация из третьего куплета:

<sup>11</sup> А. Руднева. Народные песни Курской области. М., 1957, стр. 35.

<sup>12</sup> Там же, стр. 67.

В Курской области находим целые гроздья секунд:

Пример № 5а



Пример № 5б



В Брянской области нередко здесь можно встретить многоголосье с секундовыми диссонансами, происходящими от расщепления унисона или, наоборот, от схождения голосов в унисон<sup>13</sup>.

Пример № 6

### КОСТРОМА, КОСТРОМА

♩ = 92

Ко\_стро\_ ма, Ко\_стро\_ ма, го\_су\_ да\_ры\_ня мо\_  
 \_я, Кост\_ро\_ ма! У Кост\_ ро\_ муш\_ки ки\_ сель с мо\_ ло\_  
 \_ком, е\_ ще с при\_ биль\_ ю бли\_ не: с тво\_ ро\_ гом.

Секунды аналогичного характера имеются и в напевах Тульской области<sup>14</sup>. Отметим, что секунды подобного происхождения типичны и для приведенной выше болгарской песни «Кое цвеке».

В Орловской области также нередки песни с бурдоном и с высоким припевным возгласом<sup>15</sup>. «Песни Орловской области относятся к одному из верхнеокских стилей, до сих пор мало изученных, с ярко выявленными чертами большой древности... В стилевом отношении наиболее близки к орловским песни Брянской области. В этом убеждают ... напевы, опубликованные в книжке Л. В. Кулаковского «Искусство села Дорожева». Многие черты роднят орловские песни с курскими и калужскими»<sup>16</sup>.

Наконец, общим для юго-западноболгарских и южнорусских песен является узость диапазона (нередко терция, а также кварта) и нераспетость мелодии (отсутствие распетых слогов).

Несмотря на характерность песенного искусства Южной России, близкого к болгарскому многоголосному искусству, оно является частью великорусской песенной культуры. Не случайно отдельные элементы рассматриваемого нами стиля можно встретить и на далеких окраинах России. Например, многократные

<sup>13</sup> Л. Кулаковский. Искусство села Дорожева. М., 1959, стр. 9.

<sup>14</sup> Например, «У ворот сосна зеленая», запись С. Кондратьевой (не опубликована).

<sup>15</sup> Н. Владыкина-Бачинская. Народные песни Орловской области. М., 1964, стр. 52, 66, 75, 84, 95, 96, 97.

<sup>16</sup> Н. Владыкина-Бачинская. Указ. соч., стр. 12.

повторы тонов в различных голосах в сочетании с частыми секундами нередко в хороводных песнях, в частности в зимних «игрищных» Красноярского края<sup>17</sup>:

**У КЛЮЧА, КЛЮЧА**

Пример №7

*♩ = 94*      *Одна*                                      *Все*

**Живо, динамично**

1. У клю\_ ча, клю\_ ча да у ки\_ пу\_ че\_ го,  
 ай, лю\_ ли, лю\_ ли, да у ки\_ пу\_ че\_ го, да.

2. У ко\_ ло\_ деч\_ на да у глу\_ бо\_ ко\_ го,  
 ай, лю\_ ли, лю\_ ли, да у г\_ лу\_ бо\_ ко\_ го, ой!

Из 4-го куплета:  
 Он не вы\_ ку\_ пал\_ ся, толь\_ ко вы\_ ма\_ рал\_ ся...

Отмеченная выше черта стиля болгарских многоголосных песен — диссонирующая секунда — также составляет примечательную особенность русских песен разных эпох и жанров. Хотя в напевах разного времени, разного назначения, разных районов секунды имеют свои индивидуальные черты, но их общенациональная принадлежность не вызывает сомнения. Возникают секунды в древних песнях, но и в поздних они отнюдь не исчезают. Здесь они приобретают особенно осмысленное, выразительное звучание, нередко трагического характера<sup>18</sup>:

**СПОРОДИЛА МЕНЯ РОДНА МАМОНЬКА**

Пример №8

*♩ = 99*

*Одна*                                      *Двое*                                      *Трое*

1. Спо\_ ро\_ ди\_ ла ме\_ ня род\_ на ма... (я)\_

<sup>17</sup> «Русские народные песни Красноярского края», вып. 2. М., 1962, стр. 84. «У ключа, да у кипучего», песня уроженцев села Троица Пировского района, запись С. Н. Кондратьевой и В. С. Каликина.

<sup>18</sup> Там же, стр. 81. «Спородила меня», запись С. Н. Кондратьевой и В. С. Каликина.



В скорых песнях секунда подчеркивает динамичность действия<sup>19</sup>:

### ГОЛУБЬ СИЗЕНЬКОЙ

Пример №9

$\text{♩} = 144$

Из 5ой строфы:

(Аналогично в 6ой строфе)

Итак, мы отметили непосредственное сходство юго-западно-болгарских песен, исполняемых в стиле бурдонной полифонии, с древними календарными русско-белорусскими напевами, сохранившимися в западной части Брянской области. Мы также про-

<sup>19</sup> С. Кондратьева. Русские народные песни Поморья. М., 1966, стр. 82. «Голубь сизенький, сизокрыленький».

следили более отдаленное сходство с этим стилем в песнях ряда южных областей России и отдельные элементы данного стиля в более поздних русских песнях разных районов России.

Болгарский фольклорист Николай Кауфман, приводя обширный и весьма ценный материал о многоголосной песне на Балканах, считает этот песенный фольклор наследием, оставшимся от фракийского населения<sup>20</sup>. Он высказывает сомнение в существовании древнего самобытного многоголосия у восточных славян. Аргументы Н. Кауфмана таковы: 1) многоголосие отсутствует у большей части болгарского народа; 2) его нет «в северных областях» у восточных славян; 3) оно отсутствует, по его мнению, у казаков-«некрасовцев».

Разберем эти доводы.

Что надо понимать под «северными областями» восточных славян? Русская песня многоголосна и в Архангельской области, и в Ленинградской, и на побережье Белого моря, и в Карелии. Лишь старые записи А. Маслова на Терском берегу Белого моря, относящиеся к 1901 г., содержали большое количество одноголосных напевов. Но и там приводятся некоторые отхождения голосов от унисона, которые, конечно, не могут быть случайными. А главное, А. Маслов стремился собирать в первую очередь былины и духовные стихи<sup>21</sup>, которые из всех фольклорных жанров, исполняемых с напевом, обнаруживают наибольшую тенденцию к одноголосию. Записи же последних лет, осуществленные в этом районе экспедициями Карельского филиала АН СССР<sup>22</sup>, обнаруживают наличие многоголосия в этом краю в жанрах свадебных, кадрильных, хороводных и рекрутских песен.

Так же ошибочно и утверждение об одноголосии песен казаков-«некрасовцев». Недавние наблюдения выявили весьма своеобразное многоголосие у этой группы населения<sup>23</sup>.

Что касается довода Н. Кауфмана об отсутствии многоголосия у большей части болгарского народа, то тут, конечно, нельзя не учитывать роли неславянских элементов в этногенезе болгар.

Наши выводы по поводу черт сходства в болгарской и русской народной музыке можно изложить в нескольких положениях.

1). Факт близкого родства стародубских и юго-западно-болгарских многоголосных напевов указывает на восточно-европейские и восточнославянские связи юго-западноболгарских песен.

<sup>20</sup> Н. Кауфман. Указ. соч., стр. 12—13.

<sup>21</sup> Труды Музыкально-этнографической комиссии, т. I. М., 1906, стр. 14; т. II. М., 1911, стр. 3—4.

<sup>22</sup> Записи Ю. Е. Красовской и Д. М. Балашова в 50-х — 60-х годах.

<sup>23</sup> И. К. Свиридова. Путешествие в прошлое. «Советская музыка», 1964, № 7, стр. 85—89.



2). Как стародубские, так и многоголосные болгарские песни при всем их своеобразии составляют неотъемлемую часть своих народных песенных культур.

3). Они принадлежат к древним пластам болгарского и русского песенного наследия.

4). Если в большей части болгарского фольклора многоголосие отсутствует, то у русского народа многоголосие, наоборот, присутствует повсеместно и достигает особенного развития в поздних жанрах крестьянской песни (поздняя песенная лирика).

5). Не затрагивая здесь вопросов этногенеза (роли фракийцев и других неславянских этнических групп в формировании южных славян), мы предполагаем, что в лице бурдонных песен Стародубья и Юго-Западной Болгарии мы имеем дело с каким-то реликтовым искусством, общим для современного населения Брянской области и Юго-Западной Болгарии. Возможно также, что это искусство обнаруживает черты более широкой общности древнеплеменных многоголосных музыкальных культур земледельческих народов, включая и восточнославянские, и прибалтийские народы (см., например, литовские песни сутартинес, южноэстонские напевы сету и, может быть, даже южнокарельские многоголосные частушки)<sup>24</sup>.

В связи с чем могло возникнуть само бурдонное многоголосие?

Болгарские и русские песни интересующего нас типа выделяются прежде всего особым характером исполнения и звукоизвлечения. Они отличаются чистым, напряженным звучанием, убедительностью интонации, имеющей магическое назначение. Исходя из поэтического текста русских песен этого типа и характера их исполнения, мы можем заключить, что они были связаны с обрядом и имели назначение воздействовать на какие-то силы, от которых, по представлениям певцов, зависел успех в хозяйственных начинаниях. (Призванные воздействовать таким образом на человеческий коллектив, песни, по-видимому, объективно имели мобилизующее значение.)

Функция песен и их образное содержание вызвали к жизни их особый художественный строй, целую систему весьма своеобразных музыкально-поэтических средств. Магическое назначение имело следствием появление таких приемов, как бурдон и заключительный выкрик. С этой точки зрения мы легко можем понять и объяснить и свойственную напевам данного типа напряженность звука, и настойчивые повторы тонов, исполняемые угнетающим портаменто, подчеркнутые форшлагами, и ярко диссонирующие секунды, и, наконец, звенящий выкрик, рассыпающийся «бу-

<sup>24</sup> Элементы общего в календарных песнях южных эстонцев, литовцев и болгар подметил Х. Тампере («Eesti rahvalaule viisidega», I. Tallinn, 1956, стр. 79).

кетом глоссандирующих скольжений»<sup>25</sup>. Нам понятен и тот факт, что бурдон обычно исполняется группой голосов, а основная мелодия — одним голосом. Монотонным плотным унисоном певицы скандируют слоги текста на один и тот же повторяющийся музыкальный тон; на этом фоне особенно выделяется одинокий верхний голос, который звонко выводит, «заклинает» свою мелодию, пока обе партии не сольются в едином порыве заключительного возгласа.

Наше истолкование стародубских песен подкрепляется некоторыми другими данными. Так, в песнях Южной России (сходство которых со стародубскими мы отмечали выше) Н. М. Бачинская видит «большую сжатость звукоряда, предельно тесное расположение голосов», «чрезвычайно интенсивную» ритмическую и интонационную жизнь и «общее впечатление динамичности, активности и жизненной силы»<sup>26</sup>.

В связи с секундовым многоголосием в напевах интересующего нас типа в болгарской фольклористике возникла особая теоретическая проблема. Действительно, в болгарских песнях секунда приобретает самодовлеющее значение, что дало повод фольклористам Болгарии даже счесть ее консонансом<sup>27</sup>. Однако нам кажется, что своеобразное секундовое двухголосие в болгарских песнях еще не дает основания считать музыкальную психологию болгар в корне отличающейся от музыкального мышления других народов. Мы думаем, что и в болгарских песнях секунда — это также диссонанс. Русские обрядовые, лирические, свадебные, хороводные песни, в которых секунда играет заметную роль, позволяют выявить ее ладовую и эстетическую функцию: секунда способствует созданию драматического, трагического или горестного эффекта в протяжных песнях и ощущения динамики, оживления, жизненной силы — в скорых. И в том и в другом случае она выполняет эту роль постольку, поскольку является сильным ладовым противоречием.

Фиксированность секунды в болгарских песнях — длительные остановки на этом интервале, завершение напева на секунде, наблюдаемое даже при передвижении бурдонирующего тона (второй голос при этом перемещается таким образом, чтобы интервал секунды сохранился), — все это вряд ли может изменить функции этого интервала. Анализ роли секундового интервала в заклинательных песнях Стародубья может помочь в осознании происхождения секунд в болгарском музыкальном фольклоре, особенно, если учесть, что и стародубские, и юго-западноболгарские песни, как это отмечалось выше, по-видимому, относятся к

<sup>25</sup> Н. Владыкина-Бачинская. Указ. соч., стр. 13.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> С. Абрашева. Принципи на вертикална организация в български народен двуглас. «Българска музика», 1968, № 2, 3.

древним пластам песенного фольклора данных народов. Можно предполагать, что в связи с древней заклинательной функцией болгарских многоголосных обрядовых песен, в связи с сохранением древних жанров и форм в более поздний период развития юго-западноболгарской народной музыки секунда в ней зафиксировалась и как бы заостенела, приобрела особые, специфические формы своего существования. Она составила одну из господствующих интонаций болгарской музыки, выразив и закрепив средствами музыкального языка историческое своеобразие духовной культуры народа.

В заключение хотелось бы отметить, что гипотеза Н. Кауфмана о фракийском и западном происхождении болгарского многоголосия неправомерно игнорирует восточноевропейские и восточнославянские связи болгарского музыкального фольклора. Так же вряд ли правомерна попытка отрицать древнее русское народное многоголосие. Анализ обнаруживающихся черт общности в фольклоре болгар и русских, в первую очередь южнорусского населения, представляется плодотворным для разработки вопросов формирования фольклора обоих народов, а также выяснения сложных путей их этногенеза.

## О ЗНАЧЕНИИ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ БАЛКАНСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Ю. И. Смирнов

Балканский ареал является одним из тех районов Европы, где этническая чересполосица издавна была важным историческим и историко-культурным фактором. На Балканах имеется много мест со смешанным этническим составом. Даже на краю балканского ареала, в Буджаке (ныне Измаильский р-н Одесской обл.), можно встретить болгар, которые помимо песен на родном языке знают и поют песни на русском и украинском, молдавском и румынском, гагаузском и турецком, иногда и на албанском языках. Постоянное и длительное сожительство разноэтнических элементов и непрерывный обмен культурными ценностями содействовали формированию своеобразного межэтнического феномена — балканской народной культуры. Районы со смешанным этническим составом при этом играли роль ферментов, эпицентров, откуда волнами исходили воспринимаемые культурные ценности.

Общность народных культур балканских народов, однако, до сих пор не показана во всей ее широте и глубине. Исследователи обычно ограничиваются рассмотрением фактов в пределах какого-то одного небольшого фольклорного явления, чаще сюжетного сходства<sup>1</sup>. Более ценны редкие исследования, раскрывающие фольклорные связи неславянского народа со славянами в пределах целого цикла или жанра<sup>2</sup>. Обнаруживаемые при этом схождения лишь условно можно назвать типологическими<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Наиболее интересными в этом плане можно назвать работы: *И. Д. Шишманов*. Песента за мъртвия брат в поезията на балканските народи. «Сборник за народни умотворения» (далее — СбНУ), кн. 13, 1896; кн. 15, 1897; *L. Vargyas*. Forschungen zur Geschichte der Volksballade im Mittelalter. Die Herkunft der ungarischen Ballade von der eingemauerten Frau. «Acta ethnographica», Т. IX, fasc. 1—2. Budapest, 1960.

<sup>2</sup> *P. Caraman*. Obrzęd kołędowania u Słowian i Rumunów. Kraków, 1933; *S. Skendi*. Albanian and South Slavic Oral Epic Poetry. Philadelphia, 1954.

<sup>3</sup> Ср.: *Б. Н. Путилов*. К вопросу об отношениях эпического творчества славян и народов Юго-Восточной Европы. М., 1966; *он же*. Из истории венгерско-славянских фольклорных отношений. «Europa et Hungaria. Congressus Ethnographicus in Hungaria». Budapest, 1965, p. 301—309.

В свете проходивших на Балканах этнических процессов, когда ассимиляция и взаимообогащение духовными ценностями были самыми примечательными явлениями, применение типологического объяснения было бы недооценкой всей сложности и противоречивости процессов сложения народных культур на Балканах и постепенного их сближения.

Здесь особенно хочется подчеркнуть значение славянского фольклора.

Как известно, долгое время славяне были самым многочисленным и наиболее широко расселившимся этносом на Балканах. Примерно с X—XI вв. они постепенно утрачивают свои прежние районы расселения. Первым медленно ассимилируется славянское население в Паннонии (Венгрия) и в Греции (Пелопоннес, затем частично Эпир и Фессалия), а на границах балканского ареала — в Северной Италии и в Австрии. Турецкие нашествия и многовековое иго сузили ареал расселения славян за счет возникновения больших неславянских анклавов в Болгарии, Сербии, Боснии и других землях. Даже на протяжении последних двух столетий славянские поселения исчезли или исчезают, если иметь в виду современные границы балканских государств, в Северной Албании и в Северной Греции, в Адриано-польском районе Турции, в южных районах Румынии, в Косово-Метохии и ряде мест Вардарской Македонии. Подлинные масштабы ассимиляции славян со стороны неславян практически остаются неизвестными. Но очевидно, что ассимиляция славян, чего нельзя сказать о фактах физического уничтожения или изгнания их, не проходила бесследно для ассимиляторов. Славяне играли для них в таких случаях роль этнического субстрата, о чем неоспоримо, но косвенно свидетельствует топонимика тех мест, где славяне уже давно не живут. Вливаясь в ряды новой этнической общности, славяне вносили в нее — сначала как кальки — и свое фольклорное наследие, которое затем получало развитие в новой этнической среде. Это обстоятельство никак нельзя сбрасывать со счетов при рассмотрении фольклорных факторов неславянских народов на Балканах. Наряду с этим, конечно, следует принимать во внимание взаимодействие и взаимообогащение народных культур балканских народов, т. е. факторы, приводящие к их сближению и единению, но не к поглощению одной народной культуры другою.

Таким образом, балканская фольклорная общность может быть представлена и в виде конкретных фольклорных вкладов балканских народов, и в виде общих, единых фольклорных элементов балканских народных культур. Трудности исследования балканской фольклорной общности пока что кажутся непреодолимыми. Языковой барьер, недоступность многих источников, отсутствие многих и надежных указателей материала, отсутствие целевой координации исследований — эти и другие причины

до сих пор сильно сдерживают изучение балканской фольклорной общности, что в свою очередь приводит к значительным лакунам в истории балканских народов, их этногенеза и связей.

Между тем результаты широкого сопоставления больших серий фольклорных фактов славянских и неславянских народов оказываются в том отношении очень интересными. Мы провели такое сопоставление славянских эпических песен с серией румынско-молдавских или, как еще говорят, восточнороманских эпических произведений. Эта серия впервые была переведена на русский язык, добросовестно прокомментирована и издана на высоком текстологическом уровне В. М. Гацаком<sup>4</sup>. Вкратце результаты нашего сопоставления сводятся к следующему.

Всего В. М. Гацак опубликовал немногим более 30 произведений. Из этого числа только шесть песен не дают никаких серьезных переключек со славянским материалом. Это: «Тома Алимош» (Гацак, стр. 244—255, 3 вар.), «Ветер Кривэц<sup>5</sup> и турецкий паша» (стр. 255—262, 2 вар.), две песни с разными сюжетами о Кодряне (стр. 387—388, 390—392)<sup>6</sup>, песни македо-румын об Али-паше из Янины (стр. 412—413) и капитане Кэкэрандзэ (стр. 413).

Напротив, пять произведений сербских и хорватских румын — «Милош Кобилич и Марку Кралович» (Гацак, стр. 394—401), «Груя, сын Новака, и зына»<sup>7</sup> (стр. 402—405, «Новак ведет продавать Грую» (стр. 405—410), «Кралевич Марко и его конь» (стр. 415), «Кралевич Марко и его мать» (стр. 416) — обнаруживают явную генетическую зависимость от южнославянских песен и преданий. К числу столь же очевидных и свежих заимствований нужно отнести также песню «Груя на пахоте» (стр. 337—340) и песню о большом Дойчине (стр. 263—273, 411, 414—415, 3 вар.), что признает и В. М. Гацак (стр. 105, 136—137).

Кроме перечисленных остается еще 17 произведений. Они тоже, частично или полностью, переключаются со славянским материалом. О характере этих переключек можно судить на примере наиболее архаических, по мнению В. М. Гацака, песен. Мы ограничиваемся рассмотрением лишь таких элементов песен,

<sup>4</sup> В. М. Гацак. Восточнороманский героический эпос. Исследование и тексты. М., 1967 (далее — Гацак).

<sup>5</sup> Так румыны и молдаване называют северо-восточный ветер. Любопытно совпадение названия с этнонимом «кривичи». По византийским источникам, в VII в. в районе Добруджи обитали некие «крибизи» или «кробызы», в которых иногда видят кривичей (В. В. Мавродин. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия. «Советская этнография», 1954, № 2).

<sup>6</sup> В их отношении можно действительно говорить о типологических переключках со славянскими песнями.

<sup>7</sup> Любопытно совпадение этого термина сербских румын с «зыной» албанцев. У южных славян аналогичное мифическое женское существо называется «виллой» («самовиллой»), «дивой» («самодивой»), «юдой», очень редко — «русалкой».

которые не мотивированы, не обусловлены самим содержанием. Песня «*Йоргован и дикая дева из-под камня*» (*Гацак*, стр. 222—225, 2 вар.). Имя героя — Йован (Иван, Йоргу) Йоргован — несомненно, южнославянского происхождения. В частности, Йорга — одна из многих производных форм от имени Георгий<sup>8</sup>. Это, конечно, не означает, что и сюжет песни восходит к христианскому житию Георгия Победоносца. Напротив, славянские формы имени намекают на происхождение героя, а форма Йоргован — на последующую его романизацию.

Описание выезда Йоргована с собаками и соколами на охоту принципиально не отличается от соответствующих и частых описаний выездов южнославянских эпических героев. Это описание известно и русскому эпосу, где оно, правда, обычно закреплено за этническим противником — Сокольников, ищущим встречи со своим отцом Ильей Муромцем.

В румынско-молдавском описании выезда, однако, особо выделяется один персонаж со славянскими именными формами: это в зависимости от разумения восточнороманских певцов либо собака по имени Выжла (Вижа, Виша)<sup>9</sup>, Видра<sup>10</sup>, либо выдра по имени Виша. Очевидно, что эта путаница, положившая начало некоторым переосмыслениям в плане героизации собаки или выдры, путаница, напоминающая известную детскую игру в «испорченный телефон», может быть объяснена лишь забвением заимствованного славянского описания. Ср. описание коня Марка Краевича при выезде:

Из зуба му зелен пламен иде,  
Из ноздрва студен витар пири,  
Из очију град и киша најде,  
Из копнт му муъе сијеваше,  
Из ушију громови пуцаше,  
А из гриве бумбул птица пива,  
А на сапу мудра видра игра<sup>11</sup>.

У южных славян нет мотивировки тому, отчего «мудрая выдра» пляшет на крупе богатырского коня. Это обстоятельство, видимо, и пытались компенсировать и переосмыслить восточнороманские певцы. Так как упоминание выдры при выезде героя очень редко встречается в песнях южных славян, а вариации переосмысления образа выдры у румын и молдаван различны, то можно допускать, что заимствование произошло сравнительно давно.

Параллелизм «охота — добывание девушки» чрезвычайно по-

<sup>8</sup> Г. Вайганд. Българските собствени имена. Произход и значение. София, 1926, стр. 23, 24.

<sup>9</sup> Ср. русск. «выжлец» — гончая собака.

<sup>10</sup> Это же славянское слово в языке румын и молдаван значит «выдра».

<sup>11</sup> Халанский, т. II, стр. 286.

пулярен в фольклоре всех славянских народов и представлен огромным количеством текстов<sup>12</sup>. Однако у румынско-молдавской песни имеется отличительная черта: герой охотится на загадочную «дикую деву»<sup>13</sup>. Представления о «дикой деве» у южных славян нам неизвестны. Рассказы о «дикой бабе» бытовали в прошлом среди западных украинцев и поляков, но сюжета, как в песне о Йорговане, у них не было отмечено<sup>14</sup>. Такие сюжеты характерны для болгарских песен о добывании девушки этническим героем, при этом ипостаси девушки совершенно определены:

Молодец отправился в лес на охоту, выстрелил в дерево, из-под корней вышла «змеювница», которая обернулась девушкой<sup>15</sup>.

Молодец заметил в море рыбу и выловил ее, она оказалась девушкой<sup>16</sup>.

Трое суток молодец слушал в лесу пение птицы и по совету коня поймал ее, она оказалась девушкой<sup>17</sup>.

Среди многочисленных болгарских песен на эту тему встречаются и такие, где у девушки показана только одна ипостась — человеческая. Некоторые из них напоминают песню о Йорговане<sup>18</sup>. И тем не менее «дикой девы» болгары не знают.

Поэтому можно допустить два предположения: либо при усвоении славянского текста нечеловеческая ипостась девушки была заменена восточными романцами на смутное представление о «дикой деве»<sup>19</sup>; либо на романской почве произошла накладка, соединение в одной песне неоднородных элементов из различных предшествующих текстов. В пользу второго предположения свидетельствует концовка восточнороманской песни: Йорговану не удалось поймать дикую деву. Эту трактовку в отношении этнического героя славянские певцы не допускают. Только добытую самовилу может утратить этнический герой, притом после нескольких лет супружеской жизни и нередко по вине своих родственников<sup>20</sup>. Для славянских песен обычно пра-

<sup>12</sup> См. примеры: А. А. Потелня. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Колядки и щедровки, т. II. Варшава, 1887, стр. 340 и сл.; 385 и сл.; 398 и сл.

<sup>13</sup> Более поздние вариации об «одичавшей девушке», бесспорно развивающие образ, ключом к разгадке служить не могут.

<sup>14</sup> См. библиографию о «дикой бабе»: Ю. А. Яворский. Памятники галицко-русской народной словесности, вып. I. Киев, 1915, стр. 260.

<sup>15</sup> Преглед, I, № 67 периодические — колядки.

<sup>16</sup> Преглед, I, № 63 периодические — колядки.

<sup>17</sup> Преглед, I, № 441 периодические — лазарские.

<sup>18</sup> Показалец, II, № 848.

<sup>19</sup> В. М. Гацак отмечает: «Песнь не донесла до нас устойчивой и ясной трактовки образа дикой девы» (стр. 34). Кстати, в одном тексте дикая дева награждена неожиданным славянским эпитетом «напрасница» (см. там же).

<sup>20</sup> См. варианты песни «Самовила женой не бывает» (Показалец, II, № 527, 528). Ее сюжет известен и румынам. Подобно дикой деве, самовила тоже обладает способностью обращать человека в камень, правда, в иной сюжетной ситуации (ср. там же, № 525).



вило: этнический герой добывает девушку независимо от ее ипостасей или вопреки им; этнический же противник, даже добыв славянку, утрачивает ее из-за вмешательства этнического героя. Для восточнороманской эпики это правило тоже действительно, кроме песни о Йорговане.

В. М. Гацак, возможно, прав, сближая концовку песни о Йорговане с преданием трансильванских румын о Штефане-воеводе (стр. 38, прим. 14): герой гонится по горам за таинственной девушкой, падает в пропасть и погибает. Предание в свою очередь сопоставимо с уникальной сербской сказкой, где описывается состязание-скачка царевича из неведомого царства за девушкой, которой приписаны атрибуты вилы: он догнал и посадил ее сзади себя на коня, выехал на гору, оглянулся, а девушка исчезла<sup>21</sup>. Как в румынском предании и в песне о Йорговане, так и в сербской сказке имеется недоговоренность. Непонятно, почему певцы не позволяли этническому герою добыть девушку или привезти ее домой. Этот момент требует для своего разъяснения прежде всего поиска новых балканских параллелей.

В целом же песня о Йорговане не производит впечатления архаической, так как в ней угадываются следы предшествующих традиций.

**Песня «Йоргован, река Черна и змей»** (Гацак, стр. 225—230).  
Здесь сразу брасается в глаза описание коня героя и конской сбруи:

Его конек —  
Дегеныш льва,  
Его седлышко —  
Череп змеиный,  
Уздечка —  
Змееныша два:  
Сцепились зубами,  
Связаны хвостами,  
Брошены на луку.  
Подпруга его —  
Две гадюки,  
Сплетенные им (стр. 226).

Ср. коней дивов, «лесных витязей»:  
А под њима добри седам коња,  
То нијесу коњи до кобила,  
Већ сивасти лави из планина,  
А нијесу седла од дрвета,  
Већ од живе и сплетене гује,  
Гуштерима коњи зауздане<sup>22</sup>.

У южных славян описание такой странной сбруи дается тогда, когда певец сообщает о седлании «серого оленя» вилой:

Она язди сураго елена,  
Што е елен, елен шестокрилец,  
Зенгии њ зелени гушцере,

<sup>21</sup> «Дела Вука Караџића. Српске народне приповијетке». Београд, 1969, стр. 147—148.

<sup>22</sup> Халанский, т. II, стр. 198; сходно о коне-льве огненного змея см: Халанский, т. I, стр. 47.

Камджиа и од зелена смока,  
Юзда и е до две люти змии<sup>23</sup>.

Только в одном случае мы встретили перенесение этого описания у болгар — не вила, а богатырка Тодора седлает коня, управляясь на Косово поле:

Коня е фанала	Зелени гуцери;
Елена третьяка;	Попрази турила
Узда зауздила	Два смока два брата;
Две змии две сестри;	Зенгии турила
Седло е турила	Две желки две сестри <sup>24</sup> .

И лишь в сербо-хорватских песнях имеются перенесения описаний на коней-львов дивов (видимо, мужской эквивалент самодивам), огненного змея. Форма румынского описания совпадает с сербо-хорватской, но восточнороманские певцы допустили еще одно перенесение — связали описание с немифическим героем Йоргованом<sup>25</sup>. Исконность же и, следовательно, большая древность связи этого странного и ничем не мотивированного описания с мифическими вилами подтверждаются и германской параллелью — стадияльно более поздней и тем не менее близкой: по германским преданиям, колдуньи ездят на волках, взнузданных змеями<sup>26</sup>. Значения такого седлания в пределах славянских мифических текстов остаются гадательными. Вместе с тем можно согласиться с В. М. Гацаком в том, что в песне о Йорговане это описание понадобилось для обозначения функции героя, истребителя «змей и прочей нечисти»<sup>27</sup>.

Восточные славяне такого описания не знают. Поэтому интересно, что в песне о Йорговане обнаруживаются переключки ряда повествовательных моментов только с восточнославянским материалом. Мы имеем в виду, в частности, мотив «змей уползал — землю пахал, рвы оставлял», пространно развитый у восточных славян, особенно у украинцев, в преданиях о змееборце, и мотив происхождения мошкеры из головы убитого змея<sup>28</sup>. Правда, у русских в отличие от украинцев чаще рассказывается, что из

<sup>23</sup> СБНУ, кн. 1, стр. 55. Сходно: СБНУ, кн. 28, стр. 202.

<sup>24</sup> СБНУ, кн. 4, стр. 71.

<sup>25</sup> В. М. Гацак подчеркивает, что в восточнороманской эпике это описание встречается только в песне о Йорговане (стр. 42).

<sup>26</sup> А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 740. А. Н. Афанасьев полагает, что змеи сбруи — это молнии (см. т. III, стр. 164).

<sup>27</sup> Гацак, стр. 42. А. Н. Афанасьев указывал, что валахи отождествляют вильву (вилу) с крылатым змеем (т. III, стр. 154, 158, 173). Отсюда вполне логичный эволюционный шаг к перенесению атрибута на змееборца.

<sup>28</sup> См. примеры: Л. Г. Бараг. Об особенностях украинской сказочной геронки сравнительно с белорусской и русской. «Русский фольклор», 1968, т. XI, стр. 161—163.

убитого змея произошли только «гады», к которым в народе относят ужей, гадюк, ящериц и лягушек<sup>29</sup>. Таким образом, восточнороманская песня в этой части соотносится больше всего с украинскими преданиями.

Вот эта двойственная соотносимость немотивированных частей песни о Йорговане — только с южнославянскими песнями или только с украинскими преданиями — наводит на мысль, что песня подвергалась нескольким переработкам, в ходе которых и возникали эти ее части. Песня выглядит более сложным образованием с постоянно меняющимся переходом от одного героя к другому, нежели, например, болгарские песни о змееборстве<sup>30</sup>.

Тема борьбы со змеем просто богатыря или просто человека, т. е. обычного этнического героя, у южных славян почти не получила развития. У них она выглядит более поздним этапом, чем песни, где со змеем сражается юнак-змеевич, т. е. рожденный женщиной от змея, или где с «халой» («ламией», «аждахой») <sup>31</sup> воюет собственно змей, покровитель посевов и садов данного села. В этом плане песня о Йорговане, пожалуй, близка именно к поздним южнославянским версиям змееборства, к украинским преданиям и русской былине «Добрыня и змей». На славянском фоне контаминированный характер песни о Йорговане не вызывает сомнений, а это, конечно, является поздним признаком.

Другая версия восточнороманской песни «Йоргован, река Черна и змей» (*Гацак*, стр. 231—234) противостоит предыдущей как антитеза в ряде пунктов фабулы. Ее повествование прямо сопоставимо с соответствующими песнями всех славянских языковых групп, кроме двух отличий. Одно из них представляется алогичным: заблудившаяся девушка предлагает себя в жены «кукушке-войнику», если та поможет ей выбраться из лесу. Видимо, кукушка и воиник <sup>32</sup> здесь слились в один персонаж. В славянских песнях девушка действительно встречает молодца (иногда чужеземца, насильника), который хочет взять ее в жены. Но для восточнороманской песни этот момент уже не понадобился, вместо него фигурирует линия с Йоргованом и его антиподом — змеем, в чем и заключается второе отличие песни от славянских текстов. Место змея, захватившего девушку, в славян-

<sup>29</sup> У южных славян этот мотив встречается редко. См.: *Т. Р. Борђевић. Природа у веровању и предању нашега народа*. Књ. II. Белград, 1958, стр. 107 — рассказ о пастухе, убившем Халу, «из которой вышло и расплозлось множество мышей, змей, ящериц и других гадов».

<sup>30</sup> Показалец, I, № 6, 45; II, № 506, 508; Предания, № 342, 372, 524, 613, 640.

<sup>31</sup> Этими терминами южные славяне называют змееобразное мифическое существо женского пола, олицетворяющее собой природные стихии: градоносную тучу, ливень, густой туман и др. На описаниях этого существа и в его названиях сказалось греческое и турецкое влияние.

<sup>32</sup> У восточных романцев болгарское, по-видимому, слово «войник» получило значение не «воин», а «богатырь, юнак, витязь».

ских текстах занимают определенные этнические враги (татары, турки и др.). Поэтому вопрос заключается в том, действительно ли восточнороманская песня сохранила драгоценную деталь, утраченную славянами (именно от змея герой выручает сестру), или перед нами случай контаминации двух произведений, обусловленный популярностью героя и стремлением приписать ему еще один подвиг. Опубликованный В. М. Гацаком текст выглядит именно механической контаминацией с резким перебивом действия<sup>33</sup>.

**Песня «Войник и змей»** (Гацак, стр. 235, 236), раскрывающая тему поглощения человека змеем, содержит неизвестный южным славянам момент — подъехавший будущий спаситель требует от змея: «Не губи ты несчастного брата». Значение этих слов восточнороманский певец, видимо, не понял, так как в самом конце песни он сделал спасителя и спасенного побратимами. В южнославянских песнях отношения между спасителем и спасенным обычно заданы заранее: дядя и племянник по матери, отец и сын, побратимы. Приведенная фраза из песни «Войник и змей» позволяет допустить, что финальному побратимству (родству по обычаю) предшествовало кровное родство по матери, тоже предварительно заданное.

Другой неизвестный южным славянам момент заключается в мотивировке: змей объясняет, почему он хочет проглотить войника:

Мне мать его завещала

.....

Баюкала, унимала:

«Лежи, засыпай,

Глотай тебя змей!»

Такое проклятье матери (ср. проклятья типа «унеси тебя леший» и др.) в славянском фольклоре не встречается. Этот мотив проклятья вместе с предварительно заданным кровным родством по матери спасителя и спасенного позволяет предполагать, что в более ранней версии песни «Войник и змей» брат-спаситель не случайно, а намеренно выступил против силы материнского проклятья. Эта намеренность, правда, обусловленная иными мотивировками, имеется и в славянских песнях.

Песня «Войник и змей» в целом производит впечатление действительно древней. Если ее считать заимствованием от славян, то оно произошло, по-видимому, сравнительно давно. Безымянные нарицательные герои и простота фабулы восточнороманской песни в плане относительной хронологии, бесспорно, предпочти-

<sup>33</sup> В. М. Гацак рассматривает первую часть текста — до появления Йоргована у реки — как сказочное прибавление (стр. 40, 41).

тельнее, чем обычно эволюционно поздние, но разнообразные герои и сюжеты о поглощении человека змеем (самовилой)<sup>34</sup>.

Полагаем, что приведенных примеров перекличек немотивированных частей восточнороманских эпических песен со славянским фольклором достаточно для того, чтобы конкретизовать поставленную проблему. Пути воздействия одной народной культуры на другую многочисленны и различны. За ними скрывается разнообразие факторов, действующих в определенную историческую эпоху и обуславливающих это воздействие. Поэтому констатация перекличек и даже заимствования не могут быть самоцелью для исследователя.

Самым важным, по нашему мнению, является показ процессов развития (эволюции) фольклорных стереотипов, фольклора в целом. Это может быть выражено только в построении эволюционных рядов: произведения с одним стереотипом (сюжетом), произведений с сопоставимыми сюжетами, произведений с одной темой (нашествие, кровосмешение и др.) или одним главным героем, всей системы повествовательных песен и т. д. Построение эволюционных рядов требует предельного, по возможности исчерпывающего использования совокупности опубликованных и хранящихся в архивах текстов. Каждый текст в эволюционном ряду играет свою роль для показа развития и распространения данной версии, произведения, цикла, жанровой разновидности и других фольклорных систем. Построением эволюционных рядов обеспечивается надежная объективная база для сопоставления фольклора народов, поставленных историей в ближайшие отношения между собой на протяжении тринадцати — пятнадцати столетий. Сопоставляя эволюционные ряды фольклорных произведений, с одной стороны, славян, а с другой — восточных романцев, албанцев и других балканских народов, можно было бы достаточно точно определять общее и специфическое этих произведений на каждом этапе их развития, не только констатировать переклички, но и выявлять их качества, характер, хронологию, распространение. Таким образом, задача состоит не в сборе разрозненных фольклорных фактов, а в показе эволюции фольклорных явлений на фоне менявшихся исторических эпох и в тесном взаимодействии между собой. Решение задачи требует коллективных усилий исследователей, а ее значение выходит за пределы фольклористики, так как полученные фольклорные результаты можно будет затем соотнести с результатами смежных наук (лингвистика, археология и др.).

<sup>34</sup> Болгарские примеры: Показалец, II, № 531, 973; Преглед, II, № 5, 796 — юнацкие; Предания, № 316, 338, 343, 622, 1025.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Преглед, I или II — Преглед на българските народни песни. Втора половина. «Известия на Семинара по славянска филология при университета в София», кн. V и VI, 1925-1929 (Ссылки на кн. VI даны на отдел юнацки песни).
- Предания — *А. Димитрова, М. Янакиев*. Предания за исторически лица в българските народни умотворения. «Известия на Семинара по славянска филология при университета в София», кн. VIII, 1948.
- Показалец — *А. П. Стоилов*. Показалец на печатаните през XIX век български народни песни, т. I—II. София, 1916—1918.
- Халанский* — *М. Е. Халанский*. Южнославянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа, т. I—IV, Варшава, 1893—1896.

# СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ БЕЛОРУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

(Систематический указатель)

*Л. Г. Барак*

«Прежде всего необходимо выяснить, какие сказки существуют в отдельных странах, какие темы в них особенно популярны, какие перешли в литературу, какие остались в устной передаче. К сожалению, приходится признать, что в настоящее время эту первую ступень исследования мы знаем еще крайне плохо»<sup>1</sup>. С тех пор как С. Ф. Ольденбург утверждал это, прошло полвека и научные представления о сюжетном сказочном репертуаре отдельных славянских народов, например чехов, словаков, поляков и русских, стали более основательными, — прежде всего благодаря изданным И. Поливкой, В. Тилле, Ю. Кшижановским, Н. П. Андреевым и В. Я. Проппом национальным указателям. Наиболее обстоятельное освещение получил польский сказочный материал. Ю. Кшижановский в двухтомном труде «Polska bajka ludowa w układzie systematycznym» (Wydanie drugie rozszerzone. Wrocław — Warszawa — Kraków, (1962—1963) не ограничился обзором сюжетных типов польских сказок, согласно международной классификационной системе, но рассмотрел также разнообразные варианты сюжетов и контаминации. Слабее, чем репертуар сказок других славянских народов, выяснен украинский и особенно белорусский репертуар, отличающийся замечательным богатством. Неполные данные о сюжетах украинских сказок, изложенные Н. П. Андреевым в статье «К характеристике украинского сказочного материала» (сб. «С. Ф. Ольденбургу». М.—Л., 1934), учтены Ст. Томпсоном во втором издании его международного указателя (Хельсинки, 1961), но данные о белорусских сказочных сюжетах там отсутствуют.

Географическое положение Белоруссии между Русью, Украиной, Польшей, Литвой и Латвией обусловило особую роль белорусского народа в многовековом процессе фольклорного творчества и сложное взаимодействие белорусских сказок со сказками

<sup>1</sup> С. Ф. Ольденбург. Странствование сказки (1924). «Избранные труды русских индологов-филологов». М., 1962, с. 244.

других восточнославянских народов, а также со сказками западных славян и народов Прибалтики. Между тем отсутствие указателей белорусских и украинских сюжетов ограничивает возможности дальнейшего исследования не только белорусских и украинских, но и русских, польских, литовских и латышских сказок, непосредственно с ними связанных.

Настоящая работа является второй частью систематического указателя белорусских народных сказок<sup>2</sup>.

Сюжетные типы сказок XIX—XX вв. (на белорусском и других языках) располагаются в указателе соответственно нумерации международного каталога. По каждому сюжетному типу сообщаются следующие сведения: 1) номер Томпсона или особый номер; 2) номера русского и польского указателей — Н. П. Андреева (В. Я. Проппа) и Ю. Кшижановского, если эти номера расходятся с международными; 3) сжатый пересказ сюжета; 4) ссылки на тома, номера, страницы библиографических справочников И. Больте — Г. Поливки и В. Шовеня — в каждом случае, когда там имеются соответствующие данные; 5) указания на важнейшие отечественные и зарубежные исследования; 6) библиографические указания на публикации белорусских вариантов с пояснениями, касающимися контаминаций; 7) ссылки на русские, украинские и польские сюжетные параллели (количественные показатели).

Наряду со сказками, записанными на белорусской или смежной с ней этнической территории (на белорусском языке и на наречиях, переходных от белорусского к украинскому, русскому, польскому языкам), мы условно учитываем тексты, отношение которых к белорусскому фольклору не вполне ясно, не бесспорно. Например, «Сказки Филиппа Павловича Господарева» (Петро-заводск, 1941), «*Bajarz polski*» А. Глинского (первое издание — Вильно, 1854), «*Podania i bajki zebrane na Litwie*» Я. Карловича (ZWAK, t. XI-XII, Краков, 1887—1888). Ф. П. Господарев (1865—1938) — белорусско-русский сказочник, прожил первые сорок лет своей жизни на родине — в Белоруссии и, хотя изданные в 1941 г. на русском языке сказки Ф. П. Господарева записаны в 30-е годы в Карелии, основа репертуара этого незаурядного сказочника белорусская. Польский сборник А. Глинского, как указал в предисловии сам составитель, — это в основном пересказ на польском языке белорусских сказок села Щорсы Новогрудского уезда Минской губернии. Я. Карлович опубликовал целый ряд сказок Лидского уезда Гродненской губернии и Новогрудского уезда на польском языке без определенных указаний, на каком именно

<sup>2</sup> Первая часть — «Сказки о животных» — вошла в наше исследование «Русские, белорусские и украинские сказки о животных в сравнительном освещении» («Эпические жанры устного народного творчества». Уфа, 1969, с. 167—240).



языке — белорусском, литовском или польском — сказки рассказывались.

Некоторые тексты белорусских сказок издавались многократно. Мы, как правило, учитывали только первую публикацию. В отдельных случаях отмечаем некоторые записи, имеющиеся в нашем рукописном собрании (когда речь идет о редких сюжетах, особенных вариантах).

Выводы, основанные на материале данного указателя, сделаны нами в главе «Сюжетный репертуар» монографии «Беларуская казка» (Минск, 1969).

Указатель состоит из семи разделов: «Чудесный противник» (300—399), «Чудесный супруг, брат и пр.» (400—459), «Чудесная задача» (460—499), «Чудесный предмет» (560—649), «Чудесная сила или знание» (650—699), «Прочие чудесные мотивы» (700—749). В приложении помещен список принятых сокращений.

## УКАЗАТЕЛЬ АТ 300—749

### 300—399. Чудесный противник

**300** = АА 300 А. **Победитель змея** освобождает обреченную на съедение царевну и женится на ней. Ср. 303 и отчасти другие сказки, в которые входит эпизод избавления царевны от змея. См.: ВР I, 60, с. 303, 534, 547. В восточнославянском фольклоре этот сюжет редко получает самостоятельную разработку. Исследования: *E. S. Hartland*. *The Legend of Perseus*. London, 1893; *K. Ranko*. *Die zwei Brüder, eine Studie*. FFC, N 114. Helsinki, 1934; А. И. Никифоров («Советский фольклор», 1936, № 4—5) опубликовал пятнадцать записей севернорусских сказок, которым предпослал статью «Победитель змея». В ней обращается внимание на многообразие местных сказок о победителе змея. Для белорусских сказок характерна связь с преданиями об осилках и волотах. См.: *С. Плужникова*. Образ осилков в белорусских преданиях и сказках. СЭ, 1960, № 4, с. 80—89; *Л. Бараг*. «Асілка» белорусских сказок и преданий (К вопросу о формировании восточнославянского эпоса). РФ, т. VIII, 1963, с. 29—40. Круг сюжетов, с которыми контаминируется сюжет о победителе змея, в белорусских сказках уже, чем в русских,— чаще всего это АТ 301, 532, 315.

*Романов*, III, с. 40—49, № 1, 2 (окончание) — контаминация с АТ 315; с. 49—55, № 4 (окончание) — конт. с АТ 315, 313 Нж; с. 73—77, № 9 — конт. с разновидности АТ 325; с. 78—88, № 10а, 10б — конт. с АТ 301 А, 321; с. 99—110, № 14 — конт. с АТ 301 А, 531 и др.; с. 142—148, № 18а (есть указания на вар.) — конт. с АТ 532, 725; с. 148—154, № 18б — конт. с АТ 532; с. 196—198, № 26 — конт. с АТ 554; VI, с. 370—378, № 40 — конт. с АТ 551; *Добровольский*, I, с. 501—510, № 17 — конт. с АТ 551\*, 301; *Federowski*, I, с. 113—116, № 340 — конт. с АТ 532; с. 120—124, № 342 — конт. с АТ 313 Нж, 314 Аж, 315; с. 124—126, № 343 — эпизод, конт. с АТ 733, 315; II, с. 75—76, № 58 — эпизод в сказке АТ 560; с. 90—91, № 65 — эпизод в сказке АТ 530; с. 187—188, № 162 — эпизод в сказке о царевиче-коне; с. 314—315, № 347 — конт. с АТ 315; *Weryho*, с. 19—24, № 4 — конт. с АТ 315; *Kartowicz*, 1887, с. 237—238, № 5 — конт. с АТ 530; *Сержпутоўскі*, 1926, с. 47—52, № 23 — эпизод, конт. с АТ 554; *Ск. Господарева*, с. 197—217, № 7 — конт. с АТ 313 Нж, 314 Аж, 315. Русских вариантов — до 75 (кроме 58 вар., отме-

ченых в указателе АП, следует учесть 15 текстов в № 3-4 сб. «Советский фольклор», 1936, и текст № 106 сб. Никифорова, а также: Пропп-Никифоров — 2 неопubl. записи). Украинских — 24 (*Андр.*, Укр.; дополнително: «Дідо-всєвідо», с. 64—70). Польских — до 20 (по указателю Ю. Кшижановского — 29, но фактически это сказки двух типов: АТ 300 и АТ 303; отмеченные там под № 300А и 300В две сказки приписывают к АТ 300. Ср.: К 305, «Тезей» — 7 вар.).

Разновидностью сюжета о змеборстве являются восточнославянские сказки о Кожемяке, отчасти сходные с летописным преданием. См.: С. Н. Азбелев, Летописание и фольклор. РФ, т. VIII, 1963, с. 5—12; Я. Кулжинский. Как сложилась сказка о Кирилле Кожемяке, Киев, 1911.

*Романов*, III, с. 217—218, № 32; *Шейн*, II, с. 170—172, № 82; *Чубинский*, II, с. 129—130; № 45 — Брестская обл.; *Добровольский*, I, с. 379, № 19 — «Св. Меркурий-Кожемяка». Имеются совпадения между вариантами сб. П. В. Шейна и П. Чубинского. Оба эти варианта вместе с тем близко напоминают ранее опубликованный более подробный украинский текст. См.: Кулиш, Предания, с. 67—69 = Кулиш, Записки, II, с. 27—30 (перепечатано в сб.: «Українські народні казки» Б. Гринченко). Укажем также другие сказки — русскую и украинские: *Афанасьев*, I, с. 327—328, № 148; *Драгоманов*, с. 248—249, «Швец и змей»; *Nowosielski*, I, с. 278—284. Пересказы записей из собраний П. Кулиша, А. Новосельского и А. Н. Афанасьева встречаются в журнальных статьях: «Rubop», Вильно, 1845, IV (автор Грабовский); «Москвитянин», 1846, XI—XII, Критика, с. 146—149; «Отечественные записки», 1857, VIII, с. 427 (В. Даль); ЖМНП, 1861, март, отдел IV, с. 43—64 (И. Худяков). В сборнике сказок В. Короловича есть сказка «Силач Кужумяка» (с. 181—185), не имеющая отношения к сюжету о змеборстве. Сказки о Кожемяке сопоставлялись в научной литературе с польским преданием о Краке и змее, с сербской песней о Дойчине.

300 А = АА 300\*В = К 303. Бой на мосту; трижды победив змея, герой подслушивает разговор его дочерей и матери, расстраиивает колдовские козни, спасает братьев, укрывается от преследования в кузнице и с помощью кузнецов губит змеицу. Традиционной является контаминация с сюжетом АТ 513 А. Сказки типа АТ 300 А имеют связь с другими сказками о змеборстве и рассматриваются в упомянутой выше монографии К. Ранке. Широкой популярностью этот сюжет пользуется лишь у трех восточнославянских народов, а в Западной Европе и в странах, расположенных восточнее и южнее СССР, не распространен. В восточнославянских сказках своеобразно утверждается демократизм героя (Сучкина сына, Сучица, Сукевича, Сученко, Сучкиря, Сучиксы или Кобыльина сына, Корového сына) и отражаются местные легенды: о ковачах-змеборцах, о Змеёвом валу на Украине, который будто бы вырыл впряженный в плуг змей (ср. миф о Тезее); о река, выпитых будто бы змеем, изнемогшим в ярме. Такие легенды, подвергаясь влиянию сказок, устно бытовали еще недавно в виде самостоятельных произведений. См.: *Романов*, IV, с. 17. Значительный материал, относящийся к образам восточнославянских ковачей-змеборцев, анализируется в статье В. Гипиуса «Кавали Кузьма-Демьян у фольклорі» («Етнографічний вісник». Киев, 1929, кн. 8, с. 3—51). Некоторые сказки интересны тем, что в их сюжете легенды о змеборстве еще не испытали жанрового переоформления и сохранили местную приуроченность (примеры в нашей статье «Об особенностях украинской сказочной героики»). РФ, т. XI, 1968, с. 162—173). Связь белорусских сказок с преданиями-легендами об осилках и волотах ярко проявляется в ряде белорусских вариантов данного сюжета. В фольклоре восточнославянских народов он чаще всего контаминируется с АТ 513 А и нередко с 301.

*Романов*, III, с. 88—92, № 12 — начало, далее АТ 301 А; с. 110—120, № 15 — конт. с АТ 513 А (есть указания на вар.); с. 120—133, № 16 — конт. с АТ 513 А (Удовина сына выручают «Кузьма-Демьян, Михайло-архангел»); с. 154—164, № 20 — сюжет развернут неполно, окончание, как АТ 301 (есть указания на вар.); VI, с. 248—254, № 27; с. 254—262,

№ 28 — конт. с АТ 513 А; с. 262—276, № 29 — конт. с АТ 513 А, 650 А (=АА\*650, 11); с. 335—340, № 35 — конт. с АТ 302; с. 340—354, № 36а, 36б, 37 — конт. с АТ 301; с. 360—370, № 39 — конт. с АТ 531, 327 В; *Добровольский*, I, с. 405—410, № 5; с. 410—416, № 6 — конт. с АТ 302; с. 416—433, № 7 — конт. с АТ 513 А; *Шейн*, II, с. 102—110; с. 53 — вступительная часть, далее АТ 301 А; *Federowski*, I, с. 131—132, № 347 (сюжет обрывается после победы «дурня» над третьим змеем); *Василенок*, *Кабашников*, *Прокофьев*, с. 162—173 — конт. с АТ 513 А и 302; *Вагаг*, с. 54—68, № 3 — конт. с АТ 301 А; *Ск. Господарева*, с. 324—328, № 18 — конт. с АТ 303; *Якимович*, с. 196—217 — конт. с АТ 513 А и 531 (пересказ). Русских вариантов 35 (АП, с. 464; *Никифоров*, № 36, 55, 66). Украинских — до 30 (дополнительно к указаниям ВР и *Андр.*, Укр.: *Ск. Верховины*, с. 203—207, 396—401; «*Дідо-всеідо*», с. 64—70; *Гиряк*, 1968, с. 76—90). Польских — 5. Ю. Кшижановский высказал предположение (см. его указатель, т. I, с. 88), а Е. Капелусь обосновала, что эти сказки разных областей Польши, не воспроизводящие всех звеньев сюжета, восходят к украинским и белорусским источникам (см. ее ст. «Семь польских сказок русского происхождения». РФ, т. VIII, 1963, с. 67—69). Возможно, что общие с восточнославянскими сказками типа АТ 300 А корни имеют польские сказки о погубителях змей, которые Ю. Кшижановский отнес к особому типу 320 (см. его указатель, т. I, с. 101—3 вар.). Опубликовано также 4 чешских и 7 литовских сказок о бое на мосту. Другие национальные варианты, записанные почти исключительно на территории СССР, столь же редки.

301 (А, В). Три подземных царства: герои идут искать исчезнувшую царевну; поочередно варят обед; старичок с ноготок калечит братьев или спутников силача, но терпит поражение в схватке с ним; тот по следам старичка спускается под землю, освобождает трех царевен и, несмотря на предательство братьев (спутников), не пожелавших вытаскать его обратно, возвращается наверх (на крыльях птицы); приходит на свадьбу царевны и мнимого ее спасителя, женится на ней. Те из сказок, которые имеют вступление «Силач встречает спутников», обозначены в указателе АТ также № 301 В, а сказки о силаче и его братьях обозначены еще одним номером — 301 А. См.: ВР II, 91, с. 300; *Chauvin*, IV, № 181. Старейшая версия — греческого автора I в. до н. э. Конона о покинутом спутниками пастухе: он очутился в подземном царстве и вылетел оттуда на птице. В связи со средневековым эпосом освещает вопрос о происхождении и распространении сказок типа 301 Ф. Панцер (*F. Panzer*. *Beowulf*. «*Studien zur germanischen Sagengeschichte*», I. München, 1910). Некоторые мотивы, например свертывания трех царств клубочками, имея всемирную известность, развиваются далеко не во всех вариантах. Ни один сюжет не представлен в белорусском, русском и украинском материалах столь большим количеством текстов, как этот. В них есть характерные только для восточнославянского фольклора мотивы, — например рождения вечернего (Вячорки, Вечерника, Вечорника), ночного (Поуношника, Полуношника, Упувничника) и утреннего (Заранки, Зорьки, Свитовика) богатырей-братьев. Вместе с тем в восточнославянских вариантах отсутствуют подробности, известные по западнославянским и западноевропейским вариантам: образ волшебной коровы, мотив происхождения богатыря от «карла» или разбойника, эпизоды из сказок типа АТ 550, 551. Для белорусского так же, как для украинского и русского репертуара, характерны контаминации АТ 301 с АТ 300 (чаще всего), 650 А, 552. Влияние сказок типа 301 проявляется в разных сюжетах. Так, в сказке, записанной нами в 1948 г. от Н. П. Северина (1873 г. рожд.) в д. Большая Вулька Жабчицкого р-на Брестской обл., *Илья-пророк* вместе с Вернигорой и Вывидубом отправляется на «тот свет», где освобождает трех царевен; похвастав своей силой, он не может поднять выкованный кузнецами волосок, и те заманивают его в железный гроб (сюжет «*Илья Муромец и Святогор*»).

*Романов*, III, с. 78—88, № 10а, 10б — конт. с АТ 300, 321; с. 88—92, № 12 — начало, как в АТ 300 А; с. 92—99, № 13; с. 99—110, № 14 —

конт. с АТ 300, 531, 650 А (=АА\* 650 II); с. 154—164, № 20 — конт. с мотивами АТ 300 А; VI, с. 117—149, № 13—16; с. 335—354, № 36а, 36б, 37 — конт. с АТ 300 А; с. 354—360, № 38 — конт. с АТ 650 А; *Добровольский*, I, с. 410—416, № 6 — конт. с АТ 300 А = АА 300\*В; с. 455—467, № 10; с. 501—510, № 17 — конт. с АТ 551, \*300 (=АА 300 А); *Шейн*, II, с. 86—88, № 45, герой — Катигорошек; с. 102—111, № 53, герой — Сучкин сын, начало, как в АТ 300 А; с. 110—116, № 54 — конт. с АТ 650 А; с. 149—151, № 70 — конт. с мотивами АТ 552 (начало); *Чубинский*, II, с. 179—180, № 53, Брестская обл.; с. 229—231, № 61, Брестская обл. — конт. с АТ 1210, 1651, герой — Катигорошек; *Federowski*, I, с. 126—130, № 345 — конт. с АТ 552; с. 132—133, № 348; II, с. 87—90, № 64; с. 332—333, № 390; *Klich*, с. 134—136; *Kartowicz*, 1887, с. 237, № 5; *Barag*, с. 54—68, № 3; Ск. Господарева, с. 324—329, № 18; Якимович, с. 238—254 — пересказ. Русских опубл. вариантов — 89 (АП, с. 464—465; Никифоров, № 36, 77, 79, 109, 131; в описи его собрания отмечен 21 неопубл. текст). Украинских — 39 (Андр., Укр. — 33; дополнительно: Ск. Верховины, с. 181—188, 287—292; «Дідо-всевідо», с. 45—52, 151—160; Ск. Короловича, с. 97—102; Гиряк, 1968, с. 93—110). Польских — 37 (*Krzyż.*, I, с. 83—86; один из отмеченных там 38 вариантов украинский).

**301 Д\*** = АА 301 \*С. Солдат находит исчезнувшую царевну: спутники оставляют его на острове или на заморском берегу, но он возвращается в день свадьбы царевны и капитана корабля или генерала, женится на царевне. Томпсоном учтены только литовские тексты — 21 вариант. Такие сказки обычны и для восточнославянского, особенно русского, репертуара, имеют связь с лубочной «Сказкой о сильном и храбром рыцаре Португее Праторщике и о прекрасной королеве Маргарите», которая отчасти соответствует «Истории о российском матросе Василии Корнотском и о прекрасной королеве Ираклии» (первая треть XVIII в.). Мотивы этого сюжета (офицер, а затем солдат отправляются к морю искать царевну) отразились в сказке из сб.: *Романов*, III, с. 85—88, № 106 (АТ 301 А, \* 321). Опубликованных на белорусском языке сказок типа 300 Д\* нет, но они бегуты в Белоруссии и записывались там нами. К белорусскому фольклору, возможно, имеет отношение сказка из сб. Ф. П. Господарева: с. 278—296, № 14 — конт. с АТ, 318. Русских вариантов — до 10 (АА, с. 27; Э. В. Померанцева. Русские народные сказки, М., 1957, № 31; Потявин, № 17; Барак, Башк., № 3).

**302. Смерть Кашея:** герой при содействии помощников находит себе невесту; ее похищает Кашей; добыв Кашееву смерть в спрятанном яйце, герой освобождает свою нареченную. См.: ВР II, 97, с. 434. Ср. *J. Frazer*. *Golden Bough*, III, с. 351. Древнейшие истоки таких сказок прослеживаются с XIII в. до н. э. (*Liungman*, с. 47—49). Чародею Кашею (Кашу, Костею) в западноевропейских сказках чаще всего соответствует великан, а в польских — дьявол и змей, в болгарских — Червен вятър, душа (сердце, жизнь) которого в яйце на дне морском, у птицы. М. П. Драгомановым образ Кашея поставлен в связь с верованиями восточных славян («Розвідки про українську народну словесність і письменство», т. II. Львов, 1900, с. 161—164), но выводы Драгоманова спорны. Во всех частях света данный сюжет чаще всего контаминирован с сюжетом о благодатных животных (554) или о животных-зятях (552). С весьма разными сюжетами контаминирован он в восточнославянских сказках и обычно входит в них как эпизод. Н. В. Новиков в работе «О специфике образа в восточнославянских сказках. Кашей Бессмертный» (РФ, т. X, 1966, с. 149—175) выделяет две группы текстов — «Смерть Кашея в яйце» (41 текст) и «Смерть Кашея от волшебного коня» (12 текстов). Однако «Смерть Кашея от коня» не настолько цельная сюжетная структура, чтобы ввести в указатель еще один тип сказок о Кашее.

*Романов*, III, с. 67—73, № 8 (Кашей отнимает у богатыря и его товарищей своих дочерей) — конт. с АТ 315, 301 В; VI, с. 7—14, № 2 — конт. с АТ, 516 и 400 А, дополнительные варианты приводятся к № 26 — к тексту, в котором Кашей заменен змеем; *Federowski*, I, с. 116—120,

№ 341 — конт. с АТ 552 и 518; Василенок, Кабашников, Прокофьев, с. 162—173 — конт. с АТ 300 А; Ск. Господарева, с. 218—238, № 8 — конт. с АТ 402, 400 А, 518; Gliński, I, № 4 — польский литературный пересказ белорусской сказки. «Смерть Кашея от коня» — см.: Романов, VI, с. 105—107, № 12 — конт. с АТ 400, 518; с. 205—213, № 23 — конт. с АТ 552; с. 335—340, № 35 — конт. с АТ 300 А; *Сержпутовский*, 1911, с. 152—166, № 72 — в сказке об избавлении осилком царевны и богатырей. См. также сказки, где чародей, похитивший невесту героя и погибавший от коня, именуется царем или змеем: Романов, VI, с. 36—60, № 5 — конт. с АТ 650, 314, 554, 300; Barag, с. 264—273, № 27 — конт. с АТ 552, 518. Данные указателя АП уточнены и дополнены в упомянутой выше статье Н. В. Новикова: 31 опубл. русский текст на тему «Смерть Кашея в яйце» и 7 — на тему «Смерть Кашея от коня». Украинских вар.—9 (*Андр.*, Укр., 6; дополнительно: «Дідо-всєвідо», с. 64—70, 180—186; Гиряк, 1968, с. 76—90). Польских — 11 (один из указанных Ю. Кшижановским 12 текстов — литературный пересказ белорусской сказки. См.: *Krzyż.*, I, с. 86—87).

Примыкает к западнославянскому материалу, но не находит соответствия в указателях белорусская сказка, которую можно обозначить 302 Сж, — **Неуязвимый силач без сердца**. Враг достает сердце силача на высокой горе и во время ссоры раздавливает, — силач умирает.

*Federowski*, II, с. 213—214, № 199. Это не единственная восточнославянская сказка о человеке, душа которого где-то спрятана. Ср., например: *Чубинский*, II, с. 24—27, № 6 — «Про царівну, душа которой була в яйці в осокори» (АТ 403 А); Ск. Коргуева, № 14.

303 = К 300. **Два брата**: чудесно рождаются близнецы-братья; один избавляет царевну от змея (как в АТ 300); ведьма превращает его и помощников-животных в камни; другой отнимает у нее волшебный пруттик и оживляет эти камни (ВР I, 60, с. 28; II, 85). См. указ. выше работы Е. Хартланда, К. Ранке, а также шведскую монографию: *W. Liungman. Sagan om Bata och Anubis och der orientalistisk-europeiska undersagans ursprung*. Lund, 1946. В. Люнгман доказывает, что первоначальной формой сюжета является сказка о Бате и Анубисе, сложившаяся на ассирийско-малоазиатской культурной почве.

*Романов*, III, с. 133—142, № 17; VI, с. 328—349, № 42; *Добровольский*, I, с. 478—491, № 13; *Klich.*, с. 159—160; Ск. Гулевича, с. 42—50; Василенок, Кабашников, Прокофьев, стр. 143—147 (вариант, записанный от того же сказочника — Гулевича); Ск. Господарева, с. 60—85, № 2; с. 324—328, № 18 — конт. с АТ 300 А. Русских вариантов — 44 (АП, с. 465; Никифоров, № 73, а также: Пропп-Никифоров, — 6 неопубл. вар.). Украинских — 8 (*Андр.*, Укр.; дополнительно: «Дідо-всєвідо», с. 109—116; Гиряк, 1968, с. 6—18). Польских — 11 (в польском указателе не выделены).

(АТ —) 303ж. **Палочка ведьмы**: два брата идут странствовать в разные стороны; младшего ведьма превращает в камень; старший отнимает у нее палочку и оживляет брата; превращает иноземных захватчиков в прах, женится на царевне, снова оживляет брата, карает убийцу, разбойников, делает чудеса, завладев палочкой, мать царевны нечаянно губит все царство. (Как и в сказках типа 303, брат узнает о смерти брата по заржавевшему ножу.)

Barag, с. 199—205, № 18. Украинский вар. см.: Драгоманов, с. 283—286, № 9. Ср.: *Jan Barszczewski. Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, t. III. СПб., 1845, с. 35—50.

307. **Девушка, встающая из гроба**: по ночам пожирает людей, сторожащих ее; юноша разрушает колдовские чары и получает руку ожившей девушки (ср.: АТ 406). См.: ВР III, 219, с. 534). Сюжет распространен в Восточной Европе.

*Романов*, IV, с. 130—135, № 75—76; *Еремин, Фалев*, с. 145, № 100 — фрагмент из утраченной рукописи неопубл. XI вып. «Белорусского сборника». Е. Р. Романова; *Добровольский*, I, с. 547—554, № 23 — конт. с АТ 881; с. 554—556, № 24; *Шейн*, II, с. 31—36, № 18, окончание — конт. с АТ 313 В, С; с. 66—68, № 33; с. 401—407, № 227; «Матер. для этногр.

Гродн. губ.», II, с. 371—372, № 15; *Weryho*, с. 45, № 11; *Kartowicz*, 1887, с. 257—258, № 19; Ск. Господарева, с. 297—312, № 15 — конт. с АТ 849 ж, 1651 ж. Русских вариантов — 30 (АП, с. 27). Своеобразные тексты есть в неопубл. русском материале: Пропп — Никифоров, с. 366, № 78; с. 369, № 153. Украинских — до 25 (последние публикации: Ск. Короловича, с. 85—88; Ск. Верховины, с. 365—368; «Дідо-всевідо», с. 177—180). Из указанных Ю. Кшижановским под № 307 двадцати пяти польских текстов не все относятся к волшебным сказкам, а некоторые весьма отдаленно напоминают сюжет о девушке, встающей из гроба. Отмеченные же в польском указателе на с. 92 в качестве белорусских вариантов этого сюжета 8 текстов из сб. М. Федеровского — разные былички о мертвецах.

(АТ —) 307 Д ж. **Коровы-чертовки** (женитьба на окрещенной чертовке): юноша ночует в церкви; туда приходит черная корова; пока она вылизывает рассыпанные семена льна, наступает утро, — она исчезает; во вторую ночь приходит бурая, а в третью — белая корова; белая оборачивается девушкой; юноша венчается с нею, едет в «пекло» на свадьбу ее брата; сестры — черная и бурая коровы — мстят мужу своей младшей сестры; он и жена привозят из ада угли, превращающиеся в золото (напоминает АТ 401, 465 С и отчасти 475). *Barag*, с. 273—278, № 28; образы сестер-чертовок, мстящих мужу своей младшей сестры, отсутствуют в ряде вариантов. См.: *Романов*, IV, с. 90—91, № 52; *Federowski*, I, с. 39—40, № 116; ср.: Ск. Господарева, с. 320—322, № 17. Отчасти совпадает с отмеченными сказками латышская о девушке-лайме (ZWAK, т. XVIII, 1891, с. 369).

(АТ —) 307 Е ж. **Юноша избавляется от чертей, а колдуны гибнут**: колдун и колдунья посылают парня-сироту в заколдованную церковь; с помощью деда-странника он выдерживает три ночи испытания нечистой силы; на четвертую ночь вместе с юношей в церковь идут колдуны, — их разрывают черти; на пятую ночь та же участь постигает дочь колдунов; парень остается невредимым.

Записано нами в 1946 г. в д. Хоросица Любчанского р-на Гродненской обл. от С. И. Глебо, 1902 г. рожд.

(АТ —) 308 ж ж. **Король обещает руку дочери тому, кто переночует с медведем**; герой «учит» зверя (змея, чудовище) играть на скрипке и защемляет его лапы (ср.: АТ, 38, 151, 1160); добивается руки царевны.

*Еремин, Фалев*, с. 143, № 97 (из XI вып. неизд. «Белорусского сб.» Е. Р. Романова); *Federowski*, II, с. 74—75, № 57; III, с. 270—275, № 535. Имеются близкие параллели в польских сказках типа АТ 1160 (*Krzyż*., II, с. 21—22).

**311. Медведь (чародей, разбойник) и три сестры**: старшие сестры нарушают запрет входить в особое помещение и расплачиваются за любопытство жизнью; младшая чудесно оживляет их и скрывает, что побывала в помещении, где лежат разрубленные трупы; заставляет убийцу отнести сестер, а затем и себя в родной дом в мешке или корзине, запретив ему смотреть «подарки для родителей» (или убегает, оставив на постели куклу). См.: ВР I, 46, 66, с. 398; III, 169, с. 483; *Chauvin*, IV, № 201, с. 29. По предположению В. Люнгмана (указ. соч., с. 56—57), сюжет сложился в средневековой Европе. Образ медведя (или другого зверя) встречается только в восточнославянских, скандинаво-балтийских и кельтских сказках данного типа. В большинстве западноевропейских вариантов сестер похищает великан; в польских — часто демон-чародей, но нередко и черт, разбойник, «человек с зелеными усами»; в восточнославянских — медведь, человек, превращающийся в медведя, иногда леший, черт, волк, чародей. В одном русском варианте, как в западнославянских и западноевропейских сказках, девушку увозит разбойник-женех (ср.: АТ 955) и сюжет развивается в духе предания о Синей Бороде: в дом разбойника приезжают братья девушки, убивают злодея и берут себе его богатство (Пропп — Никифоров, с. 367, № 125). Характерные для польского материала контаминации типов 311 и 955, 311 и 956 отмечены и в белорусских сказках. В одной польской сказке типа 311 имеется вступление — «Три дочери несут отцу обед в поле» (см.: ZWAK, т. I, с. 93, текст № 9). Такое вступление есть также в ряде

неопубл. русских сказок (см.: Пропп — Никифоров) и в сказке, записанной нами в Гродненской обл. Мотивы бегства девушки в виде птицы (обмазывается медом и обсыпается перьями) и помощи богоматери (покойницы-матери, птицы), известные по западноевропейским и западнославянским сказкам, не отмечены в восточнославянских. Восточнославянские сказки этого типа очень несложны, предназначены для маленьких детей, что связано со своеобразными мотивами: заманивание к медведю (к колдуну) котиком — золотым хвостиком (кошечка — золотые сережечки), подчинение медведя приказу девочки безостановочно нести корзину.

Ж. «Маяк», т. XV. М., 1844, с. 22—25; т. XVI, с. 76—80 (на русском языке); *Federowski*, II, с. 39—42, № 40; *Klich*, с. 134; *Kartowicz*, 1887, с. 233, № 2 — конт. с АТ 956 В. Русских опубл. вариантов — 9 (АА, с. 28; Померанцева, Башк., № 28; Померанцева, Ярослав., № 4, 5; 11 неопубл. сказок указаны в «Описи» Проппа — Никифорова). Украинские — *Ястребов*, с. 203—206, № 15; *Barącz*, с. 42. Польских — 13 (*Krzyż.*, I, с. 311, с. 93—94).

(АТ—) 311 Сж. Рука-невидимка и три сестры: сестры поочередно идут за огнем; старших убивает рука-невидимка; младшая возвращается с огнем.

*Шейн*, II, с. 65, № 31.

312 D = АА\*312, 1. Катигорошек: сестра унесена змеем; старшие братья ищут ее и погибают; младший побеждает змея, освобождает сестру, оживляет братьев. См.: ВР III, 197, с. 429—431. Томпсоном учтены только русские варианты, но сказки этого типа весьма характерны для украинского и белорусского репертуара. Западные и восточные параллели редки и неполны. Мало напоминает восточнославянские тексты польская сказка из сб. Цишевского о брате-освободителе трех своих сестер от змея (*Krzyż.*, I, № 312 А). Черты Катигорошка отчасти переносятся на героев сказок других типов. В другие сказки, особенно в украинском фольклоре, переходят отдельные мотивы, например, рождения богатыря от горошины («Этногр. сб.», III, № 7 — АТ 650 А\*, 301 А), угощения оловянными галушками (*Чубинский*, I, с. 212 — АТ 301 В\*, 1920). Юмористическая окрашенность и социальная заостренность образа Катигорошка, наделение его чертами «мужицкого» героя бытовых сказок, что характерно для украинского материала, обусловили контаминации сюжета АТ 312 с анекдотическими сюжетами, например о влюбленном попе — АТ 1727 (*Чубинский*, II, № 61), о глупых чертах — АТ 1049, 1060, 1063 (*Чубинский*, II, № 17). Свообразны белорусские сказки, где Катигорошек выступает в роли народного заступника.

*Дмитриев*, с. 146—162 = *Афанасьев*, I, с. 254—263, № 134; *Добровольский*, I, с. 624—630, № 37; *Шейн*, II, с. 89—91, № 46; с. 172—177, № 83; *Карский*, III, с. 122—123; *Federowski*, I, с. 110—113, № 338, 339; II, с. 84—85, № 62. Русских вариантов — 8 (из отмеченных в указателе Проппа на с. 465 десять текстов один украинский и один белорусский). Украинских — 19 (Игнатий з Никлович, с. 60—64; *Афанасьев*, I, № 133; Драгоманов, с. 255—256, 260—262; *Чубинский*, II, № 61—63; *Гринченко*, I, № 165; *Гринченко*, Казки, с. 99—107; Шухевич, № 59, 69; «Этногр. сб.», VII, № 27, 33; XIV, № 30; XXIX, № 20; Кравченко, 1911, № 120, 121; Левченко, № 471, 513, 514).

313 (А, В, С). Чудесное бегство: юноша, обещанный черту (водяному царю, чародею), является к нему, исполняет с помощью девушки трудные задачи, бежит с нею; бегущие превращаются в разных животных. № 313В обозначены в международном каталоге сказки, имеющие такое начало: человек спасает птицу, которая уносит его в заморское царство, дарит там ему чудесный ящичек; человек нарушает запрет открывать ящичек и за помощь уступает сына («то, чего дома не знает») = АА 222 \* В. № 313С обозначены сказки с добавлением в конце: юноша, вернувшись домой, забывает невесту, но затем они соединяются. См.: ВР I, 56; II, 113, с. 516 и сл.; III, 186, 193. Сказки же под № 313А начинаются эпизодом: черт (водяной и др.) схватывает за бороду путника, который пытался напиться. См.: ВР I, 51, стр. 442; II, 79. В научной литературе сказки о чудесном бегстве рассматривались в связи с мифом об

аргонатах, высказывалось предположение, что сказочный сюжет начал формироваться в гомеровскую эпоху. См.: А. *Aarne*. Die magische Flucht. FFC, № 92. Helsinki, 1930; *Liungman*, с. 57—60, 357—358 (библиография). Некоторые мотивы западнославянских и западноевропейских сказок типа 313, например «Беглецам помогает заколдованная кукла», «Бегство на чудесном коне», не встречаются у восточных славян. Разновидность 313В отмечена только в восточнославянском, сербо-хорватском, чешском, литовском, эстонском, финском, фламандском, французском, шотландском и ирландском материале. Другие разновидности имеют более широкое распространение. В белорусских сборниках, как и в русских, украинских, имеются все три основные разновидности. В некоторых белорусских (*Шейн*, II, № 136) и русских (*Афанасьев*, II, № 212) сказках отражается быт эпохи крепостного права. Для белорусского фольклора характерно взаимодействие между сказками типа 313 и быличками о запроданном черту (см.: *Л. Г. Барг*. Сказочная фантастика и народные верования. СЭ, 1965, № 5, с. 24; его же статья в сб. «Эпические жанры устного народного творчества». Уфа, 1969, с. 153—154).

*Романов*, III, с. 164—181, № 21а — тип 313 С, № 21б — тип 313 В, № 21в — тип 313 А; VI, с. 168—170, № 81 — тип 313; *Шейн*, II, с. 31—36, № 18 — тип 313 В и С — конт. с АТ 307; с. 285—296, № 136 — тип 313 С; *Federowski*, II, с. 63—65, № 51 — вступление, как в АТ 313 В — «Война птиц и зверей», далее АТ 315; с. 150—158, № 124—127; *Kartowicz*, 1888, № 43, 44, 77; ежегодник «Wisła», 1889, III, с. 604; *Чубинский*, II, с. 195—203, № 55, бывш. Бельский уезд — тип 313 Аж, 518; Якимович, с. 262—263 — лит. пересказ. Русских вариантов — 82 (АП — 74 вар.; Никифоров — 5 вар.; Кругляшова — 1 вар.; Ск. Корольковой — 2 вар.; см. также: Пропп — Никифоров — 9 неопубл. записей). Украинских — до 45 (*Андр.*, Укр.; дополнительно: Ск. Верховины, с. 196—203; 356—361, 375—380; «Дідо-всєвідо», с. 90—94, 99—109, 186—190). Польских — 19 (*Krzyż.*, I, с. 95—96; 313 А — 18 вар., 313 С — 1 вар.).

313 Е\* = АА\*722, К 317. «Сестра просела»: брат хочет жениться на сестре, она бежит (ср.: АА\*515, I; АТ 510 В), проваливается под землю; после ряда приключений выходит замуж за царевича и примиряется с братом. В указателе АТ учтены только русские, польские и литовские тексты.

*Federowski*, II, с. 103—112, № 75—77; *Weryho*, с. 55—59, № 14. Русских опублик. вариантов — 6 (АП, с. 480; см. также: Пропп — Никифоров, с. 359 — неопубл. запись). Польских — 9 (*Krzyż.*, I, с. 100).

313 F\* = К 323. В бегстве запроданной черту девушке помогают заколдованные овечки (голубок).

*Federowski*, II, с. 327, № 387; *Gliński*, IV, № 5 — пересказ на польском языке белорусской сказки. В польском указателе, ссылкой на который ограничивается Томпсон, другие такие тексты не отмечены (*Krzyż.*, I, с. 97—99). Ср.: *Шейн*, II, с. 263, № 123 — козлик спасает девушку-невесту от сосватавшего ее белого волка; *Романов*, III, с. 72—73, № 9 — бегство юноши, нарушившего запреты, от чародея с помощью баб-яг и их собак.

313 Н\* = АА\*313 I. Бегство от ведьмы (железного волка, чародея и др.) с помощью бросания чудесных предметов. (Эпизод в сказках разных типов.)

*Романов*, III, с. 45—49, № 3 (бежать от бабы-яги помогает кот, дает детям клубочек и платочек) — конт. с АТ 315, 300; с. 49—55, № 4 — конт. с АТ 314 Аж, 315, 300; с. 55—67, № 5а, 5б, 7 — конт. с АТ 314 Аж, 315; *Добровольский*, I, с. 495—498, № 15 — конт. с АТ 314 Аж, 315, 300; *Federowski*, I, с. 120—124, № 342 — конт. с АТ 314 Аж, 315, 300; с. 95—96, № 286 — эпизод в сказке о «хитрой науке», ср.: АТ 325; II, с. 327, № 387 — конт. с АТ 313 F; Ск. Господарева, с. 197—217, № 7 — конт. с АТ 314 Аж, 315, 300. Русских вариантов — 22 (АП, с. 466). Данный мотив встречается также в сказках некоторых неславянских народов СССР: см., например: Барг, Башк., № 7. Томпсоном учтен только русский материал.



314. Чудесное бегство с помощью коня, который оказывается заколдованным юношей. См.: ВР III, 136, с. 94 и сл.; *Chauvin*, VI, № 50, с. 217; ср.: *Federowski*, II, с. 54—55, № 46; I, с. 95—96, № 286 — бегство нарушившего запреты юноши от чародея с помощью волшебного коня; *Kartowicz*, 1887, с. 289, № 44. Украинский вариант, записанный на Волыни, отмечен в польском указателе. Польских вар.— 31 (*Krzyż*, I, с. 97—99).

314 А\* = АА \* 314 I. Бычок-спаситель помогает детям бежать от их похитителя (Эпизод в разных сказках, чаще всего типа АТ 315). Томпсоном учтен только русский материал.

*Романов*, III, с. 49—55, № 4 (помогают бежать заяц, волк, медведь, гуси и, наконец, лось-спаситель) — конт. с АТ 313 Н\*, 315; с. 55—60, № 5а (помогают сорока, ворон, орел и, наконец, бычок-спаситель) — конт. с АТ 313 Н\*, 315; с. 60—63, № 5б (помогает волк); с. 63—67, № 7 (помогают ворон и вол-спаситель); *Federowski*, I, с. 120—124, № 342 (помогают медведь и бычок-спаситель) — конт. с АТ 313 Н\*, 315, 300; II, с. 64—68, № 51—54 — конт. с АТ 315; Ск. Господарева, с. 197—217, № 7 — конт. с АТ 313 Н\*, 315, 300. Русских вариантов — 16 (АП. с. 466; кроме того, см.: Пропп — Никифоров — 4 неопубл. записи).

315 = АА 315 А. Звериное молоко: сестра (мать) сговаривается с любовником погубить юношу и посылает его за молоком волчицы, медведицы и львицы, притворившись больной; связывает его спящего; герой спасается благодаря помощи своих зверей — волчонка, медвежонка и расправляется с врагом, наказывает притворщику. См.: ВР I, 60, с. 551—554; III, 121, с. 1—2 и прим. В научной литературе сказки о зверином молоке рассматривались в связи с мотивами древнего северного эпоса. См., например: *F. Leyen. Das Märchen in den Göttersagen der Edda*. Berlin, 1899, с. 28 и сл. Сюжет наиболее популярен в Европе, особенно у финнов и литовцев. Для белорусского, русского, украинского и литовского материала характерна особая разновидность этого сюжета — о железном волке, похитившем сестру и брата: они чудесным образом убегают (см.: АТ 314 А\*); железный волк перевоплощается в человека и становится любовником похищенной девушки. Такая сказка о железном волке есть в кашубском сборнике Цейновы (*F. Ceynowa. Skarb kaszebskoslovnjskie powie. «Swiecie»*, 1866, с. 146—148, 157—159). Е. Капелуш в статье «Семь польских сказок русского происхождения» (РФ, т. VIII, 1963), обратив внимание на эту сказку и на сведения о ее бытовании, высказала предположение, что сюжет «Железный волк» проник в Польшу в результате сношений западных славян со своими восточными соседями. Образ железного волка встречается также в сказках о бегстве нарушившего обет безбрачия. См. ниже: (АТ—) 325\*\*\* = Андр., Укр.\* \* 313 II.

*Романов*, III, с. 38—40, № 1 (неверная мать, любовник — трехголовый змей), в примеч. указания на 17 местных вар.— конт. с АТ 300; с. 40—45, № 2 (сестра, разбойник), есть указания на местные вар.— конт. с мотивами АТ 300; с. 45—49, № 3 (сестра, Кашей) — с вступлением типа АТ 313 Н\*; с. 49—55, № 4 (медный волк), в примеч. указания на местные вар.— конт. с АТ 313 Н\*, 314 А\*, 300; с. 55—66, № 5а, 5б, 7а (сестра, Юда-черт, змей) — конт. с АТ 313 Н\*, 314 А\*; с. 66—67, № 7б (мать, сговоровшись с чертом, посылает сына к Рыбе-Кашею за поросянком, ей на лекарство) — конт. с сюжетом № 706\*\* \*; с. 67—73, № 8 (мать, разбойник, богатырь Иван Златовус) — конт. с АТ 301 В, 302; *Добровольский*, I, с. 495—498, № 15 (сестра, разбойник, царевна); *Federowski*, I, с. 120—124, № 342 (сестра, железный волк) — конт. с АТ 313 Н\*, 314 А\*, 300; с. 124—126, № 343 (освобожденная царевна пытается погубить героя, его спасают собаки) — конт. с АТ 300; II, с. 62—64, № 51 (сестра, разбойник) — конт. с АТ 313 В; с. 65—66, № 52 (сестра по уговору с разбойником посылает брата за чертовым зубом и за пером грифа); с. 67—68, № 53 (сестра, разбойник, нет мотива звериного молока); с. 68—69, № 54 (сестра, железный волк); с. 69—71, № 55 (мать, человек с железным носом — ср. эстонские сказки этого типа о человеке с золотым носом); с. 71—74, № 56 (жена, разбойник); с. 85—

87, № 63 (мать по уговору со змеем посылает сына за золотым ячком и золотой свинкой); с. 314—315, № 347 — отчасти примыкает к типу 315; *Weryho*, с. 19—24, № 4 (мать по уговору с разбойником посылает Премудрого Соломона за яблоками в тридевятое царство) — конт. с АТ 300 = АА 300 А; Ск. Господарева (сестра, железный волк) — конт. с АТ 313 Н\*, 314 А\*, 300. Русских опубл. вариантов — 50 (АП, с. 466; «Советский фольклор», 1936, № 3—4, с. 189—195, 2 вар.; Бараг, Башк., № 5; Никифоров, № 114; кроме того, см.: Пропп — Никифоров — 2 неопубл. записи). Украинских — 24 (в дополнение к текстам, указанным в приложении к сб. Яворского на с. 319, отметим: Кравченко, 1914, с. 134—144, № 117, 118; Ск. Верховины, с. 232—243; «Дідо-всєвідо», 79—90). Польских — 10 (*Krzyż.* I, с. 99—100).

(АТ —) 316\*. Юноша, обещанный матерью водяному: поступает по совету старца в батраки к мельнику, добывает с его помощью у водяного кольцо своей матери и получает свободу. Ср.: АТ 313 и 316 — обещанный русалке освобождается от ее власти с помощью советов старухи.

*Добровольский* I, с. 158—160, № 91.

318 = АА 315 \* В = К 568. Неверная жена: завладевает рубашкой (огивом, мечом и т. п.), придающей мужу силу; после превращений в коня, дерево, селезня он убивает жену и женится на своей помощнице (ср.: АТ 560, 592 А). См.: ВР II, 85, с. 206. Сюжет распространен преимущественно в Восточной Европе и в Прибалтике, его происхождение и распространение исследованы в трудах Сидова и Лютгмана, на которые есть ссылки в указателе АТ. От восточнославянских сказок существенно отличаются западнославянские, в которых герой обретает чудесного коня, меч, рубашку, проведя три ночи в заколдованном замке.

*Kartowicz*, 1887, с. 247—248. № 13; Ск. Господарева, с. 297—312, № 14 — конт. с АТ 301 Д\*. Свообразная по композиции сказка записана нами в 1946 г. в д. Кастровичи Зельвинского р-на Гродненской обл. от М. С. Прокоповича, 1893 г. рожд.: мужик продает найденного им коня королю; убитый конь превращается в дерево, селезня и, наконец, в королевича, бывшего мужа королевы, которого она когда-то заколдовала в коня. Русских опубл. вариантов — 19 (АП, с. 466; Никифоров, № 103; см.: Пропп — Никифоров — 2 неопубл. записи). Украинские: *Kolberg*, *Rokucie*, IV, 1889, № 16; Ск. Верховины, с. 189—195. Польских — 9 (*Krzyż.*, I, с. 188—189).

(АТ —) 318\*. Меч-самосек и жена-ведьма: она три раза насылет на мужа многоголовых змей; тот мечом-самосеком расправляется с ними, а затем убивает жену.

*Federowski*, II, с. 168, № 144.

321 = *Андр.*, Укр. \*\* 300 II. Юноша служит пастухом у слепых старика и старухи: пасет скот на запретном лугу ведьмы (змеи) и вынуждает ее возратить старикам зрение (или добывает лекарство, живую и мертвую воду для слепого); прозрев, старик вознаграждает юношу. Н. П. Андреев в статье об украинском репертуаре отметил этот сюжет как характерный для украинского фольклора. В последнем издании указателя АТ учтены, однако, и чешские, сербохорватские, венгерские, румынские, французские и испанские сказки данного типа. Отметим другие, сходные с восточнославянскими вариантами, не учтенные в указателе АТ и К: польский (*L. Malinowski. Powieści ludu polskiego* на Śląsku. МААЕ, IV, 1900, с. 70—78), болгарский (Шапкарев, с. 240), эстонский (*O. Kallas. Achtzig Märchen der Lyutziner Esten. Jurjew, 1900, N 8*). В белорусском и русском материале также встречается сюжет о пастухе и слепом старике, иногда в составе сказок о подземном царстве — АТ 301.

*Романов*, III, с. 78—88, № 10а, 10б — конт. с АТ 301; VI, с. 347—354, № 37 — конт. с АТ 301 А. Русский неопубл. вариант: Пропп — Никифоров, с. 356, № 51. Украинских — 3 (*Андр.*, Укр.; «Дідо-всєвідо», с. 132—142). В украинской сказке юноша-пастух получает в награду скот (Кравченко, 1914, с. 147—152); в русской — птицу, выносящую его на своих крыльях из подземного царства; в белорусских и некоторых украинских

вариантах старик дарит шкуру белого медведя, и на ней юноша вылетает на белый свет, или скот для прокормления гигантской птицы, на которой тот возвращается на родину.

**325.** Хитрая наука: отец отдает чародею своего сына; получает обратно после того, как три раза узнал его среди одинаково превращенных в животных юношей; продает несколько раз обернувшегося конем сына, пока его не покупает чародей; после ряда превращений ученик одерживает верх над своим учителем. См.: ВР II, 68, с. 60; *Chauvin*, V, с. 147 и сл., 197 и сл.; VIII, с. 148. Отвергая мнение Бенфея об индийском происхождении «Хитрой науки», Люнгман в книге «Die Schwedischen Volksmärchen» доказывает, что этот сюжет проник в древнюю Индию из Малой Азии. Наиболее обстоятельный анализ национальных его вариантов дан в исследованиях: *Ю. Полива*. Магьосник и неговият ученик. София, 1898; *E. Cosquin*. Le mongols et leur pretendu role dans la transmission de contes indiens ver l'occident europeen. «Etudes folkloriques». Paris, 1922. История сюжета освещена Весельским: *A. Wesselski*. Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925, с. 245 и сл. В сравнении со сказками азиатских народов рассматривает восточнославянские сказки этого типа Г. Потанин в статье «Сказка с двенадцатью персонажами» (ЭО, 1903, № 1). Во многих восточнославянских вариантах развивается мотив бедности родителей, из нужды отдающих сына чародею. См., например: *Добровольский*, I, № 34; *Federowski*, II, № 122, 123. Как в белорусских, так и в русских, украинских, южнославянских сказках часто встречается мотив появления чародея Оха из-под земли. Почти исключительно в восточнославянских сказках развивается мотив: чародей, обернувшийся шукой, не может схватить ученика, обернувшегося ершом (окунем). В белорусских, украинских и западнославянских вариантах имеется эпизод, отсутствующий в русских сказках: чародей пытается подковать коня-оборотня. Относительно часто встречаются в белорусских, украинских и польских вариантах редкие в русском материале мотивы — обучения Охом ученика путем сжигания (*Federowski*, I, № 280; II, № 123; *Kartowicz*, 1887, № 9) и купания в кипятке (Шейн, II, № 27). Типичный русский мотив «Конь-оборотень оставлен на привязи у входа в кабак» отмечен также у восточных белорусов (*Добровольский*, I, № 34). Встречаются в белорусских сказках и характерные для русского материала контаминации сюжетов АТ 325, 725. В ряде западнобелорусских вариантов развивается характерный для западнославянских сказок мотив: чародей созывает своих учеников, трубя в медную трубу (*Federowski*, I, № 280; II, № 122). Мотив этот отмечен также в западнобелорусских и западнославянских сказках типа «Чудесное бегство» (*Federowski*, II, № 125). В белорусском фольклоре наблюдается своеобразное взаимодействие сказок о «хитрой науке» с быличками, легендами (*Л. Г. Бараг*. Сказочная фантастика и народные верования. «Эпические жанры устного народного творчества». Уфа, 1969, стр. 151—152).

*Добровольский*, I, с. 615—619, № 34; *Шейн*, II, с. 57—59, № 26, 29; *Federowski*, I, с. 91—93, № 280; II, с. 145—147, № 122; с. 147—150, № 123 — конт. с АТ 725; *Kartowicz*, 1887, с. 241—243, № 9 — конт. с АТ 725; 1888, с. 38—40, № 74; *Gliński*, I, № 10 — польский пересказ; Ск. Господарева, с. 337—341, № 20. Русских вариантов — 29 (АП, с. 466—467; Никифоров, № 20, 86, 100). Украинских — 13 (дополнительно к перечню вариантов в приложении к сб. Яворского на с. 333—334; «Дідо-всевідо», с. 142—148; тот же вариант перев. на русск. яз. — Ск. Верховины, с. 315—321; Гириак, 1968, с. 24—26).

**325 \*\*** = К, 342. Наказанный чародей-оборотень: крестьянин, в хлеве которого задушены овцы, мстит ему с помощью другого чародея — у виновного вырастает хвост.

*Federowski*, I, с. 90—91, № 279; с. 93, № 281. Польских вариантов — 20 (*Krzyż*, I, с. 118—119).

(АТ—)325 \*\*\* = Андр., Укр. \*\* 313. I. Ученик чародея нарушает запреты: открывать волшебную книгу и жениться; его преследует и убивает чародей; оживает он вновь благодаря помощи чудесных собак.

*Романов*, III, с. 73—77, № 9 — конт. с АТ, 300. Украинских вариантов — 5 (*Рудченко*, I, № 58; *Ястребова*, № 13; *Яворский*, № 26; Гнатюк, *Этногр. матер. Угор. Руси*, т. IV, с. 27—34). В украинских сказках встречается образ железного волка, угрожающего съест героя за нарушение обета безбрачия. Мотив запретной волшебной книги развивается в одном из вариантов «Хитрой науки» рукописного фонда ИИЭФ АН БССР (записано в 1946 г. М. Я. Гринблатом в д. Князь-озеро Старобинского р-на Минской обл. от Н. Бердникова, 1886 г. рожд.). Ср. русскую сказку (сб. *Худякова*, № 119): юноша тайно проникает в дом чародея и учится по его книгам. Мотив «Ученик чародея нарушает запрет открывать волшебную книгу» характерен для западнославянских сказок: например, отмечен в 11 из 12 опубликованных чешских вариантов «Хитрой науки» (*V. Tille. Soupis českých pohádek*, I. Praha, 1929, с. 132—141). Из западнославянских сказок, в которых сходно со сказкой сборника Романова повествуется о бегстве ученика чародея с волшебной книгой, также укажем на чешские, см.: «*Narodni pisne, pohádky a pověsti*». Praha, 1878, odděl 2, с. 23; *J. Malý. Vybór drobných spisů. Sv. III. Praha, 1929, с. 112.*

**326 В\*** = АА 326\* В = К 326. **Бесстрашный**: забирает мертвеца (висельника), затем другого; мертвецами пугает разбойников, расправляется с привидениями, нечистой силой, освобождает от нечистых царевну (ср. АТ 326 А). Томпсоном сюжет отмечен только в русском, украинском и литовском материале.

*Federowski*, I, с. 78—79, № 231 (эпизод «Бесстрашный, играя на скрипке, заставляет привидение плясать» напоминает сказки типа 592; аналогичные эпизоды есть в западных вариантах, см.: ВР II, с. 495); II, с. 207—209, № 188; *Klich*, с. 62—63; *Чубинский*, II, с. 366—367, № 101 — Брестская обл.; Ск. Господарева, с. 353—356, № 24. Ср.: *Шейн*, II, с. 154—155, № 22 (бесстрашный бьет мертвеца, оживляет его, окропляет нечистых святой водой). Русских вариантов — 9 (АП, с. 467; см. также Пропп — Никифоров, с. 364 — неопубл. запись). Украинских — 4 («*Этногр. зб.*», I, № 24; VII, № 43; XXIX, № 38; Шухевич, V, № 65). В польском указателе сюжетные типы 326 А и 326 В не разграничены (*Krzyż.*, I, с. 104—106; 55 польских вариантов, преимущественно АТ 326 А).

(АТ—) **326 Еж**. **Бесстрашный и его братья** (товарищи): ночуют в костеле; двое убегают от привидения, третий играет с ним в карты — привидение рассыпается золотом (или указывает, где находится клад).

*Federowski*, I, с. 63, № 188; текст, записанный нами в 1948 г. в д. Доржи Ошмянского р-на Минской обл. от Ю. В. Жданович, 1912 г. рожд. (концовка: братья преследуют бесстрашного, добывшего золото, — он падает, золото превращается в щепы). Мотив игры в карты с привидением развивается также в сказке типа 326 В\*: *Federowski*, I, с. 78—79, № 231.

(АТ—) **326 Г\***. **Бесстрашный ищет беды**: лишившись одежды, попадает на остров, встречает там девушек-голубиц, испытывает чудесные превращения (в дерево, баранчика) и с помощью старца спасается. Ср. АТ 1528 В (= АА \* 1528, I), 347 (= АА 533\* В).

*Federowski*, II, с. 189—192, № 164. Мотив поисков беды развивается также в некоторых сказках типа 326 В\*: *Шейн*, II, с. 154; *Чубинский*, II, с. 366 (ср. украинскую сказку: «*Этногр. зб.*», I, № 1).

**327 А** = К 327 Еж. **Брат и сестра у ведьмы** (колдуна, змея): брошенные в лесу дети попадают в избушку ведьмы; та хочет их изжарить, но сама сгорает в печи. См.: ВР, I, 15, с. 115—124. Отдельные мотивы имеют древние корни. Происхождение и пути распространения сказок типа 327 (А, В, С) освещаются в исследованиях: Веселовского («Поэтика сюжетов»), Весельского, Коскена, Келера, Ланга, Люнсмана, Проппа («Исторические корни волшебной сказки»); см. библиографию в книге В. Люнсмана о шведских сказках (с. 358). Сказки о брате, сестре и ведьме нечасто встречаются в восточнославянском материале.

*Романов*, III, с. 265—266, № 47а (сестра становится женой змея; змей хочет откормить и съесть ее брата) — конт. с АТ 450; *Карский*, IV, с. 41—43 — конт. с АТ 1537; *Добровольский*, I, с. 498—501, № 16 — конт. с АТ 1681 А (= АА \* 1681 I), 1685 А, 1653 В, отчасти напоминает тип

327 В — мальчик с братьями попадает к ведьме; *Federowski*, II, с. 177, № 153. Русских вариантов — 3 (АП, с. 467; Пропп — Никифоров — пересказ неопубл. записей). Украинских — до 5. Польских — 29 (*Krzyż.*, I, с. 106—107).

327 В. Мальчик с пальчик у ведьмы: он с братьями попадает к ведьме (людоеду); ночью меняются местами или одеждой с дочерьми ведьмы, и та убивает своих дочерей, братья спасаются. См.: ВР, I, 15, с. 124—125. Исследование: *P. Saintyves. Le contes de Perrault et les recit paralles. Paris, 1923, с. 245—349.* Характерны конт. с АТ 328, 531.

*Романов*, III, с. 239—247, № 39, 40 — конт. с АТ 328, 531 (как и в варианте, приведенном в подстрочном примеч. на с. 238 того же сборника); VI, с. 262—297, № 31 — конт. с АТ 531; «Матер. для этногр. Гродн. губ.», II, с. 367—368, № 12; *Чубинский*, II, с. 87, № 22 — Брестская обл.; с. 409—410, № 117 — Брестская обл.; ср.: *Federowski*, II, с. 172—174, № 149 — отчасти относится к данному типу; *Gliński*, II, № 1 — польский литературный пересказ. Русских вариантов — 11 (АП, с. 467; Никифоров, № 120). Украинских — 17 (*Андр.*, Укр.; дополнительно: «Дідо-всеви́до», с. 94—97; Ск. Верховины, с. 224—231, 388—394).

(АТ —) 327 В\*. Кот спасает девушек: ночью шепчет 12 девушкам, гостящим у ведьмы, чтобы поменялись местами с 12 сыновьями ведьмы и залили ведьме глаза смолой; ведьма съедает сыновей (ср. № 333 А\*).

*Federowski*, II, с. 178, № 153.

327 С, 327 F. Ивась и ведьма: ведьма заманивает мальчика к себе, подражая голосу матери; поручает своей дочке изжарить его или сама показывает, как надо садиться на лопату; мальчик засовывает в печь дочь ведьмы или ведьму; взбирается на дерево; гуси-лебеди приносят его домой. Под № 327 F в указателе АТ отмечены русские, украинские, болгарские и литовские сказки, в которых героем является мальчик-рыбак: он ловит рыбу, сидя в лодке; ведьма перековывает свой грубый голос на тонкий и выдает себя за мать, принесшую еду. См.: ВР I, 42. К разновидности 327 F относятся также почти все белорусские сказки о мальчике и ведьме. В польских сказках ведьма уносит мальчика, который является оживленной деревянной фигуркой. Исследование: *E. Cosquin. Etudes folkloriques. Paris, 1922, с. 349—394.* Сказки народов Европы представляют более позднюю стадию развития темы спасения от людоедки ребенка перелетными птицами, чем, например, чукотские и эвенкийские мифы, предания, в которых данная тема трактуется как историческая (см.: *В. Г. Богораз-Тан.* Миф об умирающем и воскресающем звере. «Художественный фольклор», I, 1926, с. 68; *Г. М. Василевич.* Материалы по эвенкийскому фольклору. Л., 1936, с. 46—52, № 42).

*Романов*, III, с. 268—270, № 49а, 49б; *Шейн*, II, с. 47—48, № 21; с. 72—73, № 37; *Чубинский*, II, с. 406—409, № 116 — Брестская обл.; *Federowski*, с. 170—172, № 147, 148; *Klich*, с. 136—138, № 2; *Kolberg*, с. 203—204; *Gliński*, II, № 7 — литер. пересказ на польск. яз.; ж. «Маяк», 1844, т. XV, с. 80 — пересказ на русск. яз. белорусск. сказки. Русских опубл. вариантов — 34 (АП, с. 467; Никифоров, № 45, 64, 70, 85; Пропп — Никифоров — 8 неопубл. записей; Кругляшова, с. 237—238, № 8). Украинских — 6 (Кулиш, Записки, II, с. 79—81; Драгоманов, с. 353—355; Рудченко, II, № 15, тот же текст в сб. *Гринченко, Казки*, с. 49—54; *Гнедич*, IV, № 1480; Левченко, № 466). Польских — 4 (*Krzyż.*, I, с. 107—108).

328. Мальчик похищает у нечистого (ведьмы) сокровища: чудесного коня или козла, золотой фонарь и т. д. (ср.: АТ 531); нечистый погибает. См.: ВР II, с. 511; III, 126, с. 33—37. По предположению В. Люнсмана, сюжет сложился на византийской почве. Старейшая литературная версия в сб. XVII в. «Пентамерон» Базиля (III, № 7). Чаще всего встречается в соединении с АТ 327 В.

*Романов*, III, с. 239—247, № 39, 40 — конт. с АТ 327 В (как и в варианте, пересказанном в примеч. к № 38 на с. 288 того же сб.); VI, с. 360—370, № 39 — конт. с АТ 327 В и 531; *Шейн*, II, с. 74—80, № 39 — конт. с АТ 531. Украинских вариантов — 5 (*Андр.*, Укр.). Польских — 4 (*Krzyż.*, I, с. 108—109).

329. Елена Примудрая: хочет выйти замуж только за того, кто сумеет от нее спрятаться; герой с чудесной помощью два раза прячется неудачно (в желудке птицы, рыбы и т. п.), но третий раз, превращенный в булавку, скрывается за волшебным зеркалом или за волшебной книгой и получает руку волшебницы. См.: ВР III, 191, с. 365.

*Романов*, VI, с. 488—490, № 55; *Добровольский*, I, с. 223—224, № 1. Русских вариантов — 25 (АП, с. 467; Никифоров, 93). Украинских — 2 (*Андр.*, Укр.: библиогр. указание дополнительно к ВР в комментариях Андреева ко II тому сказок Афанасьева, 1938, с. 618 и в указателе Ю. Кшижановского, т. I, с. 109). Польский вар. — *Krzyż.*, I, с. 109. В Польше сюжет известен в обработке Ю. Крашевского («*Koza szaga*»).

330 А. Смерть на скамье: Святой Петр (бог, старик) исполняет желания солдата (кузнеца); смерть на может сойти со скамьи, с яблони (или выйти из табакерки, торбы); солдат не хочет впускать ни в рай, ни в ад. См.: ВР II, 82, с. 163—189. Старейшие литературные версии этого сюжета, распространенного преимущественно на Севере и Востоке Европы, — немецкие шванки: «*Der Tod auf dem Stullen*» Г. Сакса (1551) и «*Historia von Sancto*» (1570).

*Романов*, IV, с. 79, № 45 (кузнец освобождает крестьян от крепостного ига и становится бессмертным); *Шейн*, II, с. 412—414, № 229; *Сергпутовский*, 1911, с. 25, № 13; *Federowski*, II, с. 132, № 101; с. 281, № 320; *Вагак*, с. 373—375; № 53 (вступление «Христос и апостолы на ночлеге», часто встречающееся в западнославянских сказках); ж. «*Маяк*», 1844, XV, с. 20—21 — русск. пересказ. Русских вариантов — 10 (АА, с. 30). Украинских — 18 (*Андр.*, Укр.). Польских — 32 (*Krzyż.*, I, с. 109—111). Заключительный эпизод ряда вариантов (например, *Вагак*, № 53) находит соответствие в фавлье XII—XIII вв. «О крестьянине, который тяжбой приобрел рай». В XVII в. на его основе была создана русская «Притча о бражнике», с ней сходна белорусская сказка: *Добровольский*, I, с. 285—296, № 51 (ср.: *Federowski*, II, с. 387, № 322).

330 В. Черти и смерть в мешке: солдат ловит в мешок чертей и предлагает кузнецам избить их молотами, а потом заманивает в мешок (табакерку) смерть, которая пришла за солдатом; солдата не пускают ни в рай, ни в ад. См.: ВР II, 81, с. 157—162; II, 82. Сказки данного типа, как и типа 330 А, связаны со средневековыми шванками-фавлье.

*Романов*, III, с. 340—345, № 84; с. 426, № 27; IV, с. 48—51, № 38; с. 67—79, № 446; *Шейн*, II, с. 409—412, № 229—229; он же. Белорусские народные песни. СПб., 1874, с. 440—441; *Сергпутовский*, 1911, с. 33—34, № 13; *Чубинский*, II, с. 430—432, № 131 — Брестская обл.; ЭО, 1891, № 1, с. 92—94; *Federowski*, II, с. 283—288, № 321, 322; *Gliniski*, II, № 6 — польск. литер. пересказ. Русских вариантов — 11 (АП, с. 467; см. также: Пропп — Никифоров, — неопубл. запись). Украинских — 12 (*Андр.*, Укр.; см. библиографию в приложении к сб. Яворского, с. 278). Польских — 25 (*Krzyż.*, I, с. 112—113).

331. Дух в бутылке: человек освобождает нечистого из бутылки и получает в награду лекарство или способность превращать камень в золото (как в АТ 862), снова заманивает его в бутылку. См.: ВР II, 99, с. 414; *Chauvin*, VI, № 195, с. 23. Мотивы этого сюжета, известного по индийским, монгольским и арабским сказкам и легендам о Соломоне, отразились в византийском «Скитском патерике» (житие Лонгина), в западноевропейской легенде о св. Теофрасте, в древнерусской легенде и повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе («Памятники старинной русской литературы», т. I. СПб., 1860, с. 241—242), которую использовал Пушкин в поэме «Монах» (1813): монах ловит в рукомыйнике беса и угрожает закупорить его, бес обещает исполнить все желания своего повелителя. Связь с агиографией, а вместе с тем и с волшебной сказкой имеет легендарная русская сказка типа АТ 862 (= АА \* 841 I), отмеченная в трех вариантах: пустынный с помощью духа, заключенного в бутылку, достает чудесный камень (ср. сказку о пустынноике, который при помощи черта получил царевну — Пропп — Никифоров, с. 349, № 123). Родство

с этим сюжетом проявляется также в сказках о запертом и освобожденном Горе (АТ 332=735 А). Единственная в восточнославянском материале белорусская сказка типа 331 близко напоминает «Сказку о рыбаке» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 3—9).

*Добровольский*, I, с. 388—393, № 29. Польских вариантов — 10 (*Krzyż.*, I, с. 113).

332. **Смерть-кума**: бедняк (солдат) становится лекарем; когда смерть в ногах у больного, постель или больного поворачивают; в конце концов смерть приходит за самим лекарем. См.: ВР I, 44, с. 377. Древнейшие версии в Талмуде и в сборнике «25 рассказов веталлы». История сюжета исследована Весельским: *A. Wesselski. Märchen des Mittelalters*. Berlin, 1925, с. 211 (комментарий к № 17).

*Романов*, IV, с. 66—67, № 44; *Добровольский*, I, с. 314—318, № 10, 11; *Шейн*, II, с. 414—419, № 230, 231; *Сергпутовский*, 1911, с. 34—36, № 14; *Federowski*, I, с. 141—143, № 368—369; II, с. 132—134, № 102, 103; *Klich*, с. 27—31, № 18; *Karlłowicz*, 1887, с. 272—273, № 29; ЭО, 1896, № 1, с. 92—93. Русских вариантов — 5 (АА, с. 31). Украинских — 15 (перечень текстов дан в приложении к сб. Яворского, с. 276). Польских — 25 (*Krzyż.*, I, с. 114—116). Ср. К 1637. (*Krzyż*, II, с. 109—110).

332 = 735 А = К 331 А = АА\* 735 I. См. 735 А.

(АТ —) 332\*. **Бедный брат и смерть**: бедняк идет украсть у богатого брата вола и встречает смерть, которая направляется к дому этого богача, чтобы задушить ребенка; когда ребенок чихает, бедняк говорит: «На здоровье!» — и тем самым спасает его.

*Романов*, III, с. 335—336, № 80.

(АТ —) 332\*\*\*. **Старик получает у смерти трехкратную отсрочку.**

*Federowski*, I, с. 141, № 367 (ср.: *Federowski*, II, с. 132—133, № 102).

(АА —) 332 \* \* \*. **Судья Праведный**: народ избирает судью, которому выкалывают глаза, чтобы судил, не смотря на лица; рассудив лягушку с угрем справедливо, судья прозревает; обличает святых, бога и признает только беспристрастность смерти, которая уводит его в рай. Отдельные мотивы находят соответствие в Талмуде, древних мусульманских и христианских легендах и в рассказах сборника «Gesta Romanorum» (переведен в XVI в. на польский и в XVII в. на русский языки).

*Добровольский*, I, с. 310—313, № 9 (окончание напоминает тип 332\*\*\*);

*Романов*, IV, с. 186—187, № 4.

333 А. **Красная шапочка**: волк проглатывает ее и бабушку; волка убивают; бабушку и внуку достают из его брюха. См.: ВР I, 5, 26, с. 37, 234. Народные европейские сказки данного типа испытали литературное влияние Перро. Исследование: *M. Rumpf. Rotkäpchen. Eine vergleichende Märchenuntersuchung*. Göttingen, 1951.

*Federowski*, II, с. 5, № 6. Русских и украинских опубл. вариантов нет. Польских — 12 (*Krzyż.*, I, с. 116).

(АА —) 333 А\*. **Кот, Марылька и людоед**: кот спасает девочку от великана-людоеда; в следующий раз девочка плохо обходится с котом, и он помогает людоеду заманить ее (ср.: АТ 332 Н\* = АА \* 333 I; 311); Марылька спрашивает людоеда, отчего у него большие глаза, уши, рот; тот проглатывает ее (ср.: АТ 333 А, 2028 В = АА 333 \* В).

Текст, записанный нами в 1946 г. в с. Острово Зельвинского р-на Гродн. обл. от В. Пасюк, 1911 г. рожд.

333 В = 2028 = АА \* 331 I. **Людоедка**: девушка идет в гости к тетке (крестной); на пути встречаются ей человечья голова, глаза, руки, ноги и т. п. (или животные), предупреждают, что тетка — людоедка; девушка все-таки идет, и людоедка съедает ее. См.: ВР I, 42.

*Federowski*, I, с. 84—85, № 264; II, с. 166, № 144; *Дмитриев*, с. 189.

Русских вариантов — 4 (АА, с. 31). В западнославянских сборниках этого сюжета нет.

360. **Договор трех юношей с чертом**: они получают деньги; хозяин гостиницы убивает человека, а обвиняют в убийстве юношей, которые обязались говорить

только: «мы трое», «за деньги», «так надо» (ср.: АТ 1697); черт спасает их с виселицы; вешают хозяина, а черт получает его душу. См.: ВР II, 120, с. 561. Ареал сюжета ограничен странами Северной и Восточной Европы (АТ, с. 126). *Weryho*, с. 65, № 19; *Kartowicz*, 1887, с. 240—241, № 8; *Federowski*, III, с. 187, № 350. Польских вариантов — 5 (*Krzyż.*, I, с. 119—120). В русском и украинском материале отмечены только сходные бытовые сказки типа 1697.

361. Неумойка: солдат заключает договор с чертом — семь дней не мыться, не чесаться; получает много денег; женится на младшей из трех сестер, так как старшие отказываются от него: сестры от зависти вешаются, а черт получает их души (ср.: АТ 475). См.: ВР I, 101, с. 427. Зарок не стричься, не мыться связан с древними обычаями и известен также по литературным памятникам. Исследование: *J. Gaismaier. Der Bärenhäuter. Progr. Ried, 1940.* Сюжет распространен преимущественно в Европе.

*Романов*, IV, с. 51, № 39; *Вагар*, с. 239—242, № 24. Русских вариантов — 3 (АА, с. 31). Украинских — 3 (Н. П. Андреев в комментарии ко второму тому сказок Афанасьева, отметил на с. 638 дополнительно к указаниям Больте-Полыки текст сборника Левченко, № 506). Польских — 17 (*Krzyż.*, I, с. 120—121).

365. Жених-мертвец: невеста оплакивает убитого жениха; он является к ней и увозит в могилу (ср.: «Ленору» Бюргера — 1773 г.). Исследования: *И. Созонович. Песни и сказки о женихе-мертвце. «Варш. универс. изв.»*, 1890, № 1, 2, 3; *он же.* Русские варианты сказки о женихе-мертвце. «Русск. филол. вестник», 1890, № 4, с. 332—344; *он же.* «Ленора» Бюргера и родственные ей сюжеты. Варшава, 1893; *он же.* К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию. Варшава, 1898. Ареал сюжета ограничен Европой. В восточнославянских и в западнославянских сказках встречаются песенные вставки (например, *Federowski*, I, № 201) и проявляется влияние быличек, например в таких традиционных эпизодах: девушка бросает в могилу жениху-мертвцу свою одежду; убегает голая в дом, где лежит другой мертвец (*Federowski*, I, № 196).

*Добровольский*, I, с. 126—127, № 58; ж. «Русск. филол. вестник», 1890, № 4, с. 334—335 — Смоленская губ.; с. 335—336 — Гродненская губ.; *Вагар*, с. 322—324, № 36 — конт. с АТ 407; *Federowski*, I, с. 66—67. № 196; ср. с. 20—21, № 68 (королева по совету коня избавляется от черта-жениха, кинув священные предметы и обратившись с мольбой к богу); ср. 22—23, № 75 (черт-жених, окропленный святой водой, убивает невесту и сжигает дом); ср. с. 68—69, № 201 (девушку, не сдержавшую слова жениху, увозит упырь и отрывает ей голову — АТ 1476 В = К 479); II, с. 238, № 236; с. 252, № 267. Русских вариантов — 3 (АА, с. 31; см. также: Пропп — Никифоров, с. 352 и 375 — 2 неопубл. записи). Украинских — 11 (*Андр.*, Укр.). Польских — 15 (*Krzyż.*, I, с. 121—123).

(АТ—) 365 Сж. Жених-черт приносит невесте по ее требованию верхушку лысой головы: при пении петуха глыба обрушивается на дом невесты. Сюжет встречается в восточнославянском и западнославянском материале как в легендарной, так и в сказочной формах.

*А. Рубец.* Предания, легенды и сказания Стародубской старины. Стародуб, 1911. Западнославянские параллели: *J. Wenzig. Westslawischer Märchenschatz. Leipzig, 1857*, с. 176—179; *J. Polivka. Povidky lidu oravskeho a hanackeho. Praha, 1916*, с. 70—74, № 46.

366. Человек с виселицы: человек похищает печень (сердце, желудок, палец, сорочку) повешенного или другого мертвеца; приведение приходит за похищенным и наказывает человека. См.: ВР III, 211, с. 478. Сюжет распространен в Европе; в восточнославянском фольклоре встречается обычно в виде быличек, легенд.

*Federowski*, I, с. 60, № 178, 179; с. 67—68, № 198—200, 207—208; *Kartowicz*, 1887, с. 287, № 4. В указателе АА отмечен неполный русский вариант. Сходные былички (например, «Отдай мой палец») еще не так



давно бтовали в разных областях России. Польских вар.— 10 (*Krzyż.*, I, с. 123).

(АТ—) 366 \*\* **Обезглавленное привидение**: парень снимает с виселицы труп; привидение помогает парню похитить невесту (ср.: АТ 508); ее отец, пытаясь убить парня, отсекает голову привидению.

*Federowski*, II, с. 209, № 189.

#### 400—459. Чудесный супруг

(супруга или родственник)

400 = АА 400 А = К 400 А В С Д. Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет исчезнувшего мужа): при вступлении в брак муж (жена) обязуется не нарушать какого-либо запрета; нарушив запрет, отправляется на поиски исчезнувшей жены (мужа) и благодаря чудесной помощи находит. См.: ВР II, 88, с. 269—271; II, 92, с. 318; II, 93, с. 335; III, 193, с. 406; *Chauvin*, VII, № 212, с. 29. Этот сюжет, история которого связана с «Панчатантрой», «Тысячей и одной ночью» и со средневековыми сборниками, встречается обычно в соединении с АТ 402, 432, 433, 440. Исследование: *E. Moor. Über das Märchen von der verwünschten Königstochter. Grogger Gedenkbuch, 1927.*

*Романов*, VI, с. 105—107, № 12 — конт. с АТ 302, 518; с. 404—412, № 44 — конт. с сюжетом «Жена-змея»; с. 419—426, № 46 — конт. с АТ 440; *Чубинский*, II, с. 476—477, № 146 — Брестская обл., конт. с АТ 440; *Federowski*, II, с. 181—183, № 156 — конт. с АТ 440; с. 185—186, № 160 — конт. с АТ 402; с. 189, № 164; с. 342—343, № 400 — конт. с АТ 440; *Gliński*, I, № 3 — конт. с АТ 402, литер. польский пересказ белорусской сказки; *Ск. Господарева*, с. 86—112, № 8 — конт. с АТ 402, 518, 302. Русских опубл. вариантов — 64 (АП, с. 468; Никифоров, № 86, 108; Пропп — Никифоров — 2 неопубл. записи). Украинских — 2 (*Андр.*, Укр.). Польских — 34 (*Krzyż.*, I, с. 126—129).

401. Заколдованная (превращенная в животное) царевна: герой наезжает на замок, где она находится, проводит там три ночи, борется с нечистыми и освобождает ее от чар, берет в жены. См.: ВР II, 92, с. 330—331; II, 93; III, 137. Ср. тексты, отмеченные под № 307 Д\*, 402\*, 406\*\*.

(АТ—) 401 А\* = *Андр.*, Укр. \*\* 406. **Жена-змея**: вытщенная из огня змея превращается в женщину и выходит замуж за своего избавителя; человек обещает никогда не ругать жену «змеей»; она вновь становится змеей, когда это обещание нарушено, и исчезает. Эпизод «Змея в огне» входит в разные сюжеты, например в сюжет «Язык животных» — АТ 670 (*Ск. Корольковой*, с. 208—210). Исследования: *J. Köhler. Der Ursprung der Melusinsage. Leipzig, 1895*; *А. Н. Веселовский. Собр. соч.*, т. II, вып. 1. СПб., 1913, с. 31—33; *К. Helzig. Über den Ursprung der Melusinsage. «Fabula», Heft 3. Berlin, 1959*, с. 170—181. Н. П. Андреев отнес такие сказки, напоминающие легенду о Мелузине, к специфичным для украинского репертуара.

*Романов*, VI, с. 404—412, № 44 — начало, как в сказках типа 560, конт. с АТ 400; IV, с. 140—142, № 81; *Добровольский*, I, с. 322—323, № 17; *Ск. Господарева*, с. 320—321, № 17; текст, записанный нами в 1947 г. в д. Турная Телеханского р-на Брестской обл. от М. Я. Малинчик, 1885 г. рожд. Украинских вариантов — 4 (*Андр.*, Укр.: например, Драгоманов, с. 311—313, № 17). Подобные сказки встречаются и в западнославянском фольклорном материале: «*Narodnišny sbornik*», 1898, II, отд. 3, с. 182. Ср.: *Krzyż.*, I, с. 128—129, № 400 С — 19 польских вариантов.

(АТ—) 401 В\*. **Сестра царевича-змеи**: вытщенный из огня змей оказывается царевичем; он спасает своего избавителя от злых чар и переносит в свой замок, выдает за него замуж сестру (ср. АТ 433 и 413\*\*). Сб. ОРЯС АН, т. 86, 1906, с. 20—22 (Минская обл.).

402. **Царевна-лягушка**: три царевича идут искать себе жен по направлению брошенных предметов или пущенных стрел; младший находит на болоте ля-

гушку, она становится его женой, лучше всех выполняет поручения царя (шьет, ткет, печет, пляшет) и превращается в царевну. См.: ВР II, 63, с. 30; 106, с. 466; III, 121; *Chauvin*, № 286, с. 133. Исследование: В. П. Аникин. Волшебная сказка «Царевна-лягушка». «Фольклор как искусство слова». М., 1966, с. 19—49. Сюжет имеет, вероятно, европейское происхождение. В некоторых западноевропейских вариантах героиней является кошка; в польских — нередко мышка, в эстонских — змея. К западнославянскому материалу примыкают западнобелорусские варианты с вводным эпизодом: братья бросают «гальки» (*Klich*, с. 95; *Kartowicz*, 1888, с. 50) или кольца, шары (записанные нами тексты) и отправляются на поиски невест. Подобные варианты имеются в польских и итальянских сборниках. Польские тексты близко напоминают вариант сб. Федеровского (II, № 160): братья бросают в разные стороны свои ружья; ружьем младшего завладевает лягушка; став ее супругом, герой идет к ксендзу, который советует сжечь шапку лягушки. В варианте, записанном нами в д. Красковские Горы Любчанского р-на Гродненской обл. от Раи Шырало, 1932 г. рожд., царевна-лягушка испытывает храбрость, терпение героя, а затем превращает болото и лес в город, сама же превращается в царевну (сходный вариант см.: М. Тоерпен. *Aberglauben aus Masuren. Danzig, 1867*, с. 158—162). Вариант, записанный нами в 1944 г. в д. Клетшино Пуховичского р-на Минской обл. от Елены Стрельцовой, 1902 г. рожд., сблизается с западными сказками о царевне-лягушке и с одним из текстов сборника «Новгородские сказки» М. Серовой (М.—Пгр., 1923, с. 58—65, № 17): герой находит заколдованную в лягушку царевну в подземелье, она приводит его в свой дворец. Сходно с польскими сказками развивается мотив чародейства царевны в вариантах сб. Клича (махнет рукой — стена делается золотой, махнет другой — на стене появляются цветы) и Карловича (в центре зала образуется озеро, на нем плавают лебеди; король, его сыновья и невестки танцуют). Для восточнославянских сказок характерен мотив соперничества царевны-лягушки со старшими снохами, который развивается в варианте Господарева. Здесь, как и в некоторых других фольклорных текстах, проявляется влияние лубочной «Сказки об Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и злом волшебнике Карачуне» Кассирова. Сюжет этот часто сливается с сюжетом АТ 400. *Federowski*, II, с. 185—186, № 160 — конт. с АТ 400; *Klich*, с. 95—96, № 1; *Kartowicz*, 1888, с. 50—51, № 80; *Gliški*, III — конт. с 400, польский литературный пересказ белорусской сказки; Ск. Господарева, с. 86—112, № 8 — конт. с АТ 400, 518, 302. Русских опубл. вариантов — 26 (АП, с. 468; Никифоров, № 55; Пропп — Никифоров, неопубл. запись). Украинских — 5 (Драгоманов, с. 313—317; Рудченко, I, № 43; II, № 29; «Етногр. зб.», XIV, № 11; Ск. Калина, с. 142—148). Польских — 6 (*Krzyż*, I, с. 129—130).

(АТ—) 402\*ж. Царевна-лягушка в зачарованном замке: герой спасает старика от преследования великанов, и тот показывает ему путь к замку царевны-лягушки; женившись на ней, сжигает ее шкуру; царевна покидает мужа: через год она возвращается, освобожденная от чар.

*Federowski*, II, с. 186—187, № 161.

(АТ—) 402\*\* = Андр., Укр. \*\* 402 I; АТ 413 = К 415. Красавица-свинья: герою суждено жениться на свинье; любопытная женщина подсматривает в щель двери за женихом и невестой-свиньей; свинья, сбросив шкуру, набрасывает ее на любопытную, сама же превращается в красавицу.

Текст, записанный нами в 1945 г. в д. Чудин Ганцевичского р-на Брестской обл. от М. А. Целогоуза, 1894 г. рожд. Украинских вариантов — 2 (Андр., Укр.). Отчасти напоминает польскую сказку «*Zakleta świnka*» отмеченную в указателе Ю. Кшижановского под № 415 (I, с. 133) = «*Lud*», XII, *Lwów*, 1906, с. 28).

(АТ—) 402 В. Жена-сирена: сирена спасает королевича при кораблекрушении; чтобы стать его женой, с помощью колдуньи превращает свой хвост в человеческие ноги и отдает ей свой голос; когда, став женой королевича, она прощается с подругами, те увлекают ее и королевича на дно моря. Ср. сказку Г. Х. Андерсена «Русалочка» (1836—1837).

Текст, записанный нами в 1948 г. в д. Доржи Ошмянского р-на Минской обл. от Ю. В. Жданович, 1912 г. рожд. Своеобразный пересказ Андерсена.

403. Подмененная жена: падчерица становится женой царя; мачеха подменяет ее своей дочерью; царю обращает уточкой, умерщвляет ее детей (ребенка); плачущую мать-уточку узнаёт царь, она снова принимает человеческий облик, ее дети оживают; ведьму наказывают. Эпизод подмены падчерицы входит и в сказки типов 409, 450, а иногда и типов 511, 432 (ср. также: АТ 532 А — подмен невесты и АТ 480, 510 А — соперничество с падчерицей ее сводной сестры). См.: ВР I, 13, с. 99; ср.: III 135, с. 85; *Chauvin*, V, с. 132. История сюжета связана с литературными памятниками («Махабхарата», «Катхарантнакара» и др.). Исследование: *P. Arfert. Das Motiv von der unterschobenen Braut. Leipzig, 1897.*

*Federowski*, II, с. 280—281; № 319; *Weryho*, с. 71—73, № 21; *Kartowicz*, 1887, с. 253, № 17. Русских вариантов — 8 (АП, с. 469; Никифоров, № 61, 80). Украинских — до 5. Польских сказок типа 403 А и В — 11 (*Krzyż.*, I, 130—131).

(АТ—) 406\*. Исцеление царевны-людоедки: колдун дает царевне хлеб; съев его, она заболевает; для своего исцеления должна съесть 33 юноши; съедает 32; 33-й, пробыв с нею три ночи, исцеляет царевну, берет ее в жены (ср.: АТ 307).

Текст, записанный нами в 1949 г. в д. Крышычи Калинковичского р-на Гомельской обл. от Е. А. Борисовской, 1929 г. рожд.

(АТ—) 406\* \* Царевна-медведица: силач побеждает медведицу, в которую обращена царевна, освобождает ее от чар и берет в жены. (Ср.: АТ 401 и отчасти 307).

А. *Рубец*. Легенды и сказания седой Стародубской старины. Стародуб, 1911, с. 34.

407. Девушка-цветок: человек ломает стебель цветка; цветок превращается в девушку, она становится его женой. См.: ВР II, 76, с. 125—127; III 160. Сказки данного типа характерны для славянского материала, особенно для западноукраинского, словацкого и чешского. Традиционная контаминация с сюжетом «Жених-мертвец». Поливка высказал предположение о карпатском происхождении сказок о девушке-цветке и о том, что на Карпатах произошло слияние сюжетных типов 407 и 365.

*Barag*; с. 322—324, № 36 — конт. с АТ, 365; *Gliński*, I, № 5 — польский лит. пересказ. Русских вариантов — 2 (АП, с. 469). Украинский (дополнительно к библиографическим указаниям ВР) — Ск. Короловича, с. 88—93. Польский — МААЕ, IV, 1900, с. 65 (*Krzyż.*, I, с. 132).

409. Мать-рысь: мачеха подменяет замужнюю падчерицу своей дочерью и превращает в рысь; рысь, сбросив шкуру, кормит ребенка, которого приносит ей в лес служанка; отец ребенка подсматривает это, узнает любимую жену, сжигает рысью шкуру, и мать-рысь принимает человеческий облик; ведьму с дочерью казнят (ср.: АТ 403). Этот сюжет во всех белорусских и во многих русских вариантах служит продолжением сюжета «Бурунушка» (АТ 511). А. М. Смирнов-Кутачевский в докторской диссертации «Сказки о мачехе и падчерице» (машинопись, 1941 — ВГБ им. Ленина) доказывает, что мотив заколдования в рысь является менее древним, чем мотив потопления и превращения в русалку, который также встречается в восточнославянских, но не отмечен в западнославянских и западноевропейских сказках о чудесной коровке. Томпсоном учтены только русские, сербо-хорватские, словинские, эстонские и литовские варианты.

*Добровольский*, I, с. 154—157, № 89 — конт. с АТ 511; *Federowski*, II, с. 204, № 44 — конт. с АТ 511; см. также *Романов* III, с. 292, № 59а, — конт. с АТ 511. Русских опубл. вариантов — 8 (АП, с. 469; см. также: Пропп-Никифоров, с. 360, № 118 — неопубл. запись). В белорусской сказке типа 511 сб. Карловича (1887, с. 253—255, № 17), так же как в украинской сказке сб. Рудченко (II, № 13), падчерица, потопленная мачехой, превращается в русалку, но именуется рысью.

410. Спящая царевна: все царство усыплено колдуньей; царевич проникает во дворец, целует девушку и освобождает всех от сна. См.: ВР I, 50, с. 434; Chauvin, VI, № 183, с. 7; VII, 348, с. 71. Народные варианты немногочисленны и связаны с литературными обработками этого сюжета («Тысяча и одна ночь», «Пентамерон», сказки Перро, Жуковского и др.). Ряд замечаний имеется у Весельского: *A. Wesselski. Versuch einer Theorie des Märchen. Reichenberg, 1931, с. 106, 109, 178* и др.

*Federowski, II, с. 195, № 167.* Польский вариант наряду с украинским и белорусским отмечен Ю. Кшижановским (*Krzyż., I, с. 132*).

410\* = AA\*410 I. Окаменелое царство: солдат приходит в окаменелое царство; три ночи проводит в замке, не поддается запугиванию нечистых, — все царство оживает, солдат женится на царевне (ср.: АТ 401). См.: ВР II, 92, с. 330—331. Такие сказки встречаются только в русском и белорусском материале.

*Романов, VI, с. 462—469, № 52.* Русских вариантов — 10 (АП, с. 469; Никифоров, № 89; Пропп-Никифоров — две неопубл. записи).

(АТ—) 410\*\* . Богатырь освобождает от заклятия окаменевшую царевну и двенадцать окаменевших богатырей, ранее отправившихся на ее поиски ср.: АТ 410).

*Сергпутовский, 1911, с. 152—166, № 72.*

(АТ—) 410\*\*\* . Девушка-статуя: мачеха (сама или с помощью черта) превращает падчерницу в статую; ее видит во сне царевич, которому после ряда испытаний удается освободить ее от заклятия; девушка выходит замуж за царевича.

Тексты, записанные нами в 1947 г. в д. Турная Телеханского р-на Брестской обл. от Р. Я. Сагановича, 1911 г. рожд., и в д. Великая Гать того же р-на от В. А. Горбача, 1893 г. рожд.

413 = К, 415. Королевич со свиной личиной: заколдованного мачехой юношу освобождает от злых чар поцелуй девушки (ср.: АТ 430, 433 В).

*Сергпутовский, 1926, с. 183—192, № 76 — конт. с АТ 425С.* Польская сказка данного типа — о девушке-свинке: «Lud» (Lwów), XII, 1906, с. 28.

413\* = К, 413. Заколдованный город-озеро: чародейка усыпляет город и превращает его в озеро, а людей в рыб.

*Добровольский, I, с. 388—393, № 29* (по-видимому, пересказ «Тысячи и одной ночи»).

(АТ—) 413\*\* . Заколдованные девушки-рыбы: шесть рыб, пойманных стариком, оборачиваются царевнами; освобожденные от заклятия и плена, в котором находились у водяного царя, они одаривают рыбака — превращают его лачугу во дворец; выйдя замуж, царевны приезжают в гости к своему избавителю (ср.: № 401 В\*).

*Varag, с. 349—350, № 47.* Ср.: *A. Lavrov, J. Polivka. Lidove povidky jihomakedonske. Praha, 1932, 162—170, N 62;* в примеч. Поливки указаны славянские и восточные сюжетные параллели.

425 С. Аленький цветочек: младшая из трех дочерей просит отца привести ей редкостный цветок; он находит его; владелец сада — заклятый царевич в образе чудовища вынуждает отца за цветок отдать ему дочь; женившись, чудовище превращается в красавца (ср.: АТ 413, 426—441). См.: ВР II, 88, с. 229 и сл. Исследования: *E. Tegethof. Studien zum Märchen von Amor und Psyche. Vonn — Leipzig, 1922; Jan-Ojvind Swahn. The Tale of Cupid and Psyche. Lund, 1955.*

*Сергпутовский, 1926, с. 183—192, № 76 — конт. с АТ 413; Чубинский, II, с. 444—445; № 136, Брестская обл. — начало (далее АТ 425 М); Federowski, I, с. 178—180, № 599 — начало (далее АТ 425 М); Gliński, «O krolewiczu i smoku» — пересказ белорусской сказки. Русских опубл. вариантов — 8 (АП, с. 469; Пропп-Никифоров, — 3 неопубл. записи). Украинский — «Дідо-всевідо», с. 37—39. Польских — 15 (*Krzyż., I, с. 136—137*).*

425 М — К, 458. Жена ужа (змéя): младшая из трех сестер выходит замуж за ужа, которого полюбила; навещает вместе со своим маленьким сыном род-

ных; тем временем одному из братьев удается, подражая голосу сестры, выманить из реки и убить ее мужа; потрясенная горем женщина закликает сына превратиться в дубок, а сама топится в реке. Сказки данного типа отмечены Томпсоном только у литовцев, но они бытуют также в Болгарии, Польше, на Украине, в России, Белоруссии, Латвии и Эстонии.

*Federowski*, I, с. 178—180, № 599 — конт. с АТ 425 С; *Чубинский*, II, с. 444—445, № 136 — конт. с АТ 425 С; ср.: *Добровольский*, I, с. 277—278, № 40 — «Происхождение соловья, кукушки, лягушки». Русский вариант: Карнаухова, № 4. Польских — 2 (*Krzyż.*, с. 143), они отличаются своеобразными развязками: жена ужа, нарушившая запрет, не может долгое время вернуться в его замок; или: навестив родных, она благополучно возвращается к мужу-ужу.

428. Девушка на службе у ведьмы: следуя советам сына ведьмы, доит коров, которые оказываются волками, стрижет овец, которые оказываются чертями, отправляется с поручением на тот свет к другой ведьме (ср.: АТ 465 С), по пути туда внимательно обходится с животными, и они ей содействуют (ср.: АТ 480 = АА 480 \* Е), созывает на свадьбу гостей, которые оказываются нечистыми; ведьма погибает, а девушка выходит замуж за ее сына. Мотив трудных задач напоминает сказки типа 313. Литературная история сюжета восходит к XVII в. («Пентамерон» V, 4). Роль советчика-помощника девушки играет обычно волк (например, в русских и сербо-хорватских сказках) или кот, пес; животное превращается в юношу, который женится на девушке.

*Federowski*, I, с. 87—89, № 266 (вступление — «Девушка, попав к ведьме, выдает себя за мужчину» — напоминает бытующие в Польше и Литве, но не отмеченные в восточнославянском материале сказки типа «Перемена пола» — АТ 514). Русских вариантов — 8 (АП, с. 469).

Западнославянские варианты не отмечены.

430. Муж-осел (баран, козел): у королевы или простой женщины родится сын в облике осла; девушка, которой суждено выйти за него замуж, не противится своей участи; муж-осел по ночам сбрасывает шкуру и превращается в молодца; шкуру жена сжигает, и муж исчезает; она ищет его (ср.: АТ 440, 425, 433). См.: ВР II, 88, с. 234—241; III 144, с. 152. Литературная история этого сюжета, известного по сказке Гримм «Das Eselein», восходит к латинскому стихотворению «Asinarius» (XIV в.). Если указанная ниже белорусская сказка сборника Карловича примыкает к западному материалу (в польских сборниках этот сюжет не отмечен), то записанные нами в Пинском Полесье сказки о муже-баране имеют своеобразный легендарный колорит: бог-странник наказывает негостеприимную хозяйку дома тем, что у нее родится сын-баран; родители его сватают сначала старшую, потом среднюю и, наконец, младшую дочь нищего; первые две пытаются убить барана, но сами погибают; младшая выходит за него, а затем ищет исчезнувшего мужа, находит его превращенного в молодца; бог-странник одаривает молодоженов (ср.: 413, 425, 433 В).

*Karłowicz*, 1887, с. 18, № 12; текст, записанный нами в 1948 г. в д. Ладорож Пинского района Брестской обл. от С. Я. Носко, 1885 г. рожд. Русских опубли. вариантов — 4 (АП, с. 460; Пропп-Никифоров, — 2 неопубл. записи).

431. Лесной дом: три девушки одна за одной попадают в лес, где находят старика, петуха, курицу и корову: старшие сестры брошены в погреб, младшая кормит животных, они освобождают от чар; старик превращается в царевича, а животные — в его слуг; царевич женится на девушке. См.: ВР III, 1969, с. 276. В указателе Томпсона отмечены только польские, чешские, немецкие (австрийские), французские и немногочисленные варианты, записанные в Америке и Африке.

*Federowski*, II, с. 223, № 212; *Kolberg*, с. 203—204, № 3. Украинский вариант: МААЕ, VI, 1903, с. 158, № 4. Польских — 8 (*Krzyż.*, I, с. 137, там же отмечены украинские и белорусские тексты).

432. Финист — ясный сокол: царевич в облике сокола летает к девушке; завистливые сестры (или мачеха) уставляют окно ножами (гвоздями); сокол ранит себя и улетает; девушка отправляется искать и находит его, превратив-

шегося в молодца (ср.: АТ 425). См.: ВР II, 88, с. 261—266. История сюжета связана с древним восточным фольклором и с рыцарской поэзией, старейшая европейская версия — в сборнике Мари де Франс (XII в.). Исследование: *E. Tegethoff. Studien zum Märchentypus von Amor und Psyche.* Bonn — Leipzig, 1922.

Текст, записанный нами в 1950 г. в д. Присно Будокшелевского р-на Гомельской обл. от Е. И. Булакова, 1897 г. рожд.: мачеха-ведьма прячет от жениха-королевича падчерицу и подменяет ее своей дочерью; королевич, убедившись в обмане, отказывается от невесты; ведьма превращает его в голубя; голубь летает к падчерице, заточенной в замке (далее как обычно в сказках типа 432). Стиль несет отпечаток влияния лубочного источника. Русских вариантов — 8 (АП, с. 470). Мотивы этого сюжета развиваются только в одной опубл. украинской сказке — Королович, с. 56—65. Польские тексты не отмечены.

—437— АА 400ж. В. Царь-девица: герой обручается, с нею, но трижды просыпает свидание, усилненный врагом; отыскивает ее с помощью животных или волшебных предметов (ср.: АТ 400). См.: ВР, II, 92, с. 340—345. История сюжета связана со средневековым романом о рыцаре из Пургунда. Сказка этого типа вошла в «Пентамерон». Варианты есть в белорусском, русском, литовском, итальянском фольклорном материале.

*Романов, VI, с. 462—469, № 52; Еремич, Фалев, с. 137, № 80 (из неизд. XIV вып. «Белорусского сб.» Романова); Ск. Господарева, с. 86—112, № 3 — конт. с АТ 465 А. Русских опубл. вариантов — 16 ( АП, с. 468; Пропп-Никифоров, — 3 неопубл. записи). Немногочисленные украинские тексты отмечены в указателе ВР и дополнительно в комментарии Н. П. Андреева ко II тому сказок Афанасьева (1938, с. 616).*

440. Муж-рак (лягушка, жаба, птица и т. п.): девушка обещает исполнять желания рака и становится его женой (или: выходит замуж за рака, который выполнил задачи царя, ср.: АТ 560); ночью рак сбрасывает свой панцирь и превращается в красавца; жена сжигает этот панцирь, и муж исчезает; она отправляется искать его (ср.: АТ 425, 430, 433 и 402). Обычно в слиянии с АТ 400. См.: ВР, I, 88. Сюжет связан с тотемистическими представлениями, бытовавшими у некоторых народов еще не так давно: Л. Леви-Брюль в исследовании «Первобытное мышление» приводит предание-легенду негров племени Тороджа о том, как женщина сожгла шкуру своего супруга-крокодила. Древнейшими версиями этого сюжета являются сказки о муже-птице сборников «25 рассказов веталлы» и «Шиди-хюр». Варианты типа 440, в которые входят мотивы сюжета о волшебном кольце, характерны для украинского и белорусского материала. В западнославянских и западноевропейских сборниках довольно часто встречаются сказки о царевиче-лягушке.

*Романов, VI, с. 419—426, № 46 — конт. с АТ 400; Чубинский, II, с. 476—477, № 146 — Брестская обл. (птица, притаившись в колоде, ловит девушку-невесту; отец ее проводит ночь у изголовья новобрачных со свечой в руках и превращается в «иншого пана», а муж-птица исчезает) — конт. с АТ 400; Federowski, II, с. 181—183, № 256 — конт. с АТ 400; с. 342—343, № 400 — конт. с АТ 400; ср. с. 183—186, № 157—160 (неполные варианты). Русский вар.: Померанцева, Башк., № 11. Украинских — 8 (Андр., Укр.— 6; дополнительно: Ск. Верховины, с. 265—271; «Дідо-всєвід», с. 70—79 — муж-жаба). Польских — 14 (*Krzyż.*, I, с. 138—139).*

441. Сын-еж: король обещает ему свою дочь за указание дороги («отдай, чего дома не знаешь»); еж приносит домой невесту; шкуру ежа она сжигает, он превращается в юношу. См.: ВР III, 108, с. 234, 482. Старейшая версия — в сб. Страпоролы «La piacevoli notti» (середина XVI в.).

*Federowski, II, с. 181—184, № 156—158; с. 342—343, № 400. Ср. украинский вариант — Nowosielski, с. 293. Польских — 2 (*Krzyż.*, I, с. 139).*

449 = АА\* 449 А, 449 В. Жена-колдунья: превращает мужа в собаку; одна женщина (колдун) возвращает собаке человеческий облик; муж обращает жену в лошадь. См.: ВР, III, 122, с. 7—8; Chauvin, V, с. 315 и сл.; VI, № 371, с. 198; VII, с. 129 и сл. У восточных славян распространена особая разновидность этого сюжета — «Царская собака»: муж-собака живет у пастухов, спа-

сает царских детей, возвращается с наградою к жене, которая превращает его в воробья. Отмеченные в словацком материале сказки о царской собаке восходят, по мнению Поливки, к восточнославянским фольклорным источникам. Для западнославянского материала характерны варианты, имеющие сходство со сказкой «Тысячи и одной ночи» (вторая ночь, рассказ третьего старца). К ним относятся и западнобелорусские тексты сб. Федеровского, указанные ниже. Исследование: *J. Polivka. Pohadkoslovne studie* («Narodopisný sborník československé», X). Praha, 1904, с. 67—106.

*Романов*, VI, с. 105—119, № 61а, 61б, 61в; *Добровольский*, I, с. 139, № 74; *Шейн*, II, с. 49—50, № 22; с. 161—165, № 77, 78; ЭО, 1896, № 2—3, с. 142—143; *Federowski*, II, с. 178—181, № 154—155; ж. «Москвитянин», 1853, № 5, кн. I, с. 20 — русский пересказ белорусской сказки. Русских вариантов — 20 (АП, с. 470; Никифоров, № 110). Украинских — до 10 (см. указатель *Bołte-Polivka* и дополнительные данные в комментарии Н. П. Андреева ко II тому сказок Афанасьева, 1938, с. 627). Польских — 5 (*Krzyż.*, I, с. 140); сказки типа АА\* 449 А — о царской собаке — в польских сборниках не отмечены.

450. Братец и сестрица: братец, идя с сестрицей по дороге, пьет воду из-под козлиного копыта и превращается в козленка; сестра выходит замуж; ведьма ее топит и подменяет (собой или своей дочерью), а козленка велит зарезать; он жалобно поет у воды, где утоплена сестра; песню подслушивают и сестрицу спасают, ведьму наказывают (ср.: АТ 403, 409, 511). См.: ВР I, II, с. 79; III, 141. Происхождение сюжета исследователи относят к гомеровской эпохе или к несколько более позднему периоду античной истории: см. монографию П. Арферта, указанную выше (к № 403 В).

*Романов*, III, с. 265—266, № 47а — конт. с АТ, 327, А; с. 266—267, № 47б; *Federowski*, II, с. 192—194, № 165; *Karłowicz*, 1887, с. 253, № 17. Русских вариантов — 16 (АП, с. 470; Кругляшова, с. 236—237, № 6; см. также: Проп-Никифоров, — две неопубл. записи). Дополнительно к украинским вариантам, указанным Н. П. Андреевым в комментарии ко II тому сказок Афанасьева (1938, с. 631): «Дідо-всєвідо», с. 97—99, своеобразная разновидность сюжета — «сестра-серна и брат». Украинских текстов — до 8. Польских — 8 (*Krzyż.*, I, с. 140—141).

451. Братья -вороны (орлы, лебеди, волки): 12 (6 или 2) братьев превращаются в птиц (колдуньей, колдуном или сами под угрозой смерти), скрываются неизвестно куда; родившаяся незадолго до или после этого сестра отправляется их искать и находит в лесной хижине; она должна несколько лет оставаться немой, чтобы освободить от заклятия братьев; живет в лесу; царевич женится на ней; ее хотя сжечь, как колдунью; но в последний момент все выясняется (ср.: АТ 705, 710). См.: ВР I, 9, с. 70; 49, с. 427; 25, с. 227. Старейшей литературной обработкой этого сюжета является сказка из латинского сборника лотарингского монаха Иоганна Альты из Сильвы (1185 г.). Сказочная фантастика находит реальное объяснение в ритуале инициаций (посвящаемые юноши одевают уборы из птичьих перьев или звериных шкур и поселяются на определенный срок в лесном домике, их навещает девушка), который еще недавно бывал у некоторых племен Африки и Юго-Восточной Азии.

*Романов*, III, с. 328—330, № 76; VI, с. 97—100, № 57 (есть ссылки на местные варианты); с. 100—102, № 58; с. 104, № 60; *Federowski*, I, с. 86—87, № 265 (братья-волки); с. 193—194, № 739; *Weryho*, с. 42—45, № 10 (конт. с АТ 707); *Karłowicz*, 1888, с. 58, № 44; *Gliński*, IV, № 7 — польский литер. пересказ белорусской сказки; *Чубинский*, II, с. 341—344, № 88 — Брестская обл., наречие, переходное от украинского к белорусскому яз.; Ск. Господарева, с. 313—319, № 16. Сказка белорусско-русского сказочника Господарева — единственный русский текст. Украинских вариантов — 7 (Драгоманов, с. 304—306; *Чубинский*, II, № 16; «Етногр. зб.», IV, № 21; XIV, № 12; Ск. Верховины, с. 365—369; «Дідо-всєвідо», с. 148—151; Гирик, 1968, с. 18—23). Польских — 20 (*Krzyż.*, I, с. 141—142).

**460 А. Путешествие к богу за наградой:** герой слышал, что бог возвращает милостыню десятицею; он отправляется к богу и получает награду, узнав ответы на поставленные встречными по дороге вопросы (ср.: АТ 471 = AA \* 804 I). См.: ВР I, 29, с. 292, сноска. Этот сюжет известен по Талмуду и получил отражение в памятниках переводной литературы Киевской Руси — в рассказах «Пролога» («Сенаксер менолог») и в хронографе Георгия Амартола. В западноевропейских, западнославянских и в белорусских, украинских сказках обычно контаминируется с сюжетом «Кто съел просвирку» (АТ 785). Такие сказки имеются в польских сборниках, хотя в указателе Ю. Кшижановского не отмечены. В русских сборниках не встречаются.

«Матер. для этногр. Гродн. губ.», II, с. 364—365 — конт. с АТ 785; Романов, IV, с. 65, № 43, примеч. к сказке типа 785. Украинские сказки типа 785, в которые входят мотивы сюжета АТ 460 А: Драгоманов, с. 403; Гнедич, IV, № 1546; «Етногр. зб.», III, № 23; XII, № 124, 126; XXX, № 19. Польские сказки, в которых сливаются сюжеты-мотивы АТ 460 А и 785: ZWAK, t. V, 1881, с. 213; Kolberg, «Lud», XVII, Lubelskie, cz. 2, 1884, № 16.

**460 В. Путешествие к солнцу:** герой отправляется на «тот свет» за счастьем или узнать, что делается на свете; по дороге встречные терпят различные мучения и просят его узнать, когда эти мучения кончатся; он выполняет все поручения, возвращается счастливым (ср.: АТ 461, 465, 531). В указателе АТ учтены только русские и словинские тексты.

*Сержпутоўскі*, 1926, с. 94—97, № 41; с. 200, № 79; сказка о том, как падчерца по поручению мачехи отправилась к птице Геше за пером, записана нами в 1946 г. в д. Веселово Любанского р-на Гродн. обл. от С. Г. Крысковского, 1906 г. рожд. Русских вариантов — 3 (АП, с. 470). Украинский: «Етногр. зб.», I, с. 3—5, № 1; с. 80—81, № 21.

**461 = 930. Марко Богатый:** богачу предсказано, что его наследником и зятем станет сын бедняка; богач пытается его погубить; посылает на «тот свет»; по дороге встречные просят его узнать, долго ли стоять дубу, долго ли возить перевозчику и т. д.; герой выполняет поручения и возвращается с богатством; предсказания сбываются (ср. эпизоды в сказках типа 460, 465, 531). См.: ВР I, 29, с. 276. Э. Коскен установил связь таких сказок с ассирийским клинописным текстом «Путешествия Издубара к предкам». Более полное сходство имеется между сказками о Марко и китайской сказкой сборника Сенд-Чюэя (III в. н. э.). А. Аарне исследовал распространение этого сюжета, придерживаясь гипотезы об индийском его происхождении. В большинстве западнославянских и западноевропейских вариантов и в некоторых белорусских и украинских развивается мотив «Богач (король) посылает своего приемного сына к черту (чародею, делу-всеведу)» за тремя золотыми волосами; См. например: *Federowski*, II, № 144. Из многочисленных исследований отметим: *A. Aarne. Der reiche Mann und seine Schwiegerson. FFC. № 23. Hamina, 1916; J. Schick. Das Glückskind mit dem Todesbrief. Leipzig, 1912; Н. Ф. Сумцов. Сказки и легенды о Марко Богатом. ЭО, 1894, кн. XX, XXI.*

*Романов*, III, с. 198—205, № 27; с. 205—211, № 28 — начало сказки, относящейся в основном к типу 485; с. 336—337, № 81; с. 337—338, № 82 — начало; с. 338—340, № 84; VI, с. 301, № 32; *Добровольский*, I, с. 293—295, № 2; *Чубинский*, II, с. 341—344, № 88 — Брестская обл.; *Federowski*, II, с. 168—169, № 144; I, с. 4, № 2 — начало; II, с. 289—295, № 325, 326 — некоторые мотивы; *Klich*, с. 16—18, 108—114; 128—130, 133 — фрагмент; *Kartowicz*, 1888, № 75; *Barag*, с. 305—315, N 32; *Gliński*, III, № 10 — польский литер. пересказ; Ск. Господарева, с. 313—319, № 16. Мотив «Три золотых волоса черта (чародея)» отмечен в двух западнобелорусских сказках типа 725: *Weryho*, № 12; *Kartowicz*, 1887, № 27. Русских вариантов — 16 (АП, с. 470; Никифоров, № 81, 94). Украинских — 13 (*Андр.*, Укр. — 11; дополнительно: Ск. Верховины, с. 272—277; «Дідо-всеви́до», с. 54—58). Польских — 18 (*Krzyż*, I, с. 143—145).



465. А. Красавица-жена (Пойди туда, не знаю куда: царский стрелок (панский егер, бедный мужик и т. п.) женится на чудесной красавице и искуснице; царь (пан) хочет овладеть ею и посылает мужа выполнить трудные поручения; жена стрелку помогает; намерение насильника не сбывается. Сюжет распространен преимущественно в восточноевропейских странах, наибольшее количество записей — русские. В некоторых белорусских и украинских сказках типа 465 А, В, С отразился быт эпохи крепостного права: пан сговаривается с приказчиком, «дядькой» погубить мужика, отнять у него жену и дом (*Чубинский*, II, № 1; *Шейн*, II, № 222).

*Романов*, III, с. 350—357, № 86; VI, с. 70—81, № 7 — конт. с АТ 569; с. 168—170, № 81; Ск. Господарева, с. 86—112, № 3 — конт. с АТ 437 = АА 400 \* В. Русских вариантов — 42 (АП, с. 470—471; Никифоров, № 107). Украинских — 5 (*Андр.*, Укр.). Польских — 10 (*Krzyż.*, I, с. 146—147).

465. В. Красавица-жена (Гусли-самогудцы): царь (князь, пан) хочет овладеть чужой женой и посылает мужа добыть гусли-самогудцы; муж выполняет эту задачу.

*Шейн*, II, с. 168—170, № 81; ср. сказку типа 465 С, в которую входит эпизод добывания чудесной скрипки; *Чубинский*, II, с. 7—11, № 1 — Брестская обл. Русских вариантов — 6 (АП, с. 47; Пропп-Никифоров, — неопubl. запись). Украинский: *Ястребов*, с. 188—192, № 7 — конт. с АТ 465 С.

465. С. Красавица-жена (Поручение на «тот свет»): герой получает жену от бога (за то, что жег ладан, благоухание которого дошло до неба); царь или пан, чтобы овладеть этой красавицей, посылает мужа на «тот свет»; с помощью жены муж выполняет поручение.

*Романов*, VI, с. 486—488, № 54; *Добровольский*, I, с. 669—673, № 1; *Шейн*, II, с. 388—397, № 222; сб. ОРЯС АН, т. 82, 1907, с. 101—102, № 1 — Минская обл.; *И. Сербов*. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. Пг., 1915, с. 169—173; *Чубинский*, II, с. 7—11, № 1 — Брестская обл. (вступительный эпизод напоминает АТ, 47 С; мотив расправы мужика со святыми развивается также в украинской сказке типа 465 С — *Рудченко*, I, № 45 — и отмечен у гагаузов: *В. Радлов*. Образцы народного творчества тюркских племен, т. X, СПб., 1904, с. 13—15); *Чубинский*, II, с. 400—403, № 111 — Белостокское воеводство ПНР; *Federowski*, II, с. 300—301, № 333; *Kartowicz*, 1887, с. 239—240, № 7; «*Kwartalnik litewski*». Wilno, 1910, № 2, с. 239—240 — бывший Вилейский уезд. Русских вариантов — 9 (АП, с. 471). Украинских — 16 (*Андр.*, Укр.). Близких польских параллелей нет (см.: *Krzyż.*, I, с. 147).

(АТ—) 466\* *Полет к солнцу*: герой ловит гигантскую птицу и взлетает на ней к солнцу; держа в поднятой руке рожон, на который насажено сало, он увлекает птицу все выше и выше; солнечная жара становится невыносимой, обгорают крылья, — птица и королевич падают на землю. Вероятно, этот известный по греческому мифу сюжет проник в западнобелорусский фольклор через польскую народную книгу об Александре Македонском. О влиянии польской «*Александрин*» на сказки см.: *J. Krzyżanowski*. Roman pseudohistoguzpny w Polsce wieku XVI. Kraków, 1926.

*Federowski*, I, с. 149, № 388.

470 = К 470 А. Мертвец в гостях у живого и живой в гостях у мертвеца. В фольклоре славян этот сюжет, напоминающий «Каменного гостя Дон Жуана», не имеет устойчивой формы и разрабатывается преимущественно в легендарном духе. Исследование: *D. Mackay*. The Double Invitation in the Legend of Don Juan. Stanford University, 1943.

«Матер. для этногр. Гродн. губ.», II, с. 373, № 16; «*Kwartalnik litewski*». Wilno, 1910, II, с. 101, № 15; ср.: *Federowski*, I, с. 57—58, № 171 (девушка, к которой по ее приглашению явился на свадьбу мертвец, приходит по зову мертвеца к нему в гости на кладбище, и он угощает ее человеческим мясом). Русский вариант — *Афанасьев*, III, № 358. Украинских —

3 (перечень текстов в приложении к сб. Яворского, с. 289). Польских — 13 (*Krzyż.*, I, с. 149).

471 = AA \* 804 I. Крестник Христа: идет к Христу в гости, по дороге получает вопросы, на которые приносит ответ (ср.: АТ 460), видит место в раю, приготовленное для него самого, и будущие мучения родителей, возвращается (иногда пробыв 300 лет).

*Романов*, IV, с. 32—34, № 26; *Шейн*, II, с. 376—383, № 220; *Federowski*, II, с. 290—299, № 326—329. Русских вариантов — 12 (AA, с. 56).

471 A = AA 471\* = K 470 B. Старец (король) следует за райской птичкой на «тот свет», проводит там 300 лет, которые показались несколькими минутами.

*Federowski*, II, с. 289, № 324 (король идет в гости к богу и проводит у него в раю 100 лет). Польских вариантов — 8 (*Krzyż.*, I, с. 56).

(АТ—) 471\*\* . Божий пастушок: идет на «тот свет» вслед за конями; видит тощих овец на хорошем пастбище и толстых овец на плохом пастбище; по возвращении домой узнает смысл виденного благодаря разъяснениям своего хозяина.

*Романов*, IV, с. 24—26, № 21; *Шейн*, II, с. 286—288, —221; *Ю. Крачковский*. Быт западнорусского селянина. Вильна, 1874, с. 206—207; *Federowski*, II, с. 295, № 327; с. 297, № 329; «*Kwartalnik litewski*». Wilno, 1910, № 2, с. 101—202, № 15.

475. На службе в аду: человек отправляется служить черту, топит в аду котел, в котором варятся родители помещика (пан, ксендз и др.); в награду получает мешок углей (сора, щепок), превращающихся в золото; хозяин гостиницы крадет у него золото, он возвращает его с помощью черта (ср.: АТ 360, 361). См.: ВР II, 100, с. 423; III, 23. В белорусском, украинском и польском материале встречаются варианты, где развивается мотив: крестьянин отправляется на службу к черту, чтобы заплатить недоимку (оброк) пану.

*Добровольский*, I, с. 284—285, № 50; *Сержпугоўскі*, 1926, с. 192—197, № 77 — конт. с АТ 592; *Federowski*, I, с. 225—226, № 1083 (мусор превращается в овечки; одну из них мужик отдает старичку-богу; расплавляется с паном); с. 226—227, № 1084 (мужик, вернувшись со службы в аду, отдает пану кольцо, снятое им там с руки отца пана); *Varag.*, с. 111—120, № 6 — конт. с АТ, 508, 300. Русских вариантов — 2 (AA, с. 36). Украинский: *Милорадович*, с. 61—62 (мужик, прослужив в аду, расплавляется с паном). Польских — 4 (*Krzyż.*, I, с. 151).

480 = AA 480 \* В, С, \* Е. Мачеха и падчерица: падчерицу увозят в лес; Морозко (баба-яга, леший) испытывает девушку и награждает ее (AA 480 \* В); или: падчерица играет в прятки с медведем, ей помогает мышка (AA 480 \* С), падчерица ласково и внимательно обходится с котом, яблоней, березкой, печкой, и они помогают ей бежать от бабы-яги (AA 480 \* Е); родная дочь также хочет получить подарок или пытается бежать, но не выдерживает испытания и погибает. В указателе АТ учтены только русские варианты.

Тип AA 480 \* В: *Романов*, III, с. 361—365, № 90—92; *Шейн*, II, с. 60—61, № 28; с. 92—93, № 48; *Kolberg*, с. 203—204; *Federowski*, I, с. 159—160, № 487 — молодуха и свекровь; II, с. 222—226, № 212, 213; ж. «Маяк», 1844, XV, с. 23 — русский пересказ белорусской сказки; *Gliński*, III, № 6 — польский пересказ белорусской сказки; Ск. Господарева, с. 357—359, № 25. Тип AA 480 \* С: *Шейн*, II, с. 92—93, № 48. Тип AA 480 \* Е: *Романов*, III, с. 367—368, № 95; *Federowski*, II, № 166—168; ж. «Маяк», 1844, XV, с. 17 — русский пересказ. Русских вариантов типа AA 480 \* В — 28 (АП, с. 471, кроме того, см.: Пропп-Никифоров, — 3 неопубл. записи); типа AA 480 \* С — 14 (АП, с. 471); типа AA 480 \* Е — 8 (АП, с. 471, кроме того, см.: Пропп-Никифоров, — 10 неопубл. записей). Украинских вариантов типа AA 480 \* В — 11 (*Чубинский*, II, с. 63—68, № 14, 15; с. 97—102, № 28; *Гринченко*, Казки, с. 59—63; *Гнедич*, IV, № 1475, 1489; «*Етногр. зб.*», I, № 51, XIV; № 18; *Kolberg*, Pokucie IV, 1889, № 2, 3; Ск. Верховины, с. 413—417). Украинских вариантов типа

АА 480 \* Е — 7 (*Рудченко*, II, № 19, 20; *Ястребов*, № 19 А, Б; *Яворский*, № 65; *Левченко*, № 559; «Дідо-всеідо», с. 175—176; ср.: *Чубинский*, II, № 141).

(АТ—) 480\*. Мать идет к смерти отнять у нее своего ребенка: смерть, приняв облик старика, уносит ребенка; мать оказывает услуги ночи (женщине в черном), кусту шиповника, озеру и с их помощью пробирается к дому смерти, но смерть не отдает ребенка.

Текст, записанный нами в 1946 г. в с. Шорсы Любчанского р-на Гродненской обл. от Л. Базар, 1929 г. рожд. Польский вариант: *O. Kloor. Sagen und Erzählungen aus der Provinz Posen. Posen, 1893, с. 291—202.*

480 С = АА 480\* Д. Мачеха и падчерица: посланная мачехой в лес (баню), падчерица заставляет там черта (лешего) носить ей по одной разные вещи, проводит время до пения петухов; родная дочь погибает. См.: ВР I, 24, с. 221—225. В указателе АТ учтены только русские варианты.

*Романов*, III, с. 365—367, № 93; 94; *П. В. Шейн*. Белорусские народные песни. СПб., 1874, № 753; «Матер. для этногр. Гродн. губ.», II, с. 370—371, № 14; *Сергунтоўскі*, 1926, № 15; *Federowski*, II, с. 169, № 145; *Klich*, с. 154—156, № 1. Русских вариантов — 4 (АА, с. 37). Украинский: Ск. Верховины, с. 413—417.

(АТ—) 481 \*. Девушка, волки и святой Юрий: пан приказывает замучить крепостную девушку, которую любит панич; волшебный платочек спасает ее; волшебный клубочек приводит девушку к волкам и их пастырю Юрию; верхом на волке она мчится обратно в панское имение; волки расправляются с паном и его прислужниками.

*Federowski*, II, с. 305—306, № 338.

485 = АА \* 485 А. Борма-ярыжка: по поручению царя отправляется в заморское царство за короной; похищает ее, побеждает змей, посланных в погоню; попадает к одноглазому великану, ослепляет его и убегает (ср.: АТ 1137); приживает с дикой женщиной ребенка, бросает ее (она разрывает ребенка пополам); помогает льву, который доставляет его домой; вопреки запрещению льва пьяный хвастается своей поездкой (в оправдание показывает льву силу хмеля, напиток его пьяным). Сюжет отчасти восходит к древнерусскому «Сказанию о Вавилоне-граде» (XV в.), в котором утверждается идея преемственности власти великого князя Московского по отношению к власти царей Византии. Такие сказки отмечены Томпсоном только в русском материале.

*Романов*, III, с. 205—211, № 28 — начало, как в АТ, 461: с. 212—214, № 30; *Добровольский*, I, с. 150—152, № 86. Русских вариантов — 12 (АА, с. 37; Никифоров, № 40).

485 А = АА 480 А. Мачеха и падчерица: падчерица роняет веретено в колодезь, должна опроститься за ним; дорогой доит корову, трясет яблоно и т. д.; служит у колдуньи и получает подарок (золото в сундучке и т. п.); родная дочь хочет также получить подарок, но все делает плохо и получает плохой подарок (огонь в сундучке и т. п.), или ее убивают (ср.: АТ 480, 403). См.: ВР I, 24. В указателе АТ учтены только русские варианты.

*Federowski*, II, с. 102—103, № 74 — конт. с АТ, 510 А; *Klich*, с. 157—159. Русских опублик. вариантов — 5 (АА, с. 37; Никифоров, № 63; см. также: Пропп-Никифоров, — 4 неопубл. записи).

## 500—559. Чудесный помощник

501. Три пряхи: помогают прясть ленивой девушке; приглашены на ее свадьбу и пугают своим видом жениха; он запрещает невесте прясть. См.: ВР I, 14, с. 109. Первоначальное распространение сюжет получил в германских странах, а затем стал известен романским и славянским народам. См. исследование: *V. Sydow. Twa spinnsagar, Lund, 1909.*

*Сергунтоўскі*, 1926, с. 230—231, № 89; *Barag*, с. 230—231, № 22; Русский вариант: *Н. Рождественская*. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941, с. 128—129, № 42. Украинские — 5 (*Андр.*, Укр.; до-

полнительно: «Дідо-всевідо», с. 52—54). Польских — 15 (*Krzyż.*, 1, с. 156—157).

**502. Медный лоб:** царевич освобождает чудесного пленника своего отца и за это изгоняет из дома; в пути дядька вынуждает его поменяться с ним одеждой (ср.: АТ 533 А); прибывают ко двору другого царя, где дядька выдает себя за царевича, а царевича за слугу; с помощью освобожденного пленника совершает подвиг (побеждает вражеское войско или змея) или выходит из беды (спасается вместе с царевной от козней дядьки); истина обнаруживается, дядька наказан, царевич женится на царевне. См.: ВР III, 136, с. 94. Отдельные мотивы этого сюжета известны по исландским сагам XIII в. (*Heimskringla*, *Halldahar saga svatta*, гл. 8), получили отражение в первой книге «Истории Дании» Саксона Грамматика. Происхождение мотивов, связанных с подвигом героя, имеет отношение к рыцарским романам. Сказки типов 502 и 532 часто контаминируются.

*Афанасьев*, I, с. 219—223, № 126 — конт. с АТ 532; *Романов*, VI, с. 240—244, № 45; *Добровольский*, I, с. 444—454, № 9 — конт. с АТ 560; с. 471—477, № 12 — конт. с АТ, 532; *Шейн*, II, с. 53—55, № 24 — конт. с А 532; *Federowski*, II, с. 332—337, N 390. Русских вариантов — 15 (АП, с. 472; Никифоров, № 77). Украинских — 8 (*Андр.*, Укр.—7; дополнительно: Ск. Верховины, с. 327—329). Польских — 5 (*Krzyż.*, I, с. 157).

**507 = АА 507 А, В. С. Благодарный мертвец:** герой хоронит мертвеца, и тот помогает ему жениться на встающей из гроба царевне, все женихи которой были съедены ею ночью в костеле; мертвец предлагает разделить царевну пополам, чтобы «очистить» ее. См.: ВР III, 217, с. 83. Исследование: *S. Liljeblad*. *Tobiasgeschichte und andere Märchen mit toten Helfern*. Lund, 1927.

*Weryho*, с. 45—48, № 11. Русских вариантов — 5 (АП, с. 472). Польский: МААЕ, VI, 1903, с. 398, № 60 (*Krzyż.*, I, с. 161).

**508 = АА 50 А. Благодарный мертвец:** дарит похоронившему его человеку коней и оружие для борьбы со змеями (врагами). См.: ВР III, 217, а также указанную выше монографию Лильеблада.

*Barag*, с. 111—120, № 6 — конт. с АТ 475, 300. Русских вариантов — 4 (АА, с. 32; сб. «Советский фольклор», 1936, № 4—5, с. 167—168, № 4).

(АТ —) **508\*ж. Благодарный мертвец и разбойники:** мертвец приводит похоронившего его человека в дом, где пируют разбойники, и убивает их; богатства разбойников достаются этому человеку.

*Романов*, IV, с. 143—146, № 87; *Добровольский*, I, с. 165—166, № 104.

**510 А. Золушка:** мачеха заставляет падчерицу делать черную работу, девушке помогает покойная мать или животные; неузнанная, она танцует во дворце в чудесном платье, которое получила от матери: царевич в нее влюбляется, она прячется, ее узнают по башмачку. См.: ВР I, 21, с. 19. Из исследований, посвященных циклу АТ 510 А, В и 511, отметим: *M. Coch*. *Cinderella. 345 variants of Cinderella*. London, 1896; *A. B. Rooth*. *The Cinderella Cycle*. Lund, 1951.

*Federowski*, II, с. 98—102, № 72, 73; с. 102—103, № 74 — в слиянии с АТ 485 А = АА 480 А; *Gliński*, III, № 7 — польский пересказ белорусской сказки. Русских опубл. вариантов — 6 (АП, с. 472; Пропп-Никифоров, — 5 неопубл. записей). Украинских — 6 (Драгоманов, с. 177—181, 361—362; *Чубинский*, II, № 18; «Этногр. сб.», ХХІХ, № 43, 44; *Гринченко*, Казки, с. 84—85). Польских — 18 (*Krzyż.*, I, с. 162—163).

**510 В. Свиной чехол:** отец хочет жениться на дочери; она требует, чтобы он подарил ей три платья со звездами, луной и солнцем; надевает свиной чехол и бежит из дому, поступает служанкой во дворец; на пиру трижды появляется в чудесных платьях; царевич в нее влюбляется, ее узнают по башмачку. См.: ВР, II, 65, с. 165, а также указ. выше монографии Коха и Роот.

*Романов*, III, с. 304—307, № 64; с. 292—295, № 596 (начало) — конт. с АТ 511; «Матер. для этногр. Гродн. губ.», II, с. 368—370, № 13; *Federowski*, II, с. 103—112, № 75—77; *Weryho*, с. 56—59, № 14. Русских вариантов — 13 (АП, с. 472, Никифоров, № 61). Украинских — до 10. Польских — 15 (*Krzyż.*, I, с. 163—164).

**511. Чудесная корова:** сирота должна пасти скотину и делать непосильную работу; ей помогает корова; хозяйские (мачехины) дочери (одноглазка и трехглазка) подсматривают и добиваются того, что корову убивают; из косточек коровы вырастает дерево, плоды которого может рвать только сирота, так как перед другими ветви поднимаются вверх; сирота становится женой царевича. См.: ВР III, 130, с. 60—65. Происхождение мотивов этого сюжета связано с культом предков и тотемизмом. Для восточнославянских сказок характерно слияние сюжетов о чудесной корове и о матери-рыбе (*Романов*, III, с. 292 — вариант к № 59; *Добровольский*, I, с. 155—157, № 89). В западнобелорусских сказках часто встречается мотив потопления падчерицы и превращения ее в русалку или рыбу (*Fererowski*, II, № 43, 44; *Weryho*, № 15; *Karłowicz*, 1887, № 12, 17; *Gliński* I, № 11; *Barag*, № 23), который есть основания считать более древним, чем мотив превращения в животное. Рифмованный диалог мачехи (или слуги, служанки, царевича) с русалкой-рыбой в белорусских сказках находит параллели в текстах украинских сказок. Из своеобразных мотивов отметим: поп брызгает святой водой на русалку — и та принимает облик женщины (*Gliński*, I, № 11, *Barag*, с. 232—239, № 23).

*Романов*, III, с. 289—292, № 59а — конт. с мотивами сюжета АТ 403; с. 292, вариант к № 59а — конт. с АТ 409; с. 292—295, № 59б — конт. с АТ 510 В, конец напоминает отчасти тип АТ 403, отчасти АТ 409 — превращение падчерицы в лису; *Добровольский*, I, с. 153—154, № 88; с. 154—157, № 89 — конт. с АТ 409; *Шейн*, II, с. 91—92, № 47; с. 94—97, № 49 — конт. с мотивами АТ 403; с. 97—98, № 50; *Federowski*, II, с. 48—51, № 43—44 — конт. с мотивами АТ 403; с. 58, № 54; *Karłowicz*, 1887, с. 246—247, № 12; *Weryho*, с. 59—62, № 15 — конт. с мотивами АТ 403; *Kolberg*, с. 204—205, № 4; *Gliński*, I, № 11 (конт. с мотивами АТ 403) — польский литер. пересказ белорусской сказки; *Barag*, с. 232—239, № 23 — конт. с мотивами АТ 403. Русских опубл. вариантов — 11 (АП, с. 472; Пропп-Никифоров, — неопубл. запись). Украинских — до 11. Польских — 8 (*Krzyż.*, I, с. 163—164).

**513—А. Шесть чудесных товарищей:** помощники (Объедало, Опивало, Мороз и др.) помогают герою жениться, выполняя трудные задачи отца царевны или ее самой. См.: ВР, II, 71, с. 79; III, 134, с. 84; *Chauvin*, VIII, № 392, с. 124. Этот сюжет в восточнославянских сказках всегда служит продолжением сюжета «Бой на мосту» (АТ 300 А = АА 300 \* В). Библиография исследований дана в приложении к кн.: *W. Liungman*. Die schwedischen Volksmärchen, 1961, с. 362—363.

*Романов*, III, с. 210—133, № 15, 16 — конт. с АТ, 300 А; VI, с. 254—286, № 28—30; с. 426—449, № 47; *Добровольский*, I, с. 416—433, № 7; с. 262—276, № 8. Русских опубл. вариантов — 22 (АП, с. 472; сб. «Советский фольклор», № 4—5, с. 231—238, № 14; см. также: Пропп-Никифоров, — неопубл. запись). Украинских — 18 (кроме учтенных Андреевым в его украинском каталоге отметим следующие тексты: Ск. Калина, с. 56—60; Гиряк, № 63).

(АТ—) **515 \* \* \*** = АА \* 515, I. **Волшебный мальчик:** царевна убегает от брака с братом (ср.: АТ 313 Е \* = АА \* 722); выходит замуж за крестьянина; ее сын помогает дяде-царевичу добыть невесту, заманив ее на корабль; невеста обмирает, ее хоронят, мальчик вновь достает ее; спасается от висельниц, протрубив три раза в рожок (ср.: АТ 920 = АА \* 905). Редко встречающиеся у восточных славян народные сказки этого типа довольно близко соответствуют русским лубочным сказкам о волшебном мальчике.

*Barag*, с. 134—141, № 10. Русский вариант: Худяков, с. 156—162, № 62 (см. также: Пропп-Никифоров, с. 360, № 134 — неопубл. запись).

**516. Верный слуга:** царевич влюбляется в царевну по портрету, находит ее, заманивает на корабль и увозит; слуга подслушивает разговор воронов (демонов) об опасностях, подстерегающих царевича на пути, разглашение этого грозит ему окаменением; с целью спасения царевича слуга совершает вызывающие его гнев поступки; вынужденный рассказать все, он окаменеет; благодарный царевич оживляет слугу кровью своих детей; дети тоже оживают.

См.: ВР I, 6, с. 46; *Chauvin*, IV, с. 8, 57; VII, с. 98. История сюжета связана с восточными сказаниями (см., например: *C. Tawney*, *The Kathasaritsagara or Ocean of the Streams of Story*, Kalkuta, 1880, т. I, с. 519, т. II, с. 251) и с рыцарским романом («*Amicus Amelius*»). Исследование: *E. Rösch*, *Der getreue Johannes*, FFC, N 77. Helsinki, 1928. Самые тесные связи имеются между белорусскими, русскими и украинскими вариантами, в которых отец царевны посылает в погоню за ней Кащей (Идола), а верный слуга богатырь Булат-добрый молодец убивает его (см., например; *Афанасьев*, I, № 159; *Карнаухова*, № 141; *Романов*, VI, № 2). Контаминация сюжетов «Верный слуга» и «Смерть Кащея» в белорусском варианте (*Романов*, VI, № 2) находит соответствие в тульской сказке (*А. А. Эрленвейн*, Народные сказки, собранные сельскими учителями. М., 1863, с. 50—72, № 12). Основываясь на численном преобладании белорусских вариантов с мотивом «Возвращение Булата», Е. Рэш высказал предположение о белорусском происхождении этого мотива. Однако данный мотив восходит непосредственно к русским лубочным сказкам. В стихотворной лубочной сказке «Булат-молодец» верный слуга царя Бамбардаса Булат без ведома своего господина возвращается с полпути обратно, чтобы сразиться с неприятельским войском царя Кирибита и со Змеем-Горынычем. К западнославянским и западноевропейским вариантам примыкает белорусский вариант сборника Вериго (№ 8). Мотив морского путешествия развивается здесь сходно со сказкой братьев Гримм.

*Романов*, VI, с. 1—14, № 1, 2; *Weryho*, с. 35—38, № 7; *Karlłowicz*, 1888, с. 28—30, № 66. Русских вариантов — 10 (АП, с. 473; «Русское народно-позитическое творчество в Татарской АССР». Сост. В. Ф. Павлова. Казань, 1955, с. 242—250). Украинских — 4 («Этногр. зб.», VII, № 27; *Чубинский*, II, № 80; *Яворский*, № 38; Ск. Короловича, с. 34—43). Польских — 13 (*Krzyż*., I, с. 167—168).

(АТ—) 516 ж. Верный слуга спасает барина от мести трех коляд (сказок): барин, рассказывая в рождественскую ночь сказки, засыпает, его слуга подслушивает под окном разговор трех коляд, решивших погубить заснувшего рассказчика (ср.: АТ 664 В ж). Далее, как в сказках типа 516, к которому Рэш отнес (см. выше) рождественские белорусские и украинские сказки о мести трех коляд. Старейшая версия этого сюжета — рассказ «Сомадевы» («Катхасаритсагары») о четырех демонах, которые, сговорившись, стали преследовать заснувшего рассказчика страшными видениями (по калькутскому изданию Тавнея — т. I, с. 253). Сходная башкирская сказка о мести сказок царевичу опубликована нами в сб.: «Эпические жанры устного народного творчества». Уфа, 1969, с. 260—261.

*Романов*, IV, с. 146—152, № 83, 84; *Добровольский*, I, с. 327—331, № 21. Украинский вариант: *Рудченко*, II, № 24.

518. Обманутые черти: черти (лешие) дерутся из-за диковинок — шапки-невидимки, ковра-самолета, скатерти-самобранки, которые не могут поделить между собой; герой заглаживает диковинками и благодаря им выполняет трудные задачи. См.: ВР II, 92, с. 331—335; *Chauvin*, VII, с. 29—38. Эпизод в сказках разных типов — чаще всего АТ 318, 566, 519, 552, 707. Происхождение данного мотива, известного по мифу о Персее и легендам, сказкам сборников «Катхасаритсагара» (*C. Tawney*, *The Kathasaritsagara or Ocean of the Streams of Story*, t. I. Kalkuta, 1880, с. 11), «Трипитака», «Шиди-кюр», «Тысяча и одна ночь», относится к древности.

*Романов*, III, с. 186—195, № 24—25 — конт. с АТ 318, 566; VI, с. 105—107, № 12 — конт. с АТ 400, 302; с. 188—199, № 21 — эпизод в сказке типа АТ 707; *Federowski*, I, с. 117—120, № 341 — конт. с АТ 552, 302; *Klich*, с. 139—140 — в сказке типа АТ 519; *Karlłowicz*, 1887, с. 269—272, № 27 — в сказке типа АТ 519; *Weryho*, с. 48—51, № 12 — в сказке типа АТ 519; *Чубинский*, II, с. 195—203, № 55 — бывший Бельский уезд — в сказке типа АТ 313 А; *Barag*, с. 264—273, № 27 — конт. с АТ 552, 302; *Gliński*, III, № 1; IV, № 4; Ск. Господарева, с. 218—238, № 8 — конт. с АТ 400, 302. Русских вариантов — 16 (АП, с. 473; см. также: Пропп-Никифо-

ров, — неопубл. запись). Украинских — 11 (Андр., Укр.). Польский: *Krzyż*, I, с. 168.

**519. Слепой и безногий:** слуга помогает царевичу жениться на богатырке, вместо царевича борется с ней, укрощает ее ночью; узнав об обмане, она отрубает слуге ноги, мужа определяет в пастухи; безногий находит слепого, они помогают друг другу, заставляют колдунью исцелить себя, укрощают царевну и выручают царевича. См.: ВР IV, с. 323. Исследования: А. *Löwis-of-Menar*. Die Brungildsage in Rußland. Leipzig, 1923; Б. М. Соколов. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. Уч. зап. Саратовского гос. ун-та, 1923. Такие сказки встречаются только в восточнославянском и (реже) в западнославянском и германском материале.

*Романов*, VI, с. 426—440, № 47; *Klich*, с. 139—140, № 1; *Weryho*, с. 48—51, № 12; *Kartowicz*, 1888, с. 269—272, № 27. Русских вариантов — 18 (АП, с. 473). Украинских — 2 (Андр., Укр.). Польский: *B. Gustawicz*. O ludzie podduklanskim. «Lud», Lwów, t. VII, 1903, с. 143. Е. Капелуц в статье «Семь польских сказок русского происхождения» (РФ, VIII, 1963, с. 66—74) рассматривает польский вариант как отголосок русского фольклора (*Krzyż*, I, с. 168).

(АТ —) 529\*. **Сестры черта на неприступной горе:** человек в сопровождении черта взбирается на гору, где находятся во дворце три сестры черта; черт толкает человека, и тот падает вниз; черт овладевает душой погибшего.

*Federowski*, II, с. 245—246, № 251.

**530 = АА 530 А. Сивко-Бурко:** младший брат (дурень) получает от умершего отца волшебного коня; царь объявляет, что выдст дочь только за того, кто доскачет до нее, находящейся в высоком тереме (или на столбе, на стеклянной горе), и поцелует ее; герой выполняет эту задачу и женится на царевне. См.: ВР III, 136, с. 111—112; I, с. 233 и сл.; II, с. 340. Библиографию исследований см. в кн.: *W. Liungman*. Die schwedischen Volksmärchen. Berlin, 1961, с. 363. В белорусском материале, как и в украинском, русском, преобладают варианты с мотивом «Царевна в тереме». Мотив стеклянной горы, характерный для западнославянских и западноевропейских сказок, встречается также в западнобелорусских и западноукраинских (например: «Этногр. зб.», I, № 8). К польскому материалу примыкает сказка сб. Федеровского (II, № 65), в которой описывается, как женихи, карабаясь на стеклянную гору, ломают руки, ноги, шею, как скользят и падают с кручи их кони (ср.: *Kolberg*, «Lud», VIII, Krakowskie, 1875, с. 3—5, № 2). В белорусской сказке, пересказанной на польском языке (*Gliński*, I, № 2), победитель на рыцарском турнире получает руку царевны. Мотив этот изредка встречается в западнославянских вариантах (два чешских опубл. текста) и характерен для западноевропейского материала. Нескольким подобным сказкам записано нами в Зельвинском р-не Гродненской обл. В варианте, записанном нами в с. Боруны Ошмянского р-на Минской обл. от К. Ф. Рутковского, 1889 г. рожд., герой взбирается на стеклянную гору и остается там вместе с царской дочерью (ср. сказку о стеклянной горе в кн.: *K. Wójcicki*. Klechdy. Starożytnie podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Warszawa, 1837, 1851, 1876, 1879). В некоторых западнобелорусских, западноукраинских и в одной русской сказке, как и в западнославянских, имеется эпизод: герой, достигнув вершины горы (столба), получает новое задание (*Federowski*, II, № 65; «Этногр. зб.», I, с. 11—13, № 4; «Зап. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения РГО», т. II, 1906, с. 79—81, № 23; ср.: *Chelchowski*, II, с. 93, № 73). Сибирский вариант, возможно, восходит к украинскому или белорусскому источнику. В белорусском варианте Гродненской обл. герой ловит на поле трех чудесных коней, а потом трех летающих девушек (*Federowski*, II, № 68), как и в некоторых западноукраинских и польских вариантах («Этногр. зб.», I, с. 11—13, № 4; *Chelchowski*, II, № 73). В текстах Романова (VI, № 8) и Федеровского (II, № 66) контаминируются сюжеты АТ 530 и 559, как и в западнославянских и западноевропейских сказках. В ряде белорусских вариантов имеются мотивы, типичные для русских сказок, — возвращение героя после каждого подвига домой с лукошком грибов и мотив чудесного перстня, которым «дурень» освещает избу (*Романов*, VI, № 53; *Добро-*

вольский, I, № 30). В самых различных белорусских текстах есть специфические восточнославянские формулы: «Конь бяжыць, земля дражыць»; «Улез у правае вуха — у левае вылез» и т. п. Из своеобразных мотивов белорусских вариантов отметим игру героя на жалейке (*Романов*, VI, № 53). Интересная сказка типа 530 записана нами в 1947 г. в с. Вербовичи Наровлянского р-на Гомельской обл. от Е. Ф. Белойчука, 1870 г. рожд.: ослепительный блеск золотого платья царевны-волшебницы не позволяет женихам приблизиться к ней на близкое расстояние; Ивась на коне подвезжает к царевне и дотрагивается до нее — чары разрушаются.

*Дмитриев*, с. 166—168 = *Афанасьев*, II, с. 8—9, № 181; *Романов*, VI, с. 81—90, № 86 — конт. с АТ 530 А и 559; VI, с. 470—477, № 53 — конт. с АТ 530 А; *Добровольский*, I, с. 590—594, № 30; с. 594—597, № 31 — конт. с АТ 530 А; *Чубинский*, II, с. 274—276, № 71 — Брестская обл., конт. с АТ 530 А; *Federowski*, II, с. 90—91, № 65; с. 91—92, № 66 — конт. с АТ 559; с. 94—96, № 68; *Klich*, с. 152—153, № 4; *Weryho*, с. 75—77, № 23; *Karlłowicz*, 1887, с. 283, № 38; 1888, с. 17, № 59; *Gliński*, I, № 2 — конт. с АТ 530 А — польский литер. пересказ; Ск. Господарева, с. 145—150, № 5 — конт. с АТ 530 А и 532. Русских опубл. вариантов — 22 (АП, с. 473; Никифоров, № 111, 125, а также: Пропп-Никифоров — 5 неопубл. записей). Украинских — 18 (*Андр.*, Укр. — 16; Андреев в комментариях ко II тому сказок Афанасьева, 1938, отметил на с. 589 дополнительно к указателю ВР десять текстов; см. также: Ск. Верховины, с. 251—259; «Дідо-всевідо», с. 132—142). Польских — 41 (*Krzyż.*, I, с. 171—172).

**530 А = АА 530 \* В.** Свинка — золотая щетинка: царь поручает трем зятям — младший считается дурнем — добыть диковинки (свинку с золотой щетинкой, злагорого оленя или морских кабанов, коров и т. п.); добывает диковинки дурень, но уступает их зятям за отрезанные пальцы и кожу со спины, на пире, где их чувствуют, «доказательства», представленные дурнем, изобличают обманщиков. См.: ВР, III, 136, с. 114, сноски 1. Обычно этот сюжет служит продолжением «Сивки-Бурки». Сказки типа АТ 530 А известны только славянам и народам Советской Прибалтики. Отличены в указателе Тилле.

*Романов*, VI, с. 470—477, № 53 — конт. с АТ 530 (мотив добывания льва сходно развивается в эстонской сказке: *O. Kallas. Achtzig Märchen der Iijutziner Esten. Jurjew*, 1900); там же, с. 81—90, № 86 — конт. с АТ 530 и 559; *Добровольский*, I, с. 594—597, № 31 — конт. с АТ 530; *Чубинский*, II, с. 274—276, № 71, — Брестская обл., конт. с АТ 530; *Gliński*, I, № 2 — конт. с АТ 530 — польский пересказ белорусской сказки; Ск. Господарева, с. 145—150, № 5 — конт. с АТ 530 и 532. Русских вариантов — 30 (АП, с. 473; Никифоров, № 111, 125, а также: Пропп-Никифоров — неопубл. вар.). Украинский: Ск. Верховины, с. 251—259.

(АТ—) **530 С\***. Источник, охраняемый злыми духами: царевна обещает руку тому, кто добудет воду из колодца, охраняемого злыми духами, и, умывшись, превратится в красавца; младший из трех братьев выполняет эту задачу с помощью благодарного волка и женится на царевне. Сюжет встречается только в западнославянском, южнославянском и в западнобелорусском материале.

*Federowski*, II, с. 42, № 41. Славянские варианты указаны в комментариях П. Лаврова и И. Поливки (Сб. «Lidove povidy jihomakedonske», Prahа, 1932, с. 404—406). Близкой параллелью к белорусскому тексту является сказка сб. Цишевского «Krakowiacu», II, с. 18, № 131.

**531 = К 531 А. Конек-Горбунок:** помогает герою на службе у царя; герой добывает жар-птицу, царевну, выполняет ее свадебные поручения; купается в кипятке и становится красавцем; царь пробует то же, погибает; герой получает руку царевны. См.: ВР III, 126, с. 18. Старейшая литературная версия относится к XVII в. («Пентамерон», IV, 5). Ряд белорусских вариантов связан с русской лубочной традицией и отражает влияние сказки Ершова (*Шейн*, II, № 134; *Романов*, III, № 38). Сходен с русскими вариантами Афанасьева текст № 39 сб. Романова. Нередко в белорусских сказках этого типа (а также АТ 571, 328) героем является Трем-сын, воспитанник лесных старцев или охотников, разбойников, лесника. Образ Трем-сына специфичен для славянского фольклора, но в украинских и белорусских сказках встречается чаще, чем



в русских и особенно польских, чешских (Романов, III, № 16; VI, № 33; *Треммин*, *Фалев*, № 96; *Federowski*, II, № 329; *Gliński*, III, № 16). Только в белорусских и украинских сборниках отмечены сказки о Трем-сыне — крестнике Петра, Павла и бога (Романов, IV, № 33; *Чубинский*, II, № 86). Характерей для славянских вариантов также мотив рождения множества братьев (Романов, III, № 39; *Шейн*, II, № 133; *Gliński*, II, № 1). В белорусском и украинском материале нередко встречаются контаминации типов 531 и 328 (Романов, III, № 39; VI, № 39; *Gliński*, II, № 1); у русских отмечен единственный случай такой контаминации: «Зап. Красноярского подотдела Вост. отд. РГО», I, с. 65—67, № 36. Сходны с западнославянскими белорусские сказки сборников Вериги (№ 23) и Федеровского (II, № 330): палочка (перышко) превращается по желанию героя в коня или помогает вызвать коня. Некоторые белорусские сказки (*Federowski*, II, № 68) близко напоминают только польские: герой захватывает ночью на поле златогривую лошадь и царевну, сидящую в коляске (ср. польский текст в ежегоднике «Wisła», 1894, VIII, с. 524—531). С западной традицией связана также сказка сб. Карловича (№ 82): герой срысывает заколдованную гору, строит дворец; король женит его на своей дочери и наказывает слугу, выдававшего себя за господина (ср. литовскую сказку в том же сборнике, с. 58, № 17).

*Романов*, III, с. 232—238, № 38 (в примеч. на с. 238. пересказан вариант — конт. с АТ 327 В, 328; с. 239—247, № 39, 40 — конт. с АТ 327 В, 328; с. 247—250, № 41; VI, с. 262—297, № 31 — конт. с АТ 327 В; с. 360—370, № 39 — конт. с АТ 327 В, 328; *Добровольский*, I, с. 632—633 № 39; *Шейн*, II, с. 50—52, № 23; с. 74—80, № 39 — конт. с АТ 328; с. 276—279, № 133 — конт. с АТ 327 В; с. 279—283, № 134; *Federowski*, II, с. 290—299, № 326—330; с. 328, № 387; *Weryho*, с. 26—31, № 6; *Kartowicz*, 1887, с. 264—266, № 25; (ср.: *Kartowicz*, 1888, с. 54—57, № 82); *Gliński*, II, № 8; III, № 16 — польский пересказ; Ск. Господарева, с. 233—249, № 9 — конт. с АТ 551). Русских опубл. вариантов — 30 (АП, с. 473—474; Пропп-Никифоров — 4 неопубл. записи). Украинских — до 25 (дополнительно к указателю ВР Андреев в комментариях ко II тому сказок Афанасьева, 1938, отметил на с. 591 шесть текстов; см. также: Ск. Верховины, с. 224—231, 388—395; «Дідо-всєвідо», с. 109—116, 116—126, 160—175). Польских — 17 (*Krzyż*, I, с. 173—175).

532. Незнайко: царевич изгнан махемой; по совету коня надевает рубище и на вопросы отвечает «не знаю»; поступает садовником к царю, царевна его примечает; тайне он трижды избавляет царя от врагов; его подвиги обнаруживаются, и он женится на царевне. См.: ВР III, 136. История сюжета связана с рыцарскими романами. Традиционные контаминации: АТ 532 и 502; 532 и 531; 532 и 530 А; 532 и 300. В польских сборниках нет.

*Афанасьев*, I, с. 219—223, № 126 — конт. с АТ 502; *Романов*, III, с. 142—154, № 18а (конт. с АТ 725, 300), № 186 — конт. с АТ, 300; *Добровольский*, I, с. 471—477, № 12 — конт. с АТ 502; *Шейн*, II, с. 52—55, № 24 — конт. с АТ 502; *Federowski*, I, 113—116, № 340; II, с. 58—62, № 50; *Kartowicz*, 1887, с. 270—272, № 28; *Gliński*, II, № 1 — конт. с АТ 530 А; Ск. Господарева, с. 145—150, № 5 — конт. с АТ 530 А, 530. Русских вариантов — 35 (АП, с. 474; сб. «Советский фольклор», № 3—4, с. 196—201 и 217—218; Сб. Никифорова, № 97, 98. Украинских — 11 (*Андр.*, Укр.; дополнительно к указаниям Bolte — Polivka украинские варианты перечислены в комментариях Андреева ко II тому сказок Афанасьева, 1938, с. 647). Примыкают к типу 532 отмеченные в западнобелорусском и западнославянском материале сказки о заколдованном коне, который помог герою избавиться царя от врагов, жениться на царевне, а затем освободился от чар и принял человеческий облик: *Federowski*, I, № 286; *J. Wenzig*. Westslawische Marchenschatz. Leipzig, 1857, с. 69—82.

533. Царевна и служанка: по пути к жениху служанка заставляет царевну поменяться с ней платьями, ослепляет ее и выдает себя за царскую невесту; истина выясняется, царевна возвращает себе глаза, служанка наказана (ср.:

АТ 403). См.: ВР, II, 89, с. 273, а также исследование П. Арферта, указанное в пояснении к АТ 403.

*Federowski*, II, с. 108—112, № 77. Русских вариантов — 5 (АП, с. 474). Польских — 6 (*Krzyż.*, I, с. 175).

545. В. Кот в сапогах: кот (лиса) помогает герою жениться на царевне, выдавая его за владельца стад, земель. См.: ВР I, 33а, с. 325; III, 214, с. 487. История сюжета связана со сказками Страпоролы (XVI в.), Базиля (XVII в.) и особенно с «Le Chat botte» Перро. В белорусских и украинских вариантах главные персонажи обычно лиса и мнимый пан (Попельшка, Попяловский, Попялинский, Копчинский, Копинский, Коцкий; ср. Ивана Запечника русских сказок). О проделках лисы повествуется и в некоторых русских вариантах.

*Романов*, III, с. 219—224, № 33, 34; с. 224—226, № 35 — конт. с АТ 1137; с. 226—227, № 36; *Шейн*, II, с. 11—15, № 8; с. 128—133, № 58, 59; ср.: *Добровольский*, I, с. 102—104, № 43; *Gliński*, III, № 8 — польский пересказ, близкий к тексту Перро. См. также: *Я. Колас*. 36. твораў, т. V, с. 620—625 — лит. пересказ. Русских вариантов — 9 (АП, с. 474; неопубл. записи отмечены в Описи Проппа-Никифорова — 2 текста). Украинских — 10 (Рудченко, I, № 18; II, № 5—6; *Чубинский*, II, № 56; «Этногр. зб.», VII, № 53; XXXVIII, № 205—208; Ск. Калина, с. 149—154; Ск. Верховины, с. 260—264. Нет в польских фольклорных сборниках.

550 = К, 417. Жар-птица и серый волк: три брата едут за жар-птицей; младший с помощью волка добывает ее, а также коня и царевну; братья отнимают у него добычу и убивают его; волк оживляет героя, обман раскрывается. См.: ВР, I, 57, с. 503; II, 97, с. 394; *Chauvin*, VI, № 182, с. 5; № 273, 274, с. 8—10. История сюжета освещена Вессельским: *Märchen des Mittelalters*. Berlin, 1925. с. 217 и сл., № 28. См. также: *N. A. Nilsson*. Die Apolonius Erzählungen in der slawischen Literatur. Uppsala, 1949, с. 46 и сл.

*Романов*, III, с. 250—253, № 42; *Federowski*, II, с. 58—62, № 50; *Weryho*, с. 38—42, N 9; *Klich*, с. 169; *Karłowicz*, 1888, с. 51—54, N 81; *Gliński*, I, № 1 — польский пересказ. Русских вариантов — 14 (АП, с. 474; Никифоров, № 53 и 98, а также: Пропп-Никифоров — 2 неопубл. записи). Украинских — 11 (см. библиографию в сб. Яворского, с. 300; дополнительно: Кравченко, 1914, с. 206—209, № 131; Ск. Верховины, с. 369—374. Польских — 25 (*Krzyż.*, I, с. 133—134).

551. Молодильные яблоки: три брата едут за молодильными яблоками и живой водой для больного отца; младший ласково обходится со странником и благодаря его помощи проникает в сад и во дворец к спящей царевне, похищает яблоки и воду; старшие братья сбрасывают младшего в яму (колодец) и выдают его добычу за свою; он спасается и возвращается домой; царевна находит его и признает в нем отца своего сына (детей). См.: ВР II, 97, с. 394. История этого сюжета, как и сюжета, о жар-птице, имеет отношение к «Тысяче и одной ночи». В трудах Шовеня, Вессельского, Нилсона типы 550 и 551 рассматриваются в их взаимосвязи. Старейший лит. пересказ XIV в. — сочинение монаха Иоганна Габуса «Scala celi». Мотивы данного сюжета отразились в средневековых романах (например, в «Парцифале» — XIII в.). В западнославянских и западноевропейских вариантах герою нередко помогают лис, старуха или карлик.

*Добровольский*, I, с. 501—510, № 17 — конт. с АТ 300 (= АА 300 А) \*301; *Романов*, III, с. 214—217, № 31 (эпизод помощи странника напоминает АТ 471 = АА \*804 I); VI, с. 370—382, № 40 (конт. с АТ 300 = АА 300 А), 41; *Чубинский*, II, с. 77—83, № 19 — бывший Бельский уезд; Ск. Господарева, с. 239—248, № 9 — конт. с АТ 531 (в основном относится к типу 531). Русских опубл. вариантов 27 (АП, с. 474; Пропп-Никифоров, — 2 неопубл. записи). Украинских — 12 (дополнительно к библиографическим указаниям ВР и Андреева — в комментариях ко II тому сказок Афанасьева, 1938, на с. 584, отметим: Гиряк, № 2). Польских — 8 (*Krzyż.*, I, с. 179).

552. Животные-зятья: три девушки выданы за сокола, орла, ворона (или за зверей); зятья помогают своему шурина добыть жену-красавицу (ср.: АТ 400).

См.: ВР II, 82а; III, 197, с. 424 и сл. Старейший вариант — в «Пентамероне». Традиционная контаминация с АТ 552 и 302. Для восточнославянского, особенно русского, репертуара характерны сложные сказки типа «Марья Моревна» — АТ 552, 518, 302, 554 (например, *Афанасьев*, I, № 159).

*Романов*, VI, с. 205—213, № 23 — конт. с АТ 302; с. 213 и сл., № 24, 25, 26 (в примеч. указаны местные варианты; *Federowski*, I, с. 116—120, № 341 — конт. с АТ, 518, 302; *Varag*, с. 264—273, № 27 — конт. с АТ 518, 302. Русских вариантов — 25 (АП, с. 474). Украинских — 10 (*Андр.*, Укр.—8; дополнительно: Ск. Калина, с. 131; «Дідо-всєвід», с. 180—186). Польских — 2 (*Krzyż.*, I, с. 179).

(АТ —) 552 Аж. Черти-зятья: черти женятся на трех дочерях крестьянина; он отправляется к ним в гости, и зятья встречают его радушно.

*Federowski*, II, с. 219—220, № 206.

(АТ—) 552 Сж. Ледяная гора: жених-ворон уносит жестокую царевну на ледяную гору в море; через много лет она растапливает эту гору слезами, и тогда ворон женится на царевне.

Текст, записанный нами в 1948 г. в д. Доржи Ошмянского р-на Минской обл. от Ю. В. Жданович, 1912 г. рожд.

554. Благодарные животные: юноша щадит животных, помогает им в беде; они помогают ему выполнить задачи царевны и жениться на ней. Обычно в контаминации с другими сюжетами. См.: ВР II, 62, с. 19. Древнейшие тексты относятся к III тысячелетию до н. э. Исследование: *A. Marx. Griechische Märchen von dankbaren Tieren und Verwandtes. Stuttgart, 1889.*

*Романов*, VI, с. 36—60, № 5 — конт. с АТ 650, 314, 300; с. 96, № 10 (эпизод); с. 442, № 19 (эпизод); *Сергпутовский*, 1926, с. 47—52, № 23 — конт. с АТ 300; *Federowski*, II, с. 42, № 41; *Kolberg*, с. 206, № 41. Русских опубл. вариантов — 26 (АП, с. 475; Никифоров, № 73, а также: Пропп-Никифоров — 3 неопубл. записи). Украинских — 16 (*Андр.*, Укр.). Польских — 24 (*Krzyż.*, I, с. 179—180).

(АТ—) 554\*\* = *Андр.*, Укр. \*\* 554 I. Герой с помощью благодарных животных выслуживает себе коня. Обычно это не самостоятельный сюжет, а эпизод. *Романов*, III, с. 196—198, № 26; VI, с. 36—60, № 5 — конт. со многими сюжетами; с. 105—117, № 12; с. 213—246, № 24, 25а, 25б. Украинских вариантов — 6 (*Андр.*, Укр.).

(АТ—) 554\*\*\*. Паук, муравей и змея спасают царя: царь Соломон скрывается от врагов в пещере; паук тклет перед входом в нее паутину, муравей предупреждает царя об опасности своим укусом; змея жалит его преследователей.

*Сергпутовский*, 1911, с. 78—80, № 44.

555. Коток — золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево): исполняет все желания жены бедняка (хороший дом, важный чин и т. д.); когда она выражает желание стать богородицей (морской царицей), все пропадает и старик вновь возвращается к старой лачуге. См.: ВР, I, 19, с. 138. Исследования: *M. Rottmel. Von dem Fischer und seiner Frau. Karlsruhe, 1935*; *M. К. Азадовский. Литература и фольклор. Л., 1938*, с. 65—75; *P. М. Волков. Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Черновцы, 1960*, с. 136—154.

*Романов*, III, с. 359—361, № 89 («Коток-золотой лобок»); *Добровольский*, I, с. 640—642, № 5; *Gliński*, III, № 3 — польский пересказ, напоминающий сказку Пушкина; Ск. Господарева, с. 350—352, № 23. Русских вариантов — 20 (АП, с. 475; Никифоров, № 128, а также: Пропп-Никифоров — неопубл. запись). Польских — 12 (*Krzyż.*, I, с. 180—181).

559. Несмеяна царевна: никогда не смеется; отец обещает ее руку тому, кто ее рассмешит; это удается «дурню»; знатный жених терпит поражение. См.: ВР II, 64, 104а, с. 454, сноска. В белорусских сказках встречается традиционная для западного фольклора контаминация АТ 559 и 530. Польских сказок этого типа нет.

*Романов*, VI, с. 81—90, № 86 — конт. с АТ 530, 530 А (указаны местные варианты); *Добровольский*, I, с. 620—622, № 35; *Federowski*, II, с. 91—93, № 66 — конт. с АТ 530. Русских опубл. вариантов — 5 (АП, с. 475;

Пропп-Никифоров,— 3 неопубл. записи). Украинских — 7 (Андр., Укр.), они перечислены в комментарии Н. П. Андреева ко II тому сказок Афанасьева, 1938, с. 649.

## 560—649. Чудесный предмет

**560. Волшебное кольцо:** герой выручает из беды собаку, кошку и змею; при помощи кольца выполняет задачи царя и женится на царевне; она похищает кольцо, а сама исчезает, заточив мужа в темницу; собака и кошка возвращают ему похищенный предмет. См.: ВР II, 104а, с. 514 и сл. История сюжета восходит к сборникам «25 рассказов веталлы», «Шиди-хюр» и др. Первые европейские публикации относятся к 30-м годам XVII в. («Пентамерон», III, № 5; IV, № 1). В восточнославянских вариантах герой получает иногда кольцо не от змеи, а снимает его с руки мертвой красавицы, барыни (Романов, III, с. 345); собаке и кошке помогают вернуть их хозяину кольцо царь мышей и царь раков (Добровольский, I, с. 607—615). Исследование: A. Aarne. Vergleichende Märchenforschung. Das Märchen von Zauberring. «Memoires de la Societe Finno-Ougrienne», XXV, 1908, с. 1—82).

Романов, III, с. 345—350, № 85; VI, с. 404—412, № 44 — конт. с. 401 Аж; Добровольский, I, с. 444—454, № 9 — конт. с. АТ 502; с. 607—615, № 33; Шейн, II, с. 15—18, № 9; Чубинский, II, с. 59—63, № 13 — Брестская обл.; Federowski, II, с. 75—81, № 58—60; Klich, с. 129—131, № 2; Gliński, I, № 16 — польский лит. пересказ; Ск. Господарева, с. 272—277, № 13. Русских опубл. вариантов — 46 (АП, с. 475; Никифоров, № 82, а также: Пропп-Никифоров — 4 неопубл. записи). Украинских — 13: Игнатий з Никлович, № 3, 4; Чубинский, II, с. 52—58, № 12 (перепеч. в сб. Гринченко и Возняка); «Этногр. зб.», VII, № 35, 52; XIV, № 16; XXIX, № 26; XXXVII—XXXVIII, № 169, 192; ZWAK, t. IX, 1885, с. 94, № 6; Kolberg Rokusek, IV, 1889, № 77; Barącz, с. 235—239; Ск. Верховины, с. 345—349. Польских — 12 (Krzyż., I, с. 182—183).

(АТ—) 560ж. Служка-невидимка: солдат находит волшебную бумажку и с ее помощью строит против царского дворца свой дворец, женится на царевне; у него похищают эту «служку-невидимку», приговаривают его к казни; на эшафоте она снова попадает в руки солдата, и тот спасается.

Текст, записанный в 1946 г. в д. Казенные Лычицы Любчанского р-на Гродненской обл. от К. Я. Сазановича, 1910 г. рожд., и другие тексты, записанные нами в том же районе.

(АТ—) 560жж. Чертов перстень: юноша-бедняк помогает черту и по его указанию стреляет в бога; получает в награду кольцо; царевна обещает ему свою руку, если выполнит три задачи; две он выполняет с помощью чертового перстня; при попытке построить за ночь двенадцать церквей проваливается сквозь землю.

Текст, записанный нами в 1949 г. в местечке Сола Сморгонского р-на Минской обл. от К. И. Зимниченко, 1890 г. рожд.

(АТ—) 560жжж. Перстень колдуна: дурень получает от умирающего отца-колдуна перстень; добывает с его помощью заколдованный клад; обманывает черта, которому должен был служить; спасает с помощью этого же перстня царевну и добывается у царя улучшения жизни народа.

Сергпутоўскі, 1926, с. 112—113, № 50.

**561. Лампа Аладдина:** герой с помощью чародея добывает лампу, которая дает ему власть над духом — исполнителем всех желаний, а также кольцо, которое подчиняет ему другого духа; получает руку царевны и становится владельцем замка; чародей похищает лампу и исчезает вместе с царевой и замком; благодаря другому духу, которого вызывает волшебным кольцом, выходит из беды — убивает чародея и возвращает себе волшебную лампу, жену-царевну и замок. См.: ВР, II, 95, с. 116, с. 544—549. Сюжет сформировался в арабской народной среде на основе мотивов сказок типа 560 и 562. В литературно обработанном виде получил распространение в европейских странах только в новое время — после выхода в свет «Тысячи и одной ночи» во фран-

цузском переводе А. Галлана (1704—1717). В это издание вошла «Лампа Алладина». Ее нет в итоговой «египетской» редакции «Тысячи и одной ночи», но она имеется в двух древних арабских рукописях — парижской Сабгата (ночи 592—680) и ленинградской Гицбурга (ночи 627—687). См.: *H. Zotenberg. Histoire d'Aladin ou lampe Merveilleuse, text arabe, publiée avec une notice sur quelques manuscrits des Mille et une Nuit.* Paris, 1888; Халиф на час. Новые сказки из книги «Тысяча и одна ночь». Перевод, предисловие и примечания М. А. Салье. М., 1961, с. 159—231.

*Добровольский*, I, с. 517—530, № 19; *Federowski*, II, с. 78 и сл., № 8. Русских опубл. вариантов — 5 (АП, с. 475; Пропп-Никифоров — неопубл. запись). Украинский: «Етногр. зб.», VII, с. 28—32, № 32. Польских — 6 (*Krzyż.*, I, с. 183).

**562. Дух в голубом свете:** юноша достает волшебные предметы, дающие ему власть над духом в голубом свете (железным человеком и т. п.); дух три ночи приносит ему одну за другой трех царевен; убегая, юноша оставляет волшебный светильник; товарищ приносит ему, заточенному в темницу, светильник, и дух спасает его от казни. См.: ВР II, 104а, с. 451; 116, с. 535, 547. Данный сюжет древнее сюжета о лампе Алладина, с ним генетически связанного. Люнгман в книге о шведских сказках приводит данные о том, что в Европе сказки типа 562 стали известны еще в XIII в. См. также указанные выше работы: статью Аарне о «Волшебном кольце» и комментарии Зотенбера к французскому изданию «Лампы Алладина». Литературная история сюжета связана с восточным романом «Сорок везиров».

*Добровольский*, I, с. 556—559, № 25. Русских вариантов — 2 (АА, с. 43). Польских — 6 (*Krzyż.*, I, с. 183—184).

(АТ —) **562 ж. Чудесное кресало и львы:** бедняк добывает сокровища и получает власть над охранявшими их львами (ср.: АТ, 590); с помощью кресала вызывает львов, и те три ночи подряд приносят ему царевну; потеряв кресало, герой снова становится бедняком (или: приговоренный к повешению, он возвращает себе кресало и спасается).

Тексты, записанные нами в 1946—1947 гг. в с. Краи Техеланского р-на Брестской обл. от Т. А. Кононовича, 1906 г. рожд., и в д. Болотце Любанчанского р-на Гродненской обл. от Г. И. Пилько, 1888 г. рожд.

**563. Чудесные дары:** человек получает скагерть-самобранку, козу, рассыпающуюся золотом (или мельницу, из которой сыпется золото), чудесную дубинку; вор подменяет волшебные предметы и животное; чудесная дубинка избивает похитителя и заставляет его вернуть подарки их владельцу. См.: ВР I, 36. Древнейшая версия — в китайском сборнике «Лю и сянг» (VI в.). А. Аарне посвятил сказкам типов 563, 564, 565 исследование: *A. Aarne. Eine vergleichende Märchenforschung.* «Journal de la Societe Finno-Ougrienne», t. XXVII, Helsingfors, 1909.

*Романов*, III, с. 277—283, № 52—54 (в примеч. — ссылки на местные варианты); *Добровольский*, I, с. 585—590; № 29; с. 597—606, № 32а, 32в; *Federowski*, I, с. 96—98, № 287; II, с. 144—145; № 121; *Klich*, с. 111—114, № 2; *Karłowicz*, 1887, с. 288, № 43. Русских вариантов — 17 (АП, с. 475; Никифоров, № 3, 89; Ск. Корольковой, с. 199—207; Бараг, Башк., № 2; см. также: Пропп-Никифоров — неопубл. запись). Украинских — 11 (*Андр.*, Укр.). Польских — 27 (*Krzyż.*, I, с. 184—185).

**564. Чудесные дары** (Две сумы) — богач (пан, царь) путем подмены или другим путем присваивает суму — исполнительницу всех желаний, которую получил в дар бедняк; обворованный получает новый подарок — суму, из которой выскакивают кнутобойцы и избивают похитителя; тот вынужден вернуть первый подарок. См.: ВР I, 36.

*Романов*, III, с. 271—277, № 50, 51; *Чубинский*, II, с. 354, № 92 — Брестская обл.; *Federowski*, I, с. 161—162, № 489; II, с. 299—300, № 331; Бараг, с. 361—363, № 49 — конт. с АТ 735; *Gliński*, I, № 12 — польский пересказ белорусской сказки; Ск. Господарева, с. 346—349, № 22. Русских вариантов — 18 (АП, с. 475—476; Ск. Корольковой, с. 222—229). Украинских — 10. Польских — 14 (*Krzyż.*, I, с. 185—186).

566 = К 560 А. **Рога**: герой получает волшебные предметы и женится на царевне; она овладевает этими предметами; герой находит ягоды, от которых вырастают рога, и ягоды, дающие красоту; с помощью этих ягод выручает у царевны свои волшебные предметы. См.: ВР I, 54, с. 470—485; III, 122, с. 3 и сл. Исследование: А. *Aarne*. Die dreizaubergegenstände und die wunderbaren Früchte; Vergleichende Märchenforschungen «Memoires de la Societe Finno-Ougrienne», t. XXV. Helsingfors, 1908. На основе этого сюжета в XV в. у немцев сложился роман (народная книга) «Фортунат», оказавший заметное влияние на западнославянские сказки. Оно проявляется и в западнобелорусской сказке «Летающий кафтан», представляющей разновидность типа 566 (Вагак, № 19): лесник добывает у птиц летающий кафтан, летит в страну великанов; жена отнимает этот кафтан и покидает мужа одного на высокой горе; он находит чудесную капусту; возвратившись домой, угощает капустой жену и ее мать — обе они превращаются в кобылиц.

*Романов*, III, с. 181—186, № 23; с. 186—195, № 24, 25 — конт. с АТ 318; Еремин, Фалев, с. 140—141 (из неизданного и ныне утраченного XIV выпуска «Белорусского сборника» Романова); *Добровольский*, I, с. 511—517, № 18; с. 561—568, № 27 — конт. с АТ 567; *Шейн*, II, с. 163—165, № 78; *Federowski*, II, с. 299—300, № 331; Вагак, с. 206—215, № 19. Русских вариантов — 31 (АП, с. 476; Никифоров, № 87). Украинских — 8 (*Андр.*, Укр.—7, перечень текстов в приложении к сб. Яворского — комментарий к № 33; дополнительно — Ск. Верховины, с. 278—286). Польских — 8 (*Krzyż*, I, с. 186—187).

567. **Чудесная птица**: кто съест ее голову, станет царем, кто съест сердце — богачом; жена охотника готовит эту птицу для своего любовника, но случайно голову и сердце съедают ее дети; попытки отнять у них приобретенные таким образом чудесные свойства терпят неудачу. См.: ВР I, 60, с. 542—544; III, 122, с. 3. Древнейшие версии — индийская («Kathasaritsāgara») и персидская («Tutinameh»).

*Добровольский*, I, с. 561—568, № 27 — конт. с АТ 566; Ск. Господарева, с. 264—267, № 12. Русских опубл. вариантов — 37 (АП, с. 476; Никифоров, № 101; а также: Пропп-Никифоров — 3 неопубл. записи). Украинских — 13 (дополнительно к текстам, перечисленным в приложении к сб. Яворского на с. 323—324, отметим: Ск. Верховины, с. 217—223; «Дідовсьвідо», с. 109—116). Польских — 10 (*Krzyż*, I, с. 187—188).

569. **Сумка, шляпа и рожок**: волшебный предмет, найденный на дороге, герой меняет на другой; при помощи новых находок возвращает старые; благодаря этим предметам ведет войну с царем и пр. См.: ВР I, 54, с. 464 и сл. Древнейшая версия — в сб. буддийских легенд «Jataka», первые европейские литературные обработки относятся к XVI в. (Г. Сакс). У некоторых славянских народов (например, поляков) такие сказки не встречаются.

*Романов*, III, с. 246, № 40; VI, с. 308, № 33. Русских вариантов — 9 (АП, с. 476; Ск. Корольковой, с. 175—180).

(АТ—) 569\*. **Золотой колпак, чудесные сапоги и сумка-самодайка**: герой добывает чудесные предметы на службе у чертей; крадет с помощью чудесных сапог коня, которого выменивает у чертей на самодайку; самодайку крадет у героя кума, он вытаскивает этот волшебный предмет из горящего ее дома.

*Federowski*, II, с. 214, № 200.

570 = К 515. **Заячий пастух**: царь обещает выдать дочь за того, кто справится с обязанностями заячьего пастуха; герой (младший из трех братьев) с помощью чудесной дудки собирает зайцев и получает руку царевны. См.: ВР III 165, с. 267. Сюжет распространен преимущественно в Германии и романских странах.

*Сержпутоўскі*, 1926, с. 103, № 45; *Kolberg*, с. 201, № 2; Польских вариантов — 2 (*Krzyż*, I, с. 167).

571. **Диво дивное**: муж привозит жене в подарок гуся (журавля, диво); она приглашает любовника; гусь оказывается волшебным, и женщина к нему прилипает, любовник хочет ее оторвать — и тоже прилипает, а к ним прилипают

другие (поп, дьяк, староста, попадья; ср.: АТ 559). См.: ВР, II, 64, с. 39. Исследование: *J. Polivka. Pohadkoslovne studie. Praha, 1904, с. 67 и сл.*

*Шейн, II, с. 165—167, № 79; Сержпутоўскі, 1926, с. 57—61, № 26; Federowski, I, с. 186—187, № 687.* Русских опубл. вариантов — 11 (АП, с. 476. Никифоров, № 13, 119, а также: Пропп-Никифоров — 4 неопубл. записи). Украинские варианты отмечены в указателе Volte — Polivka и дополнительно в комментариях Н. П. Андреева ко II тому сказок Афанасьева, 1938, с. 627. Польских — 3 (*Krzyż., I, с. 190—191*).

(АТ—) 571ж. **Магическое слово:** герой, возвратившись домой, узнает, что его невеста просватана за другого; произносит магическое слово, и люди, которых он заклинает, прилипают друг к другу или окаменевают (ср.: АТ 593).

*Сержпутоўскі, 1926, с. 16, № 9;* текст, записанный нами в 1945 г. в д. Могильцы Бытанского р-на Гродненской обл. от А. А. Русака, 1909 г. рожд.; ср.: *Federowski, I, с. 98, № 290:* кучер произносит магическое слово, и не поклонившиеся барину молодожены непрерывно целуют друг друга. Польских вариантов — 4 (*Krzyż., I, с. 195*).

575. **Деревянный орёл** (голубь): спор о том, кто изготовит самый чудесный предмет; мастер делает деревянного орла; царевич летает на нем в башню к царевне; его ловят и хотят казнить; улетает с места казни вместе с царевной. См.: ВР II, 77а, с. 131; *Chauvin, V, № 103, с. 221.* Одна из старейших версий — сказка «Тысячи и одной ночи» (ночи 358—370). Ср.: «Сын богача» сборника «25 рассказов веталлы» и сказку об искусственной птице Гаруде сб. «Панчантавтра» (кн. I, № 8).

*Federowski, II, с. 122—125, № 83.* Русских вариантов — 8 (АА, с. 45; Кругляшова, с. 248—250, № 19) Польский учтен Ю. Кшижановским рядом с белорусским (*Krzyż., I, с. 191*).

590. **Царевич и браслеты:** мачеха (сестра) угрожает герою смертью; он находит браслеты (или меч, пояс), придающие ему силу; ему помогают два льва; мачеха, овладев чудесным предметом, велит выколоть ему глаза; он исцеляется, мачеха наказана (ср.: АТ 318 = АА 315 \* В = К 568). Ср.: ВР III, 121. Сюжет встречается в западноевропейских, польских, сербо-хорватских, словинских и западнобелорусских, западноукраинских сборниках. В белорусских сказках отмечен только в комбинации с АТ 315.

*Federowski, II, с. 65—69, № 52, 53, 55; с. 85, № 63; с. 314, № 347; Weryho, 19—24, № 4.* Украинских вариантов — 2 (они так же, как и белорусские, отмечены Кшижановским в его Указателе). Польских — 19 (*Krzyż., I, с. 192—193*).

(АТ—) 590ж. **Любимец женщин;** в юношу влюбляются две царицы и ведут из-за него войну; по мольбе юноши бог дает ему свиную личину.

*Сержпутоўскі, 1926, с. 219—223, № 86.*

592. **Чудесная скрипка** (дудка, гусли): герой получает скрипку; слушающие игру пляшут (в терновнике или в другом месте) до изнеможения; героя за это судят, судьи невольно пускаются в пляс. См.: ВР II, с. 490—495. В западных (чешских, немецких, голландских, английских и итальянских) литературных пересказах этот древний сюжет известен с XV—XVI вв. Социальная заостренность особенно проявляется в восточнославянских сказках данного типа. Только в восточно- и южнославянских вариантах имеется вступление: герой получает дудку от бога за то, что благоухание ладана дошло до неба (украинских — 4, сербохорватских — 3, болгарских, русских и белорусских — по одному; см.: *Романов, VI, № 54*). К польскому материалу примыкает текст сб. Федеровского (I, № 84): пастух получает скрипку и сапоги от чертей, заставляя плясать коров, панов и спасается бегством благодаря чудесным сапогам. Характерны для западнобелорусского материала сказки, в которых сюжет о чертовой музыке контаминируется с сюжетом о глупом черте: пастух находит дудку черта, заставляет плясать в терновнике стекольщика со стеклом, гончара с горшками и важного пана, пань; черт пытается отнять свою дудку и предлагает пастуху решить спор состязанием (*Karłowicz, № 26*). В русском материале есть одна сказка типа 592, в которой герой добывает музыкальный инструмент у черта («Зап. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения РГО», I, с. 72—74, № 38), но сюжет в ней развивается иначе. В белорусских и в

польских сказках контаминируются иногда сюжеты АТ 592 и 475: герой получает гусли или скрипку, дудку за службу в аду (*Сержпутоўскі*, 1926, № 77; наши записи, сделанные в Пинском Полесье; *Ciszewski*, II, № 120). Со сказками типа 592 связаны бытующие в Белоруссии и характерные для западнославянского репертуара сказки типа 326, в которых есть эпизод: приведение пляшет под аккомпанемент чудесной скрипки и рассыпается золотом — *Federowski*, I, № 231 (ср.: ВР, II, с. 495).

*Романов*, VI, с. 486—488, № 54; *Сержпутоўскі*, 1926, с. 192—197, № 77 — конт. с АТ 475; *Federowski*, I, с. 25, № 84; *Karłowicz*, 1887, с. 266—268, № 26 — конт. с АТ 1060 и др.; Вагаг, т. 335—338, № 42 — конт. с АТ 1685 А + 1653 (такая же контаминация отмечена в украинских сказках: см., например: Драгоманов, с. 339—343). Русских вариантов — 4 (АА, с. 45). Украинских — до 5. Польских — 19 (*Krzyż*, I, с. 194).

(АТ—) 592\* . **Чертова дудка попа**: черт учит пастуха играть на дудке и ставит его в попы; во время обедни заставляет попа наладить ему дудку, заиграть; по жалобе, поданной на попа-дударя, приезжает архиерей; черт залезает ему под рясу, вынуждая пуститься в пляс во время обедни; архиерей-плясун отвергает жалобу и вышывает попа в должности.

*Романов*, IV, с. 41—42, № 30. Украинский вариант: *Ястребов*, с. 137—138, № 11. Ср. бытовую сказку «Поп-музыкант»: Померанцева, Башк., с. 132, № 36 (= «Русские народные сказки». Составитель Э. В. Померанцева. М., 1957, с. 469—470, № 86).

(АТ—) 592\* . **Музыка, умертвляющая и воскресающая**: герой получает чудесные гусли (арфу); король под музыку пляшет и падает замертво, а невинно казненные оживают (ср. «Лиялю Венеду» Ю. Словацкого).

*Gliński*, II, № 2 — лит. пересказ на польском яз. Польский вариант: *O. Knoor*. Sagen und Erzählungen aus der Provinz Posen. Posen, 1893, с. 72.

(АТ—) 592\* . **Дудка, возбуждающая к восстанию**: три старца дают герою разум, жалость к людям, талант; он делает чудесную дудку и музыку возбуждает народ к восстанию.

*Сержпутоўскі*, 1911, с. 149—152, № 71. Подобная сказка сб. Якимовича (с. 287—281) — пересказ сказки сб. Сержпутовского.

**612. Оживленная неверная жена**: муж велит опустить себя с женой в могилу; видит, как змея с помощью травинки оживляет другую; оживляет таким же образом жену; она платит ему неблагодарностью (ср. былинку о Потыке). См.: ВР I, 16, с. 126. История сюжета связана с «Махабхаратой» и другими литературными памятниками Востока. Многочисленные восточные и европейские разновидности сюжета отмечены в кн.: *A. Wesselski*. Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925, с. 188—192.

*Романов*, III, с. 358—359, № 88 (финал: муж притворяется мертвым; жена хочет плеснуть ему в глаза кипятком; муж вскакивает и избивает ее). Русских вариантов — 8 (АА, с. 46). Украинских — 2 (*Barącz*, с. 95—97; *Чубинский*, II, с. 420—421, № 124). Польских — 9 (*Krzyż*, I, с. 196).

**613. Правда и Кривда**: два человека спорят о жизни; правдолюбцу выкалывает глаза сторонник кривды; слепой, подслушав разговор чертей, узнает, как вернуть зрение и исцелить царевну; прозревает, женится на царевне; его противника, пытавшегося тоже подслушать чертей, черти разрывают. См.: ВР I, 107, с. 468; *Chauvin*, V, с. 11—13. Древнейшая версия в китайском сборнике VIII в. «Tripitaka». Исследования: *R. Th. Christiansen*. The Tale of the Two Travellers, or the Blind Man. FFC, N 24. Helsinki, 1916; *A. Wesselski*. Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925, с. 44, 202 и след.

*Романов*, III, с. 319—320, № 69; с. 321—325, № 71, 72а, 72б, 72в (есть указания на местные варианты); VI, с. 378, № 41; с. 380, № 43; *Добровольский*, I, с. 637—638, № 3; с. 644—649, № 7; *Сержпутоўскі*, 1926, с. 66—68, № 29; *Чубинский*, II, с. 50—52, № 11 — Брестская обл.; *Karłowicz*, 1887, с. 252—253, № 16; 1888, с. 49—50, № 79; Ск. Господарева, с. 337—341, № 19. Русских опубликованных вариантов — 26 (АП, с. 476; Пропп-Никифоров, — неопубл. запись). Украинских — 16 (*Укр.*, Андр.). Польских — 25 (*Krzyż*, I, с. 197—198).



650 А. Иван — Медвежье ушко: юноша (сын медведя) проявляет необычайную силу (в кузнице, в лесу и т. д.), иногда вредит своему хозяину, навлекает на себя жалобы; его изгоняют, он совершает подвиги (ср. 301 В). См.: ВР II, 90, с. 285 и сл. Исследование: *F. Panzer. Studien zur germanischen Sagengeschichte, Bd. I. Beowulf. München, 1910, с. 1—246.* См. также: *A. Wesselski, Märchen des Mittelalters, Berlin, 1925, № 57,* комментарий. Если западноевропейские сказки данного типа отчасти примыкают к анекдотам о глупых чертях и великанах, то для восточнославянских сказок характерна социальная сатирическая устремленность: герой расправляется с паном, попом или царем. В таких белорусских сказках образ осилка получает нередко фантастические черты.

*Романов, VI, с. 354—360, № 38 — конт. с АТ 301; Шейн, II, с. 36—42, № 19; Federowski, II, с. 31, № 331; Klich, с. 134—138; «Этногр. сб. РГО», I, с. 247—250. Русских вариантов — 28 (АП, с. 477; Никифоров, № 109, а также: Проп-Никифоров — 2 неопубл. записи). Украинских — 28 (Андр., Укр. — 27; дополнительно: Гиряк, по 1968, с. 93—110). Польских — 20 (Krzyż., I, с. 199—201).*

(АТ —) 650\*. **Гусенок-богатырь:** родившийся из огромного яйца Осилко отличается на службе у царя — на войне, во владениях сатаны, где добывает золото, и на строительстве моста через море; выполнив поручения царя, убивает его.

Текст, записанный нами в 1944 г. в д. Поречье Пуховичского р-на Минской обл. от Трофима Бобко, 1881 г. рожд. Мотив рождения силча из яйца встречается в польских сказках типа 650 (см.: *Krzyż., I, с. 199*).

(АТ—) АА \* 650 I. **Илья Муромец:** рассказы об исцелении Ильи, об Илье и разбойниках, Соловье-разбойнике, Илье и Идолице, Илье и Святогоре и др. Исследования: *А. М. Астахова. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.—Л., 1962; С. Плужникова. Былевое наследие белорусского сказочного эпоса. «Изв. АН СССР», серия лит. и яз., 1965, т. XXIV, вып. 6, с. 493—502; Л. Бараг. Белорусская казка. Минск, 1969, с. 88—99.* Из учтенных Астаховой свыше 100 сказок около 40 нерусские (украинские, белорусские и на языках других народов СССР). Отголоски сюжетов об исцелении Ильи и победе над Соловьем встречаются в западнославянском материале («*Narodopisný sborník*». Praha, 1889, т. III, с. 115, № 1). Для белорусских сказок характерен сплав мотивов былин и легенд об осилках.

*Романов, III, с. 259—262, № 44; IV, с. 17, № 11; Добровольский, I с. 397—402, № 2; с. 455—467, № 10; Сержпутоўскі, 1926, с. 47—52, № 23 — вступление, далее АТ, 300 и 554; «Kwartalnik litewski». Wilno 1910, № 2, с. 68—100; Federowski, II, с. 82—84, № 61; Barag, с. 126—129 № 8. Русских вариантов — 32 (АП, с. 477; Потявин, № 1—4; Никифоров, № 27; Ск. Корольковой, с. 25—33). Украинские варианты перечислены в обзоре: *В. Каллаш. К малорусским легендам об Илье Муромце. ЭО, 1889, III, с. 205; дополнительно: Левченко, № 436; «Укр. нар. казки», с. 126—132.**

(АТ—) 650\*. **Соловей-свистун:** братья-осилки уходят из села и поселяются в лесу у осилка-волшебника, который дарит им оружие и посылает сражаться с Соловьем-свистуном; братья побеждают Соловья.

Текст, записанный нами в 1948 г. в д. Большая Вулька Жабчицкого р-на Брестской обл. от Н. П. Северина, 1873 г. рожд.

АТ, 650 А) АА \* 650 П. **Еруслан Лазаревич:** побеждает более сильных врагов, ищет себе невесту. Народные сказки данного типа имеют связь с русской лубочной повестью, в которой частично отразился сюжет «Шах-нам».

*Романов, III, с. 99—110, № 14 — конт. с АТ 300, 531; с. 262—276, № 29 — конт. с АТ 300 (= 300 \* В). Русских вариантов — 14 (АП, с. 477).*

652. **Счастливого дитя:** ребенку предсказано, что всякое его желание будет исполнено; слуга похищает счастливица и обвиняет его мать, будто она его погубила; мальчик, узнав, что благодаря своим чудесным свойствам он обога-

щает похитителя, превращает его в собаку; возвращается к родителям, доказывает невинность матери. См.: ВР, II, 76, с. 121.

*Kartowicz*, 1887, с. 249—250, № 14; с. 287, № 42. Русских вариантов — 6 (АП, с. 477). Польских — 4 (*Krzyż.*, I, с. 202—203).

**653** (= К, 462). **Семь Симеонов**: семеро братьев выучиваются: один — стрелять, другой — лечить, третий — воровать и т. д.; по поручению царя добывают для него невесту (ср.: АТ 513), но она выходит за одного из братьев. См.: ВР II, 129; *Chauvin*, VI, № 286, с. 133; VIII, № 45, 76. Исследование: *Th. Benfey*. *Pantschatantra*, Bd. I, Leipzig, 1859, с. 489 и сл.

*Романов*, VI, с. 91—105, № 10, 11. Русских вариантов — 9 (АП, с. 477; Никифоров, № 58, а также: Пропп-Никифоров неопубл. запись). Украинские немногочисленные тексты отмечены в указателе *Volte* — *Polivka* и дополнительно Н. П. Андреевым в комментарии ко II тому сказок Афанасьева, 1938, с. 628. Польских — 17 (*Krzyż.*, I, с. 203—204).

(АТ—) **653 А\***. **Три жениха**: каждый из них добывает в далекой стране подарок для царевны — целебное яблоко, подзорную трубу, в которую видно, что царевна заболела и находится при смерти, и ковер-самолет, на котором три жениха мигом прилетают к ней; благодарная за свое исцеление, она не может решить, какой из подарков оказался более кстати и кому из женихов отдать предпочтение. Ср. сказку о Нуруннихар из «Тысячи и одной ночи».

Текст, записанный нами в 1946 г. в д. Поплава Любчанского р-на Гродненской обл. от К. К. Першукевича, 1886 г. рожд.

**660. Три доктора**: один вынимает свое сердце, другой — глаза, третий отрывает себе руку и дает на сохранение хозяину; кошка съедает все это; докторам хозяин возвращает сердце свиньи, глаза кошки, руку вора; в результате один ведет себя, как свинья, другой, как кошка, и третий, как вор. См.: ВР II, 118, с. 552; *A. Wesselski*. *Märchen des Mittelalters*. Berlin, 1925, с. 218 (комментарий к № 30).

*Federowski*, III, с. 115, № 206. Русских вариантов — 2 (не отмечены в указателях): *Т. М. Акимова*, *П. Д. Степанов*. Сказки Саратовской области. Саратов, 1937, с. 106; Ск. Коргуева, № 49. Украинский вариант учтен в указателе АА: Манжура, 1890, с. 69—70. Польский отмечен в указателе Ю. Кшижановского (I, с. 204—205).

**664\*** = АА \* 664. **Морока**: солдат, рассказывая сказки, заставляет хозяина думать, что он медведь, а солдат — волк и за ними гонятся собаки и пр.; сонный хозяин падает с полатей и приходит тогда в себя. Сказки данного типа, характерные для русского репертуара и представленные в единичных текстах в белорусском и украинском опубликованном материале, имеют связь с древнейшим восточным сюжетом о демонах — преследователях человека, который заснул во время рассказывания (см. № 516\*), и отчасти напоминают сказку о Шахабеддине из «Истории о семи мудрецах». На это обратил внимание Андреев в комментариях к III тому сказок Афанасьева (1940, с. 439). В указателе Томпсона учтены только русские варианты.

*Varag*, с. 368—370, № 52. Русских вариантов — 11 (АП, с. 478). Украинский. *А. Н. Малинка*. Сборник материалов по малорусскому фольклору. Чернигов, 1902, № 74.

**667. Воспитанник лешего**: мальчик обещан лешему; живет у него и получает в подарок способность превращаться в животных; спасает царевну; попадает в море; предатель выдает себя за спасителя царевны, но истина выясняется; герой женится на царевне (ср. 506).

*Романов*, VI, с. 91—101, № 10; *Varag*, с. 34—35, № 34; *Kartowicz*, 1887, с. 247—249, № 13.

**670. Язык животных**: человек понимает язык животных, но не должен никому говорить об этом под угрозой смерти; жена добывается того, чтобы муж выдал ей тайну ценой своей жизни; подслушав, как петух хвастал, что справляется с тридцатью женами, человек наказывает жену (ср.: АТ 671). См.: ВР I, 17, с. 132—133, сноски. Старейшая версия — рассказ греческого писателя II в. до н. э. Аполлодора. Сказки этого типа исследованы А. Аарне (*A. Aarne*. *Der tiersprachkundige Mann und seine neugierige Frau*. FFC, N 15. *Hamina*, 1914.

Романов, IV, с. 140—142, № 142 (другой вариант приведен в извлечении); с. 217—219, № 63; Добровольский, I, с. 354—355, № 7; Сержпутоўскі, 1926, с. 132—134, № 57; Драгоманов, с. 75—76 — Быховский уезд Могилевской губ.; Federowski, II, с. 38—39, № 39; газ. «Крестьянин» (Вильна), 1904, № 45, с. 634—636. Русских вариантов — 6 (АП, с. 478; Ск. Корольковой — с. 208—210). Украинских — 13 (тексты указаны в приложении к сб. Яворского, с. 336). Польских — 21 (*Krzyż.*, I, с. 206—207).

671. Три языка: мальчик понимает язык птиц (или животных); они предсказывают ему счастье, а родителям унижение; предсказание сбывается (ср.: АТ 517, 670, 725). См.: ВР I, 33, с. 392.

Federowski, II, с. 147, № 123. Русских вариантов — 7 (АП, с. 478). Польских — 2 (*Krzyż.*, I, с. 207—208).

672 = АА 672 А. Корона змеи: человек похищает корону с головы змеи; бросает позади себя платё, когда змеи преследуют его; повар варит корону и узнает язык животных вместо хозяина. Ср.: ВР II, 105, с. 463—464. Подобные сказки и легенды встречаются в польских, чешских, словацких, сербохорватских, финских, эстонских, белорусских и украинских сборниках.

Сержпутоўскі, 1930, с. 355, № 2217; Federowski, II, с. 176, № 588; II, с. 57, № 48; J. Barszczewski. Szlachcic Zawalnia..., Т. I. СПб., 1844, с. 70—79 — польский лит. пересказ. Польских вариантов — 31 (*Krzyż.*, I, с. 208—209 — разновидности А, В, С, D). В указателе Ю. Кшижановского учтены два украинских текста.

672 Д\* = АА 672\*В. Чернобыльник: барин варит уху из змеи; кучер пробует и узнает язык трав и деревьев; барин догадывается об этом (ср. 673), заставляет назвать чернобыльник и тем самым отнимает у него знание. См.: ВР I, 17, с. 133. Отмечены только белорусские и русские тексты.

Романов, IV, с. 140, № 81; с. 217, № 63; ЭО, 1896, № 1, с. 112—114 (2 текста); Federowski, II, с. 38—39, N 39. Русский вариант: Садовников. № 47 (АА, с. 49).

673. Мясо змеи: мальчик, отведав мясо змеи, которое жарил знахарь, обретает дар понимать, что говорят травы; знахарь узнает об этом и убивает мальчика. См.: ВР, I, 17, с. 133. Из славянских вариантов в указателе АТ учтены польские, сербохорватские и словинские.

Fedorowski, I, с. 101—102, № 306. Украинский вариант: Чубинский, I, с. 210. Польских — 2 (*Krzyż.*, I, с. 210).

674\* = К 674. Змеинный камень: человек проникает к царю змей; тот дает ему лизнуть камень; после этого человек чувствует себя целую неделю сытым; за нарушение обещания не говорить о камне жене (ср. 670) змеи умерщвляют его. В указателе АТ учтена только польская сказка.

Текст, записанный нами в 1946 г. в д. Щорсы Любчанского р-на Гродненской обл. от В. И. Коляды, 1929 г. рожд. Украинский вариант: Nowosielski, II, с. 142. Польский: ZWAK, t. V, 1881, с. 172, № 64 (*Krzyż.*, I, с. 210).

(АТ—) 674\*\* = Андр., Укр. \*\* 674. Солдату дается от бога способность получать ответ от каждой дыры.

Текст, записанный нами в 1947 г. в д. Святоцк Наровлянского р-на Гомельской обл. от А. С. Рыбченко, 1898 г. рожд. Украинских вариантов — 2 (Андр., Укр.).

675. По шущему велению: «дурень» вылавливает и шадит щуку, которая выполняет все его желания — сами собой рубятся дрова, носится вода; он едет на печи; в него влюбляется (или по его слову становится беременной) царевна; царь приказывает обоим посадить в бочку и спустить в море; «дурень» освобождается, строит дворец, признается царским зятем. См.: ВР I, 54а, с. 485. Старейшие европейские тексты: сборники Стрампола (III, № 1) и Базила (I, 3).

Романов, VI, с. 254—255, № 28; Карский, II, с. 42—44; Federowski, I, с. 175—176, № 582; II, с. 37—38, № 38; с. 93—94, № 67; Ск. Господарёва, с. 249—254, № 10. Русских вариантов — 14 (АП, с. 478; Никифоров, № 10; Пропп-Никифоров — 2 неопубл. записи). Украинских — до 5 (пе-

речень текстов в приложении к сб. Яворского, с. 327). Польских — 10 (*Krzyż.*, I, с. 210—211).

**676. Два брата и сорок разбойников** (Али Баба): бедняк видит, как разбойники входят внутрь горы, говоря «откройся»; делает то же и находит в горе сокровища; богатый брат подражает ему, но его убивают; разбойники проникают во двор бедняка в возах с бочками, его жена изобличает и губит разбойников. См.: ВР III, 142, с. 137; *Chauvin*, V, № 24, с. 83. История сюжета связана со сказкой «Тысячи и одной ночи» (русский перев.: М. А. Салье. Халиф на час. Новые сказки из книги «Тысячи и одной ночи». М., 1961, с. 267—319). В научной литературе высказывалось предположение (немецким ассириологом Нэльдеке), что сюжет этот сложился в Ассирии.

*Federowski*, III, с. 43, № 91. Русских вариантов — 8 (АП, с. 478). Украинских — до 10 (см.: ВР, дополнительные указания Андреева в комментариях к III тому сказок Афанасьева, 1940, с. 431, а также: «Дідо-всєвідо», с. 205—208). Польских — 31 (*Krzyż.*, I, с. 211—213).

**(АТ—) 676\***. **Два брата и сокровища**: богатчанин нанимает бедного брата срубить в лесу заколдованный дуб; бедняк встречается там с выходящими из-под земли мертвцами, которые дают ему много золота; богача, который пытается овладеть подземными сокровищами, загрызает черная собака.

Текст, записанный нами в 1949 г. в д. Желенгово Сморгоньского р-на Минской обл. от В. Б. Встрецкого, 1882 г. рожд.

**677. В подводном царстве**: герой велит опустить его с корабля на дно моря, где получает золото, разрешив спор морского царя с царицей (что дороже золота?) (ср.: АТ 910 В; *Chauvin*, VIII, № 136, с. 138—139). Томпсоном учтены финские (27), эстонские (2) и русский варианты.

*Добровольский*, I, с. 533—547, № 21, 22 — конт. с АТ 910 В; *Klich*, с. 138—140. Русские варианты: *Смирнов*, № 280; Ск. Корольковой, с. 230—232 (конт. с АТ 920).

**677\*** = АА \* 677 I. **Садко**: герой попадает в подводное царство, тешит морского царя игрой на гуслях (выбирает себе невесту) и возвращается на землю. Томпсоном отмечен только один текст — русский.

Ср.: *Сергпутовский*, 1911, с. 2—4, № 2. Русские варианты: *Ончуков*, № 90; *Никифоров*, № 72.

**(АТ—) 677\*\***. **Скрипач у чертей в аду**: попадает туда на свадьбу (протерев глаза, обретает способность видеть «гостей» и «дворец» в истинном их виде); умышленно повреждает скрипку и возвращается (в сопровождении черта, от которого избавляется) на землю. Иногда сюжет осложняется эпизодом встречи в аду скрипача с богачом, который хочет искупить грехи и просит сообщить его детям, где спрятаны деньги для раздачи бедным (*Шейн*, II, № 51; *Афанасьев*, III, № 371 — русск.; *Кравченко*, 1911, № 62 — укр.). Этот мотив связан с древней новгородской «Повестью о посаднике Щиле», имеющей фольклорную основу.

*Шейн*, II, с. 98—101, № 51; ЭО, 1896, № 1, с. 103—104; *Сергпутовский*, 1930, с. 15, № 119; *Pietkiewicz*, с. 75; *Federowski*, I, с. 18—19, № 60 (окончание: черт вырывает у скрипача глаз, которым тот видел невидимое другим людям); ж. «Маяк», 1844, т. XV, с. 20 — пересказ на русск. яз. См. также: Ск. Господарева, с. 520—521, № 61. Русских вариантов — 2. Украинских — до 10. Польских нет.

**(АТ—) 677\*\*\*** = К, 504. **Повитуха попадает к чертям**: принимает новорожденного чертенка (протерев глаз, начинает видеть чертей в истинном свете) и, одаренная, возвращается к людям.

*Klich*, с. 69—70; ЭО, 1896, № 1, с. 101—102; *Federowski*, I, с. 37—38, № 113; ср.: *Federowski*, II, с. 267, № 295: повитуха крестит чертенка; черти бросают ее в огонь, но ангелы возносят ее на небо. Украинские варианты из собрания Новосельского и Густовича учтены Кшижановским. Из отмеченных им польских сказок-легенд о дарах чертей (31 текст) лишь некоторые имеют отношение к сюжету о повитухе (*Krzyż.*, I, с. 158—159).

**700. Мальчик с пальчик** (Горошек, Воловье ушко): чудесно рождается, помогает отцу на пашне; его покупает пан (поп, царь), которому он досаждает; после приключений (действует заодно с ворами, попадает в желудок коровы, волка) возвращается домой. См.: ВР I, 37, 45. Исследование: *P. Saintyves. Le Contes de Perrault e les imagues legendaires. Paris, 1912, с. 319—349.* История сюжета восходит к античному фольклору. Старейший литературный текст (немецкий) относится к XVI в. Восточнославянские варианты отличаются ярким социально-бытовым юмористическим колоритом.

*Шейн*, II, с. 68—70, № 34, 35; с. 73—74, № 38; *Сержпутојски*, 1926, с. 13—16, № 6; *Federowski*, II, с. 32, № 35; III, с. 124, № 218. Русских вариантов — 8 (АП, с. 479; Никифоров, № 6, а также: Пропп-Никифоров — неопубл. запись). Украинских — до 8 (дополнительно к библиографическим указаниям ВР: «Етногр. зб.», VII, с. 65—69, № 42; Кравченко, 1914, с. 172—179). Польских — 11 (*Krzyż.*, I, с. 215—216).

**706. Безручка**: по навету жены-ведьмы брат изгоняет из дому сестру, отрубает ей руки; она выходит замуж за царя; вследствие клеветы царь изгоняет ее с ребенком; чудесным образом она исцеляется; вновь принята мужем, когда истина выясняется, ведьму наказывают. См.: ВР I, 31, с. 19 и сл., 295. Исследования: *П. Поповић. Приповетка о девојци без руке. Белград, 1905; H. Däumling. Studie über den Typus des «Mädchens ohne Hände». München, 1912; M. Schlauch. Chaucers Constance and accused Queens. New York, 1927.* Для западноевропейских вариантов характерно иное, чем для восточнославянских, развитие действия: девушку преследует отец, пытавшийся жениться на ней. Связь с книжными легендами и агнографией в западноевропейских сказках типа 706 проявляется заметнее и глубже, чем в восточнославянских.

*Дмитриев*, с. 178—180 (= *Афанасьев*, II, № 281); *Романов*, III, с. 283—289, № 55а, 55б; с. 290—292, № 59; *Шейн*, II, № 32; *Federowski*, II, с. 112—122, № 78 (отчасти совпадает с АТ 709) и 79—82; *Klich*, с. 87, № 2. Русских вариантов — 35 (АП, с. 479; Никифоров, № 39, а также: Пропп-Никифоров — неопубл. запись). Украинских — 24 (*Андр.*, Укр.—22; дополнительно: «Дідо-всєвідо», с. 39—42; Гирик, 1968, с. 18—23). Польских — 18 (*Krzyż.*, I, с. 218—219).

(АТ—) **706ж. Терпеливая Елена**: дочь священника, вдовца противится желанию отца жениться на ней и убегает в лес; становится супругой королевича; отец проникает во дворец, убивает ее ребенка и подбрасывает ей окровавленный нож; обвиненная в убийстве и изгнанная, она чудесным образом оживает мертвого ребенка; муж вновь принимает ее. Эта разновидность сюжета об оклеветанной жене восходит к средневековой поэме о Мае и Беафлоре и ее лубочной перделке — народной книге «Терпеливая Елена». В указателях АТ и К сказки данного типа не отграничены от сказок типа 706. Ср.: АТ 712 = К 714.

*Романов*, III, с. 66, № 7, вариант: *Federowski*, II, с. 112—117, № 78 — конт. с. АТ, 706. Украинские варианты: «Етногр. зб.», II, № 13, ж. «Жітє і слово», 1895, III, с. 375.

**707. Чудесные дети**: царь (царевич) подслушивает разговор трех девушек-сестер; женится на младшей, обещавшей родить прекрасных сыновей; детей, рожденных ею в отсутствие царя, подменяют (сестры, ведьма) шенятами, зверенышами; царь приказывает посадить жену с новорожденным в бочку и спустить в море; бочка приплывает к острову, где сын основывает царство чудес-диковинок и находит братьев; царь едет посмотреть на диковинки и встречается с женой, сыном — всеми своими чудесными детьми; клеветницы-завистницы наказываются. Ср. сказку о царе Салтане А. С. Пушкина. См.: ВР, II, 96, с. 380 и сл.; *Chauvin*, VII, № 375, с. 95. Исследования: *Е. В. Аничкова. Происхождение пушкинской сказки о царе Салтане. «Slavia», 1927, гоѣ. VI, сеѣ. 1—2; М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Л., 1938, с. 65—105; Р. М. Волков. Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960, с. 77—132. Сказки типа 707 имеют две основные разновид-*

ности: 1) «По колени ноги в золоте...» 2) О поющем дереве и птице-говоруне. Первая встречается преимущественно в восточнославянском материале; вторая — в западноевропейском и западнославянском материале. Для восточнославянских сказок характерны развернутые описания чудесных детей, котабаяна, свинки — золотой щетинки, диковинного быка («в заду песок толченый, в боку нож точенный»), диковинной мельницы и т. п. В восточнославянских сказках, представляющих первую разновидность сюжета, часто встречается эпизод «Чудесный юноша приносит братьям приготовленные на материнском молоке лепешки». Нередко в белорусских и украинских сказках, как и в западнославянских, развивается мотив превращения погубленных детей в волшебные деревья, животных, птиц и обретения ими вновь человеческого облика: *Дмитриев*, с. 170—172; *Weryho*, № 7; *Federowski*, II, № 82, *Kartowicz*, № 18; *Яворский*, № 64 б; «*Этногр. зб.*», XXIX, № 2; ЭО, 1891, № 3, с. 239—240; ср. польские тексты — *Chelchowski*, № 8; «*Wisła*», год. XV, 1901, с. 715—716; «*Lud*» (*Organ towarzystwa ludoznawczego we Lwowie*), год. IX, 1903, с. 83—85. В русских сказках типа 707 этот мотив не отмечен. В ряде белорусских и украинских вариантов герой наделяется традиционными для образов сказочных оснлков гиперболизированными фантастическими чертами, например: проявляет огромную силу, разрывая связывающие его путы, превращается в клубок огня и исчезает (*Романов*, VI, № 19), превосходит силой и одолевает двенадцати-, восемнадцати- и двадцативосьмиголового змея (*Романов*, VI, № 17), обращивается гигантским орлом и поднимает на своей спине ввысь восемь братьев, побеждает преследующего его змея (*Рудченко*, II, № 27).

*Разновидность* «По колени ноги в золоте...»: *Дмитриев*, с. 170—172 (= *Шейн*, II, с. 55, № 25 = *Афанасьев*, II, № 287); *Романов*, III, с. 298—304, № 62а, 62б; VI, с. 150—204, № 17—23; *Карский*, III, с. 99—100; *Weryho*, с. 31—34, № 7; с. 42—45, № 10; *Federowski*, II, с. 121, № 82; с. 174—176, № 150; *Kartowicz*, 1887, с. 256—257, № 18; *Klich*, с. 104, № 1 (фрагмент); *Gliński*, II, № 2 (пересказ на польск. яз.); Ск. Господарева, с. 255—263, № 14. Разновидность «Поющее дерево и птица-говоруны»: *Романов*, III, с. 295—298, № 61; *Federowski*, II, с. 57—58, № 49; с. 329—331, № 389. Русских сказок типа 707—51 (АП, с. 479; Никифоров, № 126, а также: Пропп-Никифоров — 4 неопубл. записи). Украинских — 12 (*Андр.*, Укр. — II; дополнительно: Гириак, 1968, с. 110—119). Польских — 14 (*Krzyż*, I, с. 218—219).

(АТ—) 707 ж. Дети женщины-птицы: охотник-царь находит на вершине дерева поющую (тутукующую) девушку-птицу, которая не умеет говорить по-человечески; женится на ней; его мать подменяет родившихся чудесных детей обыкновенными птенцами (петушком, курочкой, котиком); заброшенные в лес царевичей воспитывает в лесной избушке добрая старушка (богоматерь — ср.: АТ 710); туда приходит отец и узнает их. Ср. тувинскую сказку о чудесных детях, на которую ссылается Г. Н. Потанин в статье «Восточные параллели» (ЭО, 1891, № 3): три сестры, сидя на вершинах деревьев, играют на музыкальных инструментах; на одной из них женится царь. Ср. также опубликованные белорусские и латышскую сказки типа 707 со вступительным эпизодом: механик (огородник), отец трех девушек, сделав чудесную самограйку (музыкальную шкатулку), устанавливает ее на вершине дерева и падает оттуда — разбивается насмерть; дочери оплакивают его, от слез образуются три ручья, которые сливаются в одну реку; река доходит до царского дворца; царь женится на младшей из трех сестер-плакальщиц: *Federowski*, II, № 389; *Gliński*, II, № 2, *Романов*, III, 62; VI, № 17; *W. Weryho*. *Podania litewskie*. Warszawa, 1892, с. 192.

Тексты, записанные в 1948 г. в д. Погоски Старобинского р-на Минской обл. от Е. К. Барановской, 1900 г. рожд., студенткой Е. Барановской и в д. Березовка Новоградского р-на Гродненской обл. от школьников учителем В. Урбановичем по моей просьбе.

709. Волшебное зеркальце (Мертвая царевна): узнав с помощью волшебного зеркальца, что краше всех на свете не она, а падчерица, мачеха приказывает убить ее; та спасается и живет в лесу у семи братьев (разбойников); мачеха

выслеживает ее и отравляет; девушку кладут в прозрачный гроб, ее видит царевич и влюбляется; она оживает. См.: ВР, I, 53, с. 450 и сл.; *Chauvin*, VII, № 375, с. 95. Исследования: *E. Böklen. Schneewittchens Studien. Leipzig, 1914*; *М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Л., 1938*, с. 75—84; *Р. М. Волков. Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960*, с. 155—189. Литературная история сюжета связана с книгами «Тысяча и одна ночь», «Пентамерон» Базилы, «Цимбелин» Шекспира, сказками Гримм и Пушкина. Р. М. Волков, полемизируя с М. К. Азадовским, доказывает, что пушкинская сказка восходит к русской фольклорной традиции и не имеет прямого отношения и гриммовской «Schneewittchen».

*Афанасьев*, II, с. 123—126, № 210; *Federowski*, I, с. 340, № 399; (*Federowski*, II, № 78 — в основном относится к типу АТ 706); *Gliński*, I, № 7 — пересказ на польск. яз. Русских вариантов — 18 (в указателе АП из 19 отмеченных текстов 1 белорусский). Украинских — 16 (*Андр.*, Укр.). Польских — 10 (*Krzyż.*, I, с. 219—220).

**710. Крестница богоматери:** бедняк встречает богоматеря, и она становится его кумой; дочь бедняка в гостях у крестной заглядывает в запретную комнату, но отрицает это; девушка лишается дара речи и оказывается в лесу, на дереве; там находит ее царь; немая выходит замуж за царя; ее ребенка (детей) похищает крестная, обмазав рот немой кровью; обвиненная в детоубийстве царица на месте казни признается крестной, что входила в запретную комнату, и тогда ей возвращается дар речи; оправданная, она обретает невредимым своего ребенка (детей); ее вновь принимает муж. См.: ВР I, 3, с. 13 и сл. Эпизоды этого сюжета, сложившегося в средневековой Европе, напоминают АТ 311, 332, 425, 451, 706, 712, 887. Литературная история таких сказок восходит к сборникам Страпаролы и Базилы. Исследование: *J. Boberg. The Tale of Cupid and Psyche in Classica et Mediaevalia. København, 1938*, с. 207 и сл.

*Federowski*, II, с. 301—304, № 334; *Karłowicz*, 1888, с. 45—48, 78. Русских вариантов — 2 (АА, с. 50). Украинских — 5 (*Андр.*, Укр.; дополнительно: Ск. Верховины, с. 309—314; «Дідо-всєвід», с. 43—45). Польских — 6 (*Krzyż.*, I, с. 220).

(АТ—) **711\***. **Усыпленные девушки:** королева и 12 ее служанок, заблудившись, соглашаются на условие неизвестного указать им путь ценой поцелуя; у королевы и служанок рождаются дочери, похожие друг на друга; король приказывает бросить девочек в море; они вырастают за морем, сражаются с Кашеем, который их усыпляет; королевич разрушает чары и женится на королевне (ср.: АТ 711). Близко напоминает «Двенадцать спящих дев» В. А. Жуковского (переложение сказочного романа Шписа).

*Gliński*, I, № 4. Отношение этого текста к белорусскому фольклору вызывает сомнение.

**715. Петух и жерновцы:** барин (поп) отнимает или крадет жерновцы-само молку у старика и старухи; петух является к барину и требует возвращения похищенного; его бросают в колодезь — он выпивает воду, бросают в печь — заливает огонь; барин приказывает его зажарить и съедает его; петух, высываясь из тела барина, кричит снова; барин отдает жерновцы. См.: ВР I, 27, с. 258—259. Для восточнославянских сказок, замечательных сатирической направленностью, не характерны эпизоды проглатывания по дороге петухом-великаном разбойника, лиса, льва, огня и пр. Эти эпизоды есть в западновропейских, польских, а также в отдельных западноукраинских и западнобелорусских (*Federowski*, II, № 17—19) вариантах. Сказки типа 715 распространены по всему земному шару, но не отмечены, например, в чешском и словацком фольклоре. Наибольшее количество вариантов — финских (89) и французских (72). Р. Боггс в сравнительном обзоре сказок десяти народов, а вслед за ним В. Лjungман в книге о шведских сказках высказали предположение, что этот сюжет проник в Европу из стран Востока в эпоху великих географических открытий, см.: FFC, № 111, Helsinki, 1930; *Liungman*, с. 206—207.

«Могилевская старина», вып. III. Могилев, 1903, с. 33—34; *Романов*, III, с. 3—6, № 3 (есть ссылки на местные варианты); *Добровольский*, I, с. 585—591, № 29; *Federowski*, II, с. 15—18, № 17—19; *Klich*, с. 160—161,

№ 2. Русских опубл. вариантов — 21 (АП, с. 479—480; Ф. В. Тумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов, 1961, с. 41—47; см также: Проп-Никифоров — 7 неопубл. вариантов). Украинских вар.— 4: «Этногр. зб.», XXXVII—XXXVIII, с. 438—444, № 339, 340, 241; Ск. Верховины, с. 322—326. Польских — 6 (*Krzyż.*, I, с. 222).

720. «Мать меня убила, отец меня съел»: мачеха убивает пасынка, варит его мясо и дает съесть отцу; останки мальчика, похороненные его сводной сестрой, превращаются в птицу, которая поет про злодеяния мачехи, приносит подарки отцу и сестре и зерно, которым убивает мачеху; птица принимает облик мальчика (ср.: АТ 781). См.: ВР, I, 47, с. 412 и сл. Сюжет отразился в «Фаусте» Гете и обработан Жуковским («Гюльпановое дерево»).

*Federowski*, II, с. 188 и сл., № 163; *Gliński*, II, № 22 — пересказ на польск. яз. Украинских вариантов — 3 (*Андр.*, Укр.). Польских — 2 (*Krzyż.*, I, с. 223).

722\* = 313 Е\* (= АА \*722) — см. выше.

725 = К 725 А. **Нерасказанный сон**: мальчику снится, будто ему суждено возвыситься, а его отцу пить воду, в которой сын мыл ноги; он никому не хочет рассказать свой сон и подвергается за это гонениям; сон сбывается (ср. 671). См.: ВР I, 33, с. 324. Обычно контаминируется с другими сюжетами.

*Романов*, III, с. 142—148, № 18а — конт. с АТ 532, 300; VI, с. 440, № 49; *Federowski*, I, с. 124—126, № 345 — конт. с АТ 315; II, с. 147, № 123 — конт. с АТ 325; *Weryho*, с. 48—51, № 12 — конт. с АТ 519; *Kartowicz*, 1887, с. 268—272, № 27 — конт. с АТ 519. Русских вариантов — 13 (АП, с. 480). Украинских — 7 (дополнительно к указаниям Н. П. Андреева в комментарии ко II тому сказок Афанасьева, 1938, отметим: Ск. Верховины, с. 330—336; «Дідо-всєвідо», с. 126—132). Польских — 2 (*Krzyż.*, I, с. 224).

(АТ—) К 734. **Братоубийцы**: три брата, соперничающие как женихи или наследники, карают поочередно сад от дикого кабана (птицы) или соревнуются в собирании ягод; младшему брату удается превзойти старших — и те убивают его; на могиле вырастает тростник; проезжий делает из тростника дудочку, поющую о том, как был убит младший брат. См.: ВР I, 28. Данная разновидность сюжета АТ 780 встречается только в польском, чешском, украинском, белорусском и прибалтийском материале: *L. Mackensen. Der singende Knochen. Ein Beitrag zur vergleichenden Märchenforschung.* FFC, N 49. Helsinki, 1923. Обзор белорусских опубликованных и архивных текстов сказок о чудесной дудочке дан в кн.: *Л. Бараг.* Белорусская казка. Минск, 1969, с. 154—159.

*Романов*, III, с. 264—265, № 45 В; *Federowski*, II, с. 336—340, № 393; *Weryho*, с. 17—19, № 3. Украинских вариантов — 6: *Кулиш*, Предания, I, с. 76—77; *Чубинский*, II, № 144, 145; *Рудченко*, I, № 55, 56; «Этногр. зб.», I, № 56. Польских — 3 (*Krzyż.*, I, с. 225).

Ср. 780. **Чудесная дудочка**: три сестры (сестры и брат) собирают в лесу ягоды; старшие убивают младшую сестру (брата) из зависти; проезжающий делает из тростника дудочку и играет на ней; дудочка поет о совершившемся убийстве. См.: ВР I, 28. Томпсон без должных к тому оснований отнес такие сказки к легендарным, а не к волшебным. Белорусские варианты, как и украинские, отчасти сближаются с русскими («умные» старшие сестры ленятся собирать ягоды и убивают «дурную» младшую сестру, собравшую полную корзину), а отчасти с западнославянскими, в которых развивается мотив ревности на любовной почве.

*Романов*, III, с. 262—264, № 45а, 45б; *Добровольский*, I, с. 560, № 26; *Federowski*, II, № 70, 71, 391, 392; *Weryho*, с. 17—19, № 3; *Kartowicz*, 1888, № 32. Ряд неопубликованных белорусских вариантов пересказан в указанной выше книге Барага и в кн.: *St. Stankewicz. Pierwiastki biatoruskie w polskiej poezii romantycznej.* Wilno, 1936, с. 246. Русских вариантов — 14 (АП, с. 481; Проп-Никифоров — 3 неопубл. записи). Украинских — 5 (Кулиш, Записки, II, с. 20—23; тот же текст в сб.: *М. Возняк.* Украинские народные сказки. Киев, 1946—1948; Рудченко, II,



№ 14; «Этногр. зб.», VII, № 55; *Яворский*, № 98; «Дідо-всевідо», с. 36—37). Польских — 14 (*Krzyż.*, I, с. 246).

735 = К 311 А. **Две Доли:** у богатого брата Доля делает за него всю работу, у бедного — Доля ленивая; он ее избивает, и она учит, как сделаться купцом; бедняк богатеет. Сюжет известен у всех славян. Исследование: А. Сонни. Горе и доля в народной сказке. Киев, 1960. Более подробные библиографические указания см. в комментариях Андреева ко II тому сказок Афанасьева, 1938, с. 653.

*Романов*, IV, с. 46—48, № 35, 36; с. 204—209, № 54, 55; *Шейн*, II, с. 157—158, № 75; *Сержпутовский*, 1911, с. 102—107, № 56; *Сержпутоўскі*, 1926, с. 203—204, № 80; *Barag*, с. 361—363, № 49 — конт. с АТ 564; Ск: Господарева, с. 342—344, № 21. Русских вариантов — 11 (АП, с. 480; Никифоров, № 3, а также: Пропп-Никифоров — неопубл. запись). Украинских — 11 (*Андр.*, Укр.). Польских — 5 (*Krzyż.*, I, с. 225—226).

(АТ—) 735 ж. **Богач и Доля:** богач встречает в лесу свою Долю — голую девушку, избивает ее; Доля покидает богача, и он разоряется.

*Романов*, IV, с. 48, № 37.

735 А = 332 F = К, 734 = АА \* 735 I. **Горе:** бедняк запирает его и поправляет; богатый брат из зависти выпускает Горе, но оно привязывается теперь к нему. Сказки данного типа характерны для восточнославянского репертуара, встречаются также в западнославянских сборниках. См. указ. выше монографию А. Сонни.

*Романов*, III, с. 317—319, № 67, 68; IV, с. 209, № 56; *Шейн*, II, с. 157, № 75; *Federowski*, II, с. 137—138, № 355; *Pietkiewicz*, с. 189. Русских вариантов — 11 (АП, с. 480; Никифоров, № 115). Украинских — 10. Польских — 6 (*Krzyż.*, I, с. 225).

(АТ—) 735 \*\* . **Чудесный огонь и два брата:** бедный получает от встречного свое освобождение, делает его богатым; завистливый богатый брат идет на берег моря, чтобы тоже поймать чудесную рыбку, но его убивают людоеды.

*Романов*, III, с. 321, № 71.

(АТ—) 735 \*\* . **Чудесный огонь и два брата:** бедный получает от встречного старца огонь (угли), который превращается в золото; богатый брат (его сын) отправляется на поиски этого старца, тоже получает огонь, но от огня сгорает дом богача.

*Добровольский*, I, с. 635—637, № 2; *Federowski*, II, с. 275, № 311.

(АТ—) 735 А \*\* ж. **Чертова невеста:** черт дает бедняку невесту; когда тот приводит к черту богатого брата, тоже пожелавшего получить невесту, черт убивает обоих братьев.

*Добровольский*, I, с. 633—635, № 1.

736 = К 736 А. **Счастье и богатство:** бедняк получает кусок олова и дает его рыбаку с условием получить первый улов; ловится рыба с драгоценным камнем в желудке: *Chauvin*, № 202, с. 31—32.

*Дмитриев*, с. 176—178 = *Афанасьев*, III, с. 100—101, № 346; *Kolberg*, с. 206—207, № 6; Ск: Господарева, с. 342—345, № 21 — конт. с АТ 735. Русский вариант *M. Azadowski. Pohadky z Hrnolenského kraje. «Věstník párodopisný československý»*, 1928, I, № 9. Украинских — 5, они указаны в комментариях Андреева к III тому сказок Афанасьева, 1940, с. 432. Польских — 4 (*Krzyż.*, I, с. 226).

(АТ—) 736 ж. **Чудесные черепки:** бедняк отдает нищему последние гроши и получает от него черепки, которые покупают у него купцы за большие деньги.

*Pietkiewicz*, с. 133—134.

(АТ—) 739 ж. **Охотник и рыбак:** хлеб (старик) убеждает их покинуть ружье и уду, чтобы заняться хлебопашеством.

*Сержпутоўскі*, 1926, с. 42—43, № 21; *Federowski*, II, с. 127, № 89.

740 \*\* = К 740. **Богач дает бедняку веревку, чтобы тот повесился:** когда бедняк пытается с горя повеситься на дереве, ветка обламывается и бедняк находит в дупле золото.

*Federowski*, I, с. 41, № 123. Польских вариантов — 5 (*Krzyż.*, I, с. 227).

745 А = АА 834 В. **Золото не дается в руки другому!** деньги в дупле дерева; дерево подплывает к берегу богатого, тот отталкивает его, бедняк вытаскивает (ср. 736, 740ж, 841): *Chauvin*, II, N 137, с. 129.

*Сергпугојски*, 1926, с. 244—246, № 99. Русских вариантов — 2 (АА, с. 58). Украинские: «Етногр. зб.», XIV, с. 230—231, № 36; «Дідо-всеідо», с. 201—203.

## ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АА (или: Андр.) — *Н. П. Андреев*. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

\* *Андр.*, Укр. — *Н. П. Андреев*. К характеристике украинского сказочного материала. Сб. «С. Ф. Ольденбургу». М.—Л., 1934, с. 60—72.

АП (или: *Пропп*) — *В. Я. Пропп*. Указатель сюжетов. В кн.: «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», т. III. М., 1957, с. 454—502.

*Афанасьев* — «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах». Подготовка текстов, предисловие и примечания *В. Я. Проппа*, т. I—III. М., 1957—1958.

*Афанасьев*, Лег. — *А. Н. Афанасьев*. Народные русские легенды. Редакция, предисловие *С. К. Шамбинаго*. М., 1914.

Бараг, Башк. — «Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960—1966 гг.» Подбор текстов, редакция, вступительная статья и примечания *Л. Г. Барага*. Уфа, 1969.

Бессараба — *И. Бессараба*. Материалы для этнографии Седлецкой губернии. «Сборник Отделения русского языка и словесности АН», т. 75, 1908, № 7.

Василенок, Кабашников, Прокофьев — «Белорусские народные сказки». Составители *С. И. Василенок, К. П. Кабашников, С. И. Прокофьев*. М., 1958.

Гиряк, 1966 — «Українські народні казки Східної Словаччини». Впорядкування, післямова та коментарі *М. Гиряка, Пряшів*, 1966.

Гиряк, 1968 — «Гора до неба. Українські народні казки Східної Словаччини». Запис текстів впорядкування і загальна редакція *М. Гиряка і Н. Гиряка*. Ужгород, 1968.

*Гнедич* — *П. Гнедич*. Материалы по народной словесности Полтавской губернии. Роменский уезд, вып. IV. Сказки, легенды, рассказы. Полтава, 1916.

*Гринченко* — *Б. Гринченко*. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с нею губерниях, вып. I—II. Чернигов, 1895—1897.

*Грінченко*, Казки — *Б. Грінченко*. Українські народні казки, вибрані для дітей. Київ, 1917 (3-е изд.).

«Дідо-всеідо» — «Дідо-всеідо. Закарпатські народні казки». Запис текстів та впорядкування *П. В. Лінтура*. Ужгород, 1969.

*Дмитриев* — *М. Дмитриев*. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1899.

*Добровольский* — *В. Н. Добровольский*. Смоленский этнографический сборник, ч. I. СПб., 1891.

*Драгоманов* — «Малорусские народные предания и рассказы». Свод *Михаила Драгоманова*. Киев, 1876.

*Еремин, Фалев* — *С. Еремин, И. Фалев*. Русская диалектология. М.—Л., 1928.

«Етногр. зб.» — «Етнографічний збірник». Видає Наукове товариство імені Шевченка. За редакцією *В. Гнатюка*, т. I—XXXVIII. У Львові, 1896—1916.

*Кабашников* — «Казки і легенди рідного краю». Склаў *К. П. Кабашнікаў*. Мінск, 1960.

*Карнаухова* — *И. В. Карнаухова*. Сказки и предания Северного края. Л., 1934.

*Карский* — *Е. Карский*. Материалы для изучения белорусских говоров, т. I—V. СПб., 1898—1903.

*Кравченко* — «Этнографические материалы, собранные *В. Гр. Кравченко* в Волинской и соседних с ней губерниях». «Труды Общества исследователей Волинии», т. V. Житомир, 1911; т. XII. Житомир, 1914.

- Кругляшова — «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка». Составитель, автор статьи и комментариев В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967.
- Кулиш, Записки — «Записки о Южной России», т. I—II. Издал П. Кулиш. СПб., 1856—1857.
- Кулиш, Предания — «Украинские народные предания», кн. I. Собрал П. Кулиш. М., 1847.
- Игнатий з Никлович — «Казки». Зобрав Игнатий з Никлович. Львов, 1861.
- Левченко — «Казки та оповідання з Поділля. Казки А. Я. Диминського», вип. I—II. Упорядкував М. Левченко. Київ, 1928.
- Манжура — «Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях И. И. Манжуры». Харьков, 1890.
- «Матер. для этногр. Гродн. губ.» — «Материалы для этнографии Гродненской губернии», вып. II. Редактор Е. Р. Романов, Вильна, 1912.
- Милорадович — В. Милорадович. Казки та оповідання, записаные в Лубенщине. Полтава, 1913.
- Никифоров — «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова». Издание подготовил В. Я. Пропп. М.—Л., 1961.
- Ончуков — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908.
- Померанцева, Башк. — «Русское народное творчество в Башкирии». Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957.
- Померанцева, Яросл. — «Песни и сказки Ярославской области». Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958.
- Потявин — «Народная поэзия Горьковской области», вып. I. Составитель и редактор В. Потявин. Горький, 1960.
- Пропп — Никифоров — «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова». В кн.: «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова». Подготовил В. Я. Пропп. М.—Л., 1961, с. 343—380.
- Романов — Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. III, IV, VI. Витебск — Могилев, 1887, 1891, 1901.
- Рудченко — «Народные южнорусские сказки», вып. I—II. Издал И. Я. Рудченко. Киев, 1869—1870.
- РФ — «Русский фольклор» (1956—1968, т. I—XI).
- Садовников — Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.
- Сергпутовский, 1911 — А. К. Сергпутовский. Сказки и рассказы белорусов-полешуков. СПб., 1911.
- Сергпутоўскі, 1926 — А. Сергпутоўскі. Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павета. Менск, 1926.
- Сергпутоўскі, 1930 — А. Сергпутоўскі. Прымхі і забабоны беларусаў-палышкаў з Слуцкага павета. Менск, 1930.
- Ск. Верховины — «Сказки Верховины. Закарпатские украинские народные сказки». Составитель И. М. Чендей. Ужгород, 1970 (2-е изд.).
- Ск. Галицы — «Сказки зеленых гор, рассказанные М. М. Галицей». Запись, составление и редакция П. В. Линтура, И. М. Чендея. Ужгород, 1966.
- Ск. Господарева — «Сказки Ф. П. Господарева». Запись текста, вступительная статья и примечания Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.
- Ск. Гулевича — «Беларускія казкі, запісанныя ад Пятра Гулевіча». Запісаў П. П. Охріменко. Мінск, 1963.
- Ск. Калина — «Закарпатьські казки Андрія Калина». Запис текстов та вступна стаття П. В. Линтура. Ужгород, 1959.
- Ск. Коргуева — «Беломорские сказки, рассказанные М. Коргуевым», т. I—II. Редакция А. Нечаева. Петрозаводск, 1938—1941.
- Ск. Короловича — «Три золотих слова. Казки В. Короловича». Запис текстов та впорядкування П. В. Линтура. Ужгород, 1968.
- Ск. Корольковой — «Русские народные сказки». Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой. Составитель и ответственный редактор Э. В. Померанцева. М., 1969.
- Смирнов — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. I—II. Пг., 1917.

Соколовы — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

СЭ — «Советская этнография».

«Укр. нар. казки» — «Українські народні казки, легенди, анекдоти». Упорядкували Г. Сухобрус, В. Юзенко. За редакцією П. Попова. Київ, 1957.

Худяков — «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова». Издание подготовили В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.—Л., 1964.

Чубинский — П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, т. I, II. СПб., 1872—1878.

Шапкарев — «Сборник от народни старини. Български народни приказки и верования», кн. VIII—IX. Събрал в Македония и издава в Пловдив К. А. Шапкарев. Пловдив, 1892.

Шейн — П. В. Шейн. Материалы для изучения языка и быта русского населения Северо-Западного края, т. II. СПб., 1894.

ЭО — «Этнографическое обозрение».

Яворский — Ю. Я. Яворский. Памятники галицко-русской народной словесности, вып. I. Киев, 1915.

Якимович — «Белорусские народные сказки». Пересказ Алеся Якимовича. Перев. Гр. Петникова. Минск, 1968.

Ястребов — В. Ястребов. Материалы по этнографии Новороссийского края. «Летопись Историко-филологического общества при имп. Новороссийском ун-те», III. Одесса, 1894, с. 59—260.

AT — «The types of the folktale and bibliography Antii Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by Stith Thompson». Second Revision. FFC, N 184. Helsinki, 1961.

Barag — «Belorussische Volksmärchen». Herausgegeben von L. G. Barag. Berlin (1 Auflage — 1966, 5 Auflage — 1971).

Barącz — X. Sadok Barącz. Bajki, fraszki, podania i baśnie na Rusi. Tarnopol, 1866.

BP — «Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm», Bd. I—V. «Neubearbeitet von J. Bolte und G. Polivka». Leipzig, 1913—1932.

Chauvin — V. Chauvin. Bibliographie des ouvrages arabes, vol I—XII. Liege, 1892—1922.

Chetchowski — S. Chetchowski. Powieści i opowiadania ludowe z okolic Przasnysza, cz. I—II. Warszawa, 1889—1890.

Ciszewski — S. Ciszewski. Krakowiaczy. Monografia etnograficzna, t. I—II. Podania. Kraków, 1894.

Federowski — Michał Federowski. Lud białoruski na Rusi litewskiej, t. I, II, cz. 1; t. II, cz. 2 (= III). Kraków, 1897—1903.

Gliński — «Bajarz polski. Zbiór pieśni, powieści i gawęd ludowych», t. I—IV. Opowiadał A. Gliński. Wilno, 1853 (Wyd. 1).

Karłowicz — Jan Karłowicz. Podania i bajki zebrane na Litwie. «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», t. XI. Kraków, 1887; t. XII, 1888.

Kolberg — O. Kolberg. Baśnie z Polesia. «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», t. XIII. Kraków, 1889.

Klich — Edward Klich. Texty białoruskie z powiatu Nowogródzkiego. «Materiały i prace komisji językowej Akademii Umiejętności», t. II. Kraków, 1903.

K (= Krzyż.) — J. Krzyżanowski. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, t. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.

Liungman — W. Liungman. Die schwedischen Volksmärchen. Herkunft und Geschichte. Berlin, 1961.

MAAE — «Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne wydane staraniem Komisji Antropologicznej w Krakowie», t. I—XIV, 1896—1919.

Nowosielski — A. Nowosielski. Lud ukraiński, jego pieśni, bajki, podania, klechdy i t. d., t. I—II. Wilno, 1857.

Pietkiewicz — Cz. Pietkiewicz. Kultura duchowa Polesia rzeczyckiego. Warszawa, 1938.

Weryho — W. Weryho. Podania białoruskie. Lwów, 1889.

ZWAK — «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», t. I—XVIII. Kraków, 1877—1894.

*А. М. Жигулев*

Сравнительное изучение народного творчества славянских народов продолжает оставаться одной из важнейших задач советской фольклористики. Исследования, которые ведутся в этом направлении, дадут возможность определить общие закономерности в развитии устного народного творчества славянских народов, выявить специфические особенности фольклора каждого народа, уяснить ряд важных вопросов генезиса, эволюции жанров, сходства и различия художественных средств, связей фольклора с книжной традицией, его международных связей и т. д. Уже сейчас о плодотворности таких исследований могут свидетельствовать данные, полученные в результате сравнительного изучения южно- и восточнославянского эпоса, песенного и сказочного репертуара различных славянских народов. К сожалению, сравнительное изучение ведется до сих пор непланоно и далеко не охватывает всего комплекса фольклорных явлений. Если взять, к примеру, только проблему жанров и жанрового сходства в фольклоре славянских народов, то вниманием исследователей окажутся обойдены многие жанровые виды, в особенности целые пласты фольклорного материала малых форм. Слабо разработана и методика такого рода исследований. Далеко не всегда методический опыт изучения даже родственных жанров может в данном случае оказаться полезным, не говоря уже о более обособленных по своим жанровым признакам (загадки, пословицы, поговорки и т. д.). Поэтому, приступая к рассмотрению некоторых сходных явлений в тематике, системе изобразительных и выразительных средств, свойственных жанру пословиц в фольклоре славянских народов, автор ограничивается лишь некоторыми своими наблюдениями, не претендуя на полноту и всестороннее освещение темы.

Сходство устного народно-поэтического творчества славянских народов находит объяснение во многом сходным условиям их исторического развития, языковом родстве и тех многосторонних связях, которые, начиная с древнейших времен, неизменно наличествуют на всех этапах славянской истории. Сходство

это проявляется в самых разнообразных формах и охватывает в большей или меньшей степени почти весь фольклорный материал, от родственных явлений в эволюции жанров, сюжетосложения до близких и нередко аналогичных приемов художественной изобразительности и средств выражения. Чертами такого сходства в большой мере обладают и пословицы славянских народов.

Пословицы — один из древнейших жанров устного народного творчества. Их возникновение относится к очень отдаленному времени, некоторые из них появились еще в дописьменный период, многие дошли до нас в древних славянских памятниках, в том числе в «Слове о полку Игореве» и других произведениях древнерусской письменности. Происхождение пословиц неразрывно связано с историей народа, его языком, бытом, моралью. Во всем блеске и совершенстве в них развернулась живость народного ума, смекалка, находчивость, способность подмечать в жизни самые характерные черты. В краткой, но чрезвычайно острой и выразительной форме пословицы ясно и доходчиво передают самые сложные и глубокие мысли, самые тонкие их нюансы, обобщая жизненные наблюдения и многовековой трудовой опыт народа. Сравнительно с другими жанрами, пословицы способны сохранять большую устойчивость и меньше подвергаются трансформации. Это не исключает, конечно, таких довольно нередких явлений, когда одна и та же пословица, бытуя в течение нескольких веков в разных местностях, меняет форму, переосмысливается и распространяется в разных вариантах. Пословица в силу своих специфических свойств (лаконичность, афористичность, легкая запоминаемость) более коммуникативна, обладает большой продуктивностью. Среди славянских народов пословицы имеют широкое распространение и являются одним из наиболее распространенных фольклорных жанров.

Древность пословиц, их устойчивость и незначительная вариативность на протяжении активного бытования нередко затрудняют генетическое изучение, определение места, времени и обстоятельств появления и дальнейшей судьбы той или иной пословицы. К тому же следует иметь в виду, что многие пословицы имеют международное распространение, заимствованы из различных источников, и попытки вычленив их из общего состава и определить действительную этническую принадлежность сопряжены со многими трудностями. Из этого рода попыток следует указать на статью А. К. Рейцак<sup>1</sup>. К международным пословицам она относит ряд пословиц античного времени и средневековья, ряд изречений, взятых из Библии и т. д. Пословица «Одна ласточка не делает весны» встречается, например, у итальянцев,

<sup>1</sup> А. К. Рейцак. Пословицы международного распространения в эстонском и русском языках. «Труды по русской и славянской филологии», X, серия лингвистическая. Тарту, 1967.

французов, есть она и в сборниках пословиц славянских народов. В разных вариантах в сборниках пословиц многих стран встречаются пословицы «Капля по капле и камень долбит», «Паршивая овца все стадо портит», «Яблочко от яблони недалеко падает», «Дерево познается по плоду», «И камень лежа мохом обрастает», «Здоровому врач не надобен», «Повторение — мать учения», «Конец — делу венец», «Правда глаза колет» и некоторые другие. Многие народы считают своей пословицу «Что посеешь, то и пожнешь». В «Книге на четырех языках» (СПб., 1796 г., стр. 266) она приведена, как английская. Встречается она и во многих сборниках славянских пословиц: «Что посеешь, то и пожнешь» (И, 321)<sup>2</sup>, «Що си посаял, него ще поженеш» (С, 623), «Co człowiek siewie, to żać będzie» (А, 492). Есть она в сборниках пословиц народов СССР<sup>3</sup>.

Некоторые из подобного рода пословиц встречаются в произведениях античных писателей. Например, пословицу «В здоровом теле здоровый дух» несколько раз приводил в своих «Сатирах» римский поэт Ювенал, однако вопрос о характере заимствования (поэт у народа или народ у поэта) остается открытым.

Сходство славянских пословиц нетрудно обнаруживается уже при простом сопоставлении соответствующих текстов. Это сходство может носить характер: а) полного смыслового совпадения — ср.: *русск.* «Старость не радость» (Д, 355); *польск.* «Starość nie radość» (А, 521), *болг.* «Старост — нерадост» (М, 418); *русск.* «Язык до Киева доведет» (Д, 407), *польск.* «Język i Kijowa dopuła» (А, 206); *русск.* «Бодливой корове бог рог не дает» (Д, 130), *болг.* «На бодлива крава господ рога не дава» (Д, 130);

б) совпадения по смыслу при разнородности лексического выражения — ср.: *русск.* «Вертится, как сорока на колу» (Д, 515), *польск.* «Kęci się, jak sygan na kiermaszu» (А, 242), *болг.* «Върти са като гъска в мъгла» (М, 110); *русск.* «Десятая вода на киселе» (Д, 389), *болг.* «Седмая водина на квасине» (Д, 389); *русск.* «Будет и на нашей улице праздник» (Д, 55), *польск.* «Przyjdzie słońce i na nasze okółce» (А, 504);

в) сходства в употреблении структурно-композиционных эле-

<sup>2</sup> Здесь и далее в тексте ссылки на источник даются сокращенно: И — И. Илюстров. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. М., 1915; Д — В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957; С — П. Славейков. Български пословици. София, 1954; М — «Българско народно творчество», т. 12. Пословици, поговорки, гатанки. Отбрал и редактирал Цветан Минков. София, 1963; А — S. Adelberg. Księga Przysłów Polskich. Warszawa, 1889—1894; К — «Nowa księga Przysłów i wyrażeń przysłowiowych Polskich pod redakcją Juliana Krzyżanowskiego», т. 1. Warszawa, 1969.

<sup>3</sup> «Мудрость двух народов». Составили А. Кулиев, А. Аннануров, Г. Кулиева. Ашхабад, 1963, стр. 123; «Марийские пословицы, поговорки, загадки». Составил С. И. Ибатов, Йошкар-Ола, 1960, стр. 44.

ментов — ср.: *русск.* «Тит, поди молотить! — Брюхо болит. — Тит, поди кисель ешь! — А где моя большая ложка?» (Д, 505), *польск.* «Dobra kaszka z mlekiem? — Dobra. — A jadleś ją? — Nie, tylko powiedali» (А, 200); *русск.* «Дети, дети, да куда ж мне вас дети?» (Д, 382), *болг.* «Скръбно сърце яде, болно не яде» (С, 527); *русск.* «Труд человека кормит, а лень портит» (Д, 507), *польск.* «Każda łatwa robota, kiedy szczera ochota» (А, 467).

Много сходных черт обнаруживается в славянских пословицах при их сюжетно-тематическом сопоставлении. В этом сходстве нашли выражение многие процессы и общественные явления, общие на различных этапах исторического развития славянских народов, их одинаковые взгляды на окружающую действительность, политические события, природу, социальные отношения людей.

В пословицах славянских народов во многом сходно отражены социальное неравенство людей в досоциалистических формациях, тяжелый подневольный труд и бесправное положение бедняка и произвол помещика, отношения между представителями двух антагонистических классов, например: *русск.* [Бедняк] «Живет в тоске, а спит на голой доске» (Д, 89), «С корочки на корочку перебивается» (Д, 89), *болг.* «Сиромах челяк и от глад спи» (С, 523), «Сиромах челяк с половинка минува» (С, 523), «Сиромах човек с научен на тегло» (С, 223), *польск.* «Na biednych psy głośniej szczekają» (К, 103); *русск.* «Богатый бедному не брат» (Д, 81), «Богатому идти в суд трын-трава, бедному — долой голова» (Д, 169), *болг.* «Чорбаджие чорба ядат, сиромаси сарма ядат» (С, 609), «Богатите ездят, сурмасите в кала върят» (С, 128), *польск.* «Biednemu i krowa się nie polatuje, a bogatemu i byk się ocieli» (К, 102), «Bogacz biednemu nie pomoże» (К, 123).

В русских, болгарских и польских сборниках пословиц вообще не встречается ни одного изречения, где бы содержался положительный отзыв о помещике. Такими же отрицательными чертами даются в пословицах и образы представителей духовенства, в русских и болгарских — попа, в польских — ксёндза. Народные изречения повествуют о моральной нечистоплотности служителей культа, их пьянстве, разврате и алчности. Ср.: *русск.* «Кому тошно, а попу в мошно», «Поповские глаза завидуши, руки загребуши» (И, 136), «Первую мерлушку попу на опушку» (Д, 41); *болг.* «Се е малко на попово око» (С, 514), «Зарекъл са поп да не реже големи порезаници» (С, 216), «На сякого суша, на попа сноп» (С, 364); *польск.* «Ksężę oczy, wilcze gardło, co zobaczy, today żarło» (А, 248), «Księdzu djabeł worek szyje» (А, 248), «Gdzię sig księзя wkręca, to tam biedę wnęca» (А, 247).

Многими чертами сходства объединены пословицы, прославляющие труд человека, порицающие лень, тунеядство и другие пороки, связанные с недобросовестным к нему отношением. Ср.: *русск.* «Труд человека кормит, а лень портит» (Д, 507),



«Хочешь естъ калачи, так не сиди на печи» (Д, 502), «Без труда нет плода» (И, 314), «Горька работа, да сладок хлеб» (И, 315), «Была бы охота, заладится всякая работа» (И, 316), «Без дела жить, только небо коптить» (Д, 500); *болг.* «Трудът е на човека здравие и живот» (С, 574), «Работа на ум учи» (С, 490), «Работа та го краси чоека, а мързата го грози» (М, 379); *польск.* «Kto próźniuje, ten gnije, kto pracuje, ten żyje» (А, 439), «Bez prace nie będą kołaczce» (А, 429), «Praca we wszystko wzbogaca, lenistwo wszystko utraca» (А, 698), «Kaźda łatwa robota, kiedy szczerza ochota» (А, 467).

Такими же чертами близости отличаются и группы пословиц, повествующих о земледелии, его календаре и приметах, крестьянской работе — обработке почвы, уходе за домашними животными, сельском быте. Ср.: *русск.* «Посеешь в погоду — больше приплоду» (Д, 906), «Овес любит хотъ в воду, да в пору» (Д, 908), «Погоняй коня не кнутом, а овсецом» (Д, 942), «Корова на дворе — харч на столе» (Д, 944); *болг.* «Жито жар сякаш че е» (С, 252), «Жито са меле, брашно не пада» (С, 252); *польск.* «Gdy się żyto kłosi, jęczmień siać się prosi» (А, 658), «Chłodny maj — dobry urodzaj» (А, 282), «Kto pole gnoi, biedy się nie boi» (А, 418), «Krowa, która często ruczy, najmniej mleka daje» (А, 243).

Много сходства обнаруживается в русских, болгарских и польских пословицах о знаниях, науке, стремлении людей к просвещению. Например: *русск.* «Ученье свет, а неученье — тьма» (Д, 423); *болг.* «Учен, ама зле научен» (С, 588); *польск.* «Nauki woda nie zabierze, a ogień nie spali» (А, 330), «Nauka na złe gadzi» (А, 329).

То же самое можно сказать о группе пословиц, носящих характер суждений, утверждений, обобщений, которые дают оценку событиям и явлениям<sup>4</sup>. Ср.: *русск.* «Мудрость в голове, а не в бороде» (Д, 315); *польск.* «Wroda nie czyni mądrego» (А, 41); *русск.* «Семь раз примерь, один раз отрежь» (Д, 669), «Dziesięć gazu mierz a raz krajaj» (А, 304); *болг.* «Кови желязото доде е светнало» (С, 300); *польск.* «Kuj żelazo, róki gogaće» (А, 650).

В сборниках русских пословиц есть много народных изречений, связанных с нашествием татар, вторжением войск Наполеона и других иноземных пришельцев. Уже в первом рукописном сборнике, записи которого относятся к концу XVII века, о татарском нашествии имеются такие: «Гонец из Крыму, что таракан из дыму»<sup>5</sup>, «Рано татарам на Русь итти» (стр. 136),

<sup>4</sup> Этот вопрос хорошо освещен в статье Н. И. Кравцова «Болгарские народные пословицы» («Уч. зап. Тамбовск. гос. пед. ин-та», вып. IV, Тамбов, 1951).

<sup>5</sup> «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и подготовил к печати Павел Симоны», вып. I. СПб., 1899, стр. 92 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

«Тетива порвется и татарин не бьется» (стр. 143), «Татарскому мясоеду конца нет» (стр. 143), «Ешь медведь татарина, а оба не надобе» (стр. 160). В сборнике В. Даля встречаются такие пословицы о нашествии татар: «Каков хан, такова и орда», «Где хан, тут и орда» (Д, 247).

С русским циклом пословиц о татарском нашествии тематически сближается большая группа болгарских пословиц о турецком иге<sup>6</sup>. И те и другие запечатлели одинаковые чувства ненависти русских и болгар к своим поработителям, горечь поражения и презрение к чужеземным грабителям и насильникам: «Турците са куча вера», «Турците със сила, гърците с книга докарали са ни до този хал», «Турчин видиш ли, пари иска; други видиш ли — и той пари», «Турчин и калугер са двама върли оберници — един със сила, други с молитва», «Турчин и куче се едно е», «Турчин като забогатее — жена зима, а българин — къща прави», «Турчин, като не намери кокошка, и сврака ядва», «Турчин побратим и калугер девер не хващай», «Турчин приятел недеи има», «Турчин просо купува, кадъна му хортува: «Ща ти й, аго, това просо, малко ли си нямали, пълно гърне до гърло, няма вътре ни зърно», «Турчин със сила, поп с молитва, за нас нище не остана», «Турчину достлука на коляното му», «Турчину са не показвай, гърку са не подмазвай», «Турчинът гледа три работи: гърбът си, гърлото си и кефът си» (М, 450).

Принципы построения русских пословиц и поговорок во многом являются сходными с пословицами болгарскими, польскими и пословицами других славянских народов. Народные изречения отличаются максимальной сжатостью, отточенностью. Выразительность достигается в первую очередь за счет тропов. В основе тропов лежит употребление слов в переносном смысле, сопоставление близких друг к другу явлений и фактов. Такое двухплановое значение слово приобретает в том случае, когда свойства какого-либо одного известного предмета или явления переносятся на основе сходства на другой предмет или явление. Именно это обстоятельство возбуждает воображение и вызывает наглядное представление о предмете, обогащает их новыми оттенками. Многие пословицы благодаря тропам могут приобретать по несколько значений, могут быть применимы к ряду случаев: ср. *болг.*: «На българин умът иде я кога бяга, я кога ляга» (С, 354), «На главата има нещо, а в главата няма нищо» (С, 356); *русск.*: «От одного берега отстал, а к другому не пристал» (Д, 473), «Ни рыба, ни мясо — ни кафтан, ни ряса» (Д, 473); *польск.*: «Pradwa, jak oliwa, na wierzch wychodzi» (А, 433), «Praca z ochotą przerabia słomę w złoto» (А, 430), «Kto nie chce pracować, ten

<sup>6</sup> Большое внимание этим и другим пословицам с исторической тематикой уделено в работе: Ц. Вранска. Българските народни пословици с историческата тематика в сравнение с пословиците на останалите славянски народи. — «Славянская филология», т. III. М., 1958.

jeść nie powinien» (А, 483); «Мądrość przychodzi z laty, acz nie każdy mądry, kto brodaty» (А, 294).

Наиболее распространенным тропом является *сравнение*. В пословицах и поговорках сравнения очень разнообразны и по содержанию, и по форме, и по функции. Сопоставляя окружающие явления и предметы, народ стремился к простоте, ясности и точности. Во многих случаях это достигается при помощи служебных слов. Таковы пословицы, образованные при помощи союзов: *русск.*: «Как коза, на кровлю мостится» (Д, 477), «Как слепой, по пряслу бродит» (Д, 273), «Мужик богатый — что бык рогатый» (Д, 84), «Засел, как гвоздь в стене» (Д, 514), «Трясется, как лист на осине» (Д, 273); *болг.*: «Беснее като магаре от конски мухи» (М, 81), «Гледа като орел на мърша» (С, 175), «Като писано яйце го гледа» (С, 296); *польск.* «Jak z kozła: ni mleka, ni wełny» (А, 235), «Jak kamień w wodę wrzucił» (А, 196), «Kręci się, jako wiatr w polu» (А, 242), «Akuratny, jak zegarek» (К, 12), «Ma się, jako pączek w maśle» (А, 302), «Kłamie, aż belki trzeszczą», «Kłamie, aż uszy puchną» (А, 209).

Некоторые пословицы или поговорки начинаются глаголом *вертится*, за которым следует служебное слово *как*: *болг.* «Върти са като ўлава кокошка» (С, 166), «Върти се като пила без глава» (М, 110), «Върти се като у глава ударен» (М, 110), «Върти са като гъска в мъгла» (М, 110); *русск.* «Вертится как на шиле» (Д, 515), «Вертится, коробится, как береста на огне» (Д, 515), «Вертится, как сорока на колу» (Д, 515); *польск.* «Kręci się, jak koło na osi», «Kręci się, jak cygan na kiermaszu», «Kręci się, jak kot z pęcherzem», «Kręci się, jak kura z jajem» (А, 241), «Kręci się, jak na zawiasie» (А, 242), «Kręci się, jak pies na weselu», «Kręci się, jak pijawka w soli», «Kręci się jak piskorz» (А, 242).

Много пословиц и поговорок образовано со служебными словами *равно, хуже, лучше, будто* и др.: *болг.* «Работната снаха по-драга от своя мома» (С, 491), *русск.* «Дождливое лето хуже осени» (Д, 921), «Заработанный ломоть лучше краденого каравая» (Д, 160), «Лучше свое поберечь, чем чужое прожить» (Д, 108), «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою» (Д, 96); *польск.* «Lepszy koniec, niż początek» (А, 217), «Lepsza brzydka łatka, niż piękna dziura» (А, 272), «Lepiej milczeć, niż źle mówić» (А, 307), «Lepiej mierzyć, niż wierzyć» (А, 304), «Zły mąż gorszy jak wąż» (А, 297).

Иногда в одной пословице или поговорке заключено два сравнения: *болг.* «Работи како кон, се инати како камыла» (М, 379), «Прилича му като на свиня звънец и на тиква обръч» (С, 478); *русск.* «Работает, как ребенок, а ест, как детина» (Д, 504); *польск.* «Wielki jak dąb, a głupi jak głąb» (А, 706).

Характерным для многих пословиц является перенесение некоторых черт животных на человека: *болг.* «Загледал се като теле у шарена врата» (М, 179); *русск.* «Прост, как дрозд» (Д, 436),

«Смотрит, как баран в гумно» (Д, 438); *польск.* «Kosmaty jak niedźwiedź» (А, 228), «Kęci się jak wąż» (А, 242), «Kryje się, jak żółw w skorupie», «Krzyczy, jak czajka» (А, 245).

Известно, что в народной поэзии и в народном понимании каждое животное имеет свои характерные черты: заяц — трус, лиса — хитра, волк — всегда голоден и особенно хищный, медведь — неповоротлив и неуклюж, но сильный, кошка — блудлива, осел — глуп и упрямый, теленок — со всеми ласков и т. д. Именно эта отличительная черта животного в народном понимании служит показателем для сравнения: *болг.* «Гладен като вълк» (М, 116); *русск.* «Глуп, как осел» (Д, 436), «Труслив, что заяц, блудлив, что кошка» (Д, 946), «Голоден, как волк» (Д, 805), «Лиса семерых волков проведет» (Д, 947); *польск.* «Lękliwy jak zając» (А, 263), «Nie przez jedną dziurę wchodzi lis do jamy» (А, 265).

Столь же широко распространенным видом тропа в пословицах является *метафора*. Метафоры часто употребляются по сходству, как бы переносят на данный предмет признаки другого предмета, сходного с ним отдельными чертами или сторонами. Еще Аристотель говорил, что «слагать хорошие метафоры, значит подмечать сходство». Сходство бывает самое различное. Оно может быть внешним, например, по форме, по цвету, по характеру, по движению. Сходство может быть по функциям, поступкам, повадкам, по качеству, по материалу, из которого сделан предмет и т. д. В пословицах встречаются все виды метафор. Вот несколько метафорических пословиц и поговорок: *болг.* «Есен богата, зима рогата» (М, 170); *русск.* «Лошадь человеку крылья» (Д, 941); *польск.* «Jeżeli spaść. to z dobrego konia» (А, 219).

Метафора в пословицах и поговорках может выражаться прилагательным, глаголом, существительным и другими частями речи. Часто, например, встречается глагол-метафора: *русск.* «Скотину гладь не рукой, а мукой» (Д, 941), «Удить золотой удой» (Д, 81). Как и в произведениях художественной литературы, метафора в пословицах и поговорках может быть простой, состоящей из одного меткого выражения, и развернутой, состоящей из нескольких предложений. Вот несколько пословиц, содержащих простую метафору: *болг.* «Орало и мотика хранят света» (С, 408); *польск.* «Piękna klatka nie żywi ptaka» (А, 207). К сложным метафорам, состоящим из нескольких выражений или предложений, относятся такие: *болг.* «На богатия колата излизат въз баиря, а на сиромахът не могат» (С, 354); *русск.* «Встань мужа кормит, а лень портит» (Д, 507), «Не бей в чужие ворота плетью, не ударили бы в твои дубиной» (Д, 130); *польск.* «Gdzie jedna kość, a dwa brzytany, tam pokój nieznanu» (А, 231).

Иногда метафора содержит сравнение. Иногда сравнение переходит в метафору, и в таких случаях трудно установить грань между ними. Разницу между этими тропами пытался установить еще Аристотель. Он писал: «Когда поэт говорит об Ахилле: «Он

ринулся, как лев» — это есть сравнение. Когда же он говорит: «Лев ринулся» — это есть метафора: так как оба — Ахилл и лев — обладают храбростью, то поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла львом».

Метафора придает образу особую колоритность. Так, об изворотливом ловкаче и пройдохе говорится: *болг.* «Обичат мътната вода» (С, 398); *русск.* «Он как оса лезет в глаза» (Д, 307), «На обухе рожь молотит, зерна не уронит» (Д, 426), «Одной шапкой двоих накрыл» (Д, 426), «Он по яйцам пройдет, ни одного не раздавит» (Д, 427); *польск.* «Umie i z kamienia łyka obłupić» (А, 197).

Многие пословицы и поговорки являются целиком метафорическими. Все славянские пословицы условно можно подразделить на три основные группы. К первой можно отнести те, которые употребляются только в переносном, метафорическом значении. Например, «На кнуте далеко не уедешь». Она полностью метафорическая. В прямом смысле ее никто никогда не понимал. Когда мы говорим, что на кнуте далеко не уедешь, то этими словами мы хотим сказать, что надо лошадь кормить, тогда можешь на ней ехать. Только в переносном значении употребляются такие метафорические пословицы: *болг.* «Старият вол подълбоко оре» (М, 418); *русск.* «Всякая сорока от своего языка погибает» (Д, 948), «Под лежач камень и вода не течет» (Д, 277), «Даровому коню в зубы не смотрят» (Д, 579); *польск.* «Darowanemu koniowi nie patrzy w zębu» (А, 218), «Dziurawej kieszeni nigdy nie papelnisz» (А, 205).

Ко второй группе можно отнести пословицы и поговорки, которые употребляются как в переносном значении, так и в прямом: *русск.* «Долг платежом красен» (Д, 535), «Большому кораблю большое и плавание» (Д, 620), «Волка бояться, так в лес не ходить» (Д, 269); *польск.* «Војас się wilka, do lasa nie iść» (А, 257).

Третью группу составят пословицы и поговорки, которые употребляются только в прямом значении: *русск.* «Просо полоть — руки колоть» (Д, 511), «Лен две недели цветет, четыре недели сплет, на седьмую семья летит» (Д, 910); *польск.* «W kwiecień pasienie miej, orz, bronj i siej» (А, 686), «W listopadzie goło w sadzie» (А, 687).

К числу средств, усиливающих экспрессивность пословиц и поговорок, относится *метонимия*. Она образуется не путем сопоставления сходных предметов, явлений и их признаков, а способом сближения предметов и явлений, отличных друг от друга, но находящихся в связи между собой.

Почти все виды метонимий можно встретить в народных изречениях: *болг.* «Орало и мотика хранят света» (С, 408). «На въз вода плува» (С, 355); *русск.* «Вали на серого — серый все свежет» (Д, 187); *польск.* «Więcej ludzi utonęło w kieliszku, niż w

morzu» (А, 204), «Książdz żyje z ołtarza, pisarz z kałamarza» (А, 248).

Видом метонимии является *синеκδοха*, которая построена на количественных отношениях: часть называется вместо целого, единственное число — вместо множественного, множественное число — вместо единственного. Часто синеκδοха переходит в метонимию и наоборот. Бывает такое сочетание слов, при котором трудно, а иногда невозможно разграничить, отличить метонимию от синеκδοхи. Например: «Посеешь крупным зерном, будешь с хлебом и вином» (И, 321). Слово *зерно* — единственного числа, но употреблено оно в значении множественного. Собирательными словами являются *нужда*, *бедность*, *голь* и т. д.: *русск.* «Бедность плачет, богатство скачет» (Д, 83), «Нужда вежлива, голь догадлива» (Д, 92); *болг.* «Сиромашия и телци пасае» (М, 406).

Пословиц и поговорок, выражающих количественное понятие, известную величину, довольно много. Эти фразеологические обороты относятся к синеκдохе по разным признакам: *болг.* «Три циганки, цяло хоро» (С, 573), «Трима едного не чакат» (С, 573); *русск.* «Семеро одну соломинку поднимают» (Д, 503), «Семеро одного не ждут» (Д, 122); *польск.* «Gdzie dwóch sie kłóci, tam trzeci korzysta (wygrywa)» (А, 210), «Jeden kot stada myszy się nie boi» (А, 231).

В пословице «Отца с сыном и царь не рассудит» (И, 300) форма суждения основана на синеκдохе потому, что говорится об одном отце и сыне, а подразумеваются все спорящие отцы и сыновья.

Широко в пословицах и поговорках распространено *олицетворение*, когда природные явления и растения наделяются способностями и чувствами человека: *русск.* «Осень говорит: «Я поля уряжу»; весна говорит: Я еще погляжу» (Д, 913), «Рожь говорит: «Сей меня в золу, да в пору!» «Овес говорит: «Топчи меня в грязь, так буду князь!»» (Д, 906); *польск.* «Wiosna mówi: «urodzą», lato mówi: jeśli nie przeszkodzę» (А, 599), «Drzewina pęka, owies w ziemi stęka» (А, 367). То же наблюдается и в отношении животных, птиц и неодушевленных предметов: *русск.* «Свинья скажет борову, а боров всему городу» (Д, 414), «Бумага терпит, перо пишет» (Д, 419), «Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим маслом родилась» (Д, 732); *польск.* «Kasza hraszana sama siebie chwali» (А, 683), «Każda sroczka swój ogonek chwali» (А, 518), «Wilk wilka chwali» (А, 597), «Każda myszka swój ogonek chwali» (А, 323).

Пословицы и поговорки богаты *иронией*, благодаря которой высмеиваются лень, глупость и другие человеческие пороки: *болг.* «Отишел да оре, ралото си забравил» (М, 335), «Три бука за две вретена» (С, 573), «За хатъра на вола ближи вълка хомотя» (С, 256), «Мързи го да шавне» (М, 261), «Мързеливият пророк става» (М, 261); *русск.* «Что делаешь? — Ничего. — А он что? — По-

могать пришел» (Д, 504), «Кнуты вьет да собак бьет» (Д, 501), «Ехал в Казань, а заехал в Рязань» (Д, 449), «Все кузни исходил, а не кован воротился» (Д, 460); *польск.* «U każdego majstra złote ręce, ale wilcze gardło» (А, 283), «Malujesz, jak pies ogonem» (А, 284), «Martwi się o niezniesione jajko» (А, 289), «Mędrzec, ale tylko brodą, nie uczynkiem» (А, 298), «W wilka mierzył, w cielę uderzył» (А, 305), «Nie kpij ty z Mikity, bo Mikita taki kiej jak i ty» (А, 307), «Kto w Polsce głupi, ten w Rzymie sobie rozumie nie kupi» (А, 486).

*Гипербола* также присуща всем жанрам устного народного творчества, в том числе и пословицам: *болг.* «Сговорна дружина планина повдига» (М, 398); *русск.* «Взглянет, так лес вянет» (Д, 272), «Борода с ворота, а ума и с прикалиток нету» (Д, 315), «Глаза, что плошки, а не видят ни крошки» (Д, 317); *польск.* «Kinie, aż trawa schnie» (А, 207), «Z komara zrobili woła» (А, 216), «Co krok — rzeka» (А, 242), «Był bal, aż psy deski lizały» (К, 53).

Гипербола в народных изречениях усиливает впечатление и заостряет внимание, ее функция состоит в том, чтобы подчеркнуть те или иные признаки.

Так, говорится: «Сучок в кулаке сожмет, так вода пойдет» (Д, 397), «Человека узнаешь, когда с ним пуд соли ложкой расхлебашь» (Д, 305); *польск.* «Chcąc poznać przyjaciela, trzeba z nim beczkę soli zjeść» (А, 446). Некоторые пословицы и поговорки содержат преувеличение поступков и действий: *русск.* «Ласковое слово и кость ломит» (Д, 418); *польск.* «Łże, aż ściany schną» (А, 275), «Łgarz i po suchym piasku popłynie» (А, 275), «Drze łyka kędy może i z drzewa suchego» (А, 277), «Ubogiemu kawał chleba, to most do nieba» (А, 569).

Есть много пословиц и поговорок, в которых преувеличено количество: «Семеро одну соломинку подымают» (Д, 503), «Мужик богатый, гребет деньги лопатой» (Д, 80). Во многих пословицах гипербола образуется путем сравнения, сопоставления, при помощи связующих слов — *как, что, точно, подобно* и т. д.: «Вдыхает так, что леса клонит» (Д, 143), «На обухе рожь молотит, зерна не уронит» (Д, 426). В некоторых так преувеличено действие, что пословицы и поговорки с преувеличением содержат еще иронический оттенок: «Он из песку веревки вьет» (Д, 426).

Противоположным гиперболе тропом является *литота*, образное выражение, с преуменьшением силы, величины, значения, действия: *болг.* «Педа човек, лакот брада» (М, 346); *русск.* «Его муха крылом перешибет» (Д, 398), «Избушка на курьих ножках» (Д, 590), «Мальчик с пальчик» (Д, 549). Некоторые пословицы и поговорки, образуемые на основе литоты, имеют сравнительный характер: *болг.* «Яде като мечка, а работи като буболечка» (М, 500), *русск.* «Тош, как хвощ» (И, 435). Есть и такие

пословицы, где гипербола сочетается с литотой. По принципам художественной антитезы, в них сопоставляется чрезвычайно большое с чрезвычайно маленьким: *русск.* «Старичок с кувшин, борода с аршин» (Д, 316), «Mały jak palec, a zły jak padalec» (А, 285).

Таким образом, приведенные виды тропов усиливают образность, способствуют глубокому раскрытию содержания, делают пословицы и поговорки более меткими и убедительными. И это является характерным для всех славянских пословиц и поговорок.

Кроме средств художественного изображения, пословицы и поговорки обладают богатыми *выразительными средствами*. К ним относятся синтаксические фигуры: антитеза, градация, обращение, риторический вопрос, повторение, анафора, параллелизм, ускорение или замедление речи и другие.

Одной из синтаксических фигур является *антитеза*, основанная на употреблении слов — антонимов. Здесь сопоставляются противоположные явления, которые как бы взаимно контрастируют, выделяя друг друга. Правде противопоставляется ложь, трусости — смелость, злomu — добрый, ленивому — трудолюбивый, тьме — свет, глупому — умный, старому — молодой, голодному — сытый, слабости — крепость, горю — радость, слезы — веселье, черное противопоставляется белому, маленький — большому и т. д.

Глубоки по своему содержанию пословицы, в которых сопоставляются правда и ложь: *болг.* «Правдината с потикване, кривдината с политване» (С, 470); *русск.* «Лжей много, а правда одна» (И, 125); *польск.* «Daleko jest kłamstwo od prawdy» (А, 209), «Kłamstwo przeminie, prawda nie zginie» (А, 210).

Антитеза в пословицах и поговорках основана на различных противопоставлениях: *болг.* «В малко село голяма врява» (С, 144); *польск.* «Dobry adwokat, zły sąsiad» (К, 8), «Klin mały wielkiemu ustępuje» (А, 208), «Koniec zły (sprośny) dobre (piękne) rzeczy psuje (szpeci)» (А, 217), «Młody kón do boju, a stary do gnoju» (А, 223), «Kto wysoko lata, ten zazwyczaj nisko upada» (А, 258). Противопоставление по цвету: «Черная коровка дает белое молочко» (Д, 474); противопоставление по отношению к делу: «Все скоро сказывается, да не все скоро делается» (Д, 410); противопоставления по качеству: «Не ладно скроен, да крепко шит» (Д, 464); противопоставления по уму и разуму: «Глупый осудит, а умный рассудит» (Д, 466); противопоставление по количеству: «Труда много, а добычи мало» (Д, 467). Самые разнообразные противопоставления встречаются в польских пословицах: «Kto mało mówi, więcej działa» (А, 319), «Obelgi zapisuj na piasku, a dobrodziejstwa na miedzi» (А, 346), «Mądry obiecuje, głupi się raduje» (А, 347), «Obrazić łącno, przejednać trudno» (А, 349), «Ogłosu siła, rzeczy mało» (А, 354).



Широко распространено в пословицах противопоставление по возрасту: *русск.* «Старик, да лучше семерых молодых» (Д, 353), «Молодость плечами покрепче, старость головою» (Д, 358), «Молод годами, да стар умом» (Д, 358); *польск.* «Młodości doświadczenia, a starości sił brakuje», «Przyłაცisz w starości rozpustnej młodości», «W młodości, radzę, muśl o starości», «Znać w młodości, co ma być w starości», «Czego się młody nie uczy, tego stary nie umie», «Czego się uczy młody, wykonywa stary», «Gdzie młody nie doskoczy, tam stary dolezie», «Lepszy (milczy) młodego uśmiec, niż starego całus», «Milczeń młodemu cudniej, niż wiele mówić», «Młodemu praca, staremu lata ciężą» (А, 313), «Młody, aleby starego nauczył», «Młodym będąc, pamiętaj że starym będziesz» (А, 314).

Иногда на основе слов — антонимов в пословицах и поговорках образуется *оксиморон* — оборот, состоящий из резко противоречивых по смыслу признаков: *болг.* «Обичат са като куче и котка» (С, 398); *русск.* «Просят покорно, наступя на горло» (Д, 833), «Погладили — мутовкой по головке» (Д, 144), «Легко ранили — и головы не нашли» (Д, 401); *польск.* «Ładna: żeby ją do wody wpuścił, toby się raki zlekły» (А, 270), «Odważny, jak zając w kapuście» (А, 353).

Часто в пословицах встречаются приемы *градации*: *болг.* «Един пече яйцето, други седи да го варди, трети иде изяде го» (С, 241); *русск.* «Шелк не рвется, булат не сечется, красное золото не ржавеет» (Д, 80), «Одному мигнул, другому кивнул, а третий сам догадывайся» (Д, 485), «Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку» (Д, 387); *польск.* «Komin niewytarty, dom niezawarty, świeca bez latarni, to porządek jak w psiarni» (А, 216), «Małys-boisz się Cygana, podrośniesz — miśkarza i kominiarza, w sile wieku — diabła i baby, a na starość śmierci i grabarza» (К, 48). Градация создается иногда несколькими яркими эпитетами и определениями: «У меня хлеб чистый, квас, кислый, ножик острый: отрежет гладко, поедим сладко» (И, 417).

Одним из видов градации в пословицах и поговорках является *перечисление*: *болг.* «Едно ражданье, едно кръщение, едно венчало, една смърт» (С, 244), «Дъжд иде, слънце пече, дяволът са жени» (С, 236); *русск.* «В лесу не дуги, в копнах не хлеб, в долгу не деньги» (Д, 651), «Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором» (Д, 658); *польск.* «Nie rzucaj kamukiem, konia nie bij rzemukiem; nie mierz strzelbą do nikogo — bo możesz przypląć drogo» (А, 196), «Koiń na żelazo, lew na ogień, wilk na powróż — nieradzi nacierają» (А, 221).

Как показывают наблюдения, большинство обращений в пословицах и поговорках построено в вопросительной и восклицательной форме: *русск.* «Кстати бранись, кстати мирись!» (Д, 266),

«Вот тебе, бабушка, Юрьев день!» (Д, 897), «Что за шум, а драки нет?» (Д, 516), «Gospodarzu, już czas: koniczyna gdyby las» (А, 217), «O czym myślisz, o czym? — O gniazdeczku sroczytm» (А, 691). Некоторые народные изречения с обращениями построены в форме диалога и носят ярко выраженный иронический характер: *польск.* «Leniu, nać jaje. — A czy obłupione?» (А, 261), «Dlaczego tak chodzi wspak? — Wo i jego ojciec chodził tak» (А, 461); *русск.* «Тит, поди молотить! — Брюхо болит. — Тит, поди кисель есть! — А где моя большая ложка?» (Д, 505); *польск.* «Maćku, wstawaj do roboty! «Kiejem chory». Maćku, chodź jeść. «A gdzie moja wielka łyżka?» (А, 279); *русск.* «Лень, отвори дверь, сгоришь! — Хоть сгорю, да не отворю» (Д, 505); *польск.* «Dobra kaszka z mlekiem? «Dobra». A jadłeś ją? «Nie, tylko po-wiadali» (А, 200).

Встречается в пословицах и *риторический вопрос*. Он рассчитан на то, чтобы привлечь внимание, в нем вместе с вопросом одновременно дается и ответ: *болг.* «Гора без криво дърво бива ли?» (С, 178), «Дяволът на себе си добро не е направил, че на тебе ли?» (С, 238), «На вълкът в ръцете да падне овца, излязва ли цяла?» (С, 856); *русск.* «Аль я хуже людей, что везде стоя пью?» (Д, 63), «На что прясть, коли готового страсть?» (Д, 510); *польск.* «Са rap rapu uczyni?» (А, 317); «Czy żłób do konia, czy koń do żłobu idzie?» (А, 651).

Есть много пословиц и поговорок, основанных на *повторении* отдельных слов, несущих главную смысловую нагрузку. Повторение в пословицах и поговорках имеет несколько видов: свободное повторение, единоначатие, концовка (эпифора), сплетение, параллелизм и другие виды. Оно часто находится в начале и конце предложения, иногда служит сплетением одной фразы с другой, может в пословицах повторяться какой-либо предлог или какая-то часть речи. Например: *болг.* «Свинята всякого си е свиня» (С, 512), «Сяко зло влачи по себе си и друго зло» (С, 550); *русск.* «От добра добра не ищут» (Д, 157), «Что черно, что бело, вызолоти — все одно» (Д, 174); *польск.* «Łata na łacie, a w łacie dziurka» (А, 272).

Приводимые ниже примеры показывают, что в народных изречениях широко распространено свободное повторение, в котором повторяющиеся слова находятся обычно в середине предложения: *болг.* «Дето има много мед, там и много пипер» (С, 218), «За водата пари не ище, а без пари не иде» (С, 253); *русск.* «Не верь гречихе на цвету, а верь закрому» (Д, 909), «Рожь две недели зеленился, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливают, две недели подсыхает» (Д, 907). Свободное повторение дает возможность выразить всю полноту мысли: *русск.* «Не то хорошо, что хорошо, а то, что к чему идет» (Д, 123), «Не то худо, что худо, а то, что никуда не годится» (Д, 123); *польск.* «Gdzie najwięcej kłótni, tam najwięcej miłości» (А, 211), «Od konika do pożyka, od pożyka do konika» (А, 236).

Видом повторений в пословицах и поговорках является *анафора*, когда повторяемые слова стоят в начале предложения: *болг.* «Човек е човек, човек е и магаре» (С, 608); *русск.* «Лишние деньги — лишняя забота» (Д, 83), «Люби пар, люби и угар» (Д, 194); *польск.* «Złe kolo i zła głowa najwięcej robią hałasu» (А, 215), «Dobry kucharz, dobry lekarz» (А, 250), «I ten złodziej, co kradnie i ten, co złodziejowi drabinę trzyma» (А, 240).

Этот прием придает народному изречению эмоциональную окраску: *болг.* «Кога, кога, че никога» (С, 302), «Кряка, кряка, па кляка» (С, 326), «Мели, мели брашно не пуша» (С, 342); *русск.* «Пели, пели, да есть захотели» (Д, 824), «Играть играй, да дело знай» (Д, 825), «Жаль, жаль, а пособить нечем» (Д, 128). Несколько иначе повторяются слова в таких народных изречениях: *болг.* «Един работи за хилядо, а хилядо за едного» (С, 241); *русск.* «По добру — добро, а по худу — худо» (Д, 126), «Ворон ворону глаза не выклюнет» (Д, 772), «Беда беду накликает» (Д, 61); *польск.* «Bieda biedę rodzi» (К, 93), «Koniec z końcem się nie schodzi» (А, 217), «Kropla do kropki, będzie morze (wiadło)» (А, 242), «Krzywe krzywego nie prostuje» (А, 246), «I kamień na kamieniu nie pozostał» (А, 196).

Пословицы и поговорки, как видно из ниже приводимых примеров, могут быть построены и на парных повторениях: *болг.* «Лико с лико, ремик с ремик» (С, 333); *русск.* «Дружба дружбой, а служба службой» (Д, 251), «Друг другу терем ставит, а недруг недругу гроб ладит» (Д, 772), «Живет не живет, а проживать проживает» (Д, 254), «Алмаз алмазом режется, вор вором губится» (Д, 632); *польск.* «Koi z koniem, wól z wołem» (А, 222). Есть и такие изречения, где слова повторяются несколько раз: *болг.* «Да ма лае, което не ма познава, не ма е яд, ами ма лае, което ма познава» (М, 133), «Да ма ритне кон барем, не еще ма е яд, а то ма рита краставо магаре» (С, 195); *русск.* «Хоть пой, хоть плачь; хоть вплавь, хоть вскачь» (Д, 841), «Где скоком, где летом, где бочком, а где и ползком» (Д, 426), «Едет беда на беде, беду бедой погоняет» (Д, 61); *польск.* «Bieda, na biedzie jedzie i biedą pogania» (К, 94), «Kasza w niedzielę kasza w poniedziałek; my do szkoły, kasza za nami; my do domu, kasza za nami» (А, 200), «Stara księga, stara prawda i stare wino zawsze dobre» (А, 249).

Противоположностью анафоры является *эпифора* или *концовка*, когда повторяются слова или несколько слов, стоящих в конце предложения: *болг.* «Скръбно сърце яде, болно не яде» (С, 527); *русск.* «Свинья хрю, и поросята хрю» (Д, 179), «Дети, дети, да куда ж мне вас дети?» (Д, 382); *польск.* «Nie było nas, był las; nie będzie nas, będzie las» (А, 257).

Широко применяется в пословицах и поговорках *синтаксический параллелизм* — сопоставление двух и более явлений путем параллельного их изображения: *болг.* «Кой що работи честно,

ке живеит по-лесно» (М, 223); *русск.* «Добрая земля — полная мошна; худая земля — пустая мошна» (И, 320); *польск.* «Gdzie kaczka, tam i praczka» (А, 194), «Jaka kokosz, takie jajko» (А, 213), «Kiedy urodziła leszczyna, to urodzi i jarzyna» (А, 262). Есть пословица: «Хорош тот, кто поит да кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит» (Д, 134). Здесь дано уточнение, пояснение по сходству двух явлений. Подобных сопоставлений в пословицах много: *русск.* «Мал золотник, да дорог; велик пень, да дупляст» (Д, 546), «Поговорка — цветочек, пословица — ягодка» (Д, 971); *польск.* «Jaki kogzeń, taka pać; taka sórka, jaka tać» (А, 228), «Co kapelus, to głowa, a co głowa, to rozum» (А, 197).

Противоположным повторению по характеру, по синтаксическому строю является так называемое *умолчание*. Оно широко распространено в пословицах и поговорках. При умолчании опускаются слова, а иногда и целые сочетания слов: *русск.* «Доброе начало — половина дела» (Д, 495), «Пролениться — и хлеба лишиться» (Д, 503); *польск.* «Koi dobry — zdrowie ludzkie» (А, 221), «Lekarstwo gorzkie — zdrowe» (А, 259).

Яркость и образность пословиц и поговорок в ряде случаев достигается и при помощи такой синтаксической фигуры; как *бессоюзие*. Опущение соединительных союзов в предложениях, образующих пословицы и поговорки, придает народным изречениям убыстренный темп, энергичность: *болг.* «Орай, копай, рани се; со грабене не обогатуй се» (С, 408); *русск.* «Глаза видят, брюхо просит, язык скажет, руки сгребут» (Д, 235), «Трижды человек дивен бывает: родится, женится, умирает» (Д, 303), «Голова с поклоном, язык с приговором, ноги с подходом, руки с подносом» (Д, 311); *польск.* «Konia ślepego, chłopą starego, brzydkiej jejności nikt nie zazdrości» (А, 220), «Łysemu grzebień, ślepemu zwierciadło, głuchemu piszczyk nie pomaga» (А, 278).

Противоложной фигурой бессоюзия является *многосоюзие*: *болг.* «Ни сиромахът, ни думата му, ни душата му» (М, 300); *русск.* «Ни уса, ни бороды, ни сохи, ни бороны» (Д, 88), «И двор, и вор, и лес, и бес» (Д, 846), «И клочит, и валяет, и гладит, и какает» (Д, 411), «Ни шубеного, ни дубленого, ни нарядного, ни обрядного, ни мешаного, ни печеного» (Д, 105); *польск.* «Ani be, ani me, ani kukuryku» (К, 30), «I łąka i mała, i gybu i grzyby» (А, 273).

В данной статье затронута лишь часть большой, малоизученной проблемы, относящейся к сходству тематики и поэтики пословиц и поговорок, их художественных особенностей. Дальнейшая работа по изучению пословиц и поговорок — одна из актуальных задач славянской фольклористики.

## СОДЕРЖАНИЕ

---

Введение	3
Южнославянский эпос и проблемы сербского средневековья <i>Е. П. Наумов</i>	5
Мотивы убийства вражеского царя в былинах и в косовских песнях <i>С. Н. Азбелев</i>	53
Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славян- ском эпосе <i>Б. Н. Путилов</i>	75
Сходные описания в славянских эпических песнях и их зна- чение <i>Ю. И. Смирнов</i>	95
Композиционный анализ польских колядных обрядовых песен <i>Л. Н. Виноградова</i>	124
О музыкальных параллелях в песнях Южной России и Юго-Западной Болгарии <i>С. Н. Кондрагьева</i>	158
О значении славянского фольклора для исследования бал- канской эпической общности <i>Ю. И. Смирнов</i>	171
Сюжеты и мотивы белорусских волшебных сказок. (Систе- матический указатель) <i>Л. Г. Барак</i>	182
Сходство славянских пословиц <i>А. М. Жигулев</i>	236

1 p. 11 к.

